

Санкт-Петербургский институт истории
Российской академии наук

ПЕТЕРБУРГСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

исследования по российской и всеобщей истории

№ 2 (10) 2016

Ответственный редактор – д.и.н. А. И. Рупасов
(Санкт-Петербургский институт истории РАН)

Учредитель

Санкт-Петербургский
институт истории РАН
197110, Санкт-Петербург,
ул. Петрозаводская, д. 7
Тел. (812)235-41-98
E-mail: SPbHistoryStudies@mail.ru

Адрес редакции

«Нестор-История»
197110, Санкт-Петербург,
ул. Петрозаводская, д. 7
Тел. (812)235-41-98

Издатель

Издательство «Нестор-История»
197110, Санкт-Петербург,
ул. Петрозаводская, д. 7
Тел. (812)235-15-86
E-mail: nestor_historia@list.ru
www.nestorbook.ru

Типография

«Нестор-История»
197110, Санкт-Петербург,
ул. Петрозаводская, д. 7
Тел. (812)622-01-23

Издается с 2014 г.
Выходит 4 раза в год
ISSN 2311-603X

Редакционный совет:

д-р *Я. Валге* (университеты Тарту и Таллина)
профессор *Т. Вихавайнен* (Хельсинкский
университет)
д.и.н., профессор *А. К. Гаврилов* (Санкт-
Петербургский институт истории РАН)
д.и.н., профессор *А. Х. Даудов* (директор
Института истории Санкт-Петербургского
государственного университета)
д.и.н. *О. П. Илюха* (директор Института языка,
литературы и истории Карельского научного
центра РАН, Петрозаводск)
д-р, профессор *И. Коэн* (Высшая школа соци-
альных наук, Париж)
член-корр. РАН, д.и.н. *И. П. Медведев* (Санкт-
Петербургский институт истории РАН)
д.и.н. *И. И. Муллонен* (доктор филологических
наук, профессор Петрозаводского госунивер-
ситета, Петрозаводск)
профессор *А. Рабинович* (Индианский универ-
ситет)
профессор *У. Г. Розенберг* (университет
Мичигана, Европейский университет в Санкт-
Петербурге)
д.и.н., профессор *Н. Н. Смирнов* (Санкт-
Петербургский институт истории РАН,
Санкт-Петербургский государственный
университет)
д.и.н. *А. Н. Чистиков* (Санкт-Петербургский
институт истории РАН)
д.и.н., профессор *М. В. Ходяков* (Санкт-
Петербургский государственный университет)
д.и.н. *С. Е. Эрлих* (Генеральный директор из-
дательства «Нестор-История»)

Секретариат

Ответственный секретарь – *К. А. Тарасов*
(Санкт-Петербургский институт истории
РАН)

А. А. Ефимов
(Санкт-Петербургский институт истории
РАН)

Дата подписания в печать: 14.05.2016

Перепечатка материалов
допускается только с письменного
разрешения редакции журнала.

Тираж 500 экз.

Заказ № 372

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных
технологий и массовых
коммуникаций.

Свидетельство о регистрации
средства массовой информации

ПИ № ФС77–64510

от 31.12.2015

© Санкт-Петербургский институт истории
Российской академии наук, 2015
© Издательство «Нестор-История», 2015

Члены редколлегии:

к.филол.н. *Д. В. Кейер* (Санкт-Петербургский
институт истории РАН)

к.и.н. *В. Ю. Черняев* (Санкт-Петербургский
институт истории РАН)

к.и.н. *В. И. Мажуга* (Санкт-Петербургский
институт истории РАН)

д.и.н., профессор *М. Б. Свердлов*
(Санкт-Петербургский институт истории
РАН; Российский государственный
педагогический университет
им. А. И. Герцена)

д.и.н., профессор *В. В. Носков* (Санкт-
Петербургский институт истории РАН)

д.и.н. *Т. В. Андреева* (Санкт-Петербургский
институт истории РАН)

д.и.н. *С. Н. Исколь* (Санкт-Петербургский
институт истории РАН)

Содержание

История России

- *П. В. Седов*
К истории ранней биографии «генералиссимуса»
Алексея Семеновича Шеина 6
- *П. Н. Базанов*
Русский эмигрант Н.И. Ульянов —
сотрудник Института истории АН СССР 17

Всеобщая история

- *А. О. Пеганов*
Пропаганда или тайная дипломатия?
Идея заключения Венгрией сепаратного мира с Антантой
в начале Первой мировой войны (осень 1914 — лето 1915 г.) 32
- *J. Gierowska-Kallaury*
The case of Vilnius. The case of Klaipėda.
Excerpts from Polish/Lithuanian relations 52
- *M.-L. Tammela*
Estonian communists in prisoner exchanges between
the Republic of Estonia and Soviet Russia in 1921–1923 66
- *И. И. Баринков*
Феномен «Ост» в политической философии национал-социализма 80
- *М. Н. Малашевская*
Политика Японии на российском направлении во второй половине 1990-х гг.:
инфраструктурные проекты Судзуки Мунэо (1995–2000 гг.) 95

Семинар памяти А. И. Копанева

- *З. В. Дмитриева, А. А. Селин*
Конференция по изучению и изданию массовых источников XVI–XI вв. 104
- *О. А. Абеленцева*
Описания вотчины Успенского Тихвинского монастыря
в Николаевском Шунгском погосте Обонежской пятины
Новгородского уезда в первой четверти XVII в. 108
- *З. В. Дмитриева*
Александр Ильич Копанев как археограф 121

- *П. В. Кононов*
Монастырские слуги по приходо-расходным книгам
Соловецкого монастыря XVI в. 131
- *Е. Н. Швейковская*
Александр Ильич Копанев (1915–1990): Служение истории 139
- *С. В. Стрельников*
К вопросу о дублетности информации
о вкладах в монастырской документации 155

Публикации

- *А. Н. Пермякова*
Записка графа Петра Толстого о ссылке в Соловецкий монастырь 166
- *П. В. Федотов*
Русские сотрудники учебных заведений Императорского
Православного Палестинского общества на Ближнем Востоке.
Двенадцать писем (1892–1914 гг.)
из архива А. А. Дмитриевского в ОР РНБ 174
- *В. А. Орав*
«Итоги финансовой деятельности... крайне неудовлетворительны»:
Докладная записка о финансовом положении
колхозов Ленинградской области (1949 г.) 191

Сообщения

- *В. С. Измозик*
Фабрикация «покушения» на С.М. Кирова 212

Хроника научной жизни

- *Т. В. Андреева, Т. Н. Жуковская, П. В. Ильин, К. Г. Боленко*
Всероссийская научная конференция «Александр I. Трагедия реформатора:
люди в судьбах реформ, реформы в судьбах людей» 217

Рецензии

- *Е. Н. Мещерская*
Возрождение. Академик И. Ю. Крачковский и христианский Восток 236
- *А. Я. Массов*
Рецензия на монографию: *Скоробогатых Н. С.* История Австралии.
XX век / Отв. ред. В. П. Николаев;
Институт востоковедения РАН. М.: ИВ РАН, 2015. 452 с. 243
- *А. И. Богомолов*
Рецензия на книгу: Всемирное культурное наследие:
Учебник / Под ред. Н. М. Боголюбовой, В. И. Фокина;
СПбГУ. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2015. 368 с. 249

Аннотации 259

Abstracts 271

Сведения об авторах 282

Contacts of authors 284

Требования к публикации статей и материалов 286

П. В. Седов

К истории ранней биографии «генералиссимуса» Алексея Семеновича Шеина

Историческое повествование часто представляет собой череду событий, в которой лишь мелькают упоминания о связанных с ними людях. Может возникнуть иллюзия, что сами события находятся в центре истории, тогда как в действительности центральное место занимают люди — творцы событий. Исправить этот иллюзорный эффект может и должно специальное внимание к исторической биографии, которая предлагает свой угол зрения на прошлое.

Генералиссимус Алексей Семенович Шеин (1652–1700) прожил недолгую жизнь — менее полувека. В специальных очерках об А. С. Шеине началу его биографии (первым тридцати годам, до пожалования боярским чином в 1682 г.) уделено всего несколько строк¹. Восполнить этот пробел призвана эта статья.

Жизнь Алексея Семеновича Шеина принадлежит преимущественно допетровскому времени, хотя известность ему принесла служба именно при Петре. В Азовском походе 1696 г. А. С. Шеин возглавлял русские войска в звании генералиссимуса, ему же, по преданию, Петр I первому остриг бороду по возвращении из Великого посольства. Эти хрестоматийно известные события лишь завершают биографию известного боярина.

¹ Лихач Е. Алексей Семенович Шеин // Русский биографический словарь. Шебанов-Шютц. СПб., 1911. С. 36–38; Могильников В. А., Шеин А. Г. Первый русский генералиссимус Алексей Семенович Шеин // www.history.tver.ru/cr/shein.html; Каргалов В. В. Русские воеводы XVI–XVII в. М., 2002. С. 297–301, 306–326.

Имеющиеся жизнеописания А. С. Шеина есть своего рода предыстория того, как он стал генералиссимусом. В последнее время факт присвоения ему этого звания подвергается сомнению². Скорее всего, звание генералиссимуса А. С. Шеин имел во время Второго азовского похода не в качестве чина, а по должности, т. е. так Петр велел именовать главнокомандующего. По окончании похода А. С. Шеин утратил и само звание. Поэтому первым генералиссимусом в полном значении слова следует считать всё же А. Д. Меншикова.

Независимо от того, можно ли считать А. С. Шеина генералиссимусом в современном смысле, его биография представляет интерес сама по себе. Характер Алексея Семеновича сложился еще до рождения Петра I, и без учета большей части жизни этого известного деятеля XVII в. о нем невозможно составить сколько-нибудь верного и всестороннего представления.

Прадед Алексея Семеновича — боярин Михаил Борисович — был казнен в 1634 г., после окончания русско-польской войны, по обвинению «в измене». Историки до сих пор спорят: действительно ли ошибки боярина М. Б. Шеина сыграли решающую роль в поражении русской армии под Смоленском или главный воевода стал жертвой интриг его недругов в Думе и общих недостатков военной системы Московского государства XVII в. В любом случае, казнь М. Б. Шеина «за измену» сказалась на его потомках. Сын казненного боярина, стольник Иван Михайлович Шеин, вместе с матерью Марией Михайловной (вдовой казненного боярина) и женой Марией Борисовной были сосланы в Понизовые города. Здесь, в ссылке, Иван Михайлович, дед нашего героя, умер в том же 1634 г. Таким образом, события 1634 г. нанесли страшный удар по этой боярской семье.

Более полувека спустя, в 1692 г., в гостях у боярина П. В. Шереметева боярин князь М. Г. Ромодановский при многих свидетелях, «вынув нож», бранил А. С. Шеина: назвал его прадеда М. Б. Шеина изменником, поносил деда, отца и мать Алексея Семеновича. По свидетельству иностранных дипломатов, князь М. Г. Ромодановский обругал А. С. Шеина «сукиным сыном». В ответ А. С. Шеин «бил палкою» князя М. Г. Ромодановского, назвал его «малопородным человеком и худым князишком», а отца князя Михаила — боярина князя Г. Г. Ромодановского — «неслугою». Эта безобразная сцена стала известна государям и породила специальный царский указ о том, что Шеины «в измене николи не бывали». Указ формально снимал обвинения, предъявленные М. Б. Шеину в 1634 г., в том числе и с его потомков³. Таким образом, почти всю свою жизнь А. С. Шеину приходилось считаться с возможностью, что сослуживец или сосед за столом бросит ему упрек в измене прадеда. Возможно, в этом

² Сахновский Н. Н. Первый отечественный генералиссимус // Вопросы истории. 1987. № 7. С. 178–182; Томенко Н. В. О генералиссимусе Шеине // Вопросы истории. 1988. № 5. С. 148–149.

³ ПСЗ. Т. III. СПб., 1830. № 1460; Бушкович П. Петр Великий. Борьба за власть (1671–1725) / Пер. с англ. СПб., 2009. С. 179.

крылась причина той старательности и предусмотрительности, с которыми А. С. Шеин продвигался по службе.

Пережить семейную катастрофу 1634 г. Шеиным помогла придворная служба. Жена казненного боярина Мария Михайловна была приезжей боярыней царицы Евдокии Лукьяновны Стрешневой⁴, а ее внук Семен Иванович (отец нашего героя) — спальником царя Алексея Михайловича. Вероятно, этот блестящий придворный успех «изменничего внука» стал возможен благодаря браку с княжной Авдотьей Ивановной, дочерью боярина князя И. П. Пронского⁵.

Семен Иванович Шеин умер в 1655 г. во время похода русского войска в Речь Посполитую⁶, и его сын Алексей остался сиротой еще в детском возрасте. 7 июля того же года вдова С. И. Шеина похоронила тело супруга в Троице-Сергиевом монастыре⁷.

Год рождения Алексея Семеновича Шеина неправильно указан в большинстве справочных изданий и биографических очерках: вместо 1652 г. — 1662 г. Не беремся судить, когда впервые была допущена эта досадная ошибка, но она прочно утвердилась в литературе⁸. Понятно, что столь существенная разница в корне искажает биографию Алексея Семеновича: генералиссимусом он был назначен в 44 года, а не в 34. Уже в 1652 г. С. И. Шеин переписал на своего сына Алексея Семеновича часть своих вотчин⁹.

Именины Алексей Семенович отмечал 5 октября, на праздник московских чудотворцев Петра и Алексея. В этот день он приходил к патриарху с именинным пирогом для благословения¹⁰. Можно предположить, что, следуя московской традиции, Алексея нарекли именем на седьмой день после рождения, т. е. он родился около 28 сентября 1652 г.

В шестилетнем возрасте, в июле 1658 г., Алексей, видимо, впервые приехал в Троицу на могилу отца. От его имени в монастырь был сделан вклад: дорогие ризы, шитые, надо думать, в светлице его матери¹¹. Жил он в доме отца в Китай-городе возле церкви Воскресения, что рядом с Посольским двором¹².

⁴ Забелин И. Е. Домашний быт русских царств в XVI и XVII ст. М., 2001. С. 349.

⁵ Холмогоровы В. и Г. Исторические материалы о церквях и селах XVI–XVII ст. Вып. 6. Вохонская десятина. М., 1888. С. 88.

⁶ Дворцовые Разряды. Т. III. СПб., 1852. Стб 481 (Далее: ДР).

⁷ Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. М., 1987. С. 97. Л. 345 об.

⁸ Лихач Е. Алексей Семенович Шеин. С. 36; Советская историческая энциклопедия. Т. 16. М., 1976. С. 237; Каргалов В. В. Русские воеводы XVI–XVII вв. М., 2002. С. 297.

⁹ Миролюбов С. Д. Три документа второй половины XVII и начала XVIII столетия, принадлежавшие боярину Алексею Семеновичу Шеину // Чтения ОИДР. 1885. Кн. I: Смесь. С. 3.

¹⁰ 5 октября 1668 и 1674 гг. патриарх благословлял его иконой по случаю именин (Материалы для истории, археологии и статистики московских церквей. М., 1884. Ч. I. Стб 988; РГАДА. Ф. 235. Оп. 2. Д. 85. Л. 12).

¹¹ Вкладная книга. С. 97. Л. 345 об. — 346.

¹² РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского ст. Стб 458. Л. 567.

Придворные связи отца, матери и прабабки определили дворцовый характер службы Алексея Семеновича. В 1659 г. его мать вышла вторично замуж за боярина князя Г. С. Черкасского. Дед А. С. Шеина (по матери), боярин князь И. П. Пронский был дядькой царевича Алексея Алексеевича, и неудивительно, что его внук оказался среди стольников наследника престола. В 1666 и 1667 гг. он упоминается в стольниках царевича Алексея¹³, которому приходился сверстником.

Начало придворной службы А. С. Шеина сопровождалось выгодным браком с дочерью окольного князя П. А. Долгорукова — Анной Петровной. В качестве приданого А. С. Шеин получил вотчину в Ярославском уезде (100 дворов), справленную за ним, однако, лишь в 1677 г.¹⁴ Юная жена Алексея Семеновича вскоре (12 августа 1667 г.) умерла и была похоронена в Китай-городе, в родовом монастыре князей Долгоруковых — Богоявленском¹⁵, рядом с домом А. С. Шеина. Связь с семьей своей первой жены А. С. Шеин сохранял долгие годы, уже состоя в браке во второй и в третий раз. В феврале 1676 г. вдова князя П. А. Долгорукова отказала А. С. Шеину два своих прожиточных поместья в Галицком и Ярославском уездах (231 четверть)¹⁶.

Служба при наследнике престола давала А. С. Шеину немалые придворные выгоды. Например, дворянин Д. И. Головачев просил своего отца выхлопотать у царя денег для своего выкупа из плена и советовал просить милости через думного дьяка Г. С. Караулова, думного дворянина И. И. Чаадаева, командира привилегированного Стременного стрелецкого полка (личного эскорта царя) стольника Я. П. Соловцова, «или толко милость свою припадет» А. С. Шеин¹⁷. В данном случае челобитчик видел в юном стольнике царевича весьма влиятельное и близкое к государю лицо, наряду с думными людьми.

После кончины царевича Алексея Алексеевича стольник А. С. Шеин не был переведен в стольники следующего царевича — Федора Алексеевича. 28 февраля 1670 г., на сорочины по умершему царевичу Алексею, царь пожаловал А. С. Шеина к себе в спальни¹⁸. Такое многообещающее пожалование было невозможно без надежной «заступы» в царской комнате¹⁹.

¹³ Забелин И. Е. Домашний быт русских царств в XVI и XVII ст. М., 2001. Ч. II. С. 98, 112.

¹⁴ Анна была дочерью Домны Яковлевны, урожденной Толочановой (Архив СПбИИ РАН. Ф. 180. Оп. 1. Д. 12. Л. 252–253).

¹⁵ Снегирев И. М. Богоявленский монастырь в Москве на Никольской улице // Русские достопамятности. Т. II. М., 1877. Отд. IV. С. 51.

¹⁶ РГАДА. Ф. 233. Оп. 1. Пошлинные книги. Д. 189. Л. 4 об., 18 об.

¹⁷ Письмо относится к периоду 1659–1669 гг., судя по упомянутым лицам, скорее всего, к концу этого периода (Акты служилых землевладельцев XV — начала XVII века. Т. III. М., 2002. С. 503).

¹⁸ РГАДА. Ф. 210. Боярские списки. № 5. Л. 6 об.

¹⁹ О значении чина комнатного стольника или спальника в дворцовой жизни XVII в. см.: Павлов А. П. Комнатные стольники царя Михаила Романова // Времена и судьбы. Сборник статей в честь 75-летия Виктора Моисеевича Паняха. СПб., 2006. С. 73–96; Седов П. В. Закат Московского царства. Царский двор конца XVII в., М., 2006. С. 65–78.

Возвышение «изменичего правнука» следует искать в связях с семьей Нарышкиных, семьей, из которой царь уже выбрал себе вторую супругу — Наталью Кирилловну. Новопожалованный спальник сразу же стал заметен в царском окружении. 15 апреля 1670 г. он подносил царю деньги для раздачи нищим; 10 мая, «в вечерней благовест», отнес в царские хоромы 60 рублей; 4 и 8 июля носил царю лекарства²⁰. На царской свадьбе с Натальей Кирилловной А. С. Шеин в Успенском соборе держал царскую «шапку двоиморховую бархатную»²¹.

Имущественное положение спальника А. С. Шеина было на этот момент заурядным. В боярском списке 1670/1671 г. за ним записано 95 дворов²². На смотре 25 октября 1670 г. он подал сказку, что будет на службе «на лошади, да четыре простых», а с ним будет 21 человек «з боем»²³. Однако уже в следующем году А. С. Шеин стал обладателем огромного наследства: в боярских списках 1672–1676 гг. за ним числилось 1100 дворов²⁴, т.е. больше, чем за многими боярами, а по писцовым книгам 1678 г. ему принадлежало одних только вотчин 973 двора в Арзамасском, Коломенском, Московском, Рязанском и Тверском уездах²⁵.

Рост землевладения А. С. Шеина был связан со следующей выгодной женитьбой. На этот раз он выбрал себе в жены дочь стольника князя И. И. Лобанова-Ростовского. Вторая жена Алексея Семеновича имела завидные связи при дворе: ее родной дядя князь А. И. Лобанов-Ростовский в 1677 г. был пожалован в окольничие, а жена князя Н. И. Лобанова-Ростовского — Анна Никифоровна — была боярыней царевны Софьи²⁶.

Впоследствии, в годы регентства царевны Софьи, Алексей Семенович пользовался этим родством и нередко сопровождал царевну в ее походах. Можно заметить, что А. С. Шеин неизменно заводил связи с разными придворными группировками. При Милославских он служил стольником в комнате наследника престола и спальником в царской комнате, при Нарышкиных сумел сохранить чин спальника и при этом предусмотрительно обзаводился родством, которое могло бы помочь в случае очередной победы Милославских.

Придворные моментально оценили возросшее значение А. С. Шеина при дворе в связи с этим браком. В июне 1672 г. дворянин М. В. Обарин про-

²⁰ Дела Приказа Тайных дел. Кн. III. СПб., 1904. Стб 1309, 1322; Материалы для истории медицины в России. Вып. II. СПб., 1883. С. 377.

²¹ ДР. Т. III. Стб 877.

²² РГАДА. Ф. 210. Боярские списки. № 8. Л. 8.

²³ Там же. Столбцы Московского ст. Стб 447. Столпик 3. Л. 33.

²⁴ Там же. Боярские списки. № 10. Л. 7; № 11. Л. 7 об.; № 12. Л. 7 об.; № 14. Л. 12 об., 231.

²⁵ Шватченко О. А. Светские феодальные вотчины в России во второй половине XVII века (историко-географический очерк). М., 1996. С. 153.

²⁶ Руммель В. В., Голубцов В. В. Родословный сборник русских дворянских фамилий. Т. I. СПб., 1886. С. 555–556.

сил сменить межевщика, присланного межевать его вотчину с А. С. Шеиным в Тверском уезде на том основании, что межевщик был в родстве с князем А. И. Лобановым-Ростовским, «родная племянница» которого замужем за А. С. Шеиным²⁷.

20 апреля 1672 г., «назавтрее своей свадьбы», молодой спальник по обычаю явился ударить челом царю и по именному указу был пожалован в Передней серебряным кубком ценой в 166 рублей. Цена царского подарка была установлена по образцу другого знатного спальника — М. И. Морозова²⁸. Второй брак был тоже недолгим: 28 июня 1674 г. А. С. Шеин получил 100 руб. из приказа Тайных дел «на погребение жены ево Марьи»²⁹. Видимо, она умерла во время или сразу после родов: 14 июля 1674 г. в московском Рождественском монастыре был похоронен первый сын А. С. Шеина — Петр.

В 1672–1674 гг. А. С. Шеин по должности спальника часто «наряжал вина» за царским столом³⁰, в том числе и во время особо торжественных случаев: во время родильного и крестильного столов царевича Петра и царевны Натальи, а также после поставления патриарха Питирима³¹. Когда в царских походах случалась менее церемониальная обстановка и вина «не наряжали», а только наливали, то А. С. Шеин исполнял и эту должность³².

Судя по дворцовым документам, А. С. Шеин тенью следовал за государем, исполняя роль подручного комнатного слуги. 6 октября 1674 г. казначей А. С. Нарбеков «на каменное крыльцо в смотр возносил» сукна. Царь отобрал нужные ему, которые в царские покои за великим государем «понес» А. С. Шеин³³. Алексей Семенович ездил от царя к царице и царевичам «со здоровьем», раздавал царский корм монахиням придворного Новоспасского монастыря, вместе с другими спальниками получал пироги по случаю именин членов царской семьи³⁴.

О незаурядном значении А. С. Шеина в царской комнате свидетельствует следующий факт. 22 февраля 1674 г. он среди избранных девяти спальников получил дополнительное царское жалование сверх рядовой дачи³⁵. Он возглавлял одну из четырех смен спальников³⁶ и исполнял особенные обязанности в царском окружении. Царь назначал его ездить за каретой наследника престола

²⁷ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского ст. Стб 721. Л. 820. Видимо, это тверское имя было частью приданого, полученного А. С. Шеиным за своей второй женой.

²⁸ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 325. Л. 136 — 136 об.

²⁹ Дела приказа Тайных дел. Кн. III. Стб 318.

³⁰ ДР. Т. III. Стб. 885, 902, 952, 965, 970, 978, 1071, 1075, 1147, 1450, 1498, 1595.

³¹ Дополнения к тому III Дворцовых разрядов. СПб., 1854. Стб 467, 468, 459; ДР. Т. III. Стб 891, 893, 895.

³² ДР. Т. III. Стб 1042.

³³ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. № 251. Л. 17.

³⁴ ДР. Т. III. Стб 1135, 1138, 1563, 1625.

³⁵ Дела Тайного приказа. Кн. I. СПб., 1907. Стб 1708, 1722.

³⁶ ДР. Т. III. Стб 1137, 1184–1185, 1415.

царевича Федора или царевича Ивана³⁷ на Богоявление, 6 января 1675 г. А. С. Шеин вел царя под правую руку, а при выезде царя в санях стоял «на оглоблях» и опять же с более почетной правой стороны. В шествии «на осляти» 28 марта 1675 г. А. С. Шеин снова занимал самое первое место среди сопровождавших царя спальников — нес жезл³⁸. На приеме ногайских мурз А. С. Шеин стоял слева от царя и вторым после спальника М. И. Морозова³⁹. Этот факт подчеркивает, что формально среди спальников были те, кому он должен был уступить по знатности, тем более показательнее, что царь выделял А. С. Шеина среди прочих комнатных людей, предоставляя ему первое место в неформальной комнатной иерархии. 23 июля 1675 г. А. С. Шеин ехал за царской каретой «с сумою», т.е. вез какие-то личные царские вещи и, может быть, деньги⁴⁰.

Во время особо торжественного выезда царской семьи на богомолье в Троицу 19 сентября иностранный посол особо отметил участие любимого царского спальника. Перед царской каретой ехали молодые спальники с царскими регалиями — стрелами, буздуханом, булавой и прочим царским «оружием», «над ними ж начальной ехал некоторой младой господин именем Алексей Шеин в драгой и богатой одежде»⁴¹.

10 августа он письмом известил главу боярской надворной комиссии о вызове членов Думы в поход к государю: «Петр Васильевич, государь. Великий государь указал завтра в 2-м часу дня быть бояром, и тебе указал быть с ними ж, а которым бояром быть, про то приказано Герасиму Дохтурову (думному дьяку. — П. С.). Алешка Шеин челом быю»⁴².

Богатство А. С. Шеина выделяло его среди прочих придворных. На выезде против персидских послов он выставил самый представительный отряд своих слуг: 3 лошади и 25 человек с ружьем⁴³. Как крупный и влиятельный землевладелец, А. С. Шеин не боялся конфликтовать с самыми видными боярами. В 1675 г. он подал челобитную на боярина князя Г. С. Куракина и его сына спальника князя И. Г. Куракина в том, что их крестьяне совершили убийство принадлежавших А. С. Шеину людей в тверской вотчине⁴⁴.

Смерть Алексея Михайловича застала А. С. Шеина в Москве. 30 января 1676 г. он присягнул Федору Алексеевичу вместе с другими придворными⁴⁵.

³⁷ ДР. Т. III. Стб 1135, 1321, 1407.

³⁸ Там же. Стб 1168, 1225, 1304.

³⁹ Там же. Стб 1440.

⁴⁰ Там же. Стб 1553.

⁴¹ Памятники дипломатических сношений. Т. V. СПб., 1858. Стб 282.

⁴² РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. Стб 485. Л. 556.

⁴³ ДР. Т. III. Стб. 1192. В 1680 г. на встречу иноземных послов А. С. Шеин выставил 45 человек своих людей (РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского ст. Стб 621. Л. 417).

⁴⁴ ДР. Т. III. Стб 1403, 1431.

⁴⁵ Там же. Стб 1638.

Примечательно, что А. С. Шеин пользовался благосклонностью царя Алексея Михайловича при Нарышкиных, но сохранил фавор и при Федоре Алексеевиче, сыне Милославской. В самом начале нового царствования часть спальников умершего царя была удалена из комнаты. Поначалу такая же участь постигла и А. С. Шеина. Его как связанного с Нарышкиными человека разжаловали в рядовые стольники, но с пометой «чиновной», т.е. причислили к избранному кругу стольников, насчитывавшему несколько десятков человек, а уже 5 мая зачислили обратно в спальники⁴⁶. Как комнатный человек А. С. Шеин получал лекарства из царской аптеки: 30 мая 1676 г. ему был выписан рецепт⁴⁷.

Умение Алексея Семеновича миновать опасные ситуации и избегать ссор проявилось в конфликте, случившемся 12 сентября 1677 г. Поздно вечером боярин, дворецкий и оружейничий Б. М. Хитрово ехал от патриарха к себе домой на Никитскую улицу. Навстречу ему попался А. С. Шеин, который возвращался из гостей с двумя товарищами, которые повздорили со свитой влиятельного боярина, видимо, не пожелав в темноте уступить ему дорогу. При этом они избивали боярского человека, сломали фонарь на боярской карете, а самого Богдана Матвеевича зашибли плетью. А. С. Шеин благополучно избежал этой опасной для его придворной карьеры ссоры и тихо исчез с места драки: спальник «и с людьми своими проехал мимо», к драке «не приставал и бить не велел»⁴⁸.

Другие особенности характера и поведения А. С. Шеина раскрывает его прозвище «Ураг»⁴⁹, т.е. молодой олень-самец⁵⁰. К двадцати пяти годам Алексей Семенович успел трижды овдоветь, и его повторяющиеся жениховства, а может быть, и его индивидуальные особенности стали причиной этого прозвища. Третья жена А. С. Шеина скончалась в 1677 г. В письме 12 августа жена боярина князя В. В. Голицына сообщила своему мужу из Москвы, что «Алексея Шеина жена умерла»⁵¹. В этот же день патриарх отпел жену А. С. Шеина — Анну Петровну — в Богоявленском монастыре⁵².

Царь Федор Алексеевич увлекался польской модой и обычаями, и при дворе оказались в чести выехавшие на русскую службу польские шляхтичи. Один из них, Ян Козловский, принял православие, «а восприемником у него был» А. С. Шеин⁵³. Как и в других случаях, ловкий спальник сумел угодить царским желаниям и быть приятным государю.

⁴⁶ РГАДА. Ф. 210. Боярские списки. № 13. Л. 7 об.; № 14. Л. 12 об.

⁴⁷ Там же. Ф. 396. Оп. 1. № 52046. Л. 58.

⁴⁸ Грамотки XVII— начала XVIII века. М., 1969. С. 131.

⁴⁹ Прозвища спальников выставлены в боярском списке 1678/1679 г. (РГАДА. Ф. 210. Боярские списки. № 16. Л. 10).

⁵⁰ Веселовский С. Б. Ономастикон. М., 1974. С. 333.

⁵¹ Временник ОИДР. Кн. VII. М., 1850. Смесь. С. 74.

⁵² РГАДА. Ф. 235. Оп. 2. Д. 89. Л. 171.

⁵³ Дополнения к Актам историческим. Т. IX. СПб., 1875. № 17. С. 64.

За свою усердную комнатную службу спальники получали царское жалование сверх окладов: деньги на покупку коней, сукна и меха на одежду. В сентябре 1679 г. А. С. Шеин среди прочих спальников получил объяри, в чем и расписался за себя и за другого спальника — князя Д. Г. Черкасского, своего сводного брата⁵⁴.

Четвертой женой А. С. Шеина стала Марфа Михайловна, дочь стольника Михаила Васильевича (Богдановича) Приклонского и Федосьи Дмитриевны Горихвостовой⁵⁵. В 1680–1682 гг. М. В. Приклонский по родству стал товарищем А. С. Шеина во время воеводства в Тобольске. Во избежание раздора в товарищи к главному воеводе часто назначали его родственника или свойственника. Поэтому логично думать, что четвертый брак А. С. Шеина состоялся не позднее 1680 г. Детей от этого брака долгое время не было. Лишь 30 сентября 1692 г. монахи Валдайского Иверского монастыря поднесли А. С. Шеину в Москве икону, вина и сахара «в то время как ему Бог даровал сына»⁵⁶. После смерти первенца младенца Петра это был его единственный наследник — Сергей.

В православной традиции четвертый брак не благословлялся, хотя бывали и исключения как, например, с боярином А. С. Матвеевым. В отличие от трех первых жен А. С. Шеина, Марфа Михайловна была из менее знатной дворянской семьи. Видимо, А. С. Шеину непросто было сыскать жену в четвертый раз, и он остановил свой выбор на дочери рядового стольника.

Не позднее ноября 1679 г. А. С. Шеина назначили ехать на воеводство в Тобольск⁵⁷. Спальников обычно не посылали на воеводства, и такое назначение было, скорее всего, знаком царской немилости. Косвенным подтверждением этого может служить и царский указ, посланный вслед новым тобольским воеводам, с запретом брать с собой в Сибирь «вина и меду» сверх разрешенного количества для своего обихода⁵⁸.

А. С. Шеин приехал в Тобольск 6 апреля 1680 г. и пробыл там год и девять месяцев. За время его воеводства в Тобольске случилась беда: 7 августа 1680 г. город почти полностью выгорел. Под присмотром А. С. Шеина Тобольск был заново отстроен: поставлена новая тройная приказная палата, острог и две церкви. 6 января 1682 г., в день выезда А. С. Шеина из Тобольска в Москву, его товарищ М. В. Приклонский повздорил с тобольским митрополитом Павлом.

⁵⁴ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. № 18453. Л. 1, 5, 6.

⁵⁵ Лобанов-Ростовский А. Б. Русская родословная книга. Т. II. СПб., 1895. С. 125, 126.

⁵⁶ Архив СПбИИ. Ф. 181. Оп. 2. № 271. Л. 11 об.

⁵⁷ В ноябре 1679 г. ему уже был назначен товарищ? — стольник М. Б. Приклонский (РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского ст. Стб 580. Л. 64). Брат М. Б. Приклонского, стольник Иван 5 сентября 1679 г. был отставлен от участия в царском походе по распоряжению думного постельничего И. М. Языкова (Там же. Московский ст. Стб 570. Л. 498). Возможно, «глубокий дворских обхождений проникатель» И. М. Языков старался убирать из комнатного окружения царя всех, кто мог бы соперничать с его придворным влиянием.

⁵⁸ Царская грамота об этом была получена в Верхотурье 4 марта 1680 г. (Акты исторические. Т. V. СПб., 1842. С. 78–79).

Тесть А. С. Шеина был от митрополита «во отлучении под анафемою» «за презорство и гордость, и за неистовое ево житие, и блудодеяние, и за непристойные и поносные речи». Церковное проклятие дорого обошлось дерзкому воеводе. По приезде в Москву М. В. Приклонского не допустили к царской руке, и он не получил благословения патриарха. Впоследствии он оставил службу, «постригся и посхимился, и умре, не получив прощения и разрешения во отлучении от архиерея»⁵⁹.

Судя по тому, что сразу же по возвращении в Москву, 9 апреля 1682 г., А. С. Шеину пожаловали боярство⁶⁰, а на починку его двора в Китай-городе были отпущены средства из казны⁶¹, результаты его воеводства были оценены положительно и опала на зятя не задела его лично. В смутное время московского восстания 1682 г. А. С. Шеин снова нашел себе место в ближайшем царском окружении: на венчании царей Ивана и Петра Алексеевичей 25 июня 1682 г. он был удостоен почетной роли — нес царские шапки⁶².

Ранняя биография А. С. Шеина (до пожалования ему боярского чина) позволяет сделать важный вывод относительно одного из заметных деятелей в окружении Петра. А. С. Шеин был ловким придворным, прошел хорошую школу в царских покоях и умел приспосабливаться к меняющейся придворной конъюнктуре. Он успешно служил в годы всевластия Милославских, а потом сумел поладить и с Нарышкиными. По свидетельству современника А. А. Матвеева, он принадлежал к группировке Нарышкиных⁶³. При этом в 1697 г. яростный противник Петра А. П. Соковнин, замышляя цареубийство, возлагал на А. С. Шеина свои надежды и прочил его в цари: «Шеин у нас безроден, один у него сын, и человек он добрый»⁶⁴.

А. С. Шеин принадлежал к тем придворным второй половины XVII в., которые составляли большинство среди окружения молодого Петра. В Азовских походах Петр сосредоточил всю полноту власти в своих руках, но назначил главнокомандующим представителя старомосковского боярства потому, что не мог управлять страной и войском без участия знати. Подставляя свою бороду под петровские ножницы в 1698 г., опытный царедворец А. С. Шеин тем самым связывал допетровскую Россию с эпохой преобразований. К такому же выводу приводят надписи, сделанные в доме

⁵⁹ ПСРЛ. Т. XXXVI. М., 1987. С. 171–172.

⁶⁰ РГАДА. Ф. 210. Боярские списки. № 21. Л. 3 об. В разрядных записях дата пожалования указана днем позже? — 10 апреля (Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. VII. М., 1991. С. 306).

⁶¹ РГАДА. Ф. 159. Оп. 2. Д. 2446. Л. 9.

⁶² Соловьев С. М. История России. Кн. VII. С. 331, 333.

⁶³ Матвеев А. А. Записки // Рождение империи. М., 1997. С. 365.

⁶⁴ Там же. С. 528. «Безроден» следует понимать в данном случае не в смысле знатности (А. П. Соковнин был куда менее знатен, чем А. С. Шеин), а в смысле наличия одного лишь малолетнего сына, да к тому же от четвертого брака.

А. С. Шейна и на его могиле. По мнению А. Авдеева, в них традиционные нормы быта сосуществовали с образцами античной мифологии и европейской воинской культуры⁶⁵.

Для А. С. Шейна служба то Милославским, то Нарышкиным была делом не цивилизационного выбора, а средством успешной придворной карьеры. Биография А. С. Шейна позволяет положительно ответить на вопрос, извечно волнующий историков, — о неразрывной связи петровской эпохи с предшествующим развитием страны.

References

- Kargalov V. V.* Russkie vovody XVI–XVII vv. M., 2005.
Lihach E. Aleksej Semenovich Shein // Russkij biograficheskij slovar'. Shebanov Shyutc. SPb., 1911. S. 36–38.
Mirolyubov S. D. Tri dokumenta vtoroj poloviny XVII i nachala XVIII stoletiya, prinadlezhavshie boyarinu Alekseju Semenovichu Sheinu // Chteniya OИДР. 1885. Kn. I. Smes'. S. 1–8.
Mogil'nikov V. A., Shein A. G. Pervyj russkij generalissimus Aleksej Semenovich Shein // www.history.tver.ru/cr/shein.html (date of access 01.04.2016).
Pavlov A. P. Komnatnye stol'niki carya Mihaila Romanova // Vremena i sud'by. Sbornik statej v chest' 75-letiya Viktora Moiseevicha Panejaha. SPb., 2006. S. 73–96.
Sahnovskij N. N. Pervyj otechestvennyj generalissimus // Voprosy istorii. 1987. N 7. S. 178–182.
Sedov P. V. Zakat Moskovskogo carstva. Carskij dvor konca XVII v. M., 2006.
Solov'ev S. M. Istorija Rossii s drevnejshih vremen. Kn. VII. M., 1991.
Shvatchenko O. A. Svetskie feodal'nye votchiny v Rossii vo vtoroj polovine XVII veka (istoriko-geograficheskij ocherk). M., 1996.
Tomenko N. V. O generalissimuse Sheine // Voprosy istorii. 1988. N 5. S. 148–149.

Список литературы

- Лихач Е.* Алексей Семенович Шейн // Русский биографический словарь. Шебанов–Шютц. СПб., 1911. С. 36–38.
Каргалов В. В. Русские воеводы XVI–XVII вв. М., 2005.
Миролюбов С. Д. Три документа второй половины XVII и начала XVIII столетия, принадлежавшие боярину Алексею Семеновичу Шейну // Чтения ОИДР. 1885. Kn. I. Смесь. С. 1–8.
Могильников В. А., Шейн А. Г. Первый русский генералиссимус Алексей Семенович Шейн // www.history.tver.ru/cr/shein.html (дата обращения 01.04.2016).
Павлов А. П. Комнатные стольники царя Михаила Романова // Времена и судьбы. Сборник статей в честь 75-летия Виктора Моисеевича Панейха. СПб., 2006. С. 73–96.
Сахновский Н. Н. Первый отечественный генералиссимус // Вопросы истории. 1987. № 7. С. 178–182.
Седов П. В. Закат Московского царства. Царский двор конца XVII в. М., 2006.
Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Kn. VII. М., 1991.
Томенко Н. В. О генералиссимусе Шейне // Вопросы истории. 1988. № 5. С. 148–149.
Шватченко О. А. Светские феодальные вотчины в России во второй половине XVII века (историко-географический очерк). М., 1996.

П. Н. Базанов

Русский эмигрант Н. И. Ульянов — сотрудник Института истории АН СССР

Биография и творчество известного историка, представителя второй «волны» эмиграции, профессора Николая Ивановича Ульянова (1904–1985) до сих пор не изучены. В многочисленных публикациях о его жизни исследователи ограничиваются простым упоминанием фактических сведений — учился в Петроградском университете, был учеником С. Ф. Платонова, в начале 1930-х гг. работал в Ленинградском институте истории, философии и лингвистики (ЛИФЛИ), на историческом факультете ЛГУ, в Военно-политической академии им. Н. Г. Толмачева. Не будем указывать никого конкретно, но анекдотически выглядит утверждение о работе Н. И. Ульянова в никогда не существовавшей «историко-археологической комиссии» — это невнимательный пересказ официальной версии жизни и деятельности историка, опубликованной в сборнике статей его памяти «Отклики»¹. На самом деле Н. И. Ульянов был ученым специалистом Историко-археологической комиссии АН СССР, преобразованной в Институт истории АН СССР.

Приобщение Н. И. Ульянова к деятельности археологической комиссии началось еще в студенческие годы. К работе с рукописными источниками молодого историка стал привлекать его учитель — академик Сергей Федорович Платонов (1860–1933) — руководитель Археологической комиссии в 1918–1929 гг. Н. И. Ульянов учился на платоновских семинарах в Ленинградском университете: «Русская история. Памятники Смутного Времени»,

⁶⁵ Авдеев А. Боярин А. С. Шейн: человек эпохи петровских реформ в зеркале эпиграфики // Российская история. 2015. № 5. С. 76.

¹ Отклики: Сб. ст. памяти Николая Ивановича Ульянова (1904–1985). Нью Хэвен, 1986. 248 с.

«Русская история. XVII век», «Русская история. История русского Севера»². Н. И. Ульянов впоследствии вспоминал об учебе: «Следил Платонов за степенью “вчувствования” в избранную тему, за степенью мобилизации материала, за тонкостью аргументации, за композиционным построением»³. Под влиянием академика Н. И. Ульянов усиленно начинает заниматься историей Северо-Запада России и Русского Севера XVI–XVII вв. Первая же его студенческая работа «Влияние капитала на колонизацию русского Севера в XVI–XVII вв.» была рекомендована к печати С. Ф. Платоновым в докладе на неделе русских историков в Берлине в 1927 г.⁴

После окончания университета в связи с централизацией поствузовского обучения Н. И. Ульянов поступил в аспирантуру РАНИОН (Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук) в Москве. Это произошло благодаря положительным характеристикам С. Ф. Платонова его вступительной работы: «выдающаяся»⁵ и «тема поднята правильно, хорошо обдумана и выполнена прекрасно, автор обладает хорошими сведениями по экономике, широко осведомлен в литературе вопроса и непосредственно знаком с первыми источниками»⁶. В годы аспирантуры Н. И. Ульянов, исследуя тему диссертации — «Кола и Мурман XVII в.»⁷ и одновременно работая в Кольской экспедиции АН СССР, не прерывает связи со своим учителем, состоит с ним в переписке, рассказывает о научных успехах и археографических находках. В свою очередь академик даже помогает копировать редкие документы XVII в. для работы над диссертацией. Приведем почти полностью письмо Н. И. Ульянова к С. Ф. Платонову от 22 февраля 1929 г.: «Не сочтите за неучтивость мое молчание в ответ на вашу (именно так и далее. — П. Б.) открытку от 16.I. По досадному обстоятельству я смог получить ее только теперь. Она дважды пересылалась из Москвы в Петербург и обратно. Январь и первую половину февраля я был в Петербурге, но в то время ходили тревожные слухи о вашем здоровье и вашей чрезвычайной занятости, поэтому я не решился беспокоить вас своим посещением. Я должен выразить вам мою искреннюю благодарность за хлопоты, связанные с выпиской дневника Я. Мунка, но мне было бы неприятно, если это доставляет вам какие-либо неудобства и затруднения, тем более что самый этот документ уже не представляется столь необходимым для моей работы, как это

² Центральный государственный архив Санкт-Петербурга. Ф. Р-7240. Оп. 6. Д. 2262. Л. 29а–30, 30 об. — 31.

³ Ульянов Н. И. С. Ф. Платонов // Спуск флага. New Haven, 1979. С. 125–127.

⁴ Платонов С. Ф. Проблема русского Севера в новейшей историографии // Летопись занятий Археографической комиссии за 1927–1928 гг. Вып. 35. Л., 1929. С. 113; Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (далее ОР РНБ). Ф. 585. Д. 637. Л. 8.

⁵ Архив РАН (Москва). Ф. 359. Оп. 1. Д. 22. Л. 107.

⁶ Там же. Л. 106.

⁷ Багдасарян В. Э. Историография русского зарубежья: Николай Иванович Ульянов. М., 1997. С. 12.

казалось раньше. Среди Датских Дел и Приказных Дел Нового Разбора мне удалось найти такие столпцы, которые прекрасно освещают эпизод нападения датских кораблей на Мурман в 1623 г. Дневник Мунка мог бы явиться теперь только известного рода лакомством, ради которого, я, однако, не смею отнимать у вас ни времени, ни труда. Самая работа моя уже почти закончена, и в скором времени я надеюсь предложить ее вашему вниманию. Наконец, хотя я приложил бы все усилия, чтобы [передать по] прибытии туда рукописи, но при настоящем тревожном положении в РАНИОН'е я вряд ли смогу твердо [гарантировать] такой немедленный приезд. Все это заставляет меня прежде всего выразить вам еще раз мою благодарность, и если затребование рукописи связано с каким-либо риском или неудобством — простить, не утруждать себя заботами об искренне преданном вам Н. Ульянове»⁸. Н. И. Ульянов вспоминал о своих последних встречах с учителем: «Приезжая в Ленинград, я видел его либо в Археографической комиссии (преобразованной впоследствии в Институт истории Академии наук), либо “ловил” в кулуарах академической библиотеки, директором которой он в то время был. Бывал иногда и на квартире у него на Каменноостровском проспекте»⁹. После создания аспирантуры при АН СССР С. Ф. Платонов предложил своему ученику перейти туда из РАНИОН с возможностью дальнейшей работы в академических учреждениях. Для этого «надо было подать прошение в особую комиссию по приему, возглавлявшуюся В. П. Волгиным, которое получило благоприятную резолюцию»¹⁰.

Спас молодого историка от прохождения по знаменитому «платоновскому делу» Сигизмунд Натанович Валк (1887–1975). Н. И. Ульянов образно описывает состоявшийся разговор: «“Вы с ума сошли!.. Академия — это осажденная крепость. Не сегодня-завтра она падет”. Предостережение исходило от человека, которому нельзя было не верить. Теперь, когда я узнал о его смерти, я могу назвать его имя. Это был С. Н. Валк — один из учеников покойного академика А. С. Лаппо-Данилевского, специализировавшийся в области дипломатики — науки о документе — вспомогательной исторической дисциплине. Как единственный знаток в этой области, он приглашен был в Институт Ленина, где почувствовалась надобность в таком специалисте. Мы с ним были близки, и уже будучи в Америке, я получал от него дружеские приветы. Зная по своей службе в Институте Ленина то, чего остальной мир еще не знал, он считал нужным предостеречь меня»¹¹. Воспоминания Н. И. Ульянова полностью подтверждаются другими документами. Действительно, они вместе работали в библиотеке Института Ленина над описанием нелегального фонда РСДСРП¹².

⁸ ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 4421. Л. 1–2.

⁹ Ульянов Н. И. С. Ф. Платонов // Спуск флага. New Haven, 1979. С. 130.

¹⁰ Там же. С. 135.

¹¹ Там же.

¹² Социал-демократические листовки 1894–1917: Библиогр. указ. Т. 1: Листовки центральных учреждений и заграничных организаций / Под ред. Б. П. Бирмана, Г. И. Крамольника,

Вскоре судьба снова свела двух историков. С. Н. Валк с 1932 г. работает в Институте книги, документа и письма АН СССР, влитый в Институт истории АН СССР, а с 1936 г. — на должности старшего научного сотрудника и заведующего секцией (сектором) и одновременно на одной кафедре в ЛИФЛИ. Впоследствии С. Н. Валк стал профессором, доктором исторических наук и даже директором (1938–1939 гг.) Ленинградского отделения Института истории АН СССР (ЛОИИ). Н. И. Ульянов упоминает его (с другим вторым инициалом!) как близкого знакомого в протоколе допроса от 4–5 июня 1936 г.¹³ Под влиянием С. Н. Валка Ульянов написал письмо 21 ноября 1929 г. С. Ф. Платонову: «Те обстоятельства, о которых я имел случай сообщить Вам во время своего последнего приезда в Петербург, заставляют меня снять свою кандидатуру в аспирантуру академии. Одновременно этим письмом я посылаю в Секретариат формальный отказ, который оттягивал до сих пор в надежде на перемену ситуации. Мне остается выразить Вам мою глубокую признательность за Ваше доброе участие в моем деле и сожаление, что я оказался недостойным того в высшей степени любезного и лестного для меня покровительства, которое Вы мне в данном случае оказали»¹⁴. С. Ф. Платонов упоминает Ульянова как близкого знакомого и в знаменитом «академическом деле»¹⁵.

После трех лет работы в Архангельском пединституте в 1930–1933 гг. Н. И. Ульянов возвращается в родной город и работает доцентом кафедры истории России и народов СССР Ленинградского института истории и лингвистики (ЛИЛИ). ЛИЛИ довольно быстро преобразуют в Ленинградский институт истории, философии и лингвистики (ЛИФЛИ). Вскоре Н. И. Ульянов занимает должность исполняющего обязанности заведующего кафедрой истории народов СССР, становится профессором ЛИФЛИ. Одновременно Н. И. Ульянов работает на восстановленном историческом факультете ЛГУ им. А. С. Бубнова, а также читает исторические курсы в Военно-политической академии им. Н. Г. Толмачева.

В ЛИФЛИ Н. И. Ульянов состоял сотрудником комиссии по госэкзаменам в мае 1934 г.¹⁶, а в следующем году уже являлся председателем госкомиссий (в феврале 1935 г.)¹⁷, причем ее членами были Б. Д. Греков, Е. В. Тарле и другие известные ученые. Удалось выявить, какие предметы читал историк. В 1935 г. проф. Н. И. Ульянов вел курсы: по истории эпохи феодальной раздробленности московского государства (24 лекции и 24 семинара)¹⁸; истории России

П. С. Сенниковского; [сост. Л. И. Радченко, Я. С. Рогинский, Н. И. Ульянов, под рук. С. Н. Валка]. Л., 1931. 483 с.

¹³ Архив УФСБ. Л. 13, 17.

¹⁴ ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 4421. Л. 3.

¹⁵ Академическое дело 1929–1931 гг. Вып. I: Дело по обвинению академика С. Ф. Платонова. СПб., 1993. С. 55.

¹⁶ Выпускной экзамен у историков // За пролетарские кадры. 1934. 28 мая; № 13 (63). С. 2.

¹⁷ ЦГАЛИ СПб. Ф. 328. Оп. 1. Д. 41. Л. 4.

¹⁸ Там же. Л. 132.

в группе истории народного хозяйства философского факультета (76 лекций и 28 семинаров)¹⁹; по истории феодализма (идеологическими кураторами характеризуется как «вдумчивый, знающий и талантливый историк-марксист»)²⁰. Также руководил семинаром по истории смутного времени на первом курсе, на третьем курсе литфака читал историю феодальной России, а на четвертом курсе истфака — спецкурс по истории Московского государства²¹. Карьера Н. И. Ульянова стремительно шла вверх. 19 января 1935 г. замдекана В. В. Мавродин предложил числить исполняющим обязанности заведующего кафедрой «Истории СССР» доцента Н. И. Ульянова, а уже 26 марта приказ о проведении по должности подписал декан А. К. Дрезин²². 15 ноября 1935 г. ВАК утвердил Н. И. Ульянова в звании профессора с обязанностью защитить докторскую в двухгодичный срок²³.

Одновременно с ЛИФЛИ Н. И. Ульянов работает ученым специалистом в Историко-археографической комиссии АН СССР. С начала 1930-х гг. Н. И. Ульянов буквально заваливает Археографическую комиссию и ее руководителя в 1932–1935 гг., члена-корреспондента АН СССР Семена Григорьевича Томсинского (1894–1938) письмами и предложениями о копировании и последующей публикации документов по истории коми и Русского Севера²⁴. Этнограф и историк А. И. Терюков пишет: «В фондах Археографической комиссии СПб филиала института истории РАН сохранилась часть переписки между АК и Севкомвузом о подборе различных исторических материалов в архивохранилищах Ленинграда и копировании их для исследований Н. И. Ульянова. Также имеются сведения о его поездке в Москву с 20 октября по 2 ноября 1931 г. для работы в Московском архивохранилище, а также сведения об оплате подготовки рукописи книги 1500 руб.»²⁵. С. Г. Томсинскому молодого историка характеризовали самым лучшим образом как источниковеда²⁶. Сам Н. И. Ульянов в это время писал: «Мои научные интересы лежат главным образом в области истории русского феодализма, в каковой связи меня занимает прежде всего история отдельных народов СССР»²⁷. Инициатива, как известно, у нас наказуема и почти сразу после возвращения из Архангельска молодой историк

¹⁹ Там же. Оп. 2. Д. 1672. Л. 18.

²⁰ Там же. Л. 12.

²¹ Израилевич Л. Николай Иванович Ульянов // За пролетарские кадры. 1935. 22 янв.; № 3 (78). С. 2.

²² ЦГАЛИ СПб. Ф. 328. Оп. 2. Д. 1672. Л. 13, 14.

²³ Там же. Л. 16.

²⁴ Санкт-Петербургский филиал архива РАН (далее СПФ АРАН). Ф. 133. Оп. 3. Д. 1272. Л. 7, 9, 14, 15.

²⁵ Терюков А. И. Н. И. Ульянов и его «Очерки истории народов Коми» // Деятели русской науки XIX–XX веков. Вып. 2. СПб., 2000. С. 178.

²⁶ СПФ АРАН. Ф. 133. Оп. 3. Д. 1272. Л. 8.

²⁷ Там же. Ф. 4. Оп. 4. Д. 4734. Л. 4.

подписывает договор от 15 мая 1933 г. — на редактирование «Альбома наглядных пособий по истории России и народов СССР XI–XIX вв.» до 1 февраля 1934 г.²⁸ В тот же день Н. И. Ульянов стал ученым специалистом Историко-археографической комиссии с окладом 400 рублей²⁹. Постановлением Президиума АН СССР от 15 февраля 1936 г. на базе Историко-археографического института АН СССР, Института книги, документа и письма и Института истории Ленинградского отделения Красной академии было создано Ленинградское отделение Института истории АН СССР³⁰. В нем Н. И. Ульянов проработал до своего ареста.

В ЛИФЛИ большинство работавших там были представителями так называемого «марксистского» направления в науке и последователями М. Н. Покровского. Отношения с ними у Н. И. Ульянова сложились напряженные, особенно с «проработчиками» по «Платоновскому делу» — профессором Михаилом Мироновичем Цвибаком (1899–1937) и деканом исторического факультета ЛГУ Григорием Соломоновичем Зайделем (1893–1937). Ученик С. Ф. Платонова принципиально отстаивал позиции русской классической исторической науки. Например, в многотиражке ЛИФЛИ в заметке студента Гришина говорилось: «В списке литературы, рекомендованной проф. Цвибаком для подготовки к сессии, основным пособием является курс Покровского. Тов. Ульянов, который будет принимать зачеты, в беседе с некоторыми студентами сказал, что основной упор надо сделать на проработку таких трудов, как курсы Ключевского, Платонова»³¹.

Среди своих коллег по ЛИФЛИ Н. И. Ульянов положительно отзывался о Митрофане Васильевиче Левченко (1890–1955), который, будучи аспирантом, занимал в ЛИФЛИ должности помощника декана и заведующего учебной частью и очень тяготился административной работой. На вопрос Н. И. Ульянова, не встречались ли они на лекциях Ф. И. Успенского, ответил что-то неразборчивое. Вскоре М. В. Левченко перешел работать к академику В. В. Струве и стал заниматься историей Византии.

Н. И. Ульянов вспоминал об этом так: при случайной встрече на набережной Невы разговорчивый и веселый М. В. Левченко сам подошел к нему и сообщил: «Я бросил административную работу». Н. И. Ульянов объяснял его поведение так: «В ту пору, когда большевики косо смотрели на такие “буржуазные” науки, как история Византийской империи, он об этом и не заикался, но, служа на маленькой должности в институте, не переставал следить за иностранной литературой по византоведению»³².

²⁸ СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 4734. Л. 3.

²⁹ Там же. Ф. 133. Оп. 3. Д. 55. Л. 4.

³⁰ Там же. Оп. 1. Д. 1455. Л. 59.

³¹ *Гришин*. Необходимо внести ясность // За пролетарские кадры. 1935. 4 янв., № 1 (76). С. 2.

³² *Ульянов Н. И.* Русские историки XX века. Цит. по: *Коряков М.* Галилеи нашего времени // Новое русское слово. 1958. 27 марта. С. 8.

Действительно, в 1933 г. возобновилась деятельность по изучению истории Византии в Государственной академии истории материальной культуры, М. В. Левченко был зачислен туда старшим научным сотрудником и занимался там исследованием аграрных отношений Византии V–VII вв. Впоследствии ученик Ф. И. Успенского, М. В. Левченко стал не только известным ученым, но и организовал в Ленинградском отделении Института истории АН СССР византийскую группу в 1939 г., стал директором этого института в 1940–1944 гг. и создал кафедру византоведения ЛГУ. Н. И. Ульянов считал, что его сослуживец одним из первых обратил внимание на значение переселения славянских народов в судьбах Византийской империи, его книги³³ — подлинный вклад в византоведение и славяноведение³⁴.

В особенности интересен рассказ Н. И. Ульянова о трансформациях взглядов другого директора института истории (1936–1938 гг.), академика Бориса Дмитриевича Грекова (1882–1953). Приведем обширную цитату полностью: «По характеру Греков был необычайно мягким человеком, до “киселеобразности”. Как ученый он считал себя “техником”. Действительно, он, как редко кто, знал источники. Но у него не было никаких историософских воззрений. Такой человек — находка для большевицкого режима. Вот, например, как в 1934 г. появилась на свет книга Б. Д. Грекова “Очерки по истории феодализма в России”³⁵. Два ленинградских историка Пригожин³⁶ и Цвибак вычитали у Маркса мысль об ослаблении крепостничества и вторичном закреплении крестьян. Поскольку в понимании марксистов русский исторический процесс ничем не отличается от западного, Пригожин и Цвибак решили разработать эту тему на русском материале. Беда была, однако, в том, что они не владели этим материалом, не были “техниками”. Тогда же эта марксистская схема и была подсунута Б. Д. Грекову. Он с удовольствием брал чужие схемы, потому что [это] избавляло его от непривычной для него работы. Так получились “Очерки по истории феодализма”, построенные по схеме “ослабления крепостничества и вторичного закреплениия”. Впоследствии Пригожин и Цвибак были арестованы как троцкисты, и та схема, которую они подсунили Грекову, тоже была объявлена “троцкистской”. Б. Д. Греков публично отрекся от своего труда.

³³ История Византии. Краткий очерк. М.; Л.: Соцэргиз, 1940; Очерки по истории русско-византийских отношений. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1956.

³⁴ *Ульянов Н. И.* Русские историки XX века. Цит. по: *Коряков М.* Галилеи нашего времени // Новое русское слово. 1958. 27 марта. С. 8.

³⁵ *Греков Б. Д.* Очерки по истории феодализма в России. Система господства и подчинения в феодальной деревне // Известия Государственной академии истории материальной культуры. М.; Л., 1934. Вып. 72. С. 25–159.

³⁶ Упоминаемый в цитате Абрам Григорьевич Пригожин (1896–1937), член ВКП(б), участник подавления Кронштадтского восстания, профессор Всесоюзного коммунистического сельскохозяйственного университета им. И. В. Сталина и Института истории Ленинградского отделения Комкадемии, директор Московского историко-философско-литературного института (МИФЛИ), репрессирован и расстрелян как троцкист.

В последующих работах Грекова “Киевская Русь” и “Крестьяне на Руси с древних времен” — нет и следа этой схемы. Б. Д. Грекова арестовывали по делу Платонова и Тарле. После ареста он “боялся собственной тени”. В конце концов Б. Д. Греков стал депутатом Верховного Совета, трижды лауреатом Сталинской премии, получил ордена Ленина»³⁷. На совершенно другой источниковой базе этот фактический материал подтверждает в своей статье о М. М. Цвибаке историк В. С. Брачев³⁸.

Н. И. Ульянов вспоминал в автобиографии, посланной историку Б. И. Николаевскому: «В 1935 г. вступил в полемику с акад. Б. Д. Грековым по поводу развиваемой им теории “о двух изданиях” крепостного права в России. Результатом явилась работа (свыше 5 печ. листов), которая была принята к печати, но которая подобно ряду других статей, погибла в связи с моим арестом»³⁹. Действительно, еще 25 января 1935 г. в прениях на заседании кафедры народов СССР ЛИФЛИ молодой историк критиковал теорию второго закрепощения и ее сторонников А. И. Мальшева, М. М. Цвибака и Б. Д. Грекова. В протоколе заседания кафедры отмечалось также, что Б. Д. Греков отходит от поддержки этой теории⁴⁰. В печать даже была сдана по линии АН СССР подготовленная работа «Проблема второго издания крепостничества в России»⁴¹. Уже в эмиграции в рецензии на труд В. Б. Эльяшевича «История права поземельной собственности в России» Н. И. Ульянов приводит теорию «второго закрепощения» как убедительный пример механической подгонки русской истории под западноевропейскую в экономической интерпретации марксизма: «Б. Д. Греков ныне как будто отошел от этой точки зрения, но его опыт может считаться самым показательным в смысле пути, которым до сих пор шла наша научная мысль в создании обобщающих схем и философии отечественной истории. Это путь подчинения конкретного исторического материала готовым умозрительным теориям либо выводам, сделанным на основании изучения чужих народов»⁴².

Среди сотрудников Института истории РАН, сослуживцев Н. И. Ульянова того времени надо выделить имена таких впоследствии известных историков, как Шнеер Менделевич Левин (1897–1969) (с сентября 1934 г.), Александр Львович Шапиро (1908–1994) (с 1934 г.) и Р. И. Козинцева. Руфь Иосифовна

³⁷ Ульянов Н. И. Русские историки XX века. Цит. по: *Коряков М.* Галилеи нашего времени // Новое русское слово. 1958. 27 марта. С. 8.

³⁸ Брачев В. С. Историк М. М. Цвибак и его судьба (1899–1937) // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2008. № 2. С. 33–54.

³⁹ Hoover Institution Archives. Stanford University. В. I. Nicolaevsky Coll. Box. 744, Fold. 1 (Н. И. Ульянов). Р. 1.

⁴⁰ ЦГА ИПД СПб. Ф. 5063. Оп. 1. Д. 1. Л. 4. См. так же: ЦГА ИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 162412. Л. 10 об.

⁴¹ СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 4734. Л. 6.

⁴² Ульянов Н. И. Сокрушение кумиров (Новое в русской историографии) // Возрождение. 1952. № 24. С. 175.

Козинцева (1906–1985) — сотрудник с 1931 г. и с 1934 г. аспирант ЛГУ, впоследствии была репрессирована и на допросе 27 июня 1937 г. вспоминала, что училась у Н. И. Ульянова⁴³.

Под эгидой Академии наук Н. И. Ульянов опубликовал свои труды: «Исторические материалы о Кольском полуострове, хранящиеся в Московском древлехранилище» в «Сборнике материалов истории Кольского полуострова в XVI–XVII вв.», оформленном как «материалы комиссии экспедиционных исследований», серия «Северная»⁴⁴, и «Феодальная колонизация и экономика Мурман в XVII в.» в «Историческом сборнике» в томе первом «Трудов истории АН СССР»⁴⁵. Удалось также выявить и работы, написанные Н. И. Ульяновым и сданные в печать, но погибшие при аресте в 1936 г. Видимо, намечалась брошюра «Буржуазно-националистическое движение и панфинская пропаганда в Карелии (1905–1917 гг.)» в три печатных листа⁴⁶ и отдельная статья в следующем выпуске «Исторического сборника» (Л., 1935) «Национально-освободительное и панфинское движение в Карелии». Для «Исторического сборника» лежала также статья «Общественно-политические взгляды Б. Н. Чичерина» или «Политические воззрения Б. Н. Чичерина» в три печатных листа⁴⁷. Н. И. Ульянов написал также работу «Карелия в эпоху Великого Новгорода», вариант названия: «Карелия в эпоху новгородского владычества»⁴⁸. Благодаря рекламе на обложке библиографического указателя известно о статье «Источниковедение народов Севера», предполагаемой в сборнике № 1 — «Проблемы источниковедения» Историко-археологического института АН СССР (Л., 1933)⁴⁹. В 1935–1936 гг. в Ленинграде должны были выйти составленные Н. И. Ульяновым и под его редакцией «Сборник материалов по истории Тульской оружейной слободы» и «Торговая книга конца XVI века». Ю. В. Дойков также утверждает, что пропала и капитальная работа «История русского Севера»⁵⁰. Сам Н. И. Ульянов писал: «Незадолго до ареста я принялся за монографию

⁴³ Ганелин Р. Ш. Руфь Иосифовна Козинцева (1906–1985). По документам и воспоминаниям // Ганелин Р. Ш. В России Двадцатого века. Статьи разных лет. М., 2014. С. 678.

⁴⁴ Исторические материалы о Кольском полуострове, хранящиеся в Московском древлехранилище // Сборник материалов истории Кольского полуострова в XVI–XVII вв. / АН СССР, материалы комиссии экспедиционных исследований. Вып. 24. Сер. Северная. Л., 1930. С. 20–161.

⁴⁵ Феодалная колонизация и экономика Мурман в XVII в. // Исторический сборник / Труды истории АН СССР. Т. 1. Л., 1934. С. 89–139.

⁴⁶ СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 4734. Л. 6.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Вознесенский С. В. Материалы для библиографии истории народов СССР XVI–XVII. Л., 1933. С. 3 обл.

⁵⁰ Дойков Ю. Личное дело № 43, или Судьба эмигранта Ульянова // Волна. [Архангельск]. 1991. 7 нояб.; № 15. С. 5.

по истории крестьянской войны начала XVII века, которая должна была явиться докторской диссертацией»⁵¹.

Противники и оппоненты Н. И. Ульянова любили и любят напоминать совершенно «советские» цитаты из его работ начала 1930-х гг.⁵² Но насколько в условиях советской «всецензуры» («сверхцензуры»), принудительного идеологического редактирования, дописывания авторского текста и практики насильственной вставки цитат можно говорить об объективном отражении взглядов историка Н. И. Ульянова? С другой стороны, можно только согласиться с историками В. С. Брачевым и А. С. Лавровым: «Конечно, проще всего было бы обойти работы Ульянова этого времени, просто противопоставив их более зрелым трудам, написанным в эмиграции. Однако нельзя не заметить, что именно в дискуссиях 20-х гг. сложилась та эрудиция в истории политической и правовой мысли, то умение видеть за частным историческим сюжетом целую историко-философскую проблему, которая будет характерна для него впоследствии»⁵³. Не углубляясь подробно в эту проблему, также отметим, что все мемуарные источники свидетельствуют, что в лекциях и семинарах Н. И. Ульянов придерживался именно тех научных позиций, что и в эмиграции.

Блестящая карьера Н. И. Ульянова внезапно прервалась при нижеследующих обстоятельствах. После выхода 16 мая 1934 г. «Постановления Совнаркома и ЦК ВКП(б) о восстановлении преподавания гражданской истории в школе» начинается официальное разоблачение школы М. Н. Покровского. Многие противники и недруги Н. И. Ульянова были изгнаны из учебных и научных заведений. В юбилейном номере институтской многотиражки «За пролетарские кадры» от 7 ноября 1935 г. появилась статья Н. И. Ульянова под весьма символическим названием: «Советский исторический фронт»⁵⁴. Фраза из этой статьи — «Наша историческая наука быстро шла к своему вырождению» — оказалась роковой, она была признана антипартийной формулировкой, и за это Н. И. Ульянова исключили из кандидатов в ВКП(б) 27 ноября 1935 г.⁵⁵ Ульянов лишь неосторожно публично высказал то, что было на уме, а возможно, и на языке у многих других, правда, более осторожных коллег⁵⁶. Как он сам писал, «заработался и утратил бдительность»⁵⁷.

⁵¹ Архив УФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области (далее Архив УФСБ). Ф. архивно-следственных дел. Д. П-71288. Т. 1. Л. 59.

⁵² Николаевский Б. И. Об общественном и личном (Вынужденный ответ Н. Ульянову) // Социальный вестник. 1960. № 11. С. 220–224.

⁵³ Брачев В. С., Лавров А. С. Н. И. Ульянов — историк России // Вестник СПбГУ. 1993. Сер. 6. Вып. 4 (27). С. 130.

⁵⁴ За пролетарские кадры. 1935. 7 нояб.; № 20 (94). С. 2.

⁵⁵ Архив УФСБ. Ф. архивно-следственных дел. Д. П-71288. Т. 1. Л. 15, 79.

⁵⁶ Брачев В. С., Лавров А. С. Н. И. Ульянов — историк России. С. 130.

⁵⁷ ЦГА ИПД. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 162412. Л. 10 об.

Формально Н. И. Ульянов был уволен из ЛИФЛИ 29 ноября 1935 г. приказом директора за № 1626 от 27 ноября того же года⁵⁸. Вместе с тем благодаря протоколам кафедры истории народов СССР становится ясно, что Ульянов присутствовал на заседаниях 7 марта, 23 апреля, 27 мая 1936 г. и даже выступал в прениях по докладу В. В. Мавродина «Образование Московского государства и возникновение абсолютизма в России»⁵⁹. Приказом от 9 апреля в комиссию по госэкзаменам назначили проф. Н. И. Ульянова⁶⁰, приказ № 73 от 8 июня 1936 г., т.е. после ареста, гласит: оплатить 3 часа работы по госам на истфаке⁶¹. Можно сделать вывод: до самого заключения Н. И. Ульянов оставался профессором исторического факультета ЛИФЛИ.

Из института истории АН СССР Н. И. Ульянов был задним числом отчислен 19 июня 1936 г. (официально якобы 16 июня 1936 г. «исключен из списков сотрудников»)⁶² и некоторые даты вписаны сверху. Причем А. И. Терюков убедительно доказывает: «Приказ по увольнению Н. И. Ульянова (№ 29 от 19 июня 1936 г.) был подписан не зам. директора Института истории АН СССР академиком Б. Д. Грековым, а его помощником по административно-хозяйственной части П. Г. Спирченко, который к тому же, согласно самого этого приказа, находился в Москве. А сам Б. Д. Греков в этот день подписал совершенно другой приказ № 28, что свидетельствует о том, что он находился в Ленинграде»⁶³.

Статья в многотиражке и исключение из кандидатов ВКП(б) стали не единственной причиной ареста Н. И. Ульянова 2 июня 1936 г. На него дали признательные показания С. Г. Томсинский, Г. С. Зайдель и И. М. Меламед⁶⁴. На самом деле эти показания были типичной подтасовкой в работе следствия 1930-х гг. Бывший начальник Н. И. Ульянова С. Г. Томсинский имел бурную революционную биографию. Он был членом Бунда (1908–1916 гг.) и ВКП(б) (с марта 1919, а в 1924 и 1927 гг. исключался как троцкист), окончил Институт красной профессуры, достиг должности зам. председателя Казахстанского филиала АН СССР. С. Г. Томсинский председательствовал на скандально известном заседании Института истории при ЛОКА и Ленинградского отделения общества историков-марксистов 29 января — 1, 12 и 16 февраля 1931 г. по проработке школ С. Ф. Платонова и Е. В. Тарле. Арестованный 19 апреля 1936 г. он указал, что А. И. Ульянов (именно так указано в протоколе)

⁵⁸ ЦГАЛИ. Ф. 328. Оп. 2. Д. 1672. Л. 15, 19.

⁵⁹ Там же. Оп. 1. Д. 44а. Л. 20, 23, 25.

⁶⁰ Там же. Д. 61. Л. 149.

⁶¹ Там же. Д. 62. Л. 2.

⁶² СПФ АРАН. Ф. 133. Оп. 3. Д. 55. Л. 4.

⁶³ Терюков А. И. Н. И. Ульянов и его «Очерки истории народов Коми» // Деятели русской науки XIX–XX веков. Вып. 2. СПб., 2000. С. 176.

⁶⁴ Архив УФСБ. Ф. архивно-следственных дел. Д. П-71288. Т. 1. Л. 79, 80

является «скрытым троцкистом»⁶⁵, но именно это и послужило «фактом» вербовки в контрреволюционную троцкистско-зиновьевскую организацию⁶⁶. Другой бывший начальник Н. И. Ульянова Г. С. Зайдель — выпускник Института красной профессуры, член ВКП(б) (с 1919 по 1934 г.), зам. председателя Коммунистической академии в Ленинграде, один из основных «проработчиков» С. Ф. Платонова по «академическому делу», директор Института истории Ленинградского отделения Красной Академии в 1930–1934 гг., сотрудник ЛИФЛИ, первый декан исторического факультета ЛГУ. В 1935 г. Г. С. Зайделя сослали в Саратов, и к моменту ареста в апреле 1936 г. он был профессором Саратовского пединститута и госуниверситета. Обвинялся как руководитель троцкистской организации, якобы готовивший теракт против И. В. Сталина и С. М. Кирова. Г. С. Зайдель только указал на принадлежность Н. И. Ульянова к контрреволюционной организации⁶⁷. Израиль Моисеевич Меламед — сотрудник Института истории Ленинградского отделения Красной академии только подтвердил, что якобы С. Г. Томсинский завербовал Н. И. Ульянова и обработал его в контрреволюционном духе⁶⁸.

Вина Н. И. Ульянова была даже по меркам 1936 г. настолько липовая, что в «Постановлении» от 7 октября 1936 г. о выделении в отдельное дело признавалось, что «контрреволюционная деятельность УЛЬЯНОВА Н. И. непосредственной связи с контрреволюционной деятельностью остальных участников не имеет»⁶⁹.

Уже из Соловецкого лагеря Н. И. Ульянов писал: «Следователь утверждал, будто я был “обработан” Томсинским и вел с ним разговоры контрреволюционного порядка, в каковых подвергалась критике и осуждению политика ЦК партии в области исторической науки. Никаких конкретных данных, подтверждающих мою вину, мне при этом не было предъявлено; ни одной ссылки на какой-нибудь отдельный случай разговора, равно как на содержание такого разговора, не было сделано. Единственным предъявленным доказательством были выдержки из копий протокола допроса Томсинского, Зайделя (бывш[ий] директор Лен[инградского] отд[еления] Ком[мунистической] академии) и Меламеда (бывш[ий] сотрудник ЛОКА), где Томсинский заявляет, что знает меня как скрытого троцкиста, а Зайдель и Меламед — как участника контрреволюционной организации. Никаких опять-таки намеков на конкретные факты в подтверждение своих заявлений помянутые лица не приводят»⁷⁰. Мало того, Н. И. Ульянов подчеркивал: «Начать с того, что некоторые мои личные осо-

⁶⁵ Архив УФСБ. Ф. архивно-следственных дел. Д. П-71288. Т. 1. Л. 23.

⁶⁶ Там же. Л. 1.

⁶⁷ Там же. Л. 46, 64.

⁶⁸ Там же. Л. 38.

⁶⁹ Там же. Л. 1.

⁷⁰ Там же. Л. 51 об.

бенности и скромное партийное и служебное положение ставили меня всегда на почтительное расстояние от этих “генералов” исторического фронта, исключая всякую сколько-нибудь интимную близость с ними. С Зайделем, например, я имел всего лишь 3–4 сугубо официальных разговора в общественном месте и присутствии большого количества людей. С Меламедом у меня было буквально “шапочное” знакомство, и я могу только поражаться той наглости, с которой он лжет в своем показании. Что касается Томсинского, связь с которым мне особенно инкриминировалась, то характер знакомства с ним был не таков, чтобы на этой почве могла произойти какая-то “обработка” меня в троцкистском духе. С 1927 по 1930 г. меня в Ленинграде не было, я проходил в Москве аспирантуру и с Томсинским не был знаком вовсе. С 1930 по 1933 г. я работал преподавателем Комвуза в Архангельске и лишь изредка наезжал в Ленинград для занятий в библиотеках и архивах. В одну из таких поездок в 1932 г. я познакомился с Томсинским. Мне надо было у него как директора Историко-Археологического института получить разрешение на занятия в архиве института. Знакомство было строго официальным. Таким же оно продолжало оставаться и после моего переезда в Ленинград в 1933 г. Никаким служебным или иным успехом в Ленинграде я не был обязан Томсинскому»⁷¹. Уже в концлагере, пытаясь оправдаться, историк писал: «Местом моей основной [работы] был Ленинградский институт истории, философии и лингвистики, а впоследствии Ленинградский гос[ударственный] университет, куда я был направлен Горкомом ВКП(б). Никакой, следовательно, зависимости от Томсинского, могущей послужить причиной известной податливости при “обработке” — у меня на этой почве не было. В Исторический институт Академии наук я был приглашен только зимой 1934 г. и работал там по совместительству, уделяя ему гораздо меньше времени, чем другим службам. С Томсинским я работал в этом Институте, следовательно, немногим больше года, потому что в самом начале 1935 г. он был уже убран из Ленинграда. В продолжение этого времени мои отношения с ним не выходили за рамки служебных. Я не только не участвовал с ним ни в какой организации, но даже не подозревал о существовании таковой. Встречи с Томсинским происходили в Институте на глазах у множества людей и никаких политических, тем более антипартийных разговоров между нами не было. Всякие утверждения обратного порядка являются чистой ложью и не могут быть подтверждены конкретными фактами»⁷².

Совершенно ясно, что ученик С. Ф. Платонова, непримиримый противник школы М. Н. Покровского не мог иметь просто даже дружеских отношений со своими оппонентами, а тем более входить с ними в «троцкистскую организацию». Н. И. Ульянов в письме из Соловецкого лагеря всячески этот постулат подчеркивал: «Мои отношения с ним были далеки от дружеских, все работники

⁷¹ Там же. Л. 56.

⁷² Там же. Л. 56 об.

Института знают о наших неоднократных столкновениях, в результате которых я одно время собирался уходить из Института. Томсинский ни в научном, ни в политическом отношении не являлся для меня авторитетом. Он был типичным представителем школы Покровского, с которой я всегда боролся, и нужно было полное игнорирование обстановки на историческом фронте, чтобы приписать мне вкупе с ним какую-то дискредитацию исторической науки. Ведь до 1936 г. в области истории наблюдалось засилье школы Покровского, видным представителем которой являлся Томсинский. Выходит, что он «обрабатывал» меня на предмет дискредитации его же самого»⁷³. Но в 1930-х гг. случались и не такие чудеса.

На следствии Н. И. Ульянов держался очень достойно, виновным себя не признавал, и никого не опорочил. Против него применялась пытка лишением сна, так на третий месяц заключения следователь «держал в продолжение 5 суток днем и ночью без сна и отдыха, отпуская в камеру только для принятия пищи, да и то только после того, как она остывала»⁷⁴.

Но всё это не спасло историка от суда за «контрреволюционную деятельность, пропаганду и протаскивание антипартийных взглядов в печати» и за участие в «к.-р. организации троцкистско-зиновьевской организации» — т.е. ст. 58–10–11 УК. Правда, дело было настолько шито «белыми нитками», что в результате дали минимальный срок — 5 лет.

Свой пятилетний срок Н. И. Ульянов отбывал сначала на Соловках (в Благовещенск только ушел поезд с политическими заключенными, поэтому НКВД отправило его в ближайший уголовный лагерь⁷⁵), а затем в Норильске. Реабилитирован Н. И. Ульянов прокуратурой г. Ленинграда 15 августа 1989 г.

К научной деятельности Н. И. Ульянов смог вернуться только в эмиграции через 13 роковых лет. Став впоследствии профессором Йельского университета, он написал около 200 работ. Н. И. Ульянов интересен нашим современникам своими трудами по философии истории, национальному вопросу в России, происхождению украинского сепаратизма и многими другими.

References

- Academicheskoe delo 1929–1931 gg. Vyp. I: Delo po ob'vineniyu akademika S. F. Platonova. SPb., 1993.
Bagdasarjan V. Istoriofografiya russkogo zarubej'ja: Nicolay Ivanovič Oulianoff. M., 1997.
Brachev V. S. Istorik M. M. Tsvibak i ego sud'ba (1899–1937) // *Obschestvo. Sreda. Razvitie* (Terra Humana). 2008. N 2. S. 33–54.
Brachev V. S., Lavrov A. S. N. I. Oulianoff — istorik Rossii // *Vestnik SPbGU*. 1993. Ser. 6. Vyp. 4 (27).
Doikov Yu. Ličnoe delo N 43, ili Sud'ba emigranta Oulianoffa // *Volna* [Arhangel'sk]. 1991. 7 noāb.; N 15.
Ganelin R. Sh. Ruf Iosifovna Kozintseva (1906–1985). Po dokumentam i vospominaniām // *Ganelin R. Sh. V Rossii dvadtsatogo veka*. M., 2014.
Grekov B. D. Očerki po istorii feodalizma v Rossii. Sistema gospodstva i podčineniā v feodal'noj derevne // *Izvestiā Gosudarstvennoy akademii istorii material'noi kul'tury*. M.; L., 1934. Vyp. 72.

⁷³ Архив УФСБ. Ф. архивно-следственных дел. Д. П-71288. Т. 1. Л. 56 об.

⁷⁴ Там же. Л. 52

⁷⁵ Там же. Л. 82.

- Grishin.* Neobhodimo vnesti āsnost' // *Za proletarskie kadry*. 1935. 4 ānv.; N 1 (76).
Izrailevič L. Nicolay Ivanovich Oulianoff // *Za proletarskie kadry*. 1935. 22 ānv.; N 3 (78).
Korākov M. Galilei nashego vremeni // *Novoe russkoe slovo*. 1958. 27 marta.
Nicolaevskiy B. I. Ob obschestvennom i ličnom (Vynujdennyj otvet N. Oulianoffu) // *Sotsialističeskii vestnik*. 1960. N 11.
Otkliki: Sbornik statei pamāti Nicolaya Ivanoviča Oulianoffa (1904–1985). New Haven, 1986.
Oulianoff N. I. Istoricheskie materialy o Kol'skom poluostrove, hranākschiesā v Moskovskom drevlehanilische // *Sbornik materialov istorii Kol'skogo poluostrova v XVI–XVII vv. / AN SSSR, materialy komissii ekspeditsionnyh issledovaniy*. Vyp. 24. Ser. Severnaā. L., 1930.
Oulianoff N. I. Feodal'naya kolonizatsiā i ekonomika Murmana v XVII v. // *Istorii sbornik / Trudi istorii AN SSSR*. T. 1. L., 1934.
Oulianoff N. I. S. F. Platonov // *Spusk flaga*. New Haven, 1979.
Oulianoff N. I. Sokrushenie kumirov (Novoe v russkoi istoriografii) // *Vozroждение*. 1952. N 24.
Platonov S. F. Problema russkogo Severa v noveyshey istoriografii // *Letopis' zanātij Arheografičeskoy komissii za 1927–1928 gg.* Vyp. 35. L., 1929.
Sotsial-demokratičeskije listovki 1894–1917: Bibliogr. ukaz. T. 1: Listovki tsentral'nyh učrejdeniy i zagraničnyh organizatsiy. L., 1931.
Теруиков А. И. Н. И. Оулианов и его «Очерки истории народов Коми» // *Деятели русской науки XIX–XX vv.* Vyp. 2. SPb., 2000.
Voznesenskiy S. V. Materialy dlā bibliografii istorii narodov SSSR XVI–XVII vv. L., 1933.

Список литературы

- Академическое дело 1929–1931 гг. Вып. I: Дело по обвинению академика С. Ф. Платонова. СПб., 1993.
Багдасарян В. Э. Историография русского зарубежья: Николай Иванович Ульянов. М., 1997.
Брачев В. С. Историк М. М. Цвибак и его судьба (1899–1937) // *Общество. Среда. Развитие* (Terra Humana). 2008. № 2. С. 33–54.
Брачев В. С., Лавров А. С. Н. И. Ульянов — историк России // *Вестник СПбГУ*. 1993. Сер. 6. Вып. 4 (27).
Вознесенский С. В. Материалы для библиографии истории народов СССР XVI–XVII. Л., 1933.
Греков Б. Д. Очерки по истории феодализма в России. Система господства и подчинения в феодальной деревне // *Известия Государственной академии истории материальной культуры*. М.; Л., 1934. Вып. 72. С. 25–159.
Исторические материалы о Кольском полуострове, хранящиеся в Московском древлехранилище // *Сборник материалов истории Кольского полуострова в XVI–XVII вв. / АН СССР, материалы комиссии экспедиционных исследований*. Вып. 24. Сер. Северная. Л., 1930. С. 20–161.
Откики: Сборник статей памяти Николая Ивановича Ульянова (1904–1985). Нью Хэвен, 1986.
Платонов С. Ф. Проблема русского Севера в новейшей историографии // *Летопись занятий Археологической комиссии за 1927–1928 гг.* Вып. 35. Л., 1929.
Социал-демократические листовки 1894–1917: Библиогр. указ. Т. 1: Листовки центральных учреждений и заграничных организаций / Под ред. Б. П. Бирмана, Г. И. Крамольника, П. С. Сенниковского; [сост.: Л. И. Радченко, Я. С. Рогинский, Н. И. Ульянов, под рук. С. Н. Валка]. Л., 1931.
Теруиков А. И. Н. И. Ульянов и его «Очерки истории народов Коми» // *Деятели русской науки XIX–XX веков*. Вып. 2. СПб., 2000.
Ульянов Н. И. С. Ф. Платонов // *Спуск флага*. New Haven, 1979. С. 125–127.
Феодальная колонизация и экономика Мурман в XVII в. // *Исторический сборник / Труды истории АН СССР*. Т. 1. Л., 1934. С. 89–139.

А. О. Пеганов

Пропаганда или тайная дипломатия? Поиск Венгрией сепаратного мира с Антантой в начале Первой мировой войны (осень 1914 — лето 1915 г.)¹

В годы Первой мировой войны возможность заключения мира постоянно присутствовала в орбите основных политических вопросов воюющих сторон. Во избежание угрозы раскола своей коалиции уже в сентябре 1914 г. державы Антанты обязались не заключать сепаратный мир². В то же время подобные взаимные обязательства не были приняты членами Центрального блока. Парадоксальным образом именно «зачинщица войны» — Австро-Венгрия была одним из наиболее настойчивых источников миротворческих инициатив, предпринятых в согласии с Германией или втайне от нее. Одной из наименее разработанных тем «тайной дипломатии» остается проблема подготовки сепаратного перемирия между Венгрией и Антантой.

Несмотря на регулярное внимание прессы Антанты к слухам о желании Будапешта порвать связи с Венной и вывести королевство из войны, историогра-

¹ Автор выражает благодарность Габору Деметеру, Густаву Кечкишу, Гибору Хайду и Аттиле Шерешу (Будапешт), Ивану Басенко (Киев), Олегу Казаку (Минск) и Вячеславу Шацилло (Москва), а также Жану-Франсуа Берда, Себастьяну Мазу и Сальватору Ло Пикколо (Тулуза) за их ценные советы и за содействие в поиске источников при подготовке данной статьи.

² Министерство иностранных дел в годы Первой мировой войны. Сборник документов (далее — МИДВПМВ) / Кириленко Ю. (ред.). Тула, 2014. С. 178–179.

фия практически проигнорировала данный аспект конфликта 1914–1918 гг.³ Впрочем, немногословность сохранившихся венгерских источников относительно этой весьма щекотливой для официального Будапешта проблемы частично объясняет эту ситуацию.

Задача данной статьи — попытаться осветить историю зарождения идеи сепаратного выхода Венгрии из Великой войны. Нас интересуют следующие вопросы: соответствовали ли слухи о развитии индпендистского движения в Будапеште реальным настроениям венгерских элит? Были ли сведения о желании Венгрии заключить мир проявлением пропаганды Антанты или же отголосками ее тайных контактов с Будапештом? Кто из венгерских политиков был готов поддержать отделение Венгрии от Австрии и подписать сепаратный договор с Антантой? Пытаясь ответить на эти вопросы, мы привлекли для анализа как корреспонденцию, дневники и мемуары венгерских политиков, так и документы из внешнеполитических ведомств государств Антанты. В силу фрагментарного характера полученной картины сепаратных проектов Венгрии выводы данной статьи предлагается рассматривать как неокончательные.

Политическая борьба в Венгрии между сторонниками дуализма и независимости в начале XX в.

Накануне Великой войны Венгерское королевство Святого Иштвана являлось формально суверенным государством, которое состояло в персональной, военной, таможенной и финансовой унии с Австрийской империей, составляя вместе с ней так называемую Дуалистическую монархию. Венгрия, занимая площадь в 325 тыс. км² с населением в 20 млн чел., обладала собственным правительством, парламентом, законодательством и гражданством. Страна была «мультиэтничной» — только половина ее жителей считались «мадьярами», в то время как «национальные меньшинства» зачастую составляли большинство населения в периферийных провинциях королевства, что подогревало ирредентистские амбиции соседних государств (Бухарест имел виды на Трансильванию, Белград — на Хорватию и Воеводину (плюс Боснию); отдельно можно упомянуть о чехословацком движении, грозившем отделением Словакии, и российских интересах в Подкарпатье).

Венгерская элита принимала энергичное участие в формировании внешней политики Габсбургской империи. Так, мадьярские аристократы активно

³ Круг историков, обративших внимание на обсуждение Антантой возможности заключения Венгрией сепаратного мира в 1914–1915 гг., весьма ограничен: *Hajdu T.* A contribution to the history of the proclamation of the Hungarian Republic of Councils // *Acta Historica Academiae Hungaricae*. 1973. N 19 (1–2). P. 58; *Documents diplomatiques français* (далее — DDF). 1915. T. I (1er janvier — 25 mai). Bruxelles, 2002. P. III–X; *Cornwall M.* Great Britain and the Splintering of Greater Hungary, 1914–1918 // *British-Hungarian Relations since 1848*. London, 2004. P. 103–122.

рекрутировались в МИД Австро-Венгрии, и в 1914 г. венгры возглавляли половину посольств монархии и представляли более трети высших функционеров данного министерства. Более того, несмотря на то что официально ведение дипломатии находилось в компетенции МИД⁴, венгерское правительство регулярно вело международные переговоры.

В эпоху дуализма (1867–1918 гг.) политические верхи Святостефанской короны можно условно разделить на два противоборствующих лагеря. Линия водораздела между ними проходила вдоль дебатов об определении рамок самостоятельности Венгрии. Политически доминирующую группу составляли сторонники принципов австро-венгерского компромисса 1867 г., заложившего основу дуалистической системы, которых именовали «партией Деака», или лагерем «67». Их противники, в память об анти-габсбургской революции, возглавляемой Лайошем Кошутом, приведшей к провозглашению независимости Венгрии в 1848 г., назывались лагерем «48». Хотя полный суверенитет Венгрии (и сокращение ее связей с Австрией до персональной унии) и считался главной целью кошутистов, однако его достижение откладывалось на будущее. В начале XX в. их главные требования предполагали введение отдельного от Австрии таможенного пространства для Венгрии, а также образование самостоятельной венгерской армии.

Традиционно члены лагеря «67» преобладали в парламенте Венгрии и формировали ее правительство. Так, убежденный приверженец соглашения 1867 г. граф Иштван Тиса, занимая с 1913 по 1917 г. пост премьер-министра, мог опираться на поддержку более половины членов парламента (объединенных в «Национальную партию труда»). В оппозиционном лагере крупнейшей фракцией была возглавляемая графом Михаем Каройи «Объединенная партия независимости и 1848 г.» (имела около четверти мандатов в парламенте)⁵. В начале XX в. противостояние между «партией Деака» и кошутистами достигло взрывоопасного градуса. После острого кризиса между правительством и парламентом в 1905–1906 гг. силам, сплотившимся вокруг «Партии независимости», было позволено сформировать правительство, которое, правда, возглавил сторонник дуализма Шандор Векерле. Тем не менее, из-за внутрикоалиционных противоречий и ловкой политики сторонников дуализма лагерь «48» так и не смог реализовать важнейшие элементы своей программы в момент его нахождения у власти в 1906–1910 гг.

Политическая борьба в Венгрии протекала не без опоры на иностранные государства. Так, если лагерь «67» мог надеяться на поддержку Австрии и Германии, то лагерь «48», критикуя прогерманскую ориентацию Вены, находил симпатии во Франции, США и России. В период венгерского кризиса 1905–1906 гг. великие державы оценили потенциал кошутистов как фактор дестабилизации империи Габсбургов. Накануне Великой войны М. Каройи начал

⁴ Godsey W. D. Aristocratic redoubt. The Austro-Hungarian Foreign Office on the eve of the First World War. Purdue, 1999. P. 128–129.

⁵ Romsics I. Magyarország története XX. században. Budapest, 2010. O. 71.

налаживать связи с правительствами, заинтересованными в ослаблении союза Дунайской монархии с Германией⁶. В 1913 г. он посетил Францию (где встретился с президентом Раймоном Пуанкаре), а весной 1914 г. принялся готовить визит в Санкт-Петербург (который из-за войны так и не состоялся)⁷.

Обстоятельства июльского кризиса 1914 г. дали повод оппозиции подвергнуть политику Тисы шквалу критики. Для индпендистов вялая реакция монархии на покушение в Сараево служила подтверждением того, что Вена не защищала интересы Венгрии (против сербского ирредентизма), а дуалистический компромисс изжил себя. Так, граф Альберт Апоньи, авторитетный член «Партии независимости», замещавший Каройи на время его тура в Америке, выступил с требованием направить «карательную экспедицию» в Белград. Неудивительно, что после декларации об объявлении Австро-Венгрией войны Сербии оппозиция была вынуждена заявить о временном отказе вести борьбу с правительством⁸.

Таким образом, еще до Первой мировой войны, программа кошутистов по отделению Венгрии от Австрии имела в Будапеште многочисленных сторонников и вызывала определенный интерес со стороны Антанты. В свою очередь установление «Божьего мира» летом 1914 г. между лагерями «67» и «48» не означало отказа индпендистов от своей программы, а скорее подчинилось задаче «единения нации» перед внешней угрозой.

Выход российской армии к границам Венгрии и нарастание в Будапеште неудовлетворенности ходом войны (август–декабрь 1914 г.)

С самого начала Первой мировой войны вопрос восстановления мира регулярно обсуждался мадьярскими элитами. Уже 30 августа 1914 г., во время битвы подо Львовом между российской и австро-венгерской армиями, премьер-министр Иштван Тиса писал своему близкому стороннику влиятельному барону Иштвану Буриану (который в 1903–1912 гг. был министром финансов монархии), что он собирался призвать Германию немедленно выступить с совместным предложением мира. Тиса придавал особое значение идее заключить «справедливый мир» с Францией и Россией⁹. Однако Буриан отбросил эту

⁶ Károlyi M. Hit, illúziók nélkül. Budapest, 1978. O. 59–61.

⁷ См., напр.: Dolmányos I. Károlyi Mihály és a «szentpétervári út» (Az orosz–magyar szövetség gondolata 1914-ben) // Történelmi Szemle. 1963. N 6 (2). O. 167–194; Bauquet N. Les réseaux franco-hongrois et la France, de 1896 à 1914: auxiliaires d'une découverte ou marchands d'illusions? // Studia Politica. 2005. N 5 (3). P. 605–644.

⁸ Bertényi ifj. I. «Hát végre!» Miért támogatta a háborút Apponyi Albert 1914-ben? // Magyar Tudomány. 2014. N 175 (11). O. 1283–1295.

⁹ Gróf Tisza István összes munkái (далее — GTIOM). S. 4. K. 2. Budapest, 1924. O. 110.

мысль. По его мнению, в данный момент условия мира можно только «диктовать, но не выторговывать»¹⁰.

«Пацифизм» Тисы (как и его колебания во время июльского кризиса 1914 г.) объяснялся опасениями, что неудачное развитие войны не только грозило российской оккупацией, но и могло подтолкнуть Румынию к выставлению территориальных претензий Венгрии. Действительно, после того как в сентябре 1914 г. российские войска заняли австрийскую Галицию, Бухарест дважды предложил монархии Габсбургов пропустить его войска в Трансильванию для их «защиты» от царской армии¹¹. Натолкнувшись на категорический отказ Тисы, его румынский коллега Ионел Братиану заключил 1 октября 1914 г. секретный договор с Россией, который признавал за Румынией право на присоединение населенных румынами частей империи Габсбургов¹².

Планы Антанты относительно будущего Дунайской монархии начали кристаллизовываться уже осенью 1914 г. Касательно Венгрии напрашивалось, в общих чертах, два подхода: либо, с одной стороны, поощрять ее сепаратизм, либо, с другой стороны, обещать ее окраинные территории соседним (союзным или нейтральным) государствам. Рассуждая над данной альтернативой, видный французский депутат Луи Марен составил в августе 1914 г. специальный меморандум для Кэ д'Орсэ. Марен утверждал, что Венгрию, которая «представляет из себя реальную силу», следовало использовать против Германии. Если же, писал депутат, отдать Трансильванию Румынии, Банат — Сербии, а Северную Венгрию (Словакию) — Богемии, то Будапешт будет бороться до конца на стороне Германии, и более того, даже в случае поражения, будет потом искать опору в Берлине. Марен подмечал, что, в то время как Англия и Франция были заинтересованы в сохранении целостности Венгрии (способной играть роль плотины против Германии), Россия, ввиду ее покровительства славянам Венгрии, была в «деликатной ситуации». Как компромисс, Марен предлагал дать специальные права славянскому населению Венгрии¹³.

Петроград играл особую роль в решении участи Австро-Венгрии. В сентябре 1914 г. министр иностранных дел России С. Д. Сазонов высказал британскому послу Джорджу Бьюкенену и его французскому коллеге Морису Палеологу свое мнение о целях войны относительно Австро-Венгрии. Во-первых, Россия могла присоединить Галицию и Силезию. Во-вторых, Сазонов предложил передать Боснию-Герцеговину и Далмацию Сербии. В-третьих, в остальной части монархии он считал возможным создать третий полноправный субъект — Бо-

¹⁰ Bátor Burián István naplói és távirati könyvei 1913–1915 / Horváth Erzébet, Tenke Sándor (szerk.). Budapest, 1999. O. 121.

¹¹ Gabányi J. A világháború története az összeomlás kezdetétől a békekötésig. K. I. Budapest, 1934. O. 264.

¹² МИДвПМВ. С. 179–180.

¹³ DDF. 1914 (3 août-31 décembre). Paris, 1999. P. 134–138.

гемию, расширенную за счет Северной Венгрии (Словакии). Наконец, Сазонов предложил оказать давление на Будапешт с тем, чтобы он вошел в переговоры с Бухарестом о судьбе Трансильвании¹⁴.

С выходом царских войска к «святостефанским границам» в Карпатах осенью 1914 г. российские власти начали популяризовать идею сепаратного мира для Венгрии. В октябре Юго-Западный фронт стал распространять листовки, которые поддерживали идею независимости Венгрии и ее освобождения от «австро-немецкого ярма»¹⁵. 12 октября 1914 г. близкая к властям влиятельная российская газета «Новое время»¹⁶ опубликовала статью, которая, видимо, должна была подсказать линию поведения «читателям» в Будапеште. «Новое время» утверждало, что «влиятельная группа мадьяр» лоббировала заключение мира с Россией и Сербией (на условиях присоединения к этим государствам занятых ими территорий и эвакуации венгерских войска с фронта). Более того, газета заявляла, что «небольшая группа коштуистов» даже считала актуальным низложить Габсбургов и отправить в Петроград ходатайство о новом короле. «Новое время» заключало, что Будапешт всё еще мог вступить на «самостоятельный путь» и, следуя поговорке «лучше поздно, чем никогда», постараться найти опору венгерской государственности в России¹⁷.

Кажется, среди государств Антанты упоминания о венгерском сепаратизме были наиболее часто связаны с Великобританией. С одной стороны, английская пресса регулярно обращалась к теме подготовки провозглашения в Будапеште независимости. Неудивительно, что российское «Новое время» и французская «Le Temps», публикуя заметки по данной теме, нередко ссылались на британские источники¹⁸. С другой стороны, согласно распространяемым в дипломатических кругах слухам, Лондон называли местом контактов между представителями Венгрии и Антанты. Например, 7 ноября 1914 г. посол Италии в Соединенном королевстве Гульельмо Имперали зафиксировал информацию о пребывании венгерских представителей в городе на Темзе. Они якобы

¹⁴ Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и Временного правительств. 1878–1917 (далее — МОЭИ). Сер. 3: 1914–1917. Т. 6 (5 августа 1914 — 13 января 1915). Ч. 1. М., 1935. С. 247–249.

¹⁵ Астахов А. Пропаганда на Русском фронте в годы Первой мировой войны. М., 2012. Листовка № 272.

¹⁶ В Венгрии внимательно следили за редакционной политикой «Нового времени». Напр., в начале 1914 г. именно «Новое время» стало медиальной площадкой подготовки поездки венгерских индпендистов в Санкт-Петербург (*Dolmányos I. Károlyi Mihály és a «szentpétervári út»*. O. 167–194), а в 1915 г. И. Буриан рассматривал позицию данной газеты по вопросу сепаратного мира как важный индикатор российских настроений (Burián István naplói. O. 155).

¹⁷ Румыния и Венгрия // Новое время. 1914. 29 сентября (12 октября).

¹⁸ Венгрия помышляет о сепаратном мире с Россией // Новое время. 1914. 2 (15) ноября; Венгры желают мира // Новое время. 1914. 4 (17) ноября; Inquiétudes et mécontentements en Hongrie // Le Temps. 1914. 24 décembre.

зондировали возможность мира между Антантой и Королевством Святого Иштвана после его отделения от Австрии¹⁹.

Размышления о прекращении войны в Будапеште были явно усилены в ноябре 1914 г. предложением президента США Вудро Вильсона сыграть роль посредника между воюющими сторонами²⁰. С целью проверки сведений о венгерских сепаратных предложениях посол Италии в Петрограде Андреа Карлоти явился 20 ноября в МИД России, где ему ответили, что «лицо с подобной миссией в Петроград не приезжало»²¹. 21 ноября Карлоти телеграфировал в Рим, что слухи о подготовке сепаратного мира с Венгрией зачастую исходят от попавших в российский плен венгерских аристократов и высших воинских чинов. Вместе с тем посол сомневался в успешности данного замысла, поскольку Будапешт вряд ли бы принял пропагандируемый Россией принцип национальностей²².

Усталость от войны начала сказываться на венгерских общественных настроениях зимой 1914 г. 30 ноября 1914 г. лидеры оппозиции М. Каройи и его зять Дюла Андраши мл., выступая в парламенте с призывами объединить национальные усилия против внешних врагов, всё же сделали несколько выпадов против кабинета Тисы. Так, Каройи, зачитав декларацию, которая подтверждала отказ «партии независимости» от *внутренней* борьбы с правительством, обращал внимание, что он рассчитывал на то, что война скажется на увеличении гражданских прав и суверенитета Венгрии²³.

Из опасения перед непредсказуемым поведением венгерских депутатов император-король Франц Иосиф постановил 9 декабря 1914 г. временно распустить парламент в Будапеште²⁴. Одновременно Вена одобрила исходящий из Будапешта проект отправки «венгерских 'неправительственных' эмиссаров» (Дюла Андраши (глава «Конституционной партии»), Альберт Апоньи от «Партии независимости» и Альберт Берзевичи от «Партии труда») за границу для обработки общественного мнения в пользу Венгрии²⁵. Вместе с тем индипендисты, очевидно, начали подозревать, что династия Габсбургов может начать политику централизации и уменьшить свободы Венгрии. 14 декабря Каройи признавался в письме редактору газеты «*Új Nemzedék*» Иштвану Милотаю в своих опасениях, что если Венгрия не начнет вести независимую от Австрии внешнюю политику и не проведет демократизацию, то «эта война катастрофически пагубно повлияет на идею мадьярской суверенной государственности»²⁶.

¹⁹ I documenti diplomatici italiani. Serie: 1914–1918 (далее — DDI). Vol. 2 (17 ottobre 1914 — 3 marzo 1915). Rome, 1984. P. 121–122.

²⁰ Burián István naplói. O. 128–129.

²¹ МИДвПМВ. С. 45.

²² DDI. Vol. 2. P. 217–218.

²³ Képviselelőházi napló, 1910. K. 26 (1914. július 22 — 1915. május 6). Budapest, 1915. O. 210.

²⁴ *Gabányi J.* A világháború története az összeomlás kezdetétől a békekötésig. O. 267.

²⁵ GTIOM. K. 2. O. 352.

²⁶ Károlyi Mihály levelezése. K. I (1905–1920). Budapest, 1978. O. 119–120.

В столицах Антанты также отмечали нарастание напряженности в Венгрии. В конце 1914 г. российские дипломаты получили информацию о «критическом положении в Венгрии» и ослаблении позиции Тисы на фоне российского проникновения через Карпаты. Сербская миссия в Петрограде даже передала сведения, что в Дунайской монархии пустила корни идея о заключении мира с Антантой (не только без Германии, но и против нее). При этом Будапешт был якобы готов к соглашению даже без Вены²⁷.

В декабре 1914 г. главнокомандующий российским Юго-Западным фронтом генерал Иван Иудович Иванов начал готовиться к наступлению на Будапешт. При этом Иванов убеждал Ставку, что Венгрия «готова идти на сепаратный мир»²⁸. В МИД России, кажется, пришли к схожему выводу. Предполагалось, что в случае нежелания Вены сложить оружие сепаратные переговоры о мире могут быть начаты с Венгрией, которой может быть обещана полная независимость²⁹.

Таким образом, к концу осенней кампании 1914 г., когда войска России угрожали наступлением на Будапешт, пресса держав Антанты давала понять, что сценарий распада Дунайской монархии по инициативе Будапешта мог рассчитывать на ее симпатии. Вероятно, эта кампания должна была действовать не только как орудие пропаганды (подчеркивая непрочность империи Габсбургов), но и как открытое послание, призванное подхлестнуть интерес венгерских элит к сепаратизму. Реакция кабинета И. Тисы на подобные перспективы неизвестна. Однако можно констатировать, что сторонники независимости Венгрии осенью 1914 г. плотнее объединились вокруг кабинета Тисы, считая необходимым переход к проведению собственно венгерской дипломатии.

Первый венгерский зондаж заключения сепаратного мира (январь 1915 г.)

В начале 1915 г. кризисная ситуация империи Габсбургов становилась всё более заметной. В российской Ставке, где колебались между вариантами наступления на северном (Берлин) либо южном (Вена и/или Будапешт) направлении, высказывали надежды, что удар по Дунайской монархии мог

²⁷ МОЭИ. Т. 6: Ч. 2: 5 августа 1914 г. — 13 января 1915 г. М., 1935. С. 233–234, 237–238.

²⁸ *Бонч-Бруевич М.* Потеря нами Галиции в 1915 г. Ч. 1: Через Карпаты зимой 1915 г. в Венгрию. М., 1921. С. 15. О планах И. Иванова заключить сепаратный мир с Венгрией упоминают и австрийские военные историки. См., напр.: *Glaise-Horstenau E. (dir.) Austria-Hungary's last war, 1914–1918. Vol. 2 (1915). Vienne, 1931. P. 156.*

²⁹ *Крючков И.* Россия и проблема будущего Австро-Венгрии в годы Первой мировой войны // Чичеринские чтения. Россия и мир после Первой мировой войны. Тамбов, 2009. С. 38–41.

привести к ее «полному распаду»³⁰. Параллельно, в январе 1915 г., Юго-Западный фронт вновь отпечатал листовки с призывами к отделению Венгрии от Австрии³¹.

Истощение сил Дунайской монархии подтверждалось ее первым мирным предложением Антанте, которое подразумевало отказ Габсбургов от Галиции (в пользу России) и Боснии-Герцеговины (в пользу Сербии)³². Французский посол в Берне Поль Бо писал, что отчаявшиеся австро-венгерские эмигранты в Швейцарии считали, что если официозные мирные предложения Вены не принесут результатов, то сепаратистское движение венгров вскоре достигнет своей цели³³.

Угроза российского наступления на Будапешт усилила решимость мадьяр «взять свою судьбу в свои руки». 1 января 1915 г. М. Каройи на страницах партийного вестника «*Magyarország*» опубликовал «новогоднее поздравление», в котором выразил надежду на скорое заключение мира и подчеркнул, что пришло время борьбы за «все атрибуты национальной независимости» и «демократическое избирательное право»³⁴. С сенсационным заявлением выступил и И. Тиса. 1 января 1915 г. он обратился к своей партии с речью, в которой был замечен явный крен в сторону лагеря «48». Премьер-министр указал на то, что после войны положение венгерской нации следовало укрепить в составе монархии. Более того, он предостерег, что «только опасный для общества сумасшедший может говорить с другой стороны (в Австрии. — А. П.) о централизме»³⁵. Декларация Тисы, очень позитивно воспринятая оппозицией, отметила наступление новой атмосферы консенсуса между лагерями «67» и «48».

Вместе с тем Франц Иосиф, стараясь укрепить приверженность Будапешта идеям дуализма, поставил во главу МИД, по рекомендации Тисы, И. Буриана. Это назначение было истолковано как доказательство признания нового статуса Венгрии — «хозяйки» империи Габсбургов³⁶. Один из хорватских политиков описывал представителю Антанты новую стратегию Будапешта следующим образом: пока не появится угроза территориальной целостности короны Святого Иштвана, Тиса будет стремиться удержать целостность Дунайской монархии под гегемонией Венгрии. В противном случае Тиса будет делать «чисто

³⁰ Незнамов А. (сост.). Стратегический очерк войны 1914–1918 гг. Ч. 3: Период с 12 (25) ноября 1914 г. по 15 (28) марта 1915 г. М., 1922. С. 38.

³¹ Асташов А. Пропаганда на Русском фронте в годы Первой мировой войны. Листовка № 273.

³² DDF. 1915. Т. I. P. 4. Мирная инициатива Австро-Венгрии не была принята. С. Д. Сазонов, согласно записи посла М. Палеолога, отклоняя это предложение, спрашивал у посла: «А Богемия... значит, ее следует оставить под нынешним режимом?»

³³ Ibid. P. 38.

³⁴ Károlyi Mihály levelezése. K. I (1905–1920). Budapest, 1978. O. 122.

³⁵ Gabányi J. A világháború története az összeomlás kezdetétől a békekötésig. O. 267.

³⁶ DDF. 1915. Т. I. P. 128.

мадьярскую политику» и задействует своих эмиссаров, присутствующих в Париже и Лондоне³⁷.

Идея заключения сепаратного мира в Будапеште, кажется, начала обретать более отчетливые контуры. Французское консульство в Белграде получило информацию, что внутри «Партии независимости и 1848 г.» был образован секретный комитет, который поставил своей целью подготовку провозглашения Венгрией независимости. Комитет якобы готовился вступить в контакт с Россией с целью запроса условий эвакуации ее войск из Венгрии³⁸.

В середине января 1915 г. по поручению А. Апоньи граф Пал Сапари (лидер индпендистской «Партии крестьянских социалистов») прибыл в Рим и поставил перед британским послом Реннелом Роддом вопрос о заключении сепаратного мира между Антантой и Венгрией. Сапари передавал, что Апоньи был готов прибыть в Италию для дальнейших переговоров с англичанами при условии получения гарантий сохранения Венгрией в будущем ее провинций, особенно Трансильвании³⁹.

21 января 1915 г. посол Великобритании Дж. Бьюкенен сообщил в МИД России о предложении представителя венгерской оппозиции заключить мир между Венгрией и Антантой. При этом в Будапеште были готовы провозгласить независимость, сохраняя с Венной только персональную унию. Более того, Венгрия была готова поддержать передачу Буковины Румынии. Центральным пунктом этого мирного компромисса было признание Антантой территориальной целостности Венгрии. Бьюкенен добавлял, что глава Форин офис сэр Эдуард Грей намеревался отклонить венгерские условия, поскольку Антанта была связана своими обещаниями Бухаресту (относительно Трансильвании)⁴⁰.

23 января шеф царской дипломатии С. Д. Сазонов ответил британцам, что, по его мнению, найти базу для заключения сепаратного мира между Антантой и Венгрией будет трудно. Так, запрос Будапешта гарантировать неприкосновенность его провинций, писал Сазонов, союзники удовлетворить не могут. Он добавлял, что помимо «обещаний» Румынии Россия должна была учитывать национальные пожелания славян в Венгрии. Вместе с тем Сазонов советовал Грею не пресекать попытки сближения из Будапешта. Наоборот, подчеркивал российский министр, Лондону следовало в своем ответе поддержать стремление венгерского народа к независимости и пообещать, что, когда она будет провозглашена, то Антанта будет готова выслушать предложения Будапешта⁴¹.

³⁷ Ibid. P. 144.

³⁸ Ibid. P. 143. Более подробных сведений о данном комитете нет и венгерский историк Тибор Хайду считает, что его вообще не существовало.

³⁹ Hajdu T. A contribution to the history of the proclamation of the Hungarian Republic of Councils. P. 58; Cornwall M. Great Britain and the Splintering of Greater Hungary, 1914–1918. P. 103–122.

⁴⁰ МОЭИ. Т. 7: Ч. 1: 14 января — 23 мая 1915 г. М., 1935. С. 73–74.

⁴¹ Там же. С. 88–89; DDF. 1915. Т. I. P. 142–143.

26 января 1915 г. «Новое время» напечатало пространную заметку о рамках возможного компромисса с Будапештом⁴². Ее автор указывал, что если «депутация из влиятельных в Венгрии лиц» прибудет для переговоров с российскими властями, то это может привести к «сохранению Венгрии как одного неделимого целого». При этом вопрос будущего положения народностей в Венгрии (русских (т.е. русинов), словаков, сербов и румын) сыграет решающую роль для смягчения российской позиции. Ежели, размышлялось в статье, Венгрия будет реорганизована в соответствии с пожеланиями народностей, то «мы бы считали невозможным разделить Венгрию, составляющую исторически, географически и, главное, экономически единое, неразрывное целое...»⁴³

Помимо встречи П. Сапари с Р. Роддом и последующего обмена мнениями между Э. Греем и С. Сазоновым имеется информация только «из вторых рук» о контактах в начале 1915 г. между венгерскими политическими кругами и державами Антанты. Так, согласно сведениям посла Франции в Швейцарии Бо, в январе 1915 г. делегация «венгерских магнатов» под руководством некоего Надя Бервченьи отбыла в Петроград для обсуждения сепаратного мира⁴⁴. Тогда же итальянский посол Имперали сообщил в Рим, что Форин офис якобы принял трех эмиссаров из Будапешта. Эту информацию вице-секретарь Форин офис Уильям Тиррелл не прокомментировал, но он добавил, что в случае быстрого продвижения русских к Вене или Будапешту следовало ожидать сюрпризов⁴⁵. Помимо этого, в марте 1915 г. посол Италии в Петрограде А. Карлоти доложил в Рим о вероятном прибытии в российскую Ставку трех венгерских депутатов для сепаратных мирных переговоров⁴⁶.

⁴² 18 января 1915 г. «Новое время» напечатало первую часть данной заметки. В ней автор напоминал о перспективах «расчленения Венгрии» и указывал, что из 20 млн ее жителей мадьяр было только 6,5 млн, а остальные «народности» были настроены против «мадьярской гегемонии». См: *Р. Е. О сомнительной «венгерской» нации и о неделимости Венгрии*. 1 // Новое время. 1915. 5 (18) января.

⁴³ *Р. Е. О сомнительной «венгерской» нации и о неделимости Венгрии*. 2 // Новое время. 1915. 13 (26) января.

⁴⁴ DDF. 1915. Т. 1. Р. 38.

⁴⁵ DDI. Vol. 2. P. 467. Итальянский консул в Будапеште Альберто Мартин-Франклин относился с сомнениями к сообщениям о венгерских мирных предложениях и в начале 1915 г. исключал возможность пребывания венгерских посланников в Лондоне. Его главный аргумент сводился к тому, что в данный момент оппозиция (включая индпендистов и М. Каройи) поддерживала Тису (см. DDI. Vol. 2. P. 523–524). 22 января Мартин-Франклин телеграфировал в Рим содержание своей беседы с Каройи, который убедил его, что слухи об активизации сепаратистского движения в Венгрии не имеют почвы (Ibid. P. 555–556). Самое курьезное в данной ситуации то, что в это же время с мирной миссией в Риме находился от имени оппозиции П. Сапари.

⁴⁶ DDI. Vol. 3. (3 marzo — 24 maggio 1915). Rome, 1985. P. 153. Правдивость этой информации Мартин-Франклин ставил под сомнение. Консул писал, что несмотря на рост желания мира в Будапеште даже М. Каройи («единственный франко- и русофил») считал необходимым объединиться вокруг кабинета Тисы, что должно было исключить вероятность реализации программы индпендистов. См: DDI. Vol. 3. P. 276–277.

Очевидно, что как неприемлемость для Тройственного согласия предложенного Будапештом компромисса на условиях уважения святоштефанских границ, так и неспособность российских войск развить наступление вглубь Среднедунайской долины временно сняли с повестки дня вопрос заключения Венгрией сепаратного мира. Уравнение национальностей Венгрии, кажется, отвечало долговременным пожеланиям Антанты, которые проявились еще в период «венгерского кризиса» 1905–1906 гг. В этом ключе намерение индпендистов протолкнуть вперед «демократические» реформы могло оказаться попыткой снятия трений между различными национальностями в Венгрии. Учитывая неприемлемость для Будапешта как территориальных концессий, так и увеличения прав немадьярских народов, неудивительно, что британский «Комитет обороны империи» заключил в конце января 1915 г., что «вечному конфликту между немецким и венгерским характерами не следует придавать слишком большое значение»⁴⁷.

Поддержка Италией отделения Венгрии от Австрии (январь–апрель 1915 г.)

В первой половине 1915 г., на фоне предъявления итальянских претензий на австрийские провинции и нарастания трений между Веной и Римом, венгерские сепаратные настроения оживились. Срочное заключение мира (даже без Германии) стало казаться последним вариантом, способным предотвратить две нежелательные для (Австро-)Венгрии перспективы: во-первых, если территориальные aspirations Рима не будут удовлетворены, — расширение лагеря Антанты за счет Италии (и, вероятно, Румынии), и, во-вторых, если Вена пойдет на территориальные уступки в адрес Рима, — обязательства Будапешта пойти на схожие шаги в Трансильвании в пользу Бухареста.

В то же время глава МИД Италии Сидни Соннино давал понять, что сценарий отделения Венгрии от Австрии мог рассчитывать на его поддержку. Симпатии между ним и венгерскими оппозиционерами были взаимными. 22 января 1915 г. М. Каройи передал генеральному консулу в Будапеште А. Мартину-Франклину, что он и два других видных члена его «партии независимости» (Дюла Юст, Тивадар Баттяни) одобряли идею передачи австрийской провинции Трентино Италии⁴⁸. В начале февраля 1915 г. Каройи (заручившись поддержкой двух других видных однопартийцев — Лайоша Бека и Мартона Ловаси) согласовал поездку в Италию его представителя, сторонника «независимой и демократической Венгрии», униатского священника Яноша Тюрюка. Каройи

⁴⁷ The war after six months. An appreciation by Lord Esher. 29 January 1915. P. 2 // Parliamentary Archives. The Lloyd George Papers (LG/C/16/1/5). Электронный ресурс: <http://discovery.nationalarchives.gov.uk/details/rd/2d71b55b-a622-4d1d-8834-22ff5b0f44e7>

⁴⁸ DDI. Vol. 2. P. 555–556.

говорил Мартину-Франклину, что, по его мнению, Трентино (и, вероятно, Триест) следовало передать Италии. Вместе с тем Каройи настаивал на том, чтобы Венгрия сохранила свой адриатический порт — Фиуме. В целом Каройи выступал против доминирования в регионе «славянства» и «германства» и считал, что аналогичные интересы имела и Италия⁴⁹. Посредством Тюрюка «партия независимости» получила информацию из Рима, что дальнейшее откладывание монархией Габсбургов «мирной акции» сделает вступление Италии в войну непредотвратимым⁵⁰.

В начале марта 1915 г. Тиса пришел к выводу, что дальнейшее отклонение итальянских претензий в Адриатике может подтолкнуть Рим к переходу на сторону Антанты, что, в свою очередь, предопределяет выступление Бухареста против Австро-Венгрии. Из страха перед появлением коалиции Италии, Румынии и России Тиса предложил 3 марта 1915 г. Буриану пойти на уступки Италии и передать ей Трентино⁵¹. Буриан согласился, но это «запоздавшее» предложение оказалось недостаточно привлекательным для Рима⁵².

Одновременно Италия активизировала свои контакты с венгерскими индипендистами. 12 марта 1915 г. Соннино впервые лично принял Тюрюка. Священник попытался убедить собеседника, что правительство Тисы (как коррумпированное и не допускавшее расширения избирательного права) не представляло Венгрии, которая не была заинтересована в победе Германии. Также Тюрюк пообещал, что независимая Венгрия не будет иметь аспираций на Балканах, кроме Фиуме. В свою очередь Соннино выразил желание оказывать поддержку Каройи и предложил свое посредничество в налаживании контактов с другими великими державами. Отдельно Соннино акцентировал важность нахождения венграми компромисса с Румынией⁵³.

По мере сближения позиций Италии и Антанты Петроград поставил своих союзников в известность о неприемлемости на данный момент мира с Венной. 13 апреля 1915 г. С. Сазонов заявил французскому послу М. Палеологу, что «я не верю, что Австрия уже готова нам отдать всё то, что мы собираемся от нее потребовать». Как отметил Палеолог, теперь помимо Галиции и Северной Буковины Россия решила присоединить и венгерское Подкарпатье. Также Петроград предлагал увеличить сербскую порцию венгерского пирога на Темешварский Банат⁵⁴.

Отсутствие дипломатических и военных успехов Австро-Венгрии увеличивало беспокойство венгерских официальных кругов. Заместитель Буриана

⁴⁹ DDI. Vol. 2. P. 661–662; Károlyi Mihály levelezése. O. 123–124.

⁵⁰ *Batthyány T. Beszámoló*. K. I. Budapest, 1927. O. 125–126.

⁵¹ Count Stephan Tisza, Prime Minister of Hungary. Letters (1914–1916) / Bussy de C. (ed.). New York, 1991. P. 104.

⁵² *Valiani L. Italian-Austro-Hungarian Negotiations 1914–1915* // Journal of Contemporary History. 1966. N 1 (3). P. 129.

⁵³ *Károlyi M. Hit, illúziók nélkül*. O. 86–87.

⁵⁴ DDF. 1915. T. 1. P. 635–636.

граф Янош Форгач, критикуя политику своего начальника, написал 3 апреля 1915 г. Тисе, что если «русские дойдут до Кошиц, то разговоры с немцами будут излишни и нам останется только протянуть руку врагам с просьбой о мире». Указывая, что «военные проиграли войну», Форгач торопил Тису подготовиться к наихудшему развитию ситуации⁵⁵. В середине апреля А. Берзевичи, видный однопартиец Тисы, попытался склонить к срочной мирной инициативе А. Апоньи и Д. Андраши. По его мысли, для предотвращения военного поражения следовало незамедлительно выбрать между компромиссом с Италией («любой ценой») или миром с Антантой (если возможно, то с Россией)⁵⁶.

К концу апреля 1915 г. нервы начали сдавать и у Тисы. 27 апреля он написал Буриану, что вопрос заключения мира с Антантой должен быть срочно включен в повестку переговоров с Германией. «Мы должны предложить Антанте мир до того момента как они (итальянцы. — А. П.) атакуют». В то же время Тиса считал, что если Италия все-таки объявит войну, Австро-Венгрии «следует отказаться от идеи победы, послать на итальянскую и румынскую границы войска и просить у Антанты мира». Естественно, добавлял Тиса, этот план следует держать в секрете от Берлина⁵⁷. Буриан соглашался, что нападение Италии вело к катастрофе, но, в отличие от Тисы, он был убежден, что предлагать Антанте мир от имени Центральных держав не имело смысла. Антанга, записал Буриан в своем дневнике, может пойти только на сепаратный мир с Дунайской монархией (без Германии)⁵⁸. Вместе с тем Тиса продолжал настаивать на отправке Антанте мирного послания от имени Вены и Берлина. 1 мая Тиса написал Францу Иосифу, что «Антанте следует предложить мир через подходящего посредника (такого как король Испании или Дании)». Мир, по замыслу Тисы, должен был содержать «очень выгодные» положения для Антанты и в то же время позволить Австро-Венгрии противостоять Италии, Румынии и Сербии⁵⁹.

В конце апреля 1915 г. С. Соннино отправил тайное послание Тисе, в котором он советовал венгерскому правительству подготовиться к немедленной подаче прошения о мире. В этом случае Италия была бы готова поддерживать появление «независимой от немецкого влияния Венгрии»⁶⁰. Однако Тиса отклонил план Соннино. Отделение Венгрии было для него недопустимым⁶¹. Вероятно, позиция Тисы повлияла на решение Соннино сделать основную ставку на развитие отношений с венгерской оппозицией.

⁵⁵ Burián István napló. O. 143.

⁵⁶ *Búcsú a monarchiától. Berzeviczy Albert naplója (1914–1920)* / Gali Maté (szerk.). Budapest, 2015. O. 96–97, 101–102.

⁵⁷ GTIOM. K. 3. Budapest, 1927. O. 260.

⁵⁸ Burián István napló. O. 145.

⁵⁹ Count Stephan Tisza. Letters (1914–1916). P. 129.

⁶⁰ GTIOM. K. 3. O. 262–263.

⁶¹ Ibid. O. 263–264.

Попытка создания «правительства мира» в Будапеште и упадок сепаратистских настроений в Венгрии (апрель–июль 1915 г.)

В апреле 1915 г. венгерские сторонники мира активизировали свою деятельность в Будапеште и за рубежом. Так, Тюрюк был принят британским послом в Риме Роддом. Как и Соннино, англичанин посоветовал индпендистам установить связь с румынским дипломатом в Риме. 22 апреля 1915 г. Соннино поставил Тюрюка в известность о запланированной на начало мая 1915 г. денонсации Италией Тройственного союза, за которой последует война, «если Бог не совершит чуда». На сообщение Тюрюка, что в Венгрии начался процесс организации теневого мультипартийного кабинета⁶², Соннино отреагировал заявлением, что если до середины июня коалиция оппозиционных партий сместит Тису, то Рим не будет претендовать на Фиуме и окажет воздействие на Бухарест, чтобы тот уменьшил свои претензии в Трансильвании⁶³.

В конце апреля 1915 г. коштуисты через Андраши проинформировали Буриана (а тот — Франца Иосифа) о своей «итальянской акции» и требовании отставки Тисы, предъявленном Соннино⁶⁴. Параллельно этому 19 апреля 1915 г. открылась новая сессия венгерского парламента, в ходе которой оппозиция заявила о конце «перемирия» с правящей партией. 26 апреля Каройи выступил в парламенте с протестом против правительственного законопроекта о включении венгерских граждан в «инострannую» (т.е. австрийскую) армию. Указывая на задачу построения «венгерского национального суверенного государства», Каройи обвинил Тису в том, что тот низводил Венгрию до положения «колонии»⁶⁵. 3 мая Каройи выступил с более агрессивной речью, заявив о недоверии кабинету Тисы. Он вернулся к принципиальным требованиям своей партии — отделению таможенного пространства Венгрии от Австрии и расширению избирательного права. В конце своей речи Каройи предложил Тисе подать в отставку⁶⁶.

18 мая 1915 г. индпендисты потребовали у Тисы подать в отставку и сформировать «правительство мира», если Италия объявит Австро-Венгрии войну. План, выработанный объединенной оппозицией (Михай Каройи, Альберт Апоньи, Тивадар Баттяни, Дюла Андраши мл., Иван Раковски из «Рабочей партии», Аладар Зичи (глава «Народной католической партии») и Вилмош Важоньи — лидер «Демократической партии»), предполагал создание нового коалиционного кабинета, в котором Тиса получил бы какой-нибудь портфель,

⁶² *Károlyi M.* Hit, illúziók nélkül. О. 87.

⁶³ *Batthyány T.* Beszámoló. О. 125–126.

⁶⁴ Ibid. О. 125; *Károlyi M.* Hit, illúziók nélkül. О. 88.

⁶⁵ *Képviseleti napló.* О. 310–312.

⁶⁶ Ibid. О. 409–415.

но на пост премьер-министра была бы назначена более подходящая для начала «мирной акции» фигура⁶⁷ (возможно, Шандор Векерле⁶⁸).

Однако Франц Иосиф не одобрил отставку Тисы. В качестве уступки он предложил оппозиции кооптировать двух-трех министров (Апоньи, Андраши и Зичи)⁶⁹. Для оппозиции данное предложение также было недостаточным, и в итоге замысел «коалиционного правительства мира» провалился⁷⁰.

Не добившись «развода» между Будапештом и Веной, Италия объявила 23 мая 1915 г. войну Австро-Венгрии. За несколько дней до этого Тиса был принят Францем Иосифом. Основываясь на краткой записи Тисы об этой аудиенции, можно судить о том, что монарх опасался не столько нападения Италии, сколько перехода во вражеский лагерь Румынии. «Если ситуация будет неустойчива», записал Тиса, то «быстро (заклучить. — А. П.) мир». При этом мирное предложение следовало направить через посредничество короля Испании в Великобританию. «Уничтожение монархии не входит в интересы Англии», — подвел итог Тиса⁷¹.

Нам неизвестно, имела ли последствия эта аудиенция Тисы у монарха, однако кажется маловероятным, что у него сохранялись надежды на возможность заключения мира между Антантой и Центральным блоком. Эта опция была только что отвергнута на австро-германской конференции в Плессе 18 мая 1915 г.⁷² Вместе с тем, 25 мая 1915 г. британский посол Бьюкенен запросил мнение Петрограда на новый зондаж из Венгрии. Бьюкенен сообщал, что «на днях» какой-то «влиятельный венгерец» вновь запросил у британского посла в Риме реакцию Англии, Франции и России по вопросу заключения отдельного мира с Венгрией. При этом Будапешт в обмен на гарантии сохранения своих владений был согласен порвать отношения с Берлином и Веной. Сазонов, в свою очередь, рекомендовал отнестись к данному предложению с осторожностью, поскольку «Румыния, против которой было бы направлено соглашение с Венгрией», сразу же присоединится к Германии и Австрии. Это, заключал Сазонов, создаст серьезные затруднения для российской армии⁷³.

Кажется, что как и в начале 1915 г., венгерская мирная инициатива в мае 1915 г. была фактически проигнорирована Антантой. В течение лета 1915 г. склонность венгерских политических элит к поиску компромисса с членами Тройственного соглашения уменьшилась. С одной стороны, военное и международное положение Центральных империй улучшилось: российские войска

⁶⁷ *Batthyány T.* Beszámoló. О. 128–129.

⁶⁸ ГТИОМ. К. 3. О. 309.

⁶⁹ Ibid. О. 308–310, 312–313.

⁷⁰ *Batthyány T.* Beszámoló. О. 129.

⁷¹ ГТИОМ. К. 3. О. 307–308.

⁷² *Burián István napló.* О. 149.

⁷³ МОЭИ. Т. 8: Ч. 1: 24/11 мая — 16/3 октября 1915 г. М., 1935. С. 9–11; МИДвПМВ. С. 80–81.

были оттеснены из Галиции, вступление Италии в войну не принесло кардинальных изменений на южном фронте, а Румыния продолжила политику нейтралитета. С другой стороны, позиция Тисы вновь окрепла и о переходе власти в Будапеште в руки индпендистов, якобы способных отделить Венгрию от Австрии и заключить мир, речи уже не шло.

В результате, хоть идея отдельного мира с Венгрией не была окончательно отброшена в лагере Антанты, она стала казаться всё более отдаленной. В июле–августе 1915 г. Соннино пытался убедить его союзников, что претензии Сербии на Хорватию следовало сдерживать, чтобы использовать перед Будапештом «приманку» по сохранению Хорватии в случае сепаратного выхода из войны⁷⁴. Российский посол в Лондоне Александр Бенкендорф, обсуждая эту идею в Форин офис в начале июля 1915 г., доказывал «иллюзорность» надежд на сепаратный мир с Венгрией. С одной стороны, говорил Бенкендорф, Антанта никогда не сможет предложить Будапешту приемлемые условия, а с другой стороны, Венгрия никогда не порвет с Австрией, несмотря на все их трения⁷⁵. 2 августа 1915 г. британцы передали в МИД России, что возможность предлагаемого Соннино мира с Венгрией сильно сократилась ввиду прогресса переговоров Антанты с Румынией⁷⁶. Вместе с тем, по имеющимся данным, мирные предложения из Будапешта перестали поступать.

Сепаратный сценарий для Венгрии кратко напомнил о себе летом 1916 г. (на фоне Брусиловского прорыва). Тогда М. Каройи, сформировав «Партию мира и независимости», объявил программу срочного заключения мира и провозглашения Венгрией независимости. Попытки Каройи восстановить его связи с представителями Антанты в Швейцарии принесли весьма скудные плоды. В Форин офис отметили, что «эти инициативы, как и в начале 1915 г., вызваны ожидаемым нападением Румынии»⁷⁷. Предполагалось, что, учитывая намеченный раздел венгерских территорий между Сербией, Россией, Италией и, вероятно, Румынией, Будапешт сможет принять мирные условия только в случае полного поражения⁷⁸.

Венгерские сторонники мира 1915 г. — Д. Андраши, М. Каройи и А. Апоньи получили явный официальный мандат для наведения мостов с Антантой только когда разгром Центрального блока стал очевидным⁷⁹. Правда, их запо-

⁷⁴ МОЭИ. Т. 8: Ч. 1. С. 359.

⁷⁵ Там же. С. 364–365.

⁷⁶ Там же. С. 537–538.

⁷⁷ British policy on Hungary, 1918–1919. A Documentary Sourcebook / Lojko M. (ed.). London, 1995. P. 1.

⁷⁸ Ibid. P. 5–6.

⁷⁹ Вероятно, к ним следует добавить и Ш. Векерле (премьер-министр Венгрии с лета 1917 по осень 1918 г.), который 16 октября 1918 г. признал, что Венгрии следовало свести связи с Австрией до персональной унии и начать сепаратные мирные переговоры с Антантой.

здавшие дипломатические маневры не спасли целостность Венгрии. Андраши, сменив Буриана во главе МИД, смог заключить сепаратное перемирие с Антантой от имени фактически развалившейся Дунайской монархии 3 ноября 1918 г. Каройи, получив портфель премьер-министра в Будапеште 31 октября 1918 г., незамедлительно объявил независимость Венгрии. Несмотря на сепаратное перемирие Венгрии с Антантой в Белграде 13 ноября 1918 г., румынские, сербские и чешские войска вскоре продвинулись вглубь за святоштефанские границы. Ну а Апоньи, возглавив венгерскую делегацию на Парижской мирной конференции, стал беспомощным свидетелем разработки Трианонского мира от 4 июня 1920 г., легализовавшего отделение венгерских периферийных полиэтничных провинций.

В итоге мы можем отметить наличие поддержки мирных проектов в Будапеште в первый год Великой войны. Так, пока российские войска нависали над границами Венгрии (до июня 1915 г.), венгерские элиты считали скорейшее завершение войны с Антантой одним из приоритетов. В то же время если глава правительства И. Тиса более всего склонялся к открытию мирных переговоров от имени Австро-Венгрии, парламентская оппозиция прощупывала идею выхода Венгрии из Дунайской монархии и заключения ею сепаратного мирного договора.

Предложение заключить сепаратный мир с Венгрией было дважды передано Антанте (через британского посла в Риме) — в январе и мае 1915 г. Последующий обмен мнениями между главами дипведомств России и Великобритании говорит о серьезности, с которой державы Согласия восприняли данные предложения. Отказ Антанты гарантировать «независимой Венгрии» ее территориальную целостность (как и начавшийся дележ между союзниками «венгерского пирога»), видимо, послужил главным препятствием для продолжения мирных контактов с Будапештом. Вместе с тем окончательная реакция Антанты на мирные предложения индпендистов неизвестна. Нет даже полной уверенности в том, что Лондон дал какой-либо конкретный ответ на венгерские запросы в январе и мае 1915 г.

Также остается без ответа принципиальный вопрос — как сам И. Тиса воспринимал идею сепаратного мира между Венгрией и Антантой? На фоне молчания венгерских источников можно только предположить, что мирные планы Тисы и индпендистов были согласованы и призваны обеспечить Венгрии наиболее выгодную позицию в зависимости от развития ситуации на фронте.

References

- Astashov A.* Propaganda na Russkom fronte v gody Pervoy mirovoy voyny. M., 2012.
Báró Burián István naplói és távirati könyvei 1913–1915 / Horváth Erzsébet, Tenke Sándor (szerk.). Budapest, 1999.
Batthyány T. Beszámoló. K. I. Budapest, 1927.
Bauquet N. Les réseaux franco-hongrois et la France, de 1896 à 1914: auxiliaires d'une découverte ou marchands d'illusions? // *Studia Politica.* 2005. N 5 (3). P. 605–644.

- Bertényi ifj.* I: «Hát végre!» Miért támogatta a háborút Apponyi Albert 1914-ben? // Magyar Tudomány. 2014. N 175 (11). O. 1283–1295.
- Bonch-Bruevich M.* Poterya nami Galitsii v 1915 g. Ch. 1. Cherez Karpaty zimoy 1915 g. v Vengriyu. M., 1921. British policy on Hungary, 1918–1919. A Documentary Sourcebook / Lojko M. (ed.). London, 1995. Búcsú a monarchiától. Berzeviczy Albert naplója (1914–1920) / Gali Maté (szerk.). Budapest, 2015.
- Cornwall M.* Great Britain and the Splintering of Greater Hungary, 1914–1918 // British-Hungarian Relations since 1848. London, 2004.
- Count Stephan Tisza, Prime Minister of Hungary. Letters (1914–1916) / Bussy de C. (ed.). New York, 1991. Documents diplomatiques français. 1914 (3 août – 31 décembre). Paris, 1999. Documents diplomatiques français. 1915. T. I (1er janvier – 25 mai). Bruxelles, 2002.
- Dolmányos I.* Károlyi Mihály és a «szentpétersvári út» (Az orosz–magyar szövetség gondolata 1914-ben) // Történelmi Szemle. 1963. N 6 (2). O. 167–194.
- Gabányi J.* A világháború története az összeomlás kezdetétől a békekötésig. K. I. Budapest, 1934.
- Glaise-Horstenau E. (dir.)*. Austria-Hungary's last war, 1914–1918. Vol. 2 (1915). Vienne, 1931.
- Godsey W. D.* Aristocratic redoubt. The Austro-Hungarian Foreign Office on the eve of the First World War. Purdue, 1999.
- Gróf Tisza István összes munkái. S. 4. K. 2. Budapest, 1924.
- Gróf Tisza István összes munkái. S. 4. K. 3. Budapest, 1927.
- Hajdu T.* A contribution to the history of the proclamation of the Hungarian Republic of Councils // Acta Historica Academiae Hungaricae. 1973. N 19 (1–2). P. 103–122.
- I documenti diplomatici italiani. Serie: 1914–1918. Vol. 2 (17 ottobre 1914 – 3 marzo 1915). Rome, 1984. I documenti diplomatici italiani. Serie: 1914–1918. Vol. 3 (3 marzo – 24 maggio 1915). Rome, 1985.
- Károlyi M.* Hit, illúziók nélkül. Budapest, 1978.
- Károlyi Mihály levelezése. K. I (1905–1920) / Hajdu T. (szerk.). Budapest, 1978.
- Képviselőházi napló, 1910. K. 26 (1914. július 22 – 1915. május 6). Budapest, 1915.
- Kryuchkov I.* Rossiya i problema budushchego Avstro-Vengrii v gody Pervoy mirovoy voyny // Chicherin-skiye chteniya. Rossiya i mir posle Pervoy mirovoy voyny. Tambov, 2009. S. 38–41.
- Lord Esher.* The war after six months. An appreciation. 29 January 1915 // Parliamentary Archives. The Lloyd George Papers (LG/C/16/1/5). URL: <http://discovery.nationalarchives.gov.uk/details/rd/2d71b55b-a622-4d1d-8834-22ff5b0f44e7> (date of access 01.04.2016).
- Mezhdunarodnyye otnosheniya v epokhu imperializma. Dokumenty iz arkhivov tsarskogo i Vremennogo pravitel'stv. 1878–1917. Ser. 3: 1914–1917. T. 6 (5 avgusta 1914 g. – 13 yanvarya 1915 g.). Ch. 2. M., 1935.
- Mezhdunarodnyye otnosheniya v epokhu imperializma. Dokumenty iz arkhivov tsarskogo i Vremennogo pravitel'stv. 1878–1917. Ser. 3: 1914–1917. T. 7 (14 yanvarya – 23 maya 1915 g.). Ch. 1. M., 1935.
- Mezhdunarodnyye otnosheniya v epokhu imperializma. Dokumenty iz arkhivov tsarskogo i Vremennogo pravitel'stv. 1878–1917. Ser. 3: 1914–1917. T. 8 (24 maya – 16 oktyabrya 1915 g.). Ch. 1. M., 1935.
- Ministerstvo inostrannykh del v gody Pervoy mirovoy voyny. Sbornik dokumentov / Kirilenko Yu. (red.). Tula, 2014.
- Neznamov A. (sost.)*. Strategicheskii ocherk voyny 1914–1918 gg. Ch. 3. Period s 12 (25) noyabrya 1914 g. po 15 (28) marta 1915 g. M., 1922.
- Romsics I.* Magyarország története XX. században. Budapest, 2010.
- Valiani L.* Italian-Austro-Hungarian Negotiations 1914–1915 // Journal of Contemporary History. 1966. N 1 (3). P. 113–136.

Список литературы

- Báró Burián István naplói és távirati könyvei 1913–1915 / Horváth Erzsébet, Tenke Sándor (szerk.). Budapest, 1999.
- Batthyány T.* Beszámoló. K. I. Budapest, 1927.
- Bauquet N.* Les réseaux franco-hongrois et la France, de 1896 à 1914: auxiliaires d'une découverte ou marchands d'illusions? // Studia Politica. 2005. N 5 (3). P. 605–644.
- Bertényi ifj.* I: «Hát végre!» Miért támogatta a háborút Apponyi Albert 1914-ben? // Magyar Tudomány. 2014. N 175 (11). O. 1283–1295.
- British policy on Hungary, 1918–1919. A Documentary Sourcebook / Lojko M. (ed.). London, 1995.
- Búcsú a monarchiától. Berzeviczy Albert naplója (1914–1920) / Gali Maté (szerk.). Budapest, 2015.
- Cornwall M.* Great Britain and the Splintering of Greater Hungary, 1914–1918 // British-Hungarian Relations since 1848. London, 2004.

- Count Stephan Tisza, Prime Minister of Hungary. Letters (1914–1916) / Bussy de C. (Ed.). New York, 1991. Documents diplomatiques français. 1914 (3 août – 31 décembre). Paris, 1999. Documents diplomatiques français. 1915. T. I (1er janvier – 25 mai). Bruxelles, 2002.
- Dolmányos I.* Károlyi Mihály és a «szentpétersvári út» (Az orosz–magyar szövetség gondolata 1914-ben) // Történelmi Szemle. 1963. N 6 (2). O. 167–194.
- Gabányi J.* A világháború története az összeomlás kezdetétől a békekötésig. K. I. Budapest, 1934.
- Glaise-Horstenau E. (dir.)*. Austria-Hungary's last war, 1914–1918. Vol. 2 (1915). Vienne, 1931.
- Godsey W. D.* Aristocratic redoubt. The Austro-Hungarian Foreign Office on the eve of the First World War. Purdue, 1999.
- Gróf Tisza István összes munkái. S. 4. K. 2. Budapest, 1924.
- Gróf Tisza István összes munkái. S. 4. K. 3. Budapest, 1927.
- Hajdu T.* A contribution to the history of the proclamation of the Hungarian Republic of Councils // Acta Historica Academiae Hungaricae. 1973. N 19 (1–2). P. 103–122.
- I documenti diplomatici italiani. Serie: 1914–1918. Vol. 2 (17 ottobre – 3 marzo 1915). Rome, 1984. I documenti diplomatici italiani. Serie: 1914–1918. Vol. 3 (3 marzo – 24 maggio 1915). Rome, 1985.
- Károlyi M.* Hit, illúziók nélkül. Budapest, 1978.
- Károlyi Mihály levelezése. K. I (1905–1920) / Hajdu T. (szerk.). Budapest, 1978.
- Képviselőházi napló, 1910. K. 26 (1914. július 22 – 1915. május 6). Budapest, 1915.
- Lord Esher.* The war after six months. An appreciation. 29 January 1915 // Parliamentary Archives. The Lloyd George Papers (LG/C/16/1/5). URL: <http://discovery.nationalarchives.gov.uk/details/rd/2d71b55b-a622-4d1d-8834-22ff5b0f44e7> (дата обращения 01.04.2016).
- Romsics I.* Magyarország története XX. században. Budapest, 2010.
- Valiani L.* Italian-Austro-Hungarian Negotiations 1914–1915 // Journal of Contemporary History. 1966. N 1 (3). P. 113–136.
- Асташов А.* Пропаганда на Русском фронте в годы Первой мировой войны. М., 2012.
- Бонч-Бруевич М.* Потеря нами Галиции в 1915 г. Ч. 1: Через Карпаты зимой 1915 г. в Венгрию. М., 1921.
- Крючков И.* Россия и проблема будущего Австро-Венгрии в годы Первой мировой войны // Чичеринские чтения. Россия и мир после Первой мировой войны. Тамбов, 2009. С. 38–41.
- Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и Временного правительств. 1878–1917. Сер. 3: 1914–1917. Т. 6 (5 августа 1914 г. – 13 января 1915 г.). Ч. 2. М., 1935.
- Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и Временного правительств. 1878–1917. Сер. 3: 1914–1917. Т. 7 (14 января – 23 мая 1915 г.). Ч. 1. М., 1935.
- Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и Временного правительств. 1878–1917. Сер. 3: 1914–1917. Т. 8 (24 мая – 16 октября 1915 г.). Ч. 1. М., 1935.
- Министерство иностранных дел в годы Первой мировой войны. Сборник документов / Кириленко Ю. (ред.). Тула, 2014.
- Незнамов А. (сост.)*. Стратегический очерк войны 1914–1918 гг. Ч. 3: Период с 12 (25) ноября 1914 г. по 15 (28) марта 1915 г. М., 1922.

Joanna Gierowska-Kallaур

The Case of Vilnius. The Case of Klaipėda. Excerpts from Polish/Lithuanian Relations

Famous Vilnian Czesław Miłosz once wrote in his «Dialogue about Vilnius»: «neither is it Poland, nor Lithuania; neither the countryside, nor the capital». The lawyer Tadeusz Wróblewski, when asked by Count von Pfeil in September 1915 as the Germans were entering the city, stated as follows: «The intelligentsia and bourgeoisie are Poles, while the masses are heterogeneous, representing various tribes and faiths <...> Actually, we do not know ourselves (what country this is. — J. G.-K.), as it all depends on where we stand: Christianity and culture as a whole were introduced here by Poles, who funded the schools and the university; but recently, the country has entirely been Russian on the outside and Polish life was being suppressed with most effort»¹.

The Lithuanians had declared their ambition of having the city exclusively to themselves as early as 1905, in their memorial handed to Sergius Witte. As a result of the evacuation ordered by the Russians in the summer of 1915, a large part of the attendants of the fourteen Orthodox churches in Vilnius had left². The departure of almost the entire Russian community, previously amounting to 20% of the popula-

¹ Lithuanian State Historical Archives in Vilnius (LVIA). Fond 1135. Descr. 4. Unit 30, Aleksander Szklennik, note dated September 5, 1915.

² The churches of: Sts Cosmas and Damian, St Mary Magdalene, St Michael, St Nicholas, St Paraskeva, Sts Peter and Paul, Theotokos, Holy Trinity, Holy Ghost, Sts Constantine and Michael, Our Lady of the Sign and the Annunciation. Juliusz Kłos («Wilno» przewodnik krajoznawczy [Vilnius: tourist guide]. Oddział Wileńskiego Towarzystwa Krajoznawczego, Drukarnia Zawadzkiego. Vilnius, 1923) lists the Orthodox Churches of St Andrew, St George, and the Uniate of the latter: Polish Wilno: chief monuments of Polish national architecture in Wilno, once the second capital of Poland / With an introd. and comm. by Juliusz Kłos. Vilnius, 1921.

tion of the city, resulted in Vilnius being dominated by two national groups, Poles and Jews, while even Belarusians (3% of the population) were almost two times more numerous than Lithuanians³.

The question of the affiliation of Vilnius and its region with Poland during the Interwar years (1918–1939) was settled by the Vilnius Sejm. Its establishment, its sessions, and the circumstances of the adoption of the resolution incorporating the Vilnius region into Poland (20 February 1922), as well as the history of Central Lithuania, constitute the subject of a study by Wrocław-based historian Aleksander Srebrakowski⁴. However, it should be made clear that the events recounted therein depict the ultimate failure of the numerous attempts made by Józef Piłsudski to implement the main (I), and then the backup (II) variant of his federalist programme. The Polish political press of the period hailed the decision of the Vilnius Sejm as Poland's victory, but with the benefit of hindsight, we now know that this «victory» was in fact a very problematic one. The Chief of State knew this as well. Speaking later as a private citizen, Józef Piłsudski distanced himself as explicitly as he could from the political line adopted in practice in 1921. I quote: «First of all, that name. I have nothing to do with it. It was not me who chose the name “Central Lithuania”»⁵.

The history of Piłsudski's eastern policy between 11 November 1918 and the Treaty of Riga can be divided into two very distinct stages.

Stage I. The original variant of the federalist programme was to be implemented during the activity of the Civilian Board of the Eastern Territories (1919–1920)⁶ in the eastern parts of the former Polish-Lithuanian Commonwealth. One primary task of the Civilian Board was to carry out a secret, universal and direct election without distinction of sex, announced in the Proclamation to the Inhabitants of the Former Grand Duchy of Lithuania (formulated by Piłsudski in April 1919 following the liberation of Vilnius from the hands of the Bolsheviks by the Polish Army)⁷.

³ *Gierowska-Kallaур J.* 1) O sytuacji politycznej i społecznej w Wilnie lat I wojny światowej [On the political and social situation in Vilnius at the times of World War I] The impact of the advent of a new occupier on the multinational urban community. The case of Vilnius at the times of World War I. Lecture delivered on 8 November 2015 during the International Scientific Conference in Hrodna (Projekt «Grodzenskiy sotsium») (in press); 2) Belarusians of Vilnius at a turning point in 1915 in the light of the notes of Vilnius chronicler Aleksander Szklennik, delivered on 19 June 2015 during the International Scientific Conference in Ciechanowiec (War and people. Social aspects of World War I) (in press).

⁴ *Srebrakowski A.* Sejm Wileński 1922 roku. Idea i jej realizacja [The Vilnius Sejm of 1922. The idea and the execution] // Acta Universitatis Wratislaviensis N 1363 Historia XCIX. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 1995.

⁵ *Piłsudski J.* Sprawa wileńska. Wykład drugi [The Vilnius issue. 2nd lecture] Pisma zbiorowe Wydanie prac dotychczas drukiem ogłoszonych. Vol. VI. Warsaw, 1937. P. 127.

⁶ See: *Gierowska-Kallaур J.* Zarząd Cywilny Ziem Wschodnich (19 lutego 1919 — 9 września 1920) [The Civilian Board of the Eastern Territories (19 February 1919 — 9 September 1920)]. Warsaw: Wydawnictwo IH PAN & Neriton, 2003. (further *Gierowska-Kallaур J.* ZCZW).

⁷ *Piłsudski J.* Pisma zbiorowe [Collected Works] Wydanie prac dotychczas drukiem ogłoszonych. Vol. V. Warsaw, 1937. P. 75–76.

This self-determination was supposed to settle the internal, ethnic and religious issues of the people living in the territories of the former Grand Duchy of Lithuania. The «Vilnius Proclamation» stated as follows: «Your country has not known freedom for more than a hundred years, since it has been oppressed by the force of Russian, German and Bolshevik enemies, who did not consult the people, but rather imposed on them a foreign model of conduct, suppressed their will and often destroyed their lives. <...> I want to give you the possibility of developing interior, national, and religious matters just as you wish, without any force or pressure from Poland»⁸.

As we know, not all residents of North-Eastern Territories favoured a federation with Poland and, what should be stressed, this observation does not apply solely to Poles, but also to other residents, and above all, to political leaders representing all the other nationalities inhabiting these lands in the years 1919–1920 on the political scene.

According to Piłsudski's plan, the Polish-Lithuanian federation programme was to be implemented, among others, by his emissary on the eve of the Vilna offensive, i.e. Michał Römer, an ex-member of the Polish Legions widely regarded as a representative of the krajowcy movement. He was supposed to convince the Lithuanian side to cooperate with Poland, as well as to find agreement with the Belarusians in Kaunas⁹.

In my personal opinion, Römer may have not been the most suitable choice for the role of negotiator on behalf of the Polish Chief of State. While Vilnius was under the control of Litbel, in his personal journal, Römer expressed fear not of Bolshevism, but of... Polish imperialism. Even at the time of his departure to Kaunas, he considered Piłsudski's policy «beautiful and noble, but sterile and unrealistic given the actual circumstances»¹⁰. The outright negative attitude of the emissary towards his own mission remained in blatant contradiction with his own remarks expressed during his trip to Kaunas in March 1919. «Out of my many impressions from this journey, I would like to write down a particular one that struck me very positively <...> everywhere <...> we could see <...> only local people. They speak <...> a Polish-Belarusian dialect (a simple one); all the people “from here” think and feel using its categories. This divests the Polish intervention of the traits of an invasion or occupation, <...> giving a sense of trust and reliance on the people, which conveys a feeling of familiarity»¹¹. A meticulous study of Römer's writings from the years 1918–1920 leads me to believe that he had rejected Polishness as early as in 1918. The rejection of Polishness was, however, not synonymous with a conscious adoption of Lithuanianness (in its political sense). He eventually opted for the lat-

⁸ *Piłsudski J.* Pisma zbiorowe. P. 75–76.

⁹ On the grounds of the Lithuanian-Belarusian arrangements of November 1918, the Belarusians enjoyed the status of a national minority with its own minister and six seats in the Taryba.

¹⁰ The Wróblewski Library of the Lithuanian Academy of Sciences in Vilnius (LMAB). Fond 168. Descr. ... Michał Römer's journal («M. Römer...»). Note from 24 April 1919.

¹¹ M. Römer... Note from 28 April 1919.

ter around April–May 1919 (at the latest), and not in autumn 1920, as it is often assumed in historiography¹².

The so-called «Kaunas uprising», i.e. the attempted coup aimed at overthrowing the existing Lithuanian government, unfavourable towards Poland, and establishing a new one with a pro-Polish attitude — de facto supported, if not inspired by the Polish Military Organisation of the Kaunas region — was widely considered a huge embarrassment for Poland. The failure of this operation was determinative of the effectiveness of Polish political activity in Lithuania and White Ruthenia¹³.

The heated intra-Polish debate regarding the self-determination of the inhabitants of the former Grand Duchy of Lithuania announced in the Vilnius Proclamation was cut short by the Entente's decision, transmitted to the Polish government by A. Millerand on 6 March 1920, in the form of a note stating the «impossibility of performing a plebiscite»¹⁴. After less than 11 months since the Proclamation to the Inhabitants of the Former Grand Duchy of Lithuania, the Entente had effectively prevented Piłsudski from fulfilling the promise made to the inhabitants of these lands in April 1919. This fact has undoubtedly accelerated his decision regarding a joint operation with Petlura (April 1920), and created a more favourable environment for cooperation with the group representing the so-called Third Russia; the leading representatives of this group, such as Tchaikovsky and Savinkov, had indeed sought cooperation with the Polish Chief of State since as early as January 1920¹⁵.

In the circumstances that occurred after 6 March 1920, the «Polish» opponents of the federalist needed little effort to deprive Piłsudski of an already useless instrument (the Civilian Board), which, in the original version of the federalist concept, was to serve in a long-term rivalry with Russia. Piłsudski consistently considered Russia the greatest threat to the independence of Poland and his beloved Lithuania. By order of the Supreme Commander dated 29 May 1920, the position of Commissioner General of ZCZW was subordinated to the Council of Ministers in Warsaw, effective from 1 June 1920, while the authority of the President of the Supreme Audit Office was extended over the territories subject to ZCZW. The military events of summer 1920 have only increased the scale of destruction.

¹² I justify my theory in more detail in my article submitted to the Eastern Review (*Gierowska-Kallaury J.* Michał Römer wobec «kwestii białoruskiej» [Michał Römer and the «Belarusian issue»]. Na podstawie zapisów w Dzienniku Michała Römera poczynionych pomiędzy proklamacją niepodległości BRL a notą Milleranda z 6 marca 1920 roku), also translated into Belarusian.

¹³ More on the Kaunas issue in: *Gierowska-Kallaury J.* ZCZW. P. 274–297, study by the same author of important notes by Walery Sławek in «Zeszyt Sławka» (Dokument XIII) *Gierowska-Kallaury J.* «Depozyty» Walerego Sławka przechowywane w Moskwie («Biuro Detaszowane Oddziału II Naczelnego Dowództwa 1919») // Studies into the History of Russia and Central-Eastern Europe. XLVII. P. 242–272.

¹⁴ Note published in: *Gierowska-Kallaury J.* ZCZW. P. 92, ref. 117.

¹⁵ See: *Gierowska-Kallaury J.* Bardzo krótki zarys zagadnienia białorusyjskiego [Brief outline of the White Russian matters]. (In press at Wydawnictwo IH PAN).

Stage II. Prime Minister Wincenty Witos defined Poland's stance on the Polish-Lithuanian relations quite tersely in his speech before the Legislative Sejm in summer 1920: «It must be noted with regret that, in spite of our sincerest efforts towards harmonious coexistence with Lithuania, with which we have been bound by historical ties and have shared suffering in captivity, we have not been able to reach compromise with the Lithuanian government. At a moment most critical for us, the Lithuanians joined up with the Bolsheviks, took military action against us and seized a part of the country that was clearly granted to the Polish State. When our army launched a pursuit after the defeated Soviet troops, the Lithuanians broke their neutrality, letting the Bolshevik soldiers, as well as weapons and ammunition from Prussia pass through their territory, and then, by seizing our territory, they caused a military conflict between Poland and Lithuania. Wishing to avoid war, we have made peace arrangements with the Lithuanians. However, not only did the Lithuanians not leave our territory, but by cooperating further with the Bolshevik army, in spite of all denials, they have obstructed our military operations against the latter»¹⁶. By force of the Lithuanian-Bolshevik Treaty of 12 July 1920, the Bolsheviks handed over Vilnius to the Lithuanians. In 1923, Piłsudski stated in Vilnius: «Military defeats occurred alongside political ones. <...> The decision conceding Vilnius to Lithuania had even been made behind our backs. I had to deal with these decisions in our subsequent strategies. I had to deal with them as a *fait accompli*. A *fait accompli*. I decided to work around this *fait accompli*. Create a new *fait accompli*, a new state of affairs. I have prepared General Żeligowski's expedition in its entirety»¹⁷.

Piłsudski attempted to implement the backup scenario of the federalist programme in the first weeks of the existence of Central Lithuania (1920–1922). This was the objective of the efforts of both Lucjan Żeligowski and Stanisław Bułak-Bałachowicz, as well as the Ukrainian initiatives planned already in autumn 1920¹⁸.

Between 30 September and 8 October 1920, Polish-Lithuanian talks were taking place in Suwałki (at the initiative of the Lithuanian side)¹⁹. This coincided with a series of Polish military successes (battle of Neman²⁰). In his instructions handed to the Polish delegation, Piłsudski recommended avoiding the subject of Vilnius and its region and emphasising that the residents of this area were not inquired about

¹⁶ Shorthand report from the Legislative Sejm, session 167 on 24 September 1920, margin 15.

¹⁷ *Piłsudski J.* Pisma zbiorowe. Vol. VI. Warsaw, 1937. P. 126. See: Odczyt Marszałka Piłsudskiego wygłoszony 24 sierpnia 1923 r. w Wilnie [Proclamation by Marshal Piłsudski on 24 August 1923] / Comp. by J. Gierowska-Kałamur. Przegląd Wschodni. Vol. V. Issue 4 (20). P. 767–791.

¹⁸ *Bruski J.* J. Petlurowcy. Centrum Państwowe Ukraińskiej Republiki Ludowej na wychodźstwie (1919–1924). Kraków: Wydawnictwo Arcana, 2000. P. 294–318.

¹⁹ See: *Radziwonowicz T.* Polsko-litewskie rokowania w Suwałkach (30 września – 8 października 1920 r.) // Suwałki sutartis faktai ir interpretacijos – Umowa suwałska fakty i interpretacje / Ed. by Česlovas Laurinavicius and Jan Jerzy Milewski. Versus Aureus, 2011. P. 228–257.

²⁰ Bitwa niemeńska 29 VIII – 18 X 1920: dokumenty operacyjne [The battle of Neman: operational documents]. Part 1 (29 VIII – 19 IX) and part 2 (20 IX – 18 X) / Ed. and prep. for publ. by Marek Tarczyński; Andrzej Bartnik [et al.]. Warsaw: Rytm, 1998–1998.

their affiliation, while the Lithuanian Government failed to make even the slightest gesture of reconciliation towards the Polish population living there. The agreement concluded in Suwałki laid down a demarcation line «which did not determine in any way the territorial rights of either contracting party». The agreement was to enter into force on October 10, at noon. Lucjan Żeligowski seized the city from Lithuanians before the agreement (not the treaty!) came into effect; however, his objective was not to incorporate Vilnius into Poland, but rather to prolong the possibility of Poland renewing its federation with Lithuania. Piłsudski wished to pursue the political line of the Civilian Board of the Eastern Territories. In his plans, the new Lithuania was composed of 3 cantons. The Vilnius canton would constitute the central part of this remodelled Lithuania, hence the name «Central Lithuania». The success of this «new edition of the old concept» depended not only on Lithuanian Poles, but also on the politicians of the Belarusian People's Republic residing in Kaunas and Lithuanian ones...

In his first order as Supreme Commander of the Central Lithuanian Army, General Żeligowski announced the convening of the Legislative Sejm in Vilnius, the only authority authorised to decide the fate of these territories. On 12 October 1920, almost immediately after the seizure of Vilnius, he issued several essential decrees, which defined the main authorities of Central Lithuania and determined its territory; the emblem of the country comprised the historical symbols of Lithuania and Poland, i.e. the Pogoń and White Eagle both on the same shield. The second decree presented the composition of the governing body of Central Lithuania, namely the Provisional Governing Committee (PGC). The provisional constitution published by the PGC proclaimed the future parliament in Vilnius. A manifesto addressed to the population was issued, diplomatic notes were sent to Warsaw, Kaunas and the governments of the Allied powers, and the recruitment of volunteers for the Central Lithuanian Army was announced. On 1 November 1920, Żeligowski issued a decree regarding the elections to the Vilnius Sejm, and, on December 11, another one introducing an agricultural reform. However, attempts of obstruction from the Lithuanian side were also anticipated. Colonel Leon Bobicki, Director of the Department of National Defence of the PGC²¹ even envisioned that, in the case the Polish-Lithuanian federation could not be implemented, the idea of the total independence of Lithuania would have to be supported. On the other hand, Teofil Szopa and Mieczysław Engel, Vilnius activists from the Association of Borderland Guard, both leaning towards nationalist policies²², advocated for the necessity of incorporating Vilnius and

²¹ Decree N2 of Supreme Commander of the Central Lithuanian Army. Official Journal of the PGC. P. 2. N 1 dated 17 November 1920. Provisional Governing Committee.

²² More on the Borderland Guard (Association of the Borderland Guard since September 1920) and its key activists in: Raporty Straży Kresowej 1919–1920 [Reports of the Borderland Guard]. Ziem północno-wschodnich opisanie / Ed. and comp. by J. Gierowska-Kałamur. Warsaw–Pułtusk, 2011. P. 1173; Straż Kresowa a Zarząd Cywilny Ziem Wschodnich. Współdziałanie czy rywalizacja? [The Borderland Guard and the Civilian Board of the Eastern Territories. Cooperation or rivalry?] Warsaw Instytut Historii PAN & Wydawnictwo Neriton, 1999. P. 129.

Lithuania as a whole into Poland. The plans of the Association of Borderland Guard leaders enjoyed moral support from the Polish government in Warsaw, which exerted strong, constant pressure on General Żeligowski, wanting Lithuania to subject to «*general Polish interests*».

The intervention of the Council of the League of Nations on 20 October 1920 already recommended a plebiscite as the method of settling the conflict between Central Lithuania and Lithuania proper²³. Negotiations began on 13 December 1920 in Warsaw. As established by Piotr Łossowski, leading Polish expert on Polish-Lithuanian relations²⁴, the Lithuanian delegation, headed by Christian Democratic activist Jonas Staugaitis, was instructed to seek solutions aiming to... prevent the plebiscite from happening at all costs. Very important as well is that the delegation submitted its offer to the government in Warsaw, and not the PGC in Vilnius. On 20 December 1920, J. Staugaitis handed a declaration in which Lithuania urged the Polish government to abandon the idea of the plebiscite and recognise the border demarcated by the Lithuanian-Soviet Treaty of 12 July 1920. Vilnius would then become the capital of Lithuania.

Poland however advocated for the resumption of the union or the formation of a federation, which in turn was unacceptable for the Lithuanian side. After much pressure from the League of Nations, the Lithuanian government, cornered, explicitly refused to participate in the plebiscite²⁵.

The period of self-governance, which gave the PGC an asset in the planned talks and direct agreements with Lithuania proper with the aim of replacing its government with a new, joint representation of both political centres, lasted essentially until December 1920.

Despite the many actions aimed at improving the economic situation of the population of Central Lithuania, the PGC was losing popularity. It did not come unnoticed by the Polish public opinion either that the Lithuanians were not at all interested in real cooperation, neither with Central Lithuania, nor the Polish Republic. Witold Abramowicz, President of the PGC, was increasingly perceived by Poles as a theorist detached from reality.

The situation became critical by the end of December 1920, when a Delegate of the Polish Government arrived to Vilnius. On 1 February 1921, General Żeligowski

²³ *Wambaugh S.* Plebiscites since the World War. With collection of official documents. Vol. 2. Washington, 1933. Doc. 93. P. 269–270 in: *Łossowski P.* Stosunki polsko-litewskie 1921–1939. Warsaw: Instytut Historii PAN & Mazowiecka Wyższa Szkoła Humanistyczno-Pedagogiczna w Łowiczu, 1997. P. 9.

²⁴ *Łossowski P.* Konflikt polsko-litewski 1918–1920 [The Polish-Lithuanian conflict. 1918–1920] Warsaw: Książka i Wiedza, 1996. P. 252.

²⁵ Their note, dated 13 February 1921, addressed to the Council of the League of Nations, stated clearly that «regarding Vilnius, which is the capital of Lithuania, the Lithuanian government considers it necessary and fair that the city be incorporated into Lithuania without resorting to a plebiscite».

postponed the elections to the Vilnius Sejm²⁶. When these were suspended, it became clear that the political initiative regarding the fate of Central Lithuania depended in no way on Vilnius and the PGC, but on the Polish Government alone. The situation in Poland was not idle. Wishing to comply with the principles of democracy, Żeligowski did not want to govern in opposition to the opinion of the majority of the society. He became an enforcer of the will of the government in Warsaw. The PGC in its new composition abandoned the political line followed so far, subordinating their actions to the decisions of the Polish government. Negotiations were conducted with Aleksander Meysztowicz, in order to persuade him to take over the functions of General Żeligowski and lead to «the organisation of elections and the incorporation» of the Vilnius region to Poland. Obviously, this course of action enjoyed the support of the majority of Vilnius Poles, who developed a growing aversion towards anything that could separate them from Poland proper. The elections to the Vilnius Sejm took place on 8 January 1922. The harsh defeat experienced by Polish federalists was easily predictable even several months prior.

The case of Klaipėda

The condemnation of Żeligowski's Mutiny and the indignation demonstrated (to this day) by Lithuanian politicians did not keep the latter from employing the exact same scenario – in different socio-political circumstances – in the resolution of the Klaipėda issue²⁷.

The Klaipėda Region constituted a fragment of the so-called Lithuania Minor, situated on the right bank of the river Pregel, i.e. the north-eastern part of East Prussia. As a result of an increase in German settlement in Lithuania Minor, the Lithuanian language was forced out of schools and social life. Lithuania Minor played a significant role in the history of the Lithuania's national revival nonetheless. The newspaper «*Auszra*» was printed there since 1883, and so did Jonas Basanavičius, father of Lithuania's national revival, with his articles. Having been part of Prussia for many years, and given the dominance of Evangelicalism in this area, the local Lithuanians differed considerably from their counterparts in Lithuania proper. However, they were not Germans. They considered themselves a part of the surrounding German environment, were loyal to the Prussian state and obedient to the dictates of the Protestant religion.

Germany's defeat in 1918 caused a stir among Lithuanian activists from Lithuania Minor. On 16 November 1918 they established the Prussian Lithuanian National

²⁶ These events are discussed in the study: *Fabisz D.* General Lucjan Żeligowski 1865–1947. Działalność wojskowa i polityczna [General Lucjan Żeligowski 1865–1947. Military and political activity] Warsaw, 2007. P. 374.

²⁷ *Łossowski P.* Klaipėda kontra Memel: problem Klaipėdy w latach 1918–1939–1945 [Klaipėda versus Memel: the Klaipėda issue in the years 1918–1939–1945] Wydawnictwo Instytutu Historii PAN & Neriton, 2007. P. 231 (further *Łossowski P.* Klaipėda kontra Memel). The author relied on sources and literature, *inter alia*, in Lithuanian.

Council, which, after two weeks of debates (30 November 1918), proclaimed in Tilsit an act demanding unification of Lithuania Minor with Lithuania proper; as one might expect, it was received very badly by the German side²⁸.

The Lithuanians from Kaunas did issue, to the attention of Georges Clemenceau, memoranda addressed to the Peace Conference justifying, given Germany's defeat, the Lithuanian claims to the whole area of Lithuania Minor; however, due to the low status of their delegation (no official mandate for the conference), these proposals were not even discussed by the Supreme Council of the Allied Powers. All the more so that the demarcation of the German border in the North East was of great interest for a delegation with a much stronger position: the Polish one. The Polish side wanted to obtain a solution to the Polish-Lithuanian issues in the North-East, including the future, strongly anticipated relationship between the two countries. It was also hoped that the lands surrounding the mouth of the Neman river would end up within the Polish borders as a separate, possibly autonomous area.

The proposal presented on March 12 by the Commission for Polish Affairs of the Peace Conference included the demarcation of an ethnic boundary between Lithuanians and Prussians and became the foundation of the draft peace treaty, then handed to the German representatives in May. This project shattered Lithuanians' hopes of acquiring the entire, or at least a major part of Lithuania Minor, while failing to specify the fate and the status of the detached territory. Both Lithuanians and Germans claimed the Klaipėda Region for themselves. The Lithuanian interests in this rivalry were defended by Polish Prime Minister Ignacy Paderewski, who kept hoping for a future state union with Lithuania²⁹.

As a result of the Treaty of Versailles, Germany lost a territory of 2860 km² on the right bank of the Neman river. According to the census from 30 September 1920, the area had a population of 150 746, out of which 71 thousand spoke German, while 67 thousand spoke Lithuanian. 132 thousand declared Evangelicalism, and only 5383 were Catholic. (There were as little as 1350 Jews.) All parties concerned sought to turn the outcome of this transition period in their favour.

Especially the Germans, who employed a strategy *faits accomplis*, treating the Klaipėda Country as part of their Reich. A provisional parliament was even appointed in summer 1919, which then selected an executive committee, charged with the preparation of a constitution for the Republic of Klaipėda. These efforts were foiled only by an intervention of the Allies, inspired by the Lithuanians.

By force of a decision made on 9 January 1920 in Paris, the Klaipėda Country was placed under Allied supervision. French General Dominique Odry was appointed chief administrator, with the title of High Commissioner³⁰. Klaipėda retained nonetheless the existing German laws, German administrative, judiciary and educational systems, and previous German officials as well. All of these, including the German mayor,

²⁸ *Losowski P.* Klaipėda kontra Memel. P. 13.

²⁹ *Ibid.* P. 19.

³⁰ *Ibid.* P. 22–24.

Artur Altenberg, were appointed to the board by General Odry. The latter was soon succeeded by prefect Gabriel Petisné³¹, but the once appointed officials remained in their positions. Gabriel Petisné was perfectly aware of the aims of the German policy, which consisted in preventing the assimilation of the local Germans with the hope of reclaiming Klaipėda in the future. It was with strong reluctance that he approached the project presented to him in mid-1921 by representatives of the local economic spheres, aiming to transform Klaipėda Country into a «Free State». Petisné feared an avalanche of events that would deprive him of actual control over the situation.

The question of Klaipėda was of a key and vital importance, both economic and military, for Lithuania. The representatives of the residents had already pronounced their participation in the shaping of an independent Lithuania by means of a resolution passed on Christmas Eve 1919. In response to this decision, the Lithuanian State Council (Taryba) dispatched their emissaries, who, immediately upon arrival in Klaipėda... realised that the differences between Lithuania Minor and Lithuania proper would exclude the incorporation of Klaipėda into Lithuania.

The proclamation issued on 2 March 1920 by Lithuanian Prime Minister Ernestas Galvanauskas, which called to participate in the elections to the Legislative Sejm, contained the Lithuanian stance on the Klaipėda Region: «Through their representatives, the people of this country expressed their willingness to merge with the rest of Lithuania and form a single state organism». The achievement of this objective has become the chief task of Lithuania's parliament and government. 21 March 1920 saw the adoption of a resolution co-opting the representatives of Klaipėda into the Lithuanian Taryba. It was also announced that the Klaipėda Region constitutes a single whole with Lithuania and should be incorporated therein, yet to be governed by special rules and retain self-governance. On 11 November 1921, the Lithuanian Legislative Sejm passed a resolution on the annexation of the Klaipėda Region by the Lithuanian state as an autonomous entity. The fact that Lithuania had not been recognised *de iure* and the conflict with Poland were not conducive to a rapid settlement of the Klaipėda issue at international level.

For the Polish authorities, Klaipėda was of secondary political importance, far behind Gdańsk. However, the Klaipėda issue was perceived by the Polish Foreign Ministry as an instrument of pressure on Lithuania in their effort to resolve the Lithuanian-Polish dispute. Of course, it was not in Poland's interest for Klaipėda to return to East Prussia. The port could be of key economic importance for Poland in the future, but only providing the normalisation of the relations with Lithuania. The vision of a future Polish-Lithuanian union, followed by the annexation of Klaipėda by Lithuania, also prevailed in French sources of that period. Further international initiatives towards Poland and Lithuania reaching consensus were consistently blocked on the grounds of the latter's position in this matter.

³¹ The Polish diplomacy saw him as a supporter of the reconstruction of «white» Russia, properly aware, at the same time, of the danger posed by Germany, and inclining to the idea of a union between Lithuania and Poland, to which Klaipėda Region would be bound.

The difficulties of the postwar period and growing conflict with Germany regarding its non-compliance with the resolutions of the peace treaty relating to reparations were conducive to further reductions of personnel at the French garrison in Klaipėda. After three years, the number of soldiers stationed there had shrunk to 200. This was accompanied by movements of Lithuanian troops along the border, while Lithuania provoked an artificial boost in prices of food exported to Klaipėda, etc. The French acted in consultation with the Polish side, which leaned towards turning Klaipėda into a free territory under the protectorate of the League of Nations. In November 1922, economic activists from Klaipėda were invited to Paris to comment on the future of the country.

In spite of the Lithuanian Sejm adopting one year earlier the resolution on the incorporation of the Klaipėda Region, the opinions of the guests were not uniform; some preferred a merger with Lithuania as an autonomous entity, while others advocated independence under the protectorate of one of the members of the Entente³². A committee, headed by French diplomat Jules Laroche, was appointed to prepare a draft resolution; however, the result also failed to obtain the approval of the Lithuanians. According to the draft, the Klaipėda Region was to be declared a «free state» and administered for 10–15 years by a French commissioner. The board of the port was to comprise representatives of the Klaipėda Region, Lithuania and Poland. The final arrangements were to be made in early 1923. (On 15 March 1923, the post-war borders in Europe were ultimately approved by a decision of the Council of Ambassadors.) Laroche's proposal was seen by the Lithuanian side as a personal defeat and a threat of losing Klaipėda.

The Lithuanian government decided to take a different course of action. According to the findings of P. Łossowski, the representative of Lithuania in Klaipėda, Jonas Žilius, already urged the Lithuanian government to seize Klaipėda by force in early 1922. The shaping of the public opinion in Klaipėda began; the purchase of newspaper publishing houses allowed a vigorous promotion of pro-merger sentiments among the residents of the city.

In mid-July 1922, the Lithuanian government was still considering three variants of action regarding Klaipėda.

The first possibility was to hand over the case to the League of Nations while simultaneously intensifying the economic blockade of Klaipėda.

The second variant was to seize the city by force, as suggested by Žilius, within a period of action reduced to 24 hours.

The last option was to organise an uprising in Klaipėda against the German directorate and French administrators. The latter was eventually chosen, and to play the role of «insurgents» were chosen regular soldiers dressed in civilian clothes, as well as riflemen from paramilitary organisations. This staged operation was intended to pose as a stand-alone insurgency of the local population. However, significant

³² Łossowski P. Klaipėda kontra Memel. P. 36.

support from local Lithuanians was not really expected. According to the reliable account by Erdmonas Simonaitis, strong enthusiast of Klaipėda's merger with Lithuania, Lithuanian member of the Directorate³³, and future leader of the Liberation Committee in Klaipėda, the Lithuanians from Klaipėda Region had become pragmatists focusing on their own personal material gain. Apparently, they clung to the belief that, sooner or later, they would return to the Reich. In fact, they would show little concern over who was governing them at the moment: the French, Poles or proper Lithuanians.

The preparations for the «coup» were carried out in a systematic manner. Prime Minister Galvanauskas received in November 1922 an assurance from Soviet Commissar of Foreign Affairs Georgy Chicherin, who was passing through Kaunas at the time, that Soviet Russia would not only abstain from obstructing the implementation of the Lithuanian plan, but what is more, it would not remain idle in the event of a military response from Poland³⁴. In turn, Berlin considered a Lithuanian Klaipėda isolated from Poland a more desirable solution than the free city status similar to that of Gdańsk. From the German point of view, at the turn of 1922 and 1923, the Lithuanians were a guarantee of the inviolability of the German affairs until Klaipėda would return to the Reich³⁵.

On 22 December 1922, Lithuania was recognised *de iure* by the members of the Entente. By a happy coincidence for Lithuania, the governments of France and Belgium have decided on 11 January 1923 to begin the occupation of the Ruhr, which inevitably dragged their attention away from Klaipėda. At the same time, Poland watched the developments very closely, but with no intention to intervene whatsoever.

On 9 January 1923, the Lithuanian epicentre in the Klaipėda Region, Šilutė, saw the emergence of the Liberation Committee, which proclaimed the seizure of the entire power and entrusted Erdmonas Simonaitis with the formation of a new directorate. On January 10, the Lithuanian troops, in force of 584 soldiers dressed in civilian clothes and 455 šauliai, crossed the border in several places, meeting no opposition. They acted as «independent insurgents» and pretended that they were not standing up against the Entente, as their only objective was to overthrow the German directorate. The troops headed north towards Klaipėda, towards Šilutė in the central part of the region, and along the lower parts of the Neman River in the South. The local population showed no resistance, and just as Simonaitis had predicted, they also proved to be largely indifferent and passive.

On January 11, Raymond Poincaré, President of the Conference of Ambassadors, made direct allegations against the Lithuanian government, accusing it of inciting the revolt in Klaipėda and demanding the withdrawal of all Lithuanian citizens from this territory. The Lithuanian government immediately denied all

³³ This opinion appeared in the memoirs of Vincas Krėvė, Chairman of the Šauliai Union. See: Krėvė V. Bolševikų invazija ir liaudies vyriausybė. Vilnius: Atsiminimai, 1992. P. 96–98.

³⁴ Łossowski P. Klaipėda kontra Memel. P. 41.

³⁵ Ibid. P. 39.

involvement. Commissioner Petisné refused to initiate negotiations with the insurgents. On 15 January 1923, Klaipėda saw a change in power, as the German administration resigned. A neutral zone was set around the barracks occupied by the French. The Lithuanian side created *faits accomplis* at a rapid pace. The Lithuanian Liberation Committee issued, on 19 January 1923, a declaration announcing that the Klaipėda Region was merging with Lithuania as an autonomous entity, independent in terms of organising its own economic and social life. Simonaitis, acting as head of the provisional authorities in Klaipėda, dispatched on the very same day a telegram to the Conference of Ambassadors informing of peace prevailing in Klaipėda. After five days, the Lithuanian Sejm «solemnly affirmed» the resolution of the Legislative Sejm of 11 November 1921. On January 26, a special committee for the situation in Klaipėda, appointed by the Council of Ambassadors and headed by French diplomat Georges Clinchant, arrived to the city. The committee refused to recognise the accomplished facts; on 12 February 1923, the Lithuanian authorities were handed a note explicitly accusing the Lithuanian government of instigating the events in Klaipėda and sending their troops there. Nevertheless, the Allies, engaged in their conflict with Germany, failed to show consistency in forcing the Lithuanians to withdraw their soldiers and dissolve the Liberation Committee of Lithuania Minor and Simonaitis' directorate³⁶.

Warsaw acknowledged the seizure of Klaipėda by Lithuania in the name of higher goals. Poland hoped for the eradication of «all unresolved issues in Eastern Europe», including, in particular, the recognition of the Polish eastern borders. (As we know, that issue was settled on 15 March 1923.) On February 16, the Council of Ambassadors decided that the Klaipėda Region will be handed over to Lithuania on condition of ensuring freedom of commercial transit and concluding a separate convention. The resolution of 16 February 1923 was accompanied by requests regarding the appointment of an autonomous government in Klaipėda and representatives of the local population, as well as the recognition of Lithuanian and German as official languages. Poland was to obtain a guarantee of the freedom of transit (floating) on the Neman river. The port of Klaipėda was to be administered by an international body with the participation of a Polish representative. Moreover, Poland was to obtain a free zone at the harbour.

On 19 February 1923, the Lithuanian army officially entered into Klaipėda Region, while the former commander of the insurgents, Jonas Budrys (Polovinskas), took over the position of High Commissioner. One of his first decisions was the expulsion of the Polish delegation. On 20 February 1923, the Polish delegate Marceli Szarota and his colleagues, who were already staying in Klaipėda for more than a year, were ordered to leave the country immediately. At the same time, the Lithuanians were opening the consulates of Germany and Latvia. This way, the Lithuanian side excluded all possibility of a thaw in the relations between the two countries

³⁶ *Łosowski P.* Kłajpeda kontra Memel. P. 49–50.

sharing centuries of joint tradition. Despite the many attempts made by the Polish side, the Lithuanians persisted in their obstinacy until the Polish ultimatum in March 1938. The authorities in Kaunas have thereby overlooked the hidden, yet real danger posed by Germany, consistently striving to rebuild its sphere of influence and power. The restoration of the German state of affairs in Klaipėda took place, as we know, on 21 March 1939.

In conclusion. The Lithuanian historical policy reveals, to this day, a remarkably high degree of flexibility in the assessment of the above two cases; Żeligowski's operation in Vilnius is treated disparagingly, while the Lithuanian military action in Klaipėda meets with praise. The obliviousness to historical sources, even if these were truly inaccessible to Polish scholars until recently, also had a negative impact on the canon of Polish historiography.

References / Список литературы

- Bitwa niemeńska 29 VIII – 18 X 1920: dokumenty operacyjne [The battle of Neman: operational documents]. Part 1: (29 VIII – 19 IX); part 2: (20 IX – 18 X) / Ed. and prep. for publ. led by Marek Tarczyński; Andrzej Bartnik [et al.]. Warsaw: Rytm, 1998.
- Bruski J.* J. Petlurowcy. Centrum Państwowe Ukraińskiej Republiki Ludowej na wychodźstwie (1919–1924). Kraków: Wydawnictwo Arcana, 2000. P. 294–318.
- Fabisz D.* General Lucjan Żeligowski 1865–1947. Działalność wojskowa i polityczna [General Lucjan Żeligowski 1865–1947. Military and political activity]. Warsaw, 2007.
- Gierowska-Kallaŭ J.* Zarząd Cywilny Ziem Wschodnich (19 lutego 1919 – 9 września 1920) [The Civilian Board of the Eastern Territories (19 February 1919 – 9 September 1920)]. Warsaw: Wydawnictwo IH PAN & Neriton, 2003.
- Gierowska-Kallaŭ J.* Straż Kresowa a Zarząd Cywilny Ziem Wschodnich. Współdziałanie czy rywalizacja? [The Borderland Guard and the Civilian Board of the Eastern Territories. Cooperation or rivalry?]. Warsaw: Instytut Historii PAN & Wydawnictwo Neriton, 1999.
- Krėvė V.* Bolševikų invazija ir liaudies vyriausybė. Vilnius: Atsiminimai, 1992.
- Łosowski P.* Kłajpeda kontra Memel: problem Kłajpedy w latach 1918–1939–1945 [Klaipėda versus Memel: the Klaipėda issue in the years 1918–1939–1945]. Warsaw: Wydawnictwo Instytutu Historii PAN & Neriton, 2007.
- Łosowski P.* Konflikt polsko-litewski 1918–1920 [The Polish-Lithuanian conflict. 1918–1920]. Warsaw: Książka i Wiedza, 1996.
- Odczyt Marszałka Piłsudskiego wygłoszony 24 sierpnia 1923 r. w Wilnie [Proclamation by Marshal Piłsudski on 24 August 1923] / Comp. by J. Gierowska-Kallaŭ // Przegląd Wschodni. Vol. V, issue 4 (20). P. 767–791.
- Piłsudski J.* Pisma zbiorowe [Collected Works] Wydanie prac dotychczas drukiem ogłoszonych. Vol. V–VI. Warsaw, 1937.
- Piłsudski J.* Sprawa wileńska. Wykład drugi [The Vilnius issue. 2nd lecture] Pisma zbiorowe Wydanie prac dotychczas drukiem ogłoszonych. Vol. VI. Warsaw, 1937.
- Plebiscites since the World War / With collection of official documents; by S. Wambaugh. Vol. 2. Washington, 1933.
- Polish Wilno: chief monuments of Polish national architecture in Wilno, once the second capital of Poland / With an introd. and comm. by Juliusz Kłos. Vilnius, 1921.
- Radziwonowicz T.* Polsko-litewskie rokowania w Suwałkach (30 września – 8 października 1920 r.) // Suwałku sutartis faktai ir interpretacijos – Umowa suwalska fakty i interpretacje / Ed. by Ceslovas Laurinavicius and Jan Jerzy Milewski. Versus Aureus, 2011. P. 228–257.
- Raporty Straży Kresowej 1919–1920 [Reports of the Borderland Guard]. Ziem północno-wschodnich opisanie / Ed. and comp. by J. Gierowska-Kallaŭ. Warsaw–Pułtusk, 2011.
- Srebrakowski A.* Sejm Wileński 1922 roku. Idea i jej realizacja [The Vilnius Sejm of 1922. The idea and the execution]. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 1995. (Acta Universitatis Wratislaviensis N 1363 Historia XCIX).

M.-L. Tammela

Estonian communists in prisoner exchanges between the Republic of Estonia and Soviet Russia in 1921–1923

At the beginning of 1920s there was an interesting practice between the Republic of Estonia and Soviet Russia – within three years more than two hundred people were exchanged between the two countries. The exchanges were based more on mutual interest than on legislation: the Estonian communists had an opportunity to emigrate to Soviet Russia and Estonian citizens in Soviet Russia's prisons could come to Estonia.

The aim of the paper at hand is to provide an overview and an analysis of these prisoner exchanges concentrating firstly on the technical aspect of the topic – how this practice started in the first place and what was the wider context of the exchanges. To what extent were these exchanges motivated by political interest? Equally important is the biographical aspect, more specifically, the stories of Estonian communists – who were these people on the exchanges lists and what happened to them in Russia?

The area now forming the Republic of Estonia has been throughout its history a battleground for different European powers. From the end of the Great Northern War at the beginning of the 18th century it had been part of the Russian Empire. In 1917, after the February Revolution the Bolsheviks had become very popular in Estonia just within a few months as they stressed the workers' class solidarity (despite of opposing the aspirations of extended Estonian national autonomy). The number of party members rose from 200 to 10 000 and the number of supporters allegedly to 80 000 or even to 100 000¹. It is not all that surprising given that during the war Tallinn had

become the base for Russian Baltic fleet and location of several warship factories and by the beginning of 1917 provided shelter 50 000 foot soldiers and sailors in addition to approximately 30 000 industrial workers. The Bolsheviks began to organise workers' councils in towns and for the Russian troops located in different parts of Estonia.

After the *coup d'état* in Russia in October 1917 the Bolsheviks also seized power in Estonia for the duration of three months. In February 24, 1918, the independent Republic of Estonia was declared by the nationalist politicians. The next day, an Estonian Provisional Government was formed in Tallinn, only a few hours before the invading Imperial German Army units arrived in town. Most Estonian Bolshevik leaders managed to flee from advancing German troops to Soviet Russia² only to come back when Germany had to withdraw its troops from Estonia in November 1918 after the defeat of the Central Powers in World War I. The Estonian War of Independence began as the Red Army stormed Narva on the 28th of November 1918 and Estonian Communist Red Riflemen troops (formed inside the Red Army) fought against Estonian People's Army (*Eesti Rahvavägi*) in this war.

The activity of the Bolshevik organisations was prohibited in Estonia by degree of the head of domestic security in December 1918 and therefore, during the Estonian War of Independence, communist activities in the Estonia focused on the agitation work among workers and soldiers as well as on the intelligence work which was coordinated by Registration Directorate (*Registrupealetus*, RU, later GRU) from Soviet Russia³.

Tartu Peace Treaty, signed on February 2, 1920 in Tartu, ended the war between Estonia and Russian SFSR, establishing the border between Estonia and Russia, and setting up diplomatic relations between the two countries. The articles 9 and 10 of the peace treaty also regulated the exchange of prisoners of both sides, concerning prisoners of war and internees, who were confined before the ratification of the treaty⁴. However, there remained still a number of people who did not fit under those agreements, but whose release the other side was still interested in. One of the most problematic categories among them was Estonian communists.

Notably, the question of exchanging Estonian communists was one of the issues that began to influence the mutual relations between Estonia and Soviet Russia for the next three years.

I

Sending communists to Soviet Russia was not actually a new phenomenon in itself and Estonian authorities had practised it at least twice before 1921. First time it happened during the Estonian War of Independence, in August 1919, when after expressing its support to the Third International, the first congress of the Estonian

² Laaman E., Ernits J. Enamlus Eestis. I. Tallinn, 1930.

³ Ibid. L. 171, 176–177; Tammela M., Rosenthal R. Sõda pärast rahu. Tallinn, 2010. L. 59–60, 64.

⁴ Mattisen E. Tartu rahu. Tallinn, 1988. L. 456–457.

¹ Siivask K. Veebruarist oktoobrini 1917. Tallinn, 1972.

Trade Unions was disbanded by Estonian authorities and 102 of more than 400 delegates were arrested and sent across the front lines toward Red Army positions. This event is also known in Estonian historiography as the Irboska bloodbath, because 25 of the arrested delegates were shot near the border by the fighters of the Armoured Train Division. In August 1920, 61 union and labour movement activists were sent to Soviet Russia for proclaiming a general strike in Tallinn. Both of these were unilateral actions initiated by the Republic of Estonia.

In November 1919, just before the peace negotiations between Estonia and Soviet Russia began, an agreement that regulated hostages exchange was signed in Tartu by Estonian Minister of Foreign Affairs Ants Piip on the one side and member of the college of Soviet Russia's People's Commissariat for Foreign Affairs Maksim Litvinov on the other⁵. Under this agreement 24 people were handed over to Soviet side and they included mainly family members of more «prominent» Estonian communists⁶. Among 31 people who were able to return to Estonia were State Elder Konstantin Päts' brother's family members⁷ who had been kept in concentration camp on Soviet side.

In February 1921, Maksim Litvinov, who had meanwhile become an ambassador of Soviet Russia in the Estonian Republic, contacted the Estonian Ministry of Foreign Affairs again, and in his letter expressed Soviet Russia's interest to explore the possibilities of exchanging three Estonian communists who were convicted and sentenced to death for «espionage during the war, which continued in time of peace» only a few days earlier⁸.

Litvinov's application put Estonian Minister of Foreign Affairs into a difficult position, because all three persons were citizens of Estonia and the lawsuits related to them were an internal affair of the Republic of Estonia. Minister's reserved position was also caused by Litvinov's announcement that the Soviet government was interested in the fate of these people particularly because they were communists. As a result minister Ants Piip declined to discuss this topic any further and expressed the hope that this kind of intervention into the internal affairs of Estonia does not recur⁹.

A secret correspondence between Estonian Ministry of Foreign Affairs and Military Prosecutor's Office began at the same time and it shows much deeper concern regarding to Litvinov's letter than can be read out from the official answer to the Soviet ambassador¹⁰. Besides expressing the opinion that such an exchange could en-

⁵ Mihkelson M. Eesti Töörahva Kommuuni koonduslaager nr 1. // Tundmatu Eesti Vabariik. Tallinn, 1993. L. 21–22.

⁶ For example wife of Estonian communist military officer Harald Tummeltau and daughters of Estonian communist writer and politician Hans Pöögelmann (*Klassivõitlus* 1920. Taavi Minnik. Terror ja repressioonid Vabadussõjas. Master's Thesis. Tallinn University, 2010).

⁷ Mihkelson M. ETK koonduslaager. L. 21–22.

⁸ Estonian National Archives (ERA). F. 957. N. 11. S. 740. L. 11.

⁹ ERA 957–11–740, 12–13.

¹⁰ ERA 957–11–740, ll. 12, 13, 15–15-p.

courage the communist underground activities and would, therefore, only threaten state security, Military prosecutor also warned minister Ants Piip about instructions that were recently found from arrested communist agitators, in which all measures of support and assistance were promised from local Soviet Russia's representatives in case of agitators' capture. The heightened interest in sentenced Estonian communists from the Soviet Embassy seemed to imply that the above-mentioned instructions were not empty promises.

After all, Estonian concern was fully justified, due to the fact that communist movement, which was led by the underground Estonian Communist Party (ECP), was the main threat to internal security in Estonia in the early 1920s.

In the Estonian War of Independence (1918–1920), Estonian Bolsheviks' party organization had been a part of the Russian Communist (Bolshevik) Party. The independent Estonian Communist Party (ECP) was formed in November 1920, representing a formal break with the Russian organization. This did not result in actual independence, however, as the source of instructions and funds continued to lay beyond the Estonian borders, in the hands of the ECP central committee members in Russia, known as ECP's Russian office, which kept the contact with Comintern. Although Bolsheviks had lost many supporters in Estonia from 1917, they still had noteworthy support mostly among the industrial workers, but also among the landless peasants, the unemployed and the students. Especially in the early 1920s, Estonian Bolsheviks had strong positions in the trade union movement. As they were prohibited since 1918 and had a clearly expressed goal to violently overthrow the so-called bourgeois government, the ECP saw no reason to legalise its activities and its members stayed underground. Nevertheless, using several «false fronts» communists took part in the elections to the Parliament in 1920 and in 1923, and got five, later ten seats in 100-member Estonian Parliament. The membership of the underground Estonian Communist Party increased to 2000. Communists' popularity decreased only after their failed coup attempt on December 1, 1924 when party lost its support and membership fell to around 70 to 200 people. It remained low until 1940.

After Estonian Foreign Ministry's reply to Litvinov's letter, correspondence between Ministry and Russian Embassy temporarily stopped. However, in the spring of 1921 another tendency showed signs of growth — telegrams from Estonian Embassy in Moscow reporting arrests of Estonian citizens and month after month the number of messages containing similar news increased. For example, the Estonian consul in the Crimea Jaan Timse and his four co-workers were arrested in February 1921, all accused of espionage. In May, former member of Russia's State Duma and now Estonian official Karl Hellat¹¹ and Hellat's wife were arrested in Odessa facing the same charges as consul.

¹¹ ERA 957–11–754, l. 36-p, The Analytical Bibliography of Estonian Press — «Karl Hellat»: http://www2.kirmus.ee/biblioserver/index2.php?kid=410780&index_from=6 (date of access 10.12.2015).

An additional topic that is closely linked with the present one and began to influence the exchange question both politically and socially was the question of *opting*. By the year 1920 there were approximately 320 Estonian settlements in Russia with about 190 000 Estonians living in them and according to Tartu peace treaty of 1920, all these ethnic Estonians residing in Russia had the option of opting for Estonian citizenship and returning to the Republic of Estonia. In 1920–1923 approximately 38 000 ethnic Estonians arrived to Estonia in this way. People, who opted, were called ‘optants’¹². For Soviet side this category of people gave an additional opportunity to «negotiations» with the Estonian Republic, namely hindering people from leaving by using various means of influence and by distracting the work of opting committees. One way of obstructing the opting committees was to hold people by force and accuse them of various crimes. For example, one person was accused of «inciting people to opt», i.e. inciting people to choose Estonian citizenship¹³. It is not difficult to see that these actions were politically calculated.

Although there are few records and it is not exactly clear when and how the Estonian side seriously began to consider the option of exchanging the communists for Estonians but it may be assumed that it was due to the developments that took place during the spring 1921 — the imprisonment of Estonian citizens and officials who were organizing the work of the opting committees — that led to the closer consideration of the exchanging question whatsoever.

It can be assumed, that the negotiations over this issue continued in some form throughout the spring in the narrower circle in Moscow between the Estonian ambassador and the representative of Soviet People’s Commissariat of Foreign Affairs. By April Estonian Ambassador in Moscow Tõnis Vares had drawn up lists of some kind, in which the approximate number of Estonians were mentioned¹⁴. In June Soviet government’s representative gave, in turn, to Estonian ambassador new list of people the Soviet side was interested in. This time the list consisted already of 12 people, all of them were in one or another way related to the underground communist movement and were members of a greater Soviet intelligence network, caught a year before in the South-Estonia. All of these people faced serious accusations and expected to go on the so-called trial of the 50 (communists), scheduled to start within the next few months¹⁵.

Although the Minister of Justice as well as the representative of the Police Main Directorate emphasized that the possible exchange would be unreasonable, among other difficulties indicating the lack of any legal base concerning the communists’ exchange issue, but also considering the nature of allegations which were raised against the 12 — mainly espionage and participation in activities of the communist organization¹⁶. Nevertheless, the negotiations in narrow circle continued.

¹² *Optandid* in Estonian.

¹³ ERA 957–11–754 ll. 38, 79–107.

¹⁴ ERA 957–11–754, l. 2.

¹⁵ ERA 957–11–754, l. 19.

¹⁶ ERA 957–11–754, ll. 24, 34.

Estonian Ambassador in Moscow Tõnis Vares had a more positive attitude towards the exchange question in general and while giving to Ministry of Foreign Affairs an overview of the issue, pointed out that although exchanges as a general measure was not advisable, it could be conceivable, however, as an exception, because the exchange would be the only way to save «several honest Estonian public figures» from Russian prisons. At the same time he presented a series of conditions that should be taken into account when the negotiations should really begin: for example no more than a half of the members of each larger communist group should be exchanged, only the people who are already convicted should be allowed to be included the exchange lists, etc. Exchange list, which was put together by Estonian Ambassador in Moscow, consisted of 40 names with abovementioned Karl Hellat, his wife and the staff of Estonian Consulate in Crimea in the first order¹⁷.

These instructions were motivated by Estonian internal political situation which was influenced in many ways by an active communist underground activity. The Estonian government institutions, especially the Estonian Security Police, which was established in 1920, tried to restrain the communist activities and therefore several legal proceedings were held. There were three large proceedings against those accused of communist activities between 1920 and 1922, which are related to the present paper: in June 1920, the so-called trial of the 35 was held, where mainly the members of the underground communist Tallinn city committee, which coordinated communist agitation work in Tallinn, and their co-workers, were on trial. In September 1921 the trial of the 50 (the number in the name referring to the number of the accused) was held against the members of another communist network in South-Estonia which also was linked to Soviet intelligence network. In April 1921, a courier for the underground movement was arrested and this exposed the communist MPs’ and the communist members’ of the Tallinn City Council covert ties to the ECP central committee and their seditious activity. This was followed by trials and convictions in the so-called *trial of the 115* in May 1922.

Precisely these people on trials were at the centre of the interest of Soviet Russia and it will be shown that these people also took more than a half of the places in the future exchange lists. It is not surprising that the Estonian ambassador was cautious and naturally Estonian authorities had no desire to worry about the possible future activities of the people once convicted of the actions against the state. Yet this would have been the possible outcome if all the sentenced had been exchanged together or at least this possibility seems to have been the main concern of Estonian authorities.

Rumours about possible exchanges between Estonia and Soviet Russia spread fast among Estonians in Russia and Estonian Embassy in Moscow received number of petitions from Estonians who were being held captive in Soviet Russia and were not in the exchange list¹⁸.

¹⁷ ERA 957–11–754, l. 36.

¹⁸ ERA 957–11–754, ll. 60–61-p.

Until September 1921 there were only 12 communists in the potential exchange list and 40 Estonian citizens in Estonian list. Soviet Russia's interest towards the fate of Estonian communists seemed to rise significantly in relation to the so-called trial of the 50 which was held in Tartu in September, where 38 people were convicted, and a new and so far the biggest court case, the so-called trial of the 115 began to take shape.

In the light of such developments the necessity from Estonian side to make some kind of decision concerning the exchange became more and more evident¹⁹. Whilst Estonian side still delayed with the decision, Soviet People's Commissariat for Foreign Affairs came up with a new proposal at the beginning of October, wishing the same exchange to be carried out extraordinarily on a much larger scale and resolve the matter once and for all: this new proposal envisaged the releasing a total of 166 prisoners in Estonia, whom the Soviet side was interested in. Russian side expressed, in return, its willingness to release all Estonian citizens (i.e. officials, people who wanted to optate and others), who were at the time in Soviet Russia's prisons and who could not be released based on the corresponding paragraphs of the Tartu peace treaty. There were a total of 274 Estonians who were in Russia under these circumstances and who now appeared in the list drawn by the Estonian Embassy. They faced allegations from espionage to illegal border crossing and smuggling alcohol²⁰.

In the beginning of October the exchange agreement and the lists were finally ready for signing, only thing still lacking was the approval from Estonian government²¹. A special committee composed of the Minister of War, Minister of Justice, and ministers of Internal Affairs and of Foreign Affairs was formed in Estonia only in late autumn 1921 and made the decision in favour of the prisoners exchange on November 3, 1921, after the Soviet side had threatened to begin to shoot the Estonian prisoners²². Especially the Ministry of Foreign Affairs stressed that if it should reach to exchange, then it is not originally an exchange therefore it can't create a precedent, but an extraordinary release agreement²³. When we look at the behaviour of the officials of the Ministry of Foreign Affairs there prevails the fear for the growth of the communist activities. The Special Committee argued that it was necessary for Estonian communists in exchange to obtain the citizenship of Soviet Russia before the exchanges would take place. The punishment had to be modified for the people with the newly acquired Russian citizenship into sending them to their «home country» and not giving a pardon to them. It meant that their sentences remained applicable in the territory of the Estonian Republic, if they should come back to Estonia. Special Committee's decision was confirmed the next day by the State Elder Konstantin Päts²⁴.

¹⁹ ERA 957-11-754, l. 66

²⁰ ERA 957-11-754, ll. 79-107.

²¹ ERA 957-11-754, l. 127.

²² ERA 957-11-754, l. 137-138.

²³ ERA 957-11-753; 21.02.1921-31.12.1921, Kirj.vahetus Eesti esindusega Nõukogude Venemaal, l. 26, ERA 957-11-754, ll. 137-138.

²⁴ ERA 957-11-754, ll. 148-149, 151.

Finally, from December 1921 to September 1923 six exchanges between the Republic of Estonia and Soviet Russia took place where in six echelons 127 Estonian communists were sent to Soviet Russia, one of them even twice, because he had managed to come back meanwhile and was caught again. From Soviet Russia 130 Estonian citizens arrived to Estonia. The number of people exchanged was somewhat smaller than the number of people in the original lists as many were released before the realization of the exchanges, and some died before.

The first prisoner exchange took place on December 8, in 1921 between Narva and Jamburg on Estonian eastern border. Originally it was planned to finish the exchanges by February 1922, but the prisoner exchanges, however, did not proceed as smoothly as could have been expected. This time it was the Russian side that began to stretch the determined exchange dates, referring to the difficulties connected with collecting Estonian citizens together from different parts of Russia. So at the request of the Estonian ambassador the deadline was extended and several people who were arrested after the agreement of October 5, 1921, were included to the exchange lists, replacing the ones released or died.

One last major influencing factor of the prisoner exchanges was the capturing of ECP's leader Viktor Kingissepp in May 1922 by the Estonian Security Police. Kingissepp had been leading the underground communist activities in Estonian of the past three years and now he was found guilty of crimes against the state. A hastily organised hearing sentenced him to death and he was shot just barely 24 hours after his arrest. The cause of such haste was probably the possibility and assumption that Russian side would want to start the negotiations for exchanging Kingissepp for Estonian officials in Russia. In response, a number of arrests of Estonian citizens took place in Russia, which culminated in two major proceedings in summer 1922: so-called *trial of the Vildenuu* (named after Estonian official Nikolai Vildenuu) with 35 people on trial in Moscow and 60 people in Petrograd. Estonian ambassador Ado Birk stated openly to Estonian Minister of Foreign Affairs when informing him about the proceedings, that it was not so much about the fact if anyone was guilty of anything or not but they were exemplary proceedings which served the goal of criticizing the foreign policy of Estonia.

The last exchange took place on September 4, 1923 when six communists were sent to Soviet Russia and seven Estonian citizens were handed over to the Estonian authorities. Although Estonian Ministry of Foreign Affairs began lobbying the government for organizing one more exchange that could have given the opportunity to release some more Estonian officials convicted in the great trial of Petrograd one summer before, the members of the government were resolute about refusing to confirm the ministry's request for another exchange and made the decision to terminate the prisoner exchanges with Soviet Russia permanently instead²⁵.

²⁵ ERA 957-12-51, l. 2 (11).

II

This part of the paper concentrates more thoroughly on the biographical aspect of the exchanged communists: what was their background, what were the circumstances of their arrest and what is known about their life in Soviet Russia.

An invaluable source for collection of the biographical data analysed here are three voluminous archive funds which were originally formed as a result of the actions of Estonian communist organizations in Soviet Russia – Russian Office of the Estonian Communist Party's Central Committee, Estonian Section of Comintern in Leningrad and Estonian Section of Comintern in Moscow, and consisting of CVs, petitions to different offices, questionnaires etc.²⁶

It should be mentioned, however, that this material is far from being sufficient to examine the life of the communist emigrants in Soviet Russia (later Soviet Union) and not all people who were exchanged can be found in the materials of the funds described above. There are data of any form on roughly 2/3 of people who were exchanged. There can also find some printed memories and secondary data that helped to fill some of the gaps.

As mentioned earlier, a total of six exchanges took place between the years 1921–1923: the first echelon with 42 communists was sent to Soviet Russia in December 1921. It was followed by the second echelon with 18 communists in January and the third with 5 more communists in March 1922. The fourth echelon with 46 people started their journey in August and the fifth with 10 people in November 1922. The last exchange took place almost 10 months later in September 1923 when six communists were sent to Russia. Among 126 Estonian communists exchanged, there were 89 men and 26 women, and one person unknown.

Among 42 people exchanged in the first echelon in December 1921 were primarily many local communist party organizers as well as other more important Estonian communist activists. For example the majority of the members of the underground communist city committee of Tallinn, whose actions became evident in spring 1920, were all exchanged in December 1921.

Communists with heavier sentences were predominately placed in the higher ranks on the exchange lists and were among the first arrivals to Russia. One such example is the chairman of the underground communist Tallinn city committee, former sapper officer and Russian Civil War veteran Georg Kreuks who was sentenced to death for «subversive activities against the Republic of Estonia».

There were comparatively fewer couriers in the first echelon, many of them can be found in later exchanges. One of the three communists Litvinov had written to Estonian Ministry of Foreign Affairs about, asking about the possibilities of the exchange – Slata Kušnerova – was sent to Russia in the second echelon. The two others had been executed by then.

²⁶ Nowadays they can be found in the Estonian National Archives.

Almost 60% of the people exchanged were convicted in the previously mentioned three large proceedings. The *trial of the 35* (1920), *trial of the 50* (1921) and *trial of the 115* (1922) stand out precisely in the sense that majority of the convicted people were exchanged: for example in the trial of the 35, 14 persons were convicted and 13 of them were exchanged. In the trial of the 50 the numbers are respectively 38 and 28 (people exchanged). The rest of the people in the exchange lists were also on trial for espionage and/or communist activities, but they were prosecuted in much smaller groups.

Sentences assigned to the people who were about to be exchanged, also varied greatly ranging from two years in prison to the death penalty.

The original list of 166 communists also included the names of people who were by October 1921, when the lists were handed over to Estonian side, already been executed, released or had never been arrested, such as the communist MPs, who were also included into the original list²⁷. It may be that communists were afraid of the MPs' arrest concerned to the incident with the courier in spring 1921 and communist MP's may have been taken to the list as a precaution.

In most cases, people who were exchanged were also the members of the communist party. For example all party members who were convicted in the trial of the 50 were exchanged²⁸. However, party membership was not a precondition for gaining entry to the exchange lists although it played an important role. Numerous reports can be found from people who were exchanged and joined the communist party later in Soviet Russia or did not join the party at all.

In this context the example of a student named Paul Schütz is interesting. Schütz was arrested in July 1921 as a contact person of intelligence network, but he does not appear to be a member of the communist party. It is very possible that part of Schütz's «fortune» for being included to the exchange list came instead from his father's position as a revolutionary martyr among Estonian communists.

Three different groups or categories can be brought out inside the party members and activists:

1. People who had been active since 1905 or at least before the World War I in Tallinn Committee of the Russian Social Democratic Labour Party.
2. People who joined Russian Social Democratic Labour Party (Bolsheviks), RSDLP (b), in 1917.
3. People who joined Estonian Communist Party in 1920 or later.

People in the first and second echelons had joined party mainly in 1917, some even earlier, but in the subsequent echelons more people who joined party later can be found, especially in 1920 and onwards. It shows quite well that communists' popularity in Estonia was not limited up to the year 1917 and it continued in the Republic of Estonia as well.

²⁷ ERA 957–754, l. 167.

²⁸ Tammela M.-L. Poliitilised suurprotsessid Eestis 1920–1925: katse portreeterida Eesti kommunisti / Master's Thesis, 2010, University of Tartu, advised by Ago Pajur. L. 84.

Not all people, who were given the chance to be exchanged, used it. Several refused to go for personal reasons — their family remained in Estonia. Another story was, of course, if the family already lived in Russia.

For example, Peeter Lindau was also in the exchange list, but he withdrew his name. He described the details of his action later in 1935 in his CV in the Soviet Union. Namely, he says that when the communists had already given the requests to the Estonian government, a regulation from Party (probably central committee) arrived instructing that all persons, who were members of some representative body (i.e. parliament, municipality etc.), had to take back their requests and stay in Estonia²⁹. It seems likely that this guideline was given with the forthcoming *trial of the 115* in mind, where the accusations were quite vague (common charge was «participation in a pan-Estonian secret communist organisation») and as times showed, many people were acquitted and were able to continue their former activities.

It also seems, that the determining factor of deciding whom to exchange, was the question of trust. Artur Kamp was the only one convicted in *the trial of the 35* who was not included in the exchange list, although he had been an activist, though probably not a party member. Kamp was found guilty in keeping the underground correspondence bureau. His wife Alma Kamp left Estonia with the first echelon in 1921 and turned to ECP Central Committee's Russian Office with the petition to include his husband in the list, but her request was denied. It appeared that meanwhile one of the underground communist leaders in Estonia, Jaan Kreuks, elder brother of Georg Kreuks, had made a complaint against Kamp, accusing him of not warning him in time against police raid³⁰.

The majority of people exchanged represented the true «working class». Industrial workers such as tinkers, locksmiths, machinists and weavers accounted for at least two third people in exchanges. This also represents in its own way the social and economic history of Tallinn. Also smaller municipality officials could be found among communists, in addition teachers, students, but also a hairdresser, a land surveyor and a midwife were represented. It is also interesting that many shoemakers can be found among the group in question. It is likely that shoemakers' small workshops with many people coming and going were good channels of communication.

The average age of exchanged communist was between 25 and 30 years. The youngest person exchanged was a 17-year-old school student Erna Saarens, who was accused of working as a courier of one of the ECP central committee members. The oldest was a 58-year-old paper mill worker Tõnu Vainlo, who was arrested as a member of communist group in Tallinn City Council.

When it comes to nationality it may be said that at least about 90% of the exchanged were ethnic Estonians, then came Russians and there were a few Latvians.

²⁹ ERAF 24-2-978, l. 3.

³⁰ ERAF 24-2-236, ll. 1-2-p.

These emigrants, of whom it was possible to find material, in most cases found work in factories in Leningrad but also in *kolkhozes* or cooperatives, ran by emigrants themselves. August Sarap, one of the accused in the *trial of the 50*, ended his membership in the party during years of the New Economic Policy (NEP) and started a private business. Some success stories, although only very few, can be found in the workers' category. For example, Rudolf Lees (later Lessov), who had been convicted of being a member of underground communist town committee of Tallinn, arrived to Soviet Russia with the first echelon in December 1921. He continued his career as blacksmith in Kanonersky Ship Repair Yard in Leningrad became «*Stakhanovetz*» and a motor ship — «*Кузнец Лесов*» — was named after him³¹.

Voldemar Teppich, one of the exchanged, distinguished in his memories the so-called elite and all the rest. From his memories it seems that the most of the emigrants belonged to the last category without any prospects for a career inside the party³².

However, some people managed succeed inside the party. For example, Aleksander Mäe, who started his career as a spinner in Kreenholm Manufacture in Narva, was found guilty of espionage in the *trial of the 50*, and had several smaller posts in the party in Russia after the exchange, came back to Estonia after the Second World War and became the minister of agriculture of the Estonian SSR.

Konstantin Männikson, former tailor, arrived to Soviet Russia in 1922, graduated from the Communist University of the National Minorities of the West in 1929 and became a headmaster of the Incomplete High school in Kalinin *oblast*. He was one of those exchanged communists who returned to Estonia in the summer 1940, after Estonia was occupied by the Soviet Union and worked as one of Estonian Communist (Bolshevik) Party County Committee secretaries in 1941. He was killed when fighting in the destruction battalions against German army in summer of 1941.

In a way, the story of Richard Mirring's story can also be considered as a success story — at least to a certain point. Richard Mirring was a bookkeeper, a trade union activist and a courier between Viktor Kingissepp and the members of communist group in the Parliament. After his exchange, he worked in Soviet Russia as a secretary of Central Committee of ECP and in 1930s worked in Comintern Executive Committee until 1937³³, when he was arrested and shot for having «involvement in the counterrevolutionary organization».

In much frequent cases, communist emigrants found difficulties in their new home country. In spite of coming from former Russian empire and having more or less the same social and political background, Russia was still different and unfamiliar cultural environment for many emigrants from Estonia. One significant difficulty that they experienced was poor language skills, and this was particularly experienced by women. It may be explained by overall low level of education of the group surveyed

³¹ ERAF 25-2-1012: Leesov (Lees) Rudolf Jakobi p, ll. 17-18; Кузнец Лесов: его имя носит теплоход. [Рихард Меринг, Макс Поляновский, Рудольф Лесов]. М.: Профиздат, 1933.

³² *Teppich-Kasemets V. Põrandaaluste juhi paljastusi // Päevaleht. 1933. 19.02.*

³³ Akadeemia. 2002. N 3. Ll. 665-666.

here. The majority of people observed had barely completed primary education, and 2–3 winters of village school education was not enough to provide sufficient language proficiency. As a result, political emigrants remained in closer contact to each other, establishing their own cooperatives etc.

The pattern described above does not apply to communists with secondary education. They had the opportunity to continue their studies for example in the Communist University of the National Minorities of the West, and several did it. One of the exchanged people, Richard Anslaud-Majak became even lecturer at the same university.

One important factor that influenced emigrants in Soviet Union more and more especially from the second half of 1920s was the growing conflicts within the Estonian communists' community. Alienations dated back to 1918 when one group of Estonian communists supported the idea of establishing independent Estonian Communist Party while others considered functioning as the Estonian section of the Russian Communist (Bolshevik) Party sufficient enough. Confrontations between Estonian communists became more apparent and deepened after the failed *coup d'état* attempt in Tallinn in 1924. Some main *coup* organisers who managed to escape to Soviet Union and their supporters justified the attempt, while others called the event «dancing on workers' corpses». So it was essentially a power struggle between two groups and many emigrants also found them in the struggle, often on the «wrong», i.e. opposing side.

As part of this power struggle, tale bearing as well as digging up old disputes and arguments culminated in the most extreme cases in accusing each other of Trotskyism. In this context, the re-examination of the circumstances of each emigrant's arrival to Soviet Russia took place. Good opportunity for such actions was given with the documentation that was collected by interviewing persons arriving. Interviews did not cover only the actions of the interviewee but were also meant to collect information about activities of other communists the person had had contacts with. All details were gathered to every person's personal file and this documentation often became the main source for later accusations and could lead to repressions of the ones accused.

For example, a courier Anna Leeto was exchanged to Soviet Russia with the first echelon in December 1921 and had worked in Estonian cooperative of political emigrants in Leningrad since then. When she submitted her request for personal pensions in 1935 to Estonian Section of the Comintern in Leningrad, her previous actions during her Tallinn period were taken under closer scrutiny, which led to accusations of betraying one of her fellow accused during the *trial of the 35* in 1920 and Anne Leeto was thrown out from party³⁴.

In addition to conflicts among Estonian communists' own organisations, wider political developments in the Soviet Union began to affect the fate of the people ex-

³⁴ ERAF 25–2–708, ll. 6, 8, 24.

changed. The entire central office of ECP and many other higher party officials were repressed during the Great Purge. More detailed information can be found about 1/10 of the people exchanged³⁵, but the data are not conclusive.

The prisoner exchanges, which took place between the Estonian Republic and the Soviet Russian in 1921–1923, during which a total of 126 Estonian communists arrived to Russia, were undoubtedly a serious test to the relations between the two countries, each trying to maintain good diplomatic relations at the same time. For most of the emigrants going to Soviet Russia was hardly an act to follow their revolutionary dream of any kind, but rather the opportunity to live their lives outside prison which in this case meant outside Estonia. There were also these Estonian communists, who could have a career in Russia inside the party or somewhere else, but their percentage remained modest and the majority of them were killed during the Great Purge.

In summary, the present topic reveals new interesting perspectives in the mutual relations between Estonia and Soviet Russia in early 1920, but also in the social history of communist movement in Estonia and the history of Estonian communists in Soviet Russia.

References / Список литературы

- Laaman E., Ernits J.* Enamlus Eestis. I. Tallinn, 1930.
Mattisen E. Tartu rahu. Tallinn, 1988.
 [Mering R., Polânovskij M., Lesov R.] Kuznec Lesov: ego imâ nosit teplohod. M.: Profizdat, 1933.
Mihkelson M. Eesti Tööraha Kommuuni koonduslaager nr 1. // Tundmatu Eesti Vabariik. Tallinn, 1993.
Sülivask K. Veebruarist oktoobrini 1917. Tallinn, 1972.
Tammela M.-L. Poliitilised suurprotsessid Eestis 1920–1925: katse portreerida Eesti kommunisti // Master's Thesis, University of Tartu, 2010.
Tammela M., Rosenthal R. Sõda pärast rahu. 2010.
Teppich-Kasemets V. Põrandaaluste juhi paljastusi // Päevaleht. 1933. 19.02.

³⁵ Список граждан, расстрелянных в Ленинграде, вне Ленинграда и впоследствии реабилитированных (т. 6, 8, 9 «ЛМ»): <http://visz.nlr.ru:8101/searchword.php?qs=%E2%EA%2A+and+%FD%F1%F2%EE%ED%2A&grp=20&p=0> (дата обращения 09.12.2012).

И. И. Баринов

Феномен «Ост» в политической философии национал-социализма

На протяжении достаточно долгого времени в интеллектуальной и социальной мысли разных стран и времен применительно к реалиям, относящимся к немецкому национально-политическому и государственному строительству до 1945 г., фигурирует ряд пространственных императивов, связанных с географическим Востоком (*Ost*). Ранжир этих императивов достаточно широк и наиболее известен так называемый «натиск на Восток» (*Drang nach Osten*). Зачастую клише, связанные с этим явлением, используются без надлежащего анализа сложных и специфических обстоятельств их формирования. Более того, одни и те же конструкты в разных обстоятельствах могли использоваться для обозначения совершенно разных по своей сути явлений. Неизменной при подобной концептуализации оставалась лишь пространственная компонента, трансформировавшаяся в зависимости от того или иного господствовавшего социального заказа.

Роль границы в жизни древних германцев подчеркивалась еще авторами XVIII в.¹ В ходе конструирования политической нации в Германии во второй половине XIX в. вопросы четкой границы и одновременно ее расширения наложились друг на друга. Это дало жизнь устойчивому нарративу о стремлении на Восток как одному из краеугольных камней развития германского духа. Одновременно в этом нарративе придавалось особое значение маркам как форпосту продвижения и закрепления приобретенных территорий и средству сдерживания внешней экспансии.

¹ Schäfer Ch. L. Beiträge zur Vermehrung der Kämtniß der teutschen Alterthümer. Quedlinburg, 1764. S. 29.

В реальности же расширение границ не было уникальным немецким явлением. Рассматривая роль границы в европейском понимании окружающего мира, немецкий исследователь Ханс-Юрген Карп отмечает, что восточная колонизация была общеевропейской тенденцией, а установление линейных границ, ввиду относительно небольшого количества естественных, стало ведущим понятием этой колонизации. «Геометрическая педантичность» в разграничении слабозаселенных пространств пустошей и лесов, разительно отличавшихся по геоморфологической структуре от привычных мест, стала стержнем изучения и понимания Востока². Петер Крюгер идет дальше, указывая, что восточная колонизация немцев в позднейшее время строительства национального государства была «облечена в миф». В этой связи исследователь задается вопросом, насколько средневековый опыт соотносим с категориями времен Модерна, в том числе «синдромом границы», когда мнимую незащищенность пространства на Востоке следовало решить его повторной колонизацией³, своего рода Реконкистой по-немецки.

«Ост»: особенности формирования понятия

Характерной чертой ранней истории Европы было то, что до определенного времени контакты групп людей между собой были спорадическими, что подразумевало существование обширнейших неосвоенных территорий в Европе. Сплачивание вокруг очагов цивилизации приводило к еще большему запустению пространства. В результате Европа, по словам известного французского историка Жака Ле Гоффа, разложилась на «самодовлеющие мирки», при этом следствием потери экономических связей между различными регионами стала аграризация населения⁴.

Достаточно скоро, однако, ситуация начала меняться. Рост населения германских земель и порядок наследования стали причиной нехватки пахотных наделов и обусловили переход к форсированной внешней колонизации с целью получения жизненных ресурсов. Импульсом к ней стали и более позитивные факторы, такие как завершение переселения народов, внутренняя политическая консолидация германских государств и установление относительной политической стабильности в Европе в целом. Активное проникновение немецких колонистов на север, северо-восток и восток шло с XIII по XV в. Именно в ходе продвижения вглубь славянских и балтских земель начало складываться (еще без специфической идеологической нагрузки) и понятие «Ост».

² Karp H.-J. Grenzen — ein wissenschaftlicher Gegenstand // Grenzen in Ostmitteleuropa im 19. und 20. Jahrhundert. Marburg an der Lahn, 2000. S. 11.

³ Krüger P. Der Wandel der Funktion von Grenzen im internationalen System Ostmitteleuropas im 20. Jahrhundert // Grenzen in Ostmitteleuropa im 19. und 20. Jahrhundert. S. 40, 48, 51.

⁴ Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. Екатеринбург, 2007. С. 35.

В литературе и в политическом лексиконе немецкий «Восток» ассоциируется прежде всего с клише «натиск на Восток», которое, по справедливому замечанию Вольфганга Випперманна, рассматривается в не-немецкой историографии как «эпохальное трансцендентное понятие»⁵. Критикуя распространенность данного термина, Випперманн указывает, что оно имеет позднейшее происхождение и появилось в середине XIX в. в западнославянских публикациях. Подобную трактовку явления немецкой колонизации автор обозначает как «национальный стереотип», указывая на то, что определенные тезисы и теории упорядочивались и интерпретировались в ретроспективе. Кроме того, Випперманн подчеркивает, что в реальном процессе главенствующее место занимали социально-экономические, а не этнические или национально-политические реалии⁶. Предваряя высказывания Випперманна, Освальд Шнайдер указывал на то, что само понятие «германский Восток» несет прежде всего культурную, а не политическую окраску⁷.

Следует отметить, что Шнайдер оперирует позднейшим конструктом, получившим распространение уже во времена нацизма, а Випперманн выделяет социальные и экономические величины в отрыве от остальных категорий. В этой связи Марк фон Хаген справедливо указывал на важность фокусирования внимания на окраинах, где наличествует «огромное множество взаимодействий», более адекватно отражающих историю региона, и пограничьях, по которым идут большинство континентальных конфликтов⁸. По замечанию Альфреда Рибера, существует связь между границей, которую в географическом и психологическом плане представлял «Ост», и самим характером цивилизации⁹. Это весьма существенный момент, который позволяет говорить о первоначальном «восточном» импульсе как попытке немцев, отталкиваясь от исторически сложившегося окружения, не просто ощутить самих себя в пространстве, но и структурировать себя.

Таким образом, условный «натиск на Восток» содержал в себе ряд существенных особенностей культурно-исторического, социально-экономического характера и, не в последнюю очередь, ментального свойства. Взаимопроникающая и накладываясь друг на друга, они образовали уникальную идентичность не только германской окраинной территории, но и самого понимания места и роли пространства и границы в этнонациональном конструировании немцев.

Противником восточных устремлений, по крайней мере до начала XVIII в., выступала Священная Римская империя. Выдвижение Пруссии как наиболее

⁵ Wippermann W. Der «Deutsche Drang nach Osten». Darmstadt, 1981. S. 1.

⁶ Ibid. S. 4–15.

⁷ Schneider O. Osteuropa und der deutsche Osten. Köln, 1953. S. 28.

⁸ Hagen M. фон. Империи, окраины и диаспоры: Евразия как антипарадигма для постсоветского периода // Новая имперская история постсоветского пространства. Казань, 2004. С. 130, 155–156.

⁹ Рибер А. Меняющиеся концепции и конструкции фронта: сравнительно-исторический подход // Новая имперская история постсоветского пространства. С. 201–202.

экономически и политически развитого германского государства в первой половине XVIII в. обозначило весьма любопытный парадокс. Во многом сформированная французской культурой времен Просвещения толерантная политика Пруссии времен Старого Фрица выражалась в резко негативной реакции короля на издание германского эпоса о Нибелунгах¹⁰. Вместе с тем ей сопутствовала длительная политическая традиция восточной колонизации, в целом воспринимавшаяся позитивно. Именно это подавление национального при наличии параллельной традиции, как считает Рибер, позже обозначило в Германии роковой «запоздалый переход» к этнолингвистическим границам¹¹.

Тем временем в последней трети XVIII — первой четверти XIX в. в истории Пруссии произошли события, во многом определившие дальнейшее развитие концепции «Ост». Ими стали разделы Речи Посполитой и Наполеоновские войны. В первом случае вхождение в состав Пруссии территорий со значительным польским населением обусловило возникновение интеллектуального тренда, согласно которому традиции Тевтонского ордена стали описываться позитивно, чтобы уберечь местных немцев от полонизации¹², придав им статус структурирующего этнического субстрата. Это впоследствии привело к четкому разграничению немецкого и славянского населения (характерному, кстати, не только для Пруссии, но и в какой-то мере для Австрии) и образованию между ними символической границы. Среди ее структурных элементов польский историк Губерт Орловский особо выделил «аксиологическую асимметрию»¹³, целью которой было одновременно этническое и ментальное размежевание.

С другой стороны, разгром Пруссии Наполеоном и участие пруссаков в последующей борьбе с Францией вылились в небывалый подъем национального романтизма. Идеи Гердера о «народном духе» и Фихте о германском мессианстве были структурированы и соотнесены со средневековыми реалиями Карлом Менцелем в его капитальной «Истории немцев» (1815–1823). Фридрих Шлоссер и Вильгельм Циммерманн отождествляли германские походы на Восток с освоением Америки¹⁴, а Август Шлегель прямо говорил о том, что «славяне предназначены для рабства»¹⁵. Эти идеи впоследствии были закреплены Генрихом фон Трейчке в его эссе «Пруссия — земля Тевтонского ордена» (1862)¹⁶ и Фридрихом Мейнеке в работе «Космополитизм и национальное государство» (1908)¹⁷.

¹⁰ Wolfram E. Die germanischen Heldensagen als Entwicklungsgeschichte der Rasse. Stuttgart, 1922. S. 9.

¹¹ Рибер А. Указ. соч. С. 212.

¹² Wippermann W. Op. cit. S. 22.

¹³ Цит. по: Karp H.-J. Op. cit. S. 17.

¹⁴ Wippermann W. Op. cit. S. 34.

¹⁵ Ibid. S. 26.

¹⁶ Burleigh M. Germany Turns Eastwards. A Study of Ostforschung in the Third Reich. Cambridge, 1988. P. 4–6.

¹⁷ Paddock T. Creating the Russian Peril: Education, the Public Sphere, and National Identity in Imperial Germany, 1890–1914. Rochester (N.Y.), 2010. P. 12.

Со временем среди провинциальных немецких историков и краеведов, не в последнюю очередь уроженцев бывших пограничных территорий (Людвиг Гизебрехт, Карл Фердинанд Фабрициус), распространилась теория о прагерманском населении восточной окраины, подавленном славянами¹⁸. Эта идея впоследствии была подхвачена нацистами, указывавшими, что именно немцы когда-то принесли на Восток «нордическую кровь и гордое свободолюбивое сознание»¹⁹. Одновременно подчеркивалась особая роль прусской восточной традиции в истории германской государственности²⁰.

Подобное теоретизирование, скептически именовавшееся немецкими авторами «тевтонским патриотизмом»²¹, являлось не только выражением самого духа эпохи. Потребность же в национальной самоидентификации помимо самых различных интеллектуальных обоснований определяла влияние вненаучных факторов и самой социальной среды. Теория возникновения нации и государственной стабильности вследствие постоянной корректировки границы не была уникальной для Германии. Она соотносилась с размышлениями американского автора Фредерика Тёрнера (1861–1932) о роли территориальной экспансии в формировании нации. Не случайно популярный в свое время национал-либеральный автор Густав Фрейтаг сравнивал выходцев из приграничных польских территорий с индейцами «из прерий Миссури»²².

Помимо вопроса о «народном духе» и сопутствующих ему ментальных характеристиках (во времена нацизма всё это будет обозначаться термином *Volkstum*) не менее насущным оставался вопрос и о самой «немецкой земле» (*Volksboden* или, как ее впоследствии называли в противовес «дикому Востоку», *Kulturboden*). Как отмечает А. Саммартини, территория, игравшая большое значение в идеологии национального государства XIX в., обусловила «общую эмблематичность границ» как вершины достижений государства. Вместе с тем собственно «графическое выражение проецируемой государственной власти» для многих националистов было «символом незавершенности национального проекта», что позволяло «мобилизовать мощные националистические эмоции»²³. В условиях сложившегося германского политического нарратива, в том числе триединства «нация — государство — территория», потеря соответствия государства и территории, отрыв части нации от ее общего тела, уже

¹⁸ *Wendt G.* Die Nationalität der Bevölkerung der deutschen Ostmarken vor dem Beginne der Germanisierung. Göttingen, 1878. S. 4–5.

¹⁹ *Beyer H.J.* Aufbau und Entwicklung des ostdeutschen Volksraums. Danzig, 1935. S. 17.

²⁰ *Darré R. W.* Die Grundlagen des preußischen Staatsbegriffes. Goslar, [1936]. S. 3, 9.

²¹ *Wendt G.* Op. cit. S. 22.

²² Цит. по: *Thum G.* Imperialists in Panic: The Evocation of Empire at Germany's Eastern Frontier around 1900 // *Helpless Imperialists. Imperial Failure, Fear and Radicalization.* Göttingen, 2013. P. 148.

²³ *Sammartino A.* The Impossible Border: Germany and the East, 1914–1922. Ithaca (N.Y.) — London, 2010. P. 3–5.

воспринимались как кризис государственности²⁴. Во времена нацизма Востоку отводилась ключевая политическая роль почвы для возникновения «судьбоносной спайки» народа и государства²⁵.

Именно эти эмоции, помноженные на господствовавшие в конце XIX — начале XX в. в немецкой интеллектуальной среде тренды осмысления реальности, выкристаллизовались в концепцию, которую фон Хаген обозначил как «ориентальную презумпцию»²⁶. Согласно ей, «Ост» стал чем-то примордиальным, своего рода антропологической константой германских устремлений. Эта константа коренилась в самих метафизике и философии немецкого пограничного пространства. В этом контексте не только немецкий народ, но и государство немцев логично представлялись эссенциальными и естественными «нерефлексируемыми силами и одновременно явлениями», которые «исходят из самих глубин бытия»²⁷.

В период Третьего рейха эта априорная величина была переосмыслена в биологическом ключе. «Отец» геополитики Карл Хаусхофер отмечал, что немцам необходимо «культурно-географическое чувство границы», так как граница не только «определяет многие жизненные явления», но и сама по себе является «жизненной формой»²⁸. В национал-социалистическом дискурсе эта идея обозначала восточные районы Германии как «заслон против опасности с Востока»²⁹ и германский «фронт» против натиска расово чуждых народов³⁰. Символическим и чрезвычайно симптоматичным стало выражение германского военного атташе в Москве Эрнста Кёстринга о том, что Азия начинается на Силезском вокзале Берлина³¹.

«Ост» и немецкие политико-демографические практики

В идеях об «Осте» как цивилизационном водоразделе имели свой исток многие колониационные и почвеннические концепции, популярные как у консервативной, так и у национал-либеральной частей германского общества рубежа XIX — начала XX в. В это время «проведение реальных или

²⁴ *Ibid.* P. 13.

²⁵ *Hillen Ziegfeld A.* Die Grenzen der Deutschen im Ostraum // *Der deutsche Osten.* Berlin, 1936. S. 45.

²⁶ *Хаген М. фон.* Указ. соч. С. 133.

²⁷ *Ziesché K.* Das metaphysische Problem des deutschen Ostens // *Der deutsche Osten und das Abendland.* München, 1953. S. 211–212.

²⁸ *Хаусхофер К.* О геополитике. М., 2001. С. 17, 115.

²⁹ *Kopp F.* Deutschland, Europas Bollwerk im Osten: Germanische Leistungen für Europas Sicherheit. München, 1939. S. 12, 15.

³⁰ *Maschke E.* Das Erwachen des Nationalbewußtseins im deutsch-slavischem Grenzraum. Leipzig, 1933. S. 47.

³¹ Цит. по: *Шлэгель К.* Берлин, Восточный вокзал. М., 2004. С. 34.

воображаемых границ на Востоке для немцев стало проблемой национального строительства»³².

Тем не менее по отношению к «Осту» существовала определенная неуверенность. Так, Грегор Тум указывал, что на заре XX в. немецкий дискурс на восточном пограничье «был склонен к образам, которые колебались между страхом и мегаломанией»³³, т.е. в данном случае между боязнью столкновения со славянским большинством и навязчивым стремлением к обширной реколонизации. А. Саммартино приходит к тому же, упоминая о сочетании в немецком сознании «утопических мечтаний» и ужаса перед «апокалиптической опасностью» Востока³⁴. По словам Рибера, Германия оказалась «в ловушке мало- и великогерманского подходов», когда в первом случае слишком много немцев остается за ее пределами, а во втором — слишком много не-немецкого элемента оказывается в ее пределах³⁵.

Начавшаяся I мировая война, как казалось, создала условия для апробации новой колонизационной модели. В ходе германского наступления летом–осенью 1915 г. была занята значительная часть западных регионов Российской империи. Они получили оперативное собирательное наименование «Главкомандование Восток» — *Ober-Ost*. Намерение властей утвердить на оккупированной территории превосходство Германии было подхвачено рядом интеллектуалов. В своих работах они требовали проведения политики «естественного продолжения» территории Германии на восток для оттеснения России к допетровским границам³⁶, а оттуда — продвижения на подлинный Восток, в азиатскую часть России, чтобы соотнести колонизацию с установлением континентальной гегемонии³⁷.

Организация необходимого культурного ландшафта на Востоке подразумевала «притяжение территории через ее обустройство» по германскому образцу и подобию³⁸. «Преобразование» захваченных районов шло по двум направлениям. С одной стороны, по словам историка В. Люлявичуса, германское командование стремилось инструментализировать неприятные впечатления значительной массы германских солдат на Востоке от чуждой среды, а также мобилизовать их внутреннюю дезориентацию, чтобы «заново обустроить» оккупированные территории³⁹. Наряду с этим не меньшую роль в германизации

³² Рибер А. Указ. соч. С. 212.

³³ Thum G. Op. cit. S. 146.

³⁴ Sammartino A. Op. cit. P. 15.

³⁵ Рибер А. Указ. соч. С. 212.

³⁶ Leonhard K. Wie kann dem deutschen Osten geholfen werden? // Osteuropäische Zukunft. 1916. N 11. S. 164.

³⁷ Daya W. Aufmarsch im Osten. Dachau, 1918. S. 1, 3.

³⁸ Ziesché K. Op. cit. S. 217.

³⁹ Liulevicius V. G. Die deutsche Besatzung im 'Land Ober Ost' im Ersten Weltkrieg // Besatzung. Funktion und Gestalt militärischer Fremdherrschaft von der Antike bis zum 20. Jahrhundert. Paderborn, 2006. S. 93.

«новых остмарков» должны были сыграть крестьяне. Именно сельскохозяйственный потенциал должен был спасти «Ост» от «гидры крупных городов и крупной промышленности»⁴⁰. Вместе с тем существовали и альтернативные проекты, нацеленные на индустриализацию Востока. На обусловленные аграрным характером местного общества пережитки указывалось как на тормоз экономического развития всего пространства⁴¹, считалось, что лучшим вариантом стало бы поглощение индустриальной Германией «идеально подходящей ей» аграрной России⁴².

Новая эпоха в осмыслении Востока открылась в Германии после окончания I мировой войны. События 1914–1922 гг., в ходе которых «выдуманное единство» нации, государства и территории рухнуло, оказались и для интеллектуалов, и для широких масс неприятным сюрпризом⁴³. Последовавшие социальные и демографические катаклизмы стали причиной переосмысления представления о территории и идентичности. Поражение Германии в войне и потеря не только прежде оккупированных, но и ранее входивших в состав империи территорий стали основой для лозунгов о возвращении утраченных земель, а также расширении жизненного пространства и переустройстве его по немецкому образцу. Тогда, по мнению Ханса-Адольфа Якобсена, произошла «абсолютизация нации» (в нацистском понимании) как реакция на поражение в войне⁴⁴. Передача части территории бывшей Германской империи Польше совпала с казавшимся нескончаемым потоком беженцев с Востока, на плечах которых в Германию был готов ворваться дух большевизма, несущий мировую революцию и дестабилизирующий границы и идентичности. И то, и другое вызывало у немалой части немецкого общества неподдельный ужас⁴⁵.

Впоследствии именно на этой волне нацисты сумели придать идее «германского Востока», ранее продвигавшейся по большей части консерваторами, общенациональное звучание. Возвращение «восточных территорий» было закодировано в терминах «задача» (*Aufgabe*) и «возрождение» (*Aufbau*, нередко *Aufbau im Osten*). Именно эти слова-символы на фоне традиционной германской академической метафоричности заложили основу для того лексикона, который впоследствии дал Виктору Клемпереру широкое поле для семиотических исследований. К сожалению, эта традиция не находит применения в современной российской историографии. Так, общее название мероприятий по уничтожению польской интеллигенции в 1939/40 гг. — *Ostarbeit* — и создание соответствующих ведомств для этого переводится дословно как «Институт

⁴⁰ Leonhard K. Op. cit. S. 161.

⁴¹ Muskate F. Die Industrialisierung des deutschen Ostens. Graudenz, 1914. S. 4–5.

⁴² Daya W. Op. cit. S. 11, 13.

⁴³ Zernack K. Osteuropa. Eine Einführung in seine Geschichte. München, 1977. S. 21; Sammartino A. Op. cit. P. 3.

⁴⁴ Jacobsen H.-A. Nationalsozialistische Außenpolitik 1933–1938. Frankfurt am Main, 1968. S. 2.

⁴⁵ Sammartino A. Op. cit. S. 9, 154.

немецкого восточного труда» (*Institut für deutsche Ostarbeit*)⁴⁶, тогда как семиотически верный разбор этого конструкта встречается еще в литературе социалистических времен⁴⁷.

Смешивая понятия «нация» и «раса», нацистские теоретики особо выделяли «расовую ценность» пограничья⁴⁸. Тезису об уникальности цивилизационного ландшафта, сложившегося в результате германской восточной колонизации, была придана биологическая основа, когда германская «расовая душа» определила особый «германский восточный тип мышления»⁴⁹. Произошла важная с семантической точки зрения подмена понятий «прусский Восток» (*preussischer Osten*) на «германский Восток» (*deutscher Osten*), а также выдвинулось на передний план понятие *Ostmark* («остмарк, восточная граница»).

«Остмарк» как ментальный императив

Понятие «остмарк» встречается для обозначения прежних пограничных территорий германских земель уже в 1820-х гг.⁵⁰ К началу XX в. оно уже прочно вошло в лексикон политической публицистики⁵¹. Так, в это время «земли Остмарка», по мнению консервативных авторов, были призваны остановить «затопление Германии вплоть до ворот Берлина» поляками и шире — славянами⁵². Уже при нацистах «Остмарк» укоренится в качестве обозначения Австрии после ее вхождения в состав рейха в марте 1938 г. Это наименование было принято по аналогии со средневековым названием Австрийского герцогства, частично граничившего со славянскими землями.

Сам топос пограничного пространства в националистическом, а затем и нацистском дискурсе априори имел значение «защитного вала» и являлся средством создания определенной групповой идентичности. Использование данного понятия после аншлюса Австрии было продиктовано желанием наполнить слепок со средневековья, проистекающий из самой семантики слова (*Ost* как географический Восток и *Mark* как обметка, маркировка границы), специфическим этнорасовым смыслом, представить границу как некую «живую» организацию⁵³.

⁴⁶ *Леус П. М.* Археологи Третьего рейха на оккупированных восточных территориях // Древности Центральной и Восточной Европы эпохи римского влияния и переселения народов: сборник материалов. Калининград, 2008. С. 225.

⁴⁷ *Fiedor K.* Bund Deutscher Osten w systemie antypolskiej propagandy. Warszawa–Wrocław, 1977. S. 19.

⁴⁸ *Zoch W.* Neuordnung im Osten. Berlin, 1939. S. 124.

⁴⁹ *Darré R. W.* Op. cit. S. 20.

⁵⁰ *Leutsch K. Ch. von.* Markgraf Gero. Leipzig, 1828.

⁵¹ *Fink C.* Der Kampf um die Ostmark. Berlin, 1897; *von Mueller.* Deutsche und Polen in den Ostmarken. Basel, 1898; *Witting R.* Das Ostmarken-Problem. Berlin, 1907.

⁵² *Herr E.* Der Entscheidungskampf um den Boden der Ostmark. München, 1908. S. 1–2.

⁵³ *Хаусхофер К.* Указ. соч. С. 10, 34.

Процессы предполагаемой реколонизации вдохновлялись лозунгами о том, что «чем сильнее люди привязаны к пространству, тем выше их сила», а их угоды на Востоке являются «защитой расы»⁵⁴, хотя, по точному определению Рольфа-Дитера Мюллера, начатое после оккупации Польши строительство Восточного вала носило не оборонительный, а наступательный характер⁵⁵.

Вместе с тем понимание этого многогранного и безусловно анахронистического для своего времени конструкта лежит не только в этой плоскости. В литературе, опубликованной до начала II мировой войны, в качестве «остмарка» фигурировали и польские регионы с преобладающим немецким населением⁵⁶, и не-немецкие регионы Австро-Венгрии, населенные немцами⁵⁷. Любопытно, что это же понятие применялось и на Западе: так, «восточной маркой» Франции именовались ее пограничные с германоязычными Фландией и Люксембургом территории⁵⁸. Таким образом, в широком смысле «остмарком» являлась территория с преобладающим немецким населением, которая при этом соприкасалась с условной территорией другого, не-немецкого сообщества. Встречающееся в литературе обозначение «остмарка» как крайней восточной границы Германии (польский историк Кароль Федор предлагает семантическую параллель с польскими «кресами»⁵⁹) является в данном контексте не совсем корректным.

В годы нацизма семантика понятия изменилась — теперь под ним подразумевались не только пограничные районы, но и вообще германские эксклавы в странах Европы — например «волинский остмарк» в Польше⁶⁰. По определению нацистской литературы, «восточная марка» в содержательном смысле — это пограничный либо изолированный район максимального продвижения немцев, служащий одновременно для дифференциации *другого* и *чужого*⁶¹. Феномен «остмарка» нес в себе и другую важную характеристику. В рамках национал-социалистической правовой реальности он, согласно концепциям Карла Шмитта, рассматривался в связи с понятиями «государства» и «движения» (в данном случае — на Восток) как определенное «сообщество», которое соответственно было носителем конкретного «порядка» (*Ordnung*)⁶². Упомянутые расовые категории становились «естественной данностью» этого социально-властного комплекса, а его члены присваивали себе государственное волеобразование, которое в их лице одновременно выступало как эманация личной воли фюрера.

⁵⁴ *Zoch W.* Op. cit. S. 65, 132.

⁵⁵ *Müller R.-D.* Hitlers Ostkrieg und die deutsche Siedlungspolitik. Frankfurt am Main, 1991. S. 22.

⁵⁶ *Witten M. von.* Unsere Ostmark. Lissa, 1907.

⁵⁷ *Deutsche Ostmark.* Bielefeld–Leipzig, 1931.

⁵⁸ *Dirr P.* Belgien als französische Ostmark. Berlin, 1917. S. v–vi.

⁵⁹ *Fiedor K.* Op. cit. S. 18.

⁶⁰ *Lück K.* Deutsche Aufbaukräfte in der Entwicklung Polens. Plauen, 1934. S. 442.

⁶¹ *Beyer H. J.* Op. cit. S. 20.

⁶² *Кильдюшов О. В.* Между правом и политикой: Карл Шмитт в начале 1930-х // Шмитт К. Государство: право и политика. М., 2013. С. 9, 17.

Отталкиваясь от присущего немцам «порядка», нацистский автор Курт Ферверс отмечал, что динамика «Оста» в условиях постоянного хаоса шла от неконкретности образов действия к стройной системе⁶³. Германскому элементу в данной связи отводилась роль той «судьбоносной силы» (*Schicksalkraft*), которая должна была вывести Восток из состояния хаоса путем создания «нового порядка»⁶⁴. Именно этот пароль был взят на вооружение нацистской пропаганды в ходе оккупации территории Европы в ходе II мировой войны.

Как указывал нацистский функционер Вильгельм Цох, после того как славяне заняли прародину германцев, их уже нельзя было германизировать, однако можно было германизировать землю — путем заселения ее «германским элементом»⁶⁵. Германизацию новых территорий путем «удержания и поступательного развития» следовало вести массам колонистов с «этно-органическим мировоззрением», которые будут способны образовать «новое единство», выходящее за рамки прежнего ареала проживания немцев, и связать пограничные районы с «сердцевиной» (*Kernland*) для дальнейшей экспансии в восточном направлении⁶⁶. Реколонизация всячески романтизировалась пропагандой, указывавшей на «притягательность и широту» земель на Востоке, которые отторгают «людей без привязанностей, вялых и слабаков», открывая простор для деятельности сильным духом и телом⁶⁷, и создают предпосылки для единения немцев всех профессий в рамках «германского культурного ландшафта»⁶⁸. Во главу угла в ходе обретения нового пространства на Востоке ставилось расовое право «немцев по крови» (*Blutsdeutsche*)⁶⁹.

Особое значение «Ост» приобрел в преддверии нападения Германии на СССР. Новый поход на Восток характеризовался как стремление «нордической вертикали» перебороть «степную горизонталь»⁷⁰. Один из главных официозных философов Третьего рейха, Альфред Боймлер, противопоставил «этническую и духовную сущность» немцев в виде некой «оформленной» территории «не поддающемуся упорядочению» Востоку⁷¹. В основе таких рассуждений лежала банальная логика: если западная граница «Оста» еще могла

⁶³ *Fervers K.* Zeitenwende im Osten. Düsseldorf, 1941. S. 10.

⁶⁴ *Ibid.* S. 17.

⁶⁵ *Zoch W.* Op. cit. S. 9, 11. Примат земли в мировоззрении «окраинных немцев» подтвердил автору и репатриант из Данцига Дитрих Вернер Шёнкнехт во Франкфурте-на-Майне в июне 2013 г.

⁶⁶ *Best W.* Grundfragen einer deutschen Grossraumverwaltung // Festgabe für Heinrich Himmler. Darmstadt, 1941. S. 33–34.

⁶⁷ *Gerlach F.* Auf neuer Scholle. Berlin, 1941. S. 7–8.

⁶⁸ *Geisler W.* Der deutsche Osten als Lebensraum für alle Berufsstände. Berlin, 1942. S. 6.

⁶⁹ *Meyer H.* Der deutsche Mensch. Bd. 1. München, 1925. S. 5–7.

⁷⁰ *Weinhandl F.* Deutschland und die Philosophie des Ostens // Europas Schicksal im Osten. Breslau, 1938. S. 49.

⁷¹ *Baeumler A.* Alfred Rosenberg und der Mythos des 20. Jahrhunderts. München, 1943. S. 5–6.

иметь какую-то территориальную привязку, то восточная выходила за рамки воображения⁷².

Этот выход за пределы понимания границы (*Entgrenzung*), ключевая, по мнению Клемперера, установка для романтика «в нравственных поступках или преступлениях»⁷³, сыграла с нацистами злую шутку. Уже после начала войны против СССР, по мере наступления на Восток завоеватели всё настороженнее воспринимали новые присоединенные территории — тот самый «Ост». Как вспоминал очевидец начала кампании, капитан вермахта Йозеф Ляйтгеб, чем дальше его эшелон двигался вглубь Украины, тем более смутно находившиеся в нем представляли, что их ждет впереди⁷⁴. Военнослужащих вермахта смущали как украинские просторы и «небо будто море над ними», так и сам непривычный облик поселений⁷⁵. Немецкий писатель Вальтер Бауэр, служивший рядовым на Восточном фронте, вспоминал впоследствии о «пыльном чужом дыхании... необозримой земли, лесов, степей и деревень»⁷⁶. Эта необозримость красной линией проходит через дневник Бауэра. Он сравнивает земли на Востоке с могучим морем, «бесконечные волны» которого перехлестывают его; под впечатлением от «Оста» автор дневника отмечает, что невозможно достичь «сердца этой земли», так как всегда «будешь ходить лишь по краю»⁷⁷. Украина кажется Бауэру «морем земли», а деревенька, в которой он находится, — островком в этом море⁷⁸. Символическим выражением упомянутой безграничности стала установка указателей вроде «Калач-на-Дону — Лейпциг 3200 км» в качестве показателя настоящей безмерности восточного пространства⁷⁹.

Действительно, попытки позиционирования родных мест относительно восточных просторов даже во время войны, наряду с протяженностью, оживляли методы XVIII в., когда та или иная территория Восточной Европы воспринималась через ассоциативную связь с другими землями. Так, находившийся на Кубани зимой 1942/43 гг. военный австрийской части вермахта, пытаюсь объяснить местной жительнице, где его дом, сначала говорит, что он находится в 2000 тысячах верст от тех мест, где находятся они. Видя, что она не понимает, солдат начинает объяснять, что нужно преодолеть значительное число различных областей и стран (Тамань, Крым, Украина, Румыния, Венгрия), чтобы добраться до искомой Австрии⁸⁰. Для слушателя, никогда не покидавшего своего

⁷² *Fervers K.* Op. cit. S. 22–23.

⁷³ *Клемперер В.* ЛТИ. Язык Третьего рейха. М., 1998. С. 170.

⁷⁴ *Leitgeb J.* Am Rande des Krieges. Aufzeichnungen in der Ukraine. Berlin, 1942. S. 9.

⁷⁵ *Ibid.* S. 8, 10–11.

⁷⁶ *Bauer W.* Tagebuchblätter aus dem Osten. Dessau, 1944. S. 6.

⁷⁷ *Ibid.* S. 60.

⁷⁸ *Ibid.* S. 73.

⁷⁹ *Клемперер В.* Указ. соч. С. 169.

⁸⁰ *Hnidek L.* Sie waren 17 Jahre. Kaukasus Kuban-Brückenkopf 1943. Wien, 1947. S. 51.

района проживания, в данном случае срабатывает матрица восприятия другой местности, которую можно условно назвать «за тридевять земель», безотносительно километража.

Для объясняющего тот же сюжет носит двоякий характер. С одной стороны, попытка обозначить свою родину в условиях непонимания слушателем реального расстояния возвращает его к традиционной, порой архаичной методологии для определения пространственных взаимоотношений «Ост» и своих родных мест. С другой стороны, рассказчик подспудно стремится к той же модели, что и его слушательница — модели, где расстояние выражается не через конкретную протяженность на карте, а ментально, посредством выявления качественных отличий данной локации от привычной. Это лишний раз показывает, что на поверку «Ост» оказался для немцев неосязаемой абстрактной величиной, которую в реальности определили тревога и неустроенный быт, метко описанные самими немцами еще в военные годы⁸¹.

* * *

История «Оста» и связанных с ним конструктов — это редкий пример столь длительного и бесплодного самоубеждения, основанного на ложной феноменологии как физического, так и ментального пространства. Рожденный в умах кабинетных исследователей и публицистов, «Ост» как таковой в значительной мере состоял из подмененных понятий и априорных суждений, при этом каждый раз отталкиваясь от актуального общественного запроса. Призванный в годы национал-социализма стать площадкой для «выстраивания широкого национального консенсуса»⁸² и объединения различных социальных групп в рамках почвеннической идеологии и колониального сознания, феномен «Востока» не выполнил и толики своей функции. Кабинетные представления лишь увеличивали пропасть между тем, что реально знал уроженец восточных окраин Германии о своей родине и тем, как его родину представляли так называемые «внутренние немцы» (*Binnendeutsche*). Даже во время II мировой войны рейнские призывники видели в пополнении из Западной Пруссии людей «второго сорта»⁸³.

Наконец, само возникновение «Оста» на основе зачастую роковых поворотов немецкой истории является ярким выражением того, как преємственность интеллектуальной мысли может поддерживать и раз за разом воспроизводить социокультурный фантом, формирующий сознание и претендующий на роль краеугольного камня немецкой цивилизации, где зачастую конструктивным элементом государственного возрождения противостояли деструктивные.

⁸¹ См.: Шлёгел К. Указ. соч. С. 44.

⁸² Mulligan T. P. The politics of illusion and empire: German occupation policy in the Soviet Union, 1942–1943. New York — Westport — London, 1988. P. 8.

⁸³ Расс К. Человеческий материал. Немецкие солдаты на Восточном фронте. М., 2013. С. 101.

References / Список литературы

- Baeumler A. Alfred Rosenberg und der Mythos des 20. Jahrhunderts. München, 1943.
 Bauer W. Tagebuchblätter aus dem Osten. Dessau, 1944.
 Best W. Grundfragen einer deutschen Grossraumverwaltung // Festgabe für Heinrich Himmler. Darmstadt, 1941.
 Beyer H. J. Aufbau und Entwicklung des ostdeutschen Volksraums. Danzig, 1935.
 Broederich-Kurmahlen S. Das neue Ostland. Berlin, 1915.
 Burleigh M. Germany Turns Eastwards. A Study of Ostforschung in the Third Reich. Cambridge, 1988.
 Darré R. W. Die Grundlagen des preußischen Staatsbegriffes. Goslar, [1936].
 Daya W. Aufmarsch im Osten. Dachau, 1918.
 Deutsche Ostmark. Bielefeld–Leipzig, 1931.
 Dirr P. Belgien als französische Ostmark. Berlin, 1917.
 Fervers K. Zeitenwende im Osten. Düsseldorf, 1941.
 Fiedor K. Bund Deutscher Osten w systemie antypolskiej propagandy. Warszawa–Wrocław, 1977.
 Fink C. Der Kampf um die Ostmark. Berlin, 1897.
 Geisler W. Der deutsche Osten als Lebensraum für alle Berufsstände. Berlin, 1942.
 Gerlach F. Auf neuer Scholle. Berlin, 1941.
 Hagen M. von. Imperii, ukrainy i diaspori: Evraziya kak antiparadigma dla postsovetskogo perioda // Novaya imperskaya istoriya postsovetskogo prostranstva. Kazan', 2004.
 Haushofer K. O geopolitike. M., 2001.
 Herr E. Der Entscheidungskampf um den Boden der Ostmark. München, 1908.
 Hillen Ziegfeld A. Die Grenzen der Deutschen im Ostraum // Der deutsche Osten. Berlin, 1936.
 Hnidek L. Sie waren 17 Jahre. Kaukasus Kuban-Brückenkopf 1943. Wien, 1947.
 Jacobsen H.-A. Nationalsozialistische Außenpolitik 1933–1938. Frankfurt am Main, 1968.
 Karp H.-J. Grenzen — ein wissenschaftlicher Gegenstand // Grenzen in Ostmitteleuropa im 19. und 20. Jahrhundert. Marburg an der Lahn, 2000.
 Kil'dyushov O. Mezhdunarodnyy i politiko: Karl Shmitt v nachale 1930-h // Shmitt K. Gosudarstvo: pravo i politika. M., 2013.
 Klemperer V. LTI. Yazyk Tret'ego reiha. M., 1998.
 Kopp F. Deutschland, Europas Bollwerk im Osten: Germanische Leistungen für Europas Sicherheit. München, 1939.
 Le Goff Zh. Civilizatsiya srednevekovogo Zapada. Ekaterinburg, 2007.
 Leitgeb J. Am Rande des Krieges. Aufzeichnungen in der Ukraine. Berlin, 1942.
 Leonhard K. Wie kann dem deutschen Osten geholfen werden? // Osteuropäische Zukunft. 1916. N 11.
 Leus P. Arheologi Tret'ego reiha na okkupirovannykh vostochnykh territoriyah // Drevnosti Central'noi i Vostochnoi Evropy epohi rimskogo vliyaniya i pereseleniya narodov: sbornik materialov. Kaliningrad, 2008.
 Leutsch K. Ch. von. Markgraf Gero. Leipzig, 1828.
 Liulevicius V. G. Die deutsche Besatzung im 'Land Ober Ost' im Ersten Weltkrieg // Besatzung. Funktion und Gestalt militärischer Fremdherrschaft von der Antike bis zum 20. Jahrhundert. Paderborn, 2006.
 Lück K. Deutsche Aufbaukräfte in der Entwicklung Polens. Plauen, 1934.
 Maschke E. Das Erwachen des Nationalbewußtseins im deutsch-slavischen Grenzraum. Leipzig, 1933.
 Meyer H. Der deutsche Mensch. Bd. 1. München, 1925.
 Müller R.-D. Hitlers Ostkrieg und die deutsche Siedlungspolitik. Frankfurt am Main, 1991.
 Mulligan T. P. The politics of illusion and empire: German occupation policy in the Soviet Union, 1942–1943. New York — Westport — London, 1988.
 Muskate F. Die Industrialisierung des deutschen Ostens. Graudenz, 1914.
 Paddock T. Creating the Russian Peril: Education, the Public Sphere, and National Identity in Imperial Germany, 1890–1914. Rochester (N.Y.), 2010.
 Rass K. Chelovecheskii material. Nemeckie soldaty na Vostochnom fronte. M., 2013.
 Rieber A. Menyayushhiesya koncepcii i konstrukcii frontira: sravnitel'no-istoricheskii podhod // Novaya imperskaya istoriya postsovetskogo prostranstva. Kazan', 2004.
 Sarmartino A. The Impossible Border: Germany and the East, 1914–1922. Ithaca (N.Y.) — London, 2010.
 Schäfer Ch.L. Beiträge zur Vermehrung der Kämtniß der teutschen Alterthümer. Quedlinburg, 1764.
 Schneider O. Osteuropa und der deutsche Osten. Köln, 1953.
 Shlyogel' K. Berlin, Vostochnyi vokzal. M., 2004.

- Shnirel'man V.* Arheologiya i obshchestvo — problemnye vzaimootnosheniya. Vvedenie k diskussii // Et-nograficheskoe obozrenie. 2013. N 1.
- Thum G.* Imperialists in Panic: The Evocation of Empire at Germany's Eastern Frontier around 1900 // Helpless Imperialists. Imperial Failure, Fear and Radicalization. Göttingen, 2013.
- Mueller von.* Deutsche und Polen in den Ostmarken. Basel, 1898.
- Weinhandl F.* Deutschland und die Philosophie des Ostens // Europas Schicksal im Osten. Breslau, 1938.
- Wendt G.* Die Nationalität der Bevölkerung der deutschen Ostmarken vor dem Beginne der Germanisierung. Göttingen, 1878.
- Wippermann W.* Der «Deutsche Drang nach Osten». Darmstadt, 1981.
- Witten M. von.* Unsere Ostmark. Lissa, 1907.
- Witting R.* Das Ostmarken-Problem. Berlin, 1907.
- Wolfram E.* Die germanischen Heldensagen als Entwicklungsgeschichte der Rasse. Stuttgart, 1922.
- Zernack K.* Osteuropa. Eine Einführung in seine Geschichte. München, 1977.
- Ziesché K.* Das metaphysische Problem des deutschen Ostens // Der deutsche Osten und das Abendland. München, 1953.
- Zoch W.* Neuordnung im Osten. Berlin, 1939.

М. Н. Малашевская

Политика Японии на российском направлении во второй половине 1990-х гг.: инфраструктурные проекты Судзуки Мунэо (1995–2000 гг.)

В середине 1990-х гг. политика Японии на российском направлении приобрела более конструктивный характер по сравнению с предыдущим пятилетним периодом. В основу этой политики легли два ключевых вопроса: территориальные требования Японии, предъявляемые к южным островам Курильского архипелага, и укрепление экономических добрососедских связей с Россией. Оказание Японией гуманитарной помощи жителям Курильских островов и осуществление инфраструктурных проектов на этих территориях преследовали цель улучшения климата двухсторонних отношений на региональном уровне.

Реализация инфраструктурных проектов на Курильских островах, осуществленных за счет японских правительственных фондов, началась еще в 1995 г. На начальном этапе осуществление данных проектов проводилось в рамках гуманитарной помощи России со стороны стран с развитой экономикой (США, Германия, Франция и другие страны Западной Европы), в том числе Японии. Такая помощь производилась по двум направлениям: предоставление кредитов правительству и гуманитарная помощь дальневосточным регионам, в первую очередь жителям Курильских островов и Сахалина.

Одним из главных инициаторов оказания помощи российским регионам, граничащим с Японией, стал депутат от пятого округа острова Хоккайдо (центр округа — город Нэмуру¹), амбициозный политик из крупнейшей фракции доминантной Либерально-Демократической партии Японии² — Судзуки Мунэо. Он избирался в нижнюю палату парламента с начала 1980-х гг. и считался одним из главных специалистов по вопросам, связанным с формированием политики на российском направлении в парламенте Японии. Задействуя «тайные» связи в партии и правительстве, особенно в «русской школе» МИД Японии³, он смог добиться финансирования своих инициатив⁴. В фокусе интересов японской стороны находились в первую очередь южные Курильские острова.

В 1992–1996 гг. гуманитарная помощь жителям четырех островов оказывалась в виде поставок продуктов питания, медикаментов, товаров первой необходимости и в общей сложности была осуществлена 24 раза⁵. Общий объем гуманитарной помощи по поставке медикаментов и продуктов питания, строительству объектов инфраструктуры в период с 1991 по 2003 г. составил 8,9 млрд йен — это эквивалентно примерно 75 млн долларов⁶.

После землетрясения 1994 г. у берегов Шикотана и 1995 г. у Сахалина японская сторона в том числе оказывала помощь пострадавшим регионам. Тогда при содействии Судзуки Мунэо был запущен первый этап проектов по восстановлению местной инфраструктуры. Японская сторона руководила строительством быстровозводимых сборных зданий (жилые дома, пункты социального назначения). Реализации этих проектов способствовала сложная экономическая и политическая ситуация в России, когда дальневосточный регион крайне слабо контролировался и субсидировался со стороны центральных российских властей.

Судзуки Мунэо писал, что сильным импульсом для реализации программ прямой финансовой помощи жителям Курил послужила первая поездка на о. Кунашир в 1995 г., когда он стал свидетелем тех тяжелых условий, в которых оказались жители данных российских территорий. Однако он признавал, что мотивом его деятельности в этом направлении являлся не столько альтруизм, а практическая цель состояла в создании более позитивного образа Япо-

¹ Город Нэмуру расположен в самой близкой к Курильским островам точке Хоккайдо.

² ЛДПЯ является доминирующей партией в Японии. Вплоть до настоящего времени, с небольшими перерывами, власть в стране находится в руках этой партии.

³ «Школами» по традиции министерства иностранных дел называют профильные направления, связанные с той или иной страной или направлением дипломатической деятельности. Существуют «американская школа» (американисты), «китайская школа» (китаисты) и т.д.

⁴ Suzuki Muneo. Omei. Kokka ni jinsei wo ubawareta otoko no kokuhaku. Tokyo, 2009. P. 37.

⁵ Wareware no hoppo: ryuo: do. Materials 2011. Tokyo: MOFA, 2012. P. 70–73.

⁶ Гуманитарное содействие жителям четырех островов // Официальный сайт посольства Японии в Москве. URL: <http://www.ru.emb-japan.go.jp/RELATIONSHIP/COOPERATE/HELP/fourisl.html> (дата обращения 07.02.2015).

нии в глазах местного населения, среди которого было много противников территориальных уступок Японии.

Судзуки Мунэо считал нужным выделять не только товары и финансирование, но и привлекать российских специалистов, руководствуясь таким подходом: «Японские инвестиции и технологии совместить с российскими природными ресурсами и ресурсами интеллектуальными, т.е. сотрудничество с российскими учеными и инженерами»⁷. Однако этот подход был претворен в жизнь лишь отчасти.

Интенсификации активности японского правительства по реализации инфраструктурных проектов способствовало возвращение к власти ЛДПЯ в 1996 г. Возвращение этой партии к власти ознаменовало новый этап в формировании политики на российском направлении. Более того, лично для депутата Судзуки Мунэо сложилась благоприятная обстановка, поскольку ведущие позиции в партии заняла фракция, к которой он принадлежал. Главой фракции стал Обути Кэйдзо, с которым Судзуки Мунэо связывала многолетняя дружба. Кресло премьер-министра занял молодой политик — Хасимото Рютаро, во время премьерского срока которого наблюдалась активизация японо-российского диалога на высшем уровне. Судзуки Мунэо в кабинете Хасимото занял пост директора Агентств по развитию Хоккайдо и Окинава, что позволило ему эффективно осуществлять намеченные проекты.

В 1996 г. в качестве основы развития политики на российском направлении русистами МИД Японии была сформулирована «концепция многоуровневого подхода», в которой нашли отражение базовые принципы японской дипломатии в отношении России⁸. При помощи этой концепции обосновывалось последовавшее наращивание двухстороннего диалога по широкому кругу вопросов. В числе положений, направленных на укрепление двухсторонних связей в области экономики, безопасности, международно-политических отношений, предполагалось «содействие экономическим реформам [в России]» и «увеличение количества обменов с регионами российского Дальнего Востока», которые напрямую могут быть увязаны с оказанием финансовой помощи жителям Курильских островов⁹. «Многоуровневый подход» может быть включен в общий комплекс мер по укреплению отношений Японии со странами Восточной и Центральной Азии и России, которые по традиции японской общественной науки входят в понятие «Евразия». «Многоуровневый подход» применялся в рамках «Евразийской дипломатии» премьер-министра Хасимото Рютаро, которая была официально объявлена на заседании Всеяпонской ассоциации промышленников в июле 1997 г.¹⁰

⁷ Suzuki Muneo. Omei. Kokka ni jinsei... P. 177–178.

⁸ Togo Kazuhiko. Hoppo: ryuo: do ko: sho: hiroku... P. 214.

⁹ Ibid.

¹⁰ Address by Prime Minister Ryutaro Hashimoto to the Japan Association of Corporate Executives. 24.07.1997 // Official web-site of prime-minister of Japan and his cabinet. URL: <http://japan.kantei.go.jp/0731douyukai.html> (date of access 28.05.2014).

В июне того же года в Денвере состоялся саммит «Большой семерки», в котором приняли участие представители Российской Федерации — президент Б. Н. Ельцин и премьер-министр Е. М. Примаков. На площадке этого саммита была проведена неофициальная встреча президента и премьер-министра России и премьер-министра Японии, в ходе которой была достигнута договоренность о проведении неформальных двухсторонних переговоров¹¹. Премьер-министр Е. М. Примаков предложил японской стороне направить совместные усилия на экономическое освоение южных Курильских островов в качестве одного из приоритетных направлений совместной хозяйственно-экономической деятельности¹².

Нездолго до описанных событий на заседании Комитета по внешней политике 18 апреля 1997 г. Судзуки Мунэо поднял вопрос гуманитарной помощи жителям Курильских островов. Он пояснил, что во время его первого посещения о. Шикотан в 1994 г. прошло около полугода после сильного землетрясения, однако остров продолжал пребывать в «бедственном положении». Во время беседы с местными жителями он установил, что им требуется медицинский пункт. По возвращении в Японию Судзуки Мунэо направил соответствующий запрос в МИД Японии¹³. В ходе поездки он также проинспектировал объекты, возведенные ранее на средства японских фондов на о-вах Шикотан, Кунашир и Итуруп¹⁴. К лету 1997 г. Судзуки Мунэо посетил Кунашир и Итуруп уже трижды.

Именно благодаря последовательной реализации проектов на южных островах Курильской гряды и оказанию масштабной гуманитарной помощи местному населению за Судзуки Мунэо закрепилась известность «депутата от четырех северных островов»¹⁵.

После поездок Судзуки Мунэо на южные острова Курильской гряды 1995–1998 гг. были составлены подробные отчеты о состоянии дел на островах и о работе организаций и фондов, которые занимались в основном пропагандистской деятельностью среди населения о. Хоккайдо и южных Курильских островов.

Нездолго до первой неофициальной встречи Б. Н. Ельцина и Хасимото Рютаро в Красноярске в ноябре 1997 г. парламентской группой, в которую входил Судзуки Мунэо, в специальный комитет по делам Окинавы и «северных территорий» был представлен отчет об инспекционной поездке на о. Хоккайдо

¹¹ *Высоков М. С.* Курильские острова в 90-е годы XX столетия // KURILES-HISTORY.RU История курильских островов. Проект «История Курильского архипелага с древнейших времен до начала XXI столетия». Сахалинский государственный университет. URL: <http://www.kuriles-history.ru/book/chapter/23/> (дата обращения 17.12.2015).

¹² Higashi ajia senryaku gaikan 1997–1998. Tokyo, 1998. P. 105.

¹³ Daihyakuyonjukkaikokkai. Shugiin. Gaimuinkaigiroku. 1997. Vol. 1. P. 4. Iss. 10. 18.04. P. 3–4.

¹⁴ Ibid. P. 4.

¹⁵ *Suzuki Muneo, Sato Masaru.* Seijikamassatsu. «Saishinseikyū» de mieta nagatacho: no wana. Tokyo, 2013. P. 67.

и южные Курилы. В отчете упоминается, что еще в начале 1990-х гг. японским правительством был принят пятиэтапный план развития тесных отношений между северо-восточными районами о. Хоккайдо и спорными островами. Пунктами этого плана являлись: 1. Установление тесной коммуникации (транспорт, связь) между регионами; 2. Установление в регионе комфортной и дружественной атмосферы между жителями южных Курил и жителями северной Японии; 3. Развитие региона как базы продовольственного обеспечения [Северной Японии]; 4. Формирование туристических зон в регионе; 5. Формирование стабильного региона и общества в целях подготовки их к интеграции [включению в состав Японии]¹⁶. Данный план демонстрировал возможные пути совместного освоения южных Курильских островов. С другой стороны, он являлся свидетельством того, что японское правительство считало вопрос включения южных Курильских островов в состав территории Японии делом ближайшего будущего и направляло средства на улучшение местной инфраструктуры и жилищных условий именно ввиду предполагаемого японской стороной поглощения этих территорий. Здесь просматривается прямая связь с идеей Судзуки Мунэо, который рассматривал несколько вариантов интеграции южных Курил и способов будущего управления ими. Он считал, что острова могли юридически принадлежать Японии, но фактически контролироваться российским правительством или наоборот¹⁷. Данное обстоятельство стало одним из основных мотивов реализации его «Курильских проектов».

С 1983 по 1991 г. создавался «Фонд регионального развития земель, прилегающих к «северным территориям»» (хоппо: рё: до ринсэцу тиики синко: то: кикин), объединивший города и поселки Нэмуру, Бэцукай, Накасибэцу, Сибэцу, Раусу, выходящие к Охотскому морю и находящиеся в непосредственной близости к о. Кунашир. В задачи данного фонда входило содействие осуществлению упомянутого выше пятиэтапного плана, проведение опросов общественного мнения по проблеме «северных территорий», помощь населению южных островов Курильского архипелага. Объем фонда составлял 10 млрд йен из средств государственного бюджета и средств местного бюджета о. Хоккайдо¹⁸.

В отчете Специального комитета по делам Окинавы и «северных территорий» нижней палаты парламента Японии от 16 июня 1997 г., говорилось, что три этапа упомянутого выше пятиэтапного плана в период с 1993 по 1997 г. были реализованы. В отчете упоминается о безрезультатных переговорах по вопросу организации рыбной ловли японскими предприятиями вблизи четырех южных

¹⁶ Okinawa oyobi hoppo: ryo: domondai ni kansuru tokubetsuinkai haken (Hokkaido) cho: saho: kokusho // Daihyakuyonjyu: kaikokkai. Shugiin. Okinawa oyobi hoppo: ryo: do ni kansuru tokubetsuinkairoku. 1997. Vol. 5. P. 2. 16.06. P. 6.

¹⁷ *Suzuki Muneo.* Omei. Kokka ni jinsei... P. 198.

¹⁸ Hoppo: ryo: dorinsetsuchiikishinko: to: kikin // Official web-site of «Headquarter of strategy toward Northern territories». URL: <http://www8.cao.go.jp/hoppo/pdf/kikinseidonogaiyo.pdf> (date of access 13.03.2014).

Курильских островов, которые проводились в период с марта 1995 по ноябрь 1996 г. между правительствами России и Японии. Японские рыбопромышленники в северных регионах страны были обеспокоены этим вопросом и, очевидно, стремились лоббировать его решение через парламент.

Во время очередного визита на о. Кунашир в 1998 г. Судзуки Мунэо, по совету специалиста МИД Японии по России и личного друга Сато Масару, во время встречи с местными жителями поинтересовался, что японское правительство могло бы сделать для них. Кто-то из присутствовавших ответил, что им необходима дизельная электростанция¹⁹. Таким образом, был дан старт наиболее известным инфраструктурным проектам Судзуки Мунэо — возведению электростанций и «Дома российско-японской дружбы» на Курильских островах.

В 1999 г. на о-вах Итуруп и Шикотан были построены дизельные электростанции, а в 2000 г. такую же электростанцию построили и на о. Кунашир²⁰. Подряды на реализацию этих проектов получили строительные компании «Ватанабэ Кэнсэцу» и «Инуаи Комутэн», зарегистрированные на о. Хоккайдо. При посредничестве Судзуки Мунэо в строительстве дизельной станции на о. Кунашир участвовала корпорация Мицуи, кроме того эта компания выиграла два подряда для строительства объектов на о-вах Шикотан и Итуруп на общую сумму 1,5 млрд йен²¹.

В целом на японские средства в 1995–2001 гг. были построены, оснащены или восстановлены следующие объекты: поликлиника в Малокурильском на Шикотане (1995 г.), школа в Крабозаводском на Шикотане (1996 г.), рентгеновский кабинет в Курильске на Итурупе (1996 г.), поликлиника в Курильске на Итурупе (1997 г.), реконструкция пирса в Южно-Курильске на Кунашире (1998 г.), дизельные электростанции на Шикотане и Итурупе (1999 г.), «Дом российско-японской дружбы» на Кунашире (1999 г.), дизельная электростанция на Кунашире (2000 г.)²².

Самым громким проектом Судзуки Мунэо стало строительство «Дома российско-японской дружбы» на о. Кунашир (нихондзин то росиадзин но ю: ко: но иэ). Этот центр получил неофициальное название — «Мунэо-хаус», т.е. «дом Судзуки Мунэо». Это здание задумывалось как убежище, поскольку острова расположены в сейсмоактивной зоне, и экстренные ситуации не являются там редкостью. Строительство здания было произведено с 19 августа по 29 октября 1999 г., полностью на японские средства²³. При содействии Судзуки Мунэо возведением здания занималась строительная компания «Ватанабэ Кэнсэцу», на строительство было затрачено более 400 млн йен из государственных бюд-

¹⁹ *Sato Masaru*. Kokka no wana... P. 226.

²⁰ Wareware no hoppo: guo: do. 2011 Iss. Tokyo, 2012. P. 40.

²¹ *Латышев И. А.* Путин и Япония. Будут ли уступки? 2000–2005. М., 2005. С. 213.

²² Wareware no hoppo: guo: do. Materials... P. 71–76.

²³ Wareware no hoppo: guo: do. 2011 Iss. P. 74.

жетных средств²⁴. Контроль над строительством осуществлялся российской стороной, хотя Россия не являлась заказчиком строительства, это была исключительно японская инициатива. Данное здание использовалось в качестве гостиницы, где размещались японские делегации, прибывающие на о. Кунашир.

Судзуки Мунэо был убежден, что благодаря строительству «дома дружбы» отношение местного населения к Японии изменится в лучшую сторону. Расчет был направлен на мнение местных жителей, которые, с точки зрения Судзуки Мунэо, осознав готовность японского правительства помочь, поддержат реализацию концепции «передачи двух островов», т.е. Хабомаи и Шикотана²⁵. При непосредственной работе с местными жителями дипломат Сато Масару предлагал обращать внимание людей на то, что после передачи островов Японии они будут иметь более комфортные условия жизни²⁶.

Сато Масару, принимавший активное участие в реализации инициатив Судзуки Мунэо, подчеркивал, что в то время как некоторые из российских политиков и административных руководителей на Дальнем Востоке занимались «антияпонским популизмом»²⁷, Судзуки Мунэо, будучи представителем японского правительства, подарил местным жителям дизельные электростанции²⁸. Этим он объяснял теплое отношение к японскому депутату среди населения Курильских островов. Судзуки Мунэо и Сато Масару были против «покупки островов», они хотели, чтобы переход под суверенитет Японии стал добровольным актом, спровоцированным местным населением.

Другой высокопоставленный дипломат, один из лидеров «русской школы» в 1990-е гг. Того Кадзухико вспоминал, что в конце октября 2000 г. он впервые

²⁴ Nihonjin to roshiajin no yu: ko: no ie // Wikipedia (date of access 25.12.2012).

²⁵ *Suzuki Muneo*. Omei. Kokka ni jinsei... P. 193–195.

²⁶ *Кузьминков В. В.* Об искусстве проведения переговоров Масару Сато // Япония наших дней. 2010. № 3 (5). С. 61.

²⁷ Особенно он выделил антияпонскую направленность выступлений мэра Южно-Курильского района В. Зема.

²⁸ *Sato Masaru*. Kokka no wana... P. 260–261.

посетил «северные острова» (о. Кунашир) по программе безвизового обмена. Он вошел в состав делегации Судзуки Мунэо и Хасимото Рютаро. Представители Японии собственными глазами удостоверились в состоянии «Дома российско-японской дружбы». Того Кадзухико дал положительную оценку деятельности Судзуки Мунэо на этих территориях. Он вспоминал, что отношения между Судзуки Мунэо и местными жителями произвели на него «необыкновенное впечатление»²⁹. Он отметил, что гуманитарные связи между Японией и Россией позволили создать «ценную систему связей», которую японское правительство было намерено использовать для осуществления собственных целей³⁰. Таким образом, осуществляя гуманитарную деятельность по восстановлению инфраструктуры южных Курил, Судзуки Мунэо руководствовался не гуманистическими, а прагматическими целями, которые, однако, не принесли искомого результата в деле реализации японских требований в отношении российских территорий.

References

- Address by Prime Minister Ryutaro Hashimoto to the Japan Association of Corporate Executives. 24.07.1997 // Official web-site of prime-minister of Japan and his cabinet. URL: <http://japan.kantei.go.jp/0731douyukai.html> (date of access 28.05.2014).
- Daihyakuyonjukkai. Shugin. Gaimuinkaigiroku. 1997. Vol. 1. P. 4. Iss. 10. 18.04. P. 1–12.
- Gumanitarnoe sodeistvie zhitelyam chetiryoh ostrovov // Official web-site of Japan Embassy in Moscow. URL: <http://www.ru.emb-japan.go.jp/RELATIONSHIP/COOPERATE/HELP/fourisl.html> (date of access 07.02.2015).
- Higashi ajia senryaku gaikan 1997–1998. Tokyo: Bo: eikenkyu., 1998.
- Hoppo: ryō: dorinsetsuchiikishinko: to: kikin // Official web-site of «Headquarter of strategy toward Northern territories». URL: <http://www8.cao.go.jp/hoppo/pdf/kikinseidonogaiyo.pdf> (date of access 13.03.2014).
- Kuzminkov V. V. Ob iskusstve provedeniya peregovorov Sato Masaru // Yaponia nashih dnei. 2010. N 3 (5). P. 56–79.
- Latishev I. A. Putin i Yaponia. Budut li ustupki? 2000–2005. M.: Eksmo–Algoritm, 2005.
- Nihonjin to roshiajin no yu: ko: no ie // Wikipedia. URL: <http://ja.wikipedia.org/wiki/%E6%97%A5%E6%9C%AC%E4%BA%BA%E3%81%A8%E3%83%AD%E3%82%B7%E3%82%A2%E4%BA%BA%E3%81%AE%E5%8F%8B%E5%A5%BD%E3%81%AE%E5%AE%B6> (date of access 25.12.2012).
- Okinawa oyobi hoppo: ryō: domondai ni kansuru tokubetsuinkai haken (Hokkaido) cho: saho: kokusho // Daihyakuyonjyu: kaikokkai. Shugin. Okinawa oyobi hoppo: ryō: do ni kansuru tokubetsuinkairoku. 1997. Vol. 5. P. 2. 16.06. P. 6–8.
- Sato Masaru. Kokka no wana. Gaimusho: no rasupu: chin to. 19th ed. Tokyo: Shinchosha, 2014.
- Suzuki Muneo. Omei. Kokka ni jinsei wo ubawareta otoko no kokuhaku. Tokyo: Kadansha, 2009.
- Suzuki Muneo, Sato Masaru. Seijikamassatsu. «Saishinseikyū» de mieta nagatacho: no wana. Tokyo: Tokumashoten, 2013.
- Togo Kazuhiko. Hoppo: ryō: do ko: sho: hiroku. Ushinawareta godo no kikai. Tokyo: Shinchosha, 2007.
- Viskokov M. S. Kurilskie ostrova v 90-e gody XX stoletiya // KURILES-HISTORY.RU Istoria Kurilskih ostrovov. Proekt «Istoria Kurilskogo arhipelaga s drevneishih vremen do nachala XXI stoletiya». Sakhalinskii gosudarstvennii universitet. URL: <http://www.kuriles-history.ru/book/chapter/23/> (date of access 17.12.2015).
- Wareware no hoppo: ryō: do. 2011 Iss. Tokyo: MOFA, 2012.
- Wareware no hoppo: ryō: do. Materials 2011. Tokyo: MOFA, 2012.

²⁹ Togo Kazuhiko. Hoppo: ryō: do ko: sho: hiroku... P. 283.

³⁰ Ibid. P. 281.

Список литературы

- Высоков М. С. Курильские острова в 90-е годы XX столетия // KURILES-HISTORY.RU История курильских островов. Проект «История Курильского архипелага с древнейших времен до начала XXI столетия». Сахалинский государственный университет. URL: <http://www.kuriles-history.ru/book/chapter/23/> (дата обращения 17.12.2015).
- Гуманитарное содействие жителям четырех островов // Официальный сайт посольства Японии в Москве. URL: <http://www.ru.emb-japan.go.jp/RELATIONSHIP/COOPERATE/HELP/fourisl.html> (дата обращения 07.02.2015).
- Кузьминков В. В. Об искусстве проведения переговоров Масару Сато // Япония наших дней. 2010. № 3 (5). С. 56–79.
- Латышев И. А. Путин и Япония. Будут ли уступки? 2000–2005. М.: Эксмо–Алгоритм, 2005.
- Address by Prime Minister Ryutaro Hashimoto to the Japan Association of Corporate Executives. 24.07.1997 // Официальный сайт премьер-министра Японии и его кабинета. URL: <http://japan.kantei.go.jp/0731douyukai.html> (дата обращения 28.05.2014).
- Daihyakuyonjukkai. Shugin. Gaimuinkaigiroku [Стенограмма заседания комитета по внешней политике. 140 сессия нижней палаты парламента Японии]. 1997. Vol. 1, P. 4. Iss. 10. 18.04. P. 1–12.
- Higashi ajia senryaku gaikan 1997–1998. [Обзор стратегического развития Восточной Азии. 1997–1998 гг.]. Tokyo: Bo: eikenkyu.: [Национальный институт исследований в области обороны], 1998.
- Hoppo: ryō: dorinsetsuchiikishinko: to: kikin // Официальный сайт «Штаба стратегии в отношении северных территорий». URL: <http://www8.cao.go.jp/hoppo/pdf/kikinseidonogaiyo.pdf> (дата обращения 13.03.2014).
- Nihonjin to roshiajin no yu: ko: no ie [Дом российско-японской дружбы] // Свободная энциклопедия «Википедия». URL: <http://ja.wikipedia.org/wiki/%E6%97%A5%E6%9C%AC%E4%BA%BA%E3%81%A8%E3%83%AD%E3%82%B7%E3%82%A2%E4%BA%BA%E3%81%AE%E5%8F%8B%E5%A5%BD%E3%81%AE%E5%AE%B6> (дата обращения 25.12.2012).
- Okinawa oyobi hoppo: ryō: domondai ni kansuru tokubetsuinkai haken (Hokkaido) cho: saho: kokusho [Отчет об инспекционной поездке на Хоккайдо членов специального комитета по делам Окинавы и «северных территорий» нижней палаты парламента Японии] // Daihyakuyonjyu: kaikokkai. Shugin. Okinawa oyobi hoppo: ryō: do ni kansuru tokubetsuinkairoku [Стенограмма заседания Специального комитета по делам Окинавы и «северных территорий». 140-я сессия нижней палаты парламента Японии]. 1997. Vol. 5, P. 2. 16.06. P. 6–8.
- Sato Masaru. Kokka no wana. Gaimusho: no rasupu: chin to yobarete [Ловушка государства. Как меня прозвали Распутиным МИДа]. 19th ed. Tokyo: Shinchosha, 2014.
- Suzuki Muneo. Omei. Kokka ni jinsei wo ubawareta otoko no kokuhaku [Бесславию. Признание человека, которому государство разрушило жизнь]. Tokyo: Kadansha, 2009.
- Suzuki Muneo, Sato Masaru. Seijikamassatsu. «Saishinseikyū» de mieta nagatacho: no wana [Игнорирование мнения политиков. Ловушки в правительственном квартале Нагатагэ ввиду «пересмотра иска»]. Tokyo: Tokumashoten, 2013.
- Togo Kazuhiko. Hoppo: ryō: do ko: sho: hiroku. Ushinawareta godo no kikai [Тайные хроники переговоров по вопросу Северных территорий. Пять упущенных возможностей]. Tokyo: Shinchosha, 2007.
- Wareware no hoppo: ryō: do [Наши северные территории]. 2011 Iss. Tokyo: MOFA, 2012.
- Wareware no hoppo: ryō: do [Наши северные территории]. Сборник материалов за 2011 г. Tokyo: MOFA, 2012.

З. В. Дмитриева, А. А. Селин

Конференция по изучению и изданию массовых источников XVI–XXI вв.

В Петербурге 1–4 июня 2015 г. проходила очередная, XIX Всероссийская научная конференция «Писцовые книги и другие массовые источники XVI–XXI вв.», приуроченная к 100-летию со дня рождения выдающего историка и археографа Александра Ильича Копанева. Инициаторами конференции выступили Санкт-Петербургский институт истории РАН, Центр исторических исследований НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург и Институт истории Санкт-Петербургского государственного университета.

Конференции по изучению и изданию массовых источников проводятся раз в два года. Первая конференция (совещание) состоялась в марте 1988 г. в Ленинградском отделении Института истории Академии наук СССР. В дальнейшем при поддержке местной администрации в их подготовку и проведение были вовлечены вузы страны, архивы, центральные и областные библиотеки, музеи-заповедники различных городов. На протяжении 25 лет собрания историков и архивистов проходили в Москве, Санкт-Петербурге, Казани, Великом Новгороде, Архангельске, Вологде, Тихвине, Петрозаводске, Каргополе, Кириллове, Ферапонтове, Балахне. Некоторые из них были посвящены памяти выдающихся источниковедов-археографов: в 1997, 2002, 2007 гг. в Вологде и в Москве – П. А. Колесникова, в 1998 г. в Архангельске – А. Л. Шапиро, в 1999 г. в Тихвине – Я. И. Берендиной, в 2001 г. в Архангельске – В. В. Крестинина. Главная задача, на решение которой были направлены конференции, – консолидация ученых по изучению и изданию широкого круга массовых источников¹. В отне-

сении того или иного вида документации к «массовой» организаторы конференций (совещаний) исходили из определения Б. Г. Литвака: «Под массовой документацией <...> понимаются такие документы, возникновение которых связано с повседневностью во всех ее проявлениях, с элементарной необходимостью фиксации этих проявлений, будничных сторон социальной жизни»². При этом Литвак предложил три признака массовой документации: «ординарность обстоятельств происхождения», «однородность, аналогичность или повторяемость содержания», «однотипность формы, тяготеющая к стандартизации»³. Исходя из этих критериев, к массовой документации относят разные по видам (писцовые, дозорные, переписные, вытные, приходо-расходные книги, ревизские сказки и другие документальные материалы административно-хозяйственного учета) и по происхождению (государственные, вотчинные, поместные и мирские) документальные исторические источники, включая статистические материалы XIX–XX вв. Можно сказать, сегодня это конвенциональный термин-словосочетание, употребляемое достаточно широко, в зависимости от исследовательской цели. Это обстоятельство отразилось в тематике докладов, прозвучавших в 2015 г. на XIX конференции. Работа проходила в 10 секциях, в обсуждении докладов приняло участие более 60 человек из 14 городов России и Эстонии (Великого Новгорода, Вологды, Воронежа, Вятки, Коломны, Краснодара, Москвы, Нижнего Новгорода, Пскова, Самары, Санкт-Петербурга, Таллина, Череповца, Уфы).

Не останавливаясь подробно на составе участников конференции, отметим важнейшие тенденции, проявившиеся во время работы. Прежде всего, сегодня изучение массовых письменных источников идет с использованием новых методов визуализации (к таковым относим, прежде всего, просопографию и геоинформационные методы). Вместе с этим более заметной (чем в начале 1990-х гг., когда конференция только начиналась) стала интеграция наблюдений российских исследователей в глобальную историческую науку: введение в научный оборот новых документальных материалов и методов определения репрезентативности и достоверности отдельных их видов. Частый упрек, который звучит в адрес подобных научных собраний – «мелкотемье», локальный характер обсуждаемых проблем, в нашем случае был преодолен. Современные вызовы, стоящие перед традиционным источниковедением, заключаются прежде всего именно в локализации исследований на узком круге источников, малой связи с историей *longue durée*, глобальными и универсальными наблюдениями, а следовательно – почти незаметным запросом на выводы со стороны глобальной

Конференция по писцовым книгам – 25 лет // Марийский археографический вестник. 2014. № 24. С. 270–292 (с приложением перечня алфавитного указателя работ, опубликованных в изданиях Всероссийских научно-практических совещаниях (конференциях) по писцовым книгам и массовым источникам в 1999–2008 гг.).

² Литвак Б. Г. Приемы формализации содержания массовой документации и регесты // Археографический ежегодник за 1977. М., 1978. С. 226.

³ Там же.

¹ Об истории проведения конференций см.: Адаменко О. Н., Дмитриева З. В., Черкасова М. С.

исторической науки, социальных исследований. Единственным возможным ответом на данный вызов может быть, как представляется, только отточенный методический принцип исследования, и, как это ни парадоксально, признание конвенциональности значительной части выводов. Это прозвучало во время развернувшихся на конференции дискуссий, прежде всего об указателях к изданию письменных источников как обязательном компоненте научно-справочного аппарата при публикации любого исторического источника. Тема указателей, принципов, на которых они составляются, звучит на конференции не впервые; дискуссия об этом прошла на XV конференции в Москве (2008 г.), ее результаты были отражены в статье Г. А. Ивановой⁴. Актуальность темы об указателях обусловлена в какой-то мере «электронным» вызовом традиционному источниковедению и традиционным принципам публикации массовых исторических источников. Само составление указателей, прежде всего указателей имен, содержит в себе научно-исследовательскую составляющую: не секрет, что всегда при таком составлении удастся выявить ценные, неочевидные биографические подробности. Способы поиска, которые напрямую проистекают из заложенных в указателях принципов, так или иначе оказываются связаны с научной предпосылкой, присутствующей в исследовании. Свое решение проблемы предложила М. Н. Румынская. В докладе «Научно-справочный аппарат к изданию массовых источников XVI–XVIII вв.» была представлена история развития «Правил публикации исторических документов», начиная с изданий Императорской археографической комиссии, раскрыты аспекты предварительной работы, обозначены многочисленные проблемы, возникавшие при подготовке указателей к публикации приходных и расходных денежных книг Кирилло-Белозерского монастыря первой трети XVII в., и их решение с учетом особенностей документов⁵. Необходимость составления аннотированных именных указателей к изданиям массовых источников, в том числе писцовых и переписных книг, вызвала критику со стороны ряда присутствующих археографов, по мнению которых, следует, вероятно, учитывать невозможность (на сегодняшний момент) составления неких универсальных указателей; стоит согласиться с И. Ю. Анкудиновым относительно конвенциональности принципов, их связи с характером публикации, а также и относительно предполагаемого читателя издания, который должен совладать с предлагаемыми ему способами поиска.

Конференцию завершил круглый стол, тема которого включила ряд важных проблем комплексного изучения документального наследия:

⁴ *Иванова Г. А.* Указатели к публикациям и справочникам на документы XVI–XVII вв.: проблемы русского средневекового именованного // *Материалы XV Всероссийской научной конференции «Писцовые книги и другие массовые источники XVI–XX веков»*. К столетию со дня рождения П. А. Колесникова. М., 2008. С. 155–163.

⁵ Текст доклада напечатан: *Румынская М. Н.* Опыт составления именованного указателя к публикации монастырских хозяйственных книг первой трети XVII в. // *Петербургский исторический журнал*. 2015. № 3 (07). С. 218–230.

«Реконструируют ли исследователи архивы прошлого?». Организаторы круглого стола исходили из положения Л. В. Черепнина, который писал «о необходимости рассматривать происхождение каждого отдельного документа в связи с историей того феодального архива, к которому он относится...»⁶. В этой концепции обсуждались две проблемы: 1) можно ли говорить об архивах как совокупности документов, хранящихся в специальном помещении (например, были ли в монастырях архивы или же документы хранились в казне вместе с другими ценностями); 2) какие перспективы открывает для историка реконструкция архива. В обсуждении приняли участие З. В. Дмитриева, О. А. Абеленцева, Е. Б. Французова, А. Б. Постникова, Л. А. Тимошина, Н. В. Башнин, О. А. Дроздик и др. (материалы круглого стола предполагается опубликовать в одном из номеров «Петербургского исторического журнала»). В данный номер включены пленарные доклады о научном творчестве А. И. Копанева и секционные, представляющие новые методы и подходы в изучении массовых источников разных видов.

References

Adamenko O. N., Dmitrieva Z. V., Cherkasova M. S. Konferencijam po piscovym knigam – 25 let // *Marijskij arheografski vestnik*. 2014. N 24. S. 270–292.

Litvak B. G. Priemy formalizacii soderzhaniya massovoj dokumentacii i registry // *Arheografski jezhegodnik za 1977. M., 1978. S. 226–232.*

Ivanova G. A. Ukazateli k publikacijam i spravocnikam na dokumenty XVI–XVII vv.: problemy russkogo srednevekovogo imenoslova // *Materialy XV Vserossijskoj nauchnoj konferencii «Piscovye knigi i drugie massovye istochniki XVI–XX vekov»*. K stoletiju so dnya rozhdeniya P. A. Kolesnikova. M., 2008. S. 155–163.

Rumynskaya M. N. Opyt sostavleniya imennogo ukazatelya k publikacii monastyrskih hozyajstvennyh knig pervoj tretj XVII v. // *Peterburgskij istoričeskij žurnal*. 2015. N 3(07). S. 218–230.

Cherepnin L. V. Russkie feodal'nye arhivy. T. 1. M.; L., 1948.

Список литературы

Адаменко О. Н., Дмитриева З. В., Черкасова М. С. Конференция по писцовым книгам – 25 лет // *Марийский археографический вестник*. 2014. № 24. С. 270–292.

Литвак Б. Г. Приемы формализации содержания массовой документации и регесты // *Археграфический ежегодник за 1977. М., 1978. С. 226–232.*

Иванова Г. А. Указатели к публикациям и справочникам на документы XVI–XVII вв.: проблемы русского средневекового именованного // *Материалы XV Всероссийской научной конференции «Писцовые книги и другие массовые источники XVI–XX веков»*. К столетию со дня рождения П. А. Колесникова. М., 2008. С. 155–163.

Румынская М. Н. Опыт составления именованного указателя к публикации монастырских хозяйственных книг первой трети XVII в. // *Петербургский исторический журнал*. 2015. № 3 (07). С. 218–230.

Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы. Т. 1. М.; Л., 1948.

⁶ *Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы. Т. 1. М.; Л., 1948. С. 5.

О. А. Абеленцева

Описания вотчины Успенского Тихвинского монастыря в Николаевском Шунгском погосте Обонежской пятины Новгородского уезда в первой четверти XVII в.¹

К Николаевскому Шунгскому погосту относились земли по берегам Повенецкого залива Онежского озера и на полуострове Заонежье в Обонежской пятине Новгородского уезда. Большая часть деревень погоста, принадлежавших вотчине Успенского Тихвинского монастыря, располагалась на территории полуострова Заонежье, доля его со Спасским Кижским и Егорьевским Толвуйским погостами, а остальные находились на северо-западном берегу Повенецкого залива². Угодья

у вотчины имелись и на северо-восточном берегу Онеги³. Во времена независимости Великого Новгорода земли погоста принадлежали нескольким новгородским боярам⁴, а после присоединения к Москве отошли великому князю. В писцовых книгах 1495/96 и 1562/63 гг. волости погоста описаны как великокняжеские оброчные с упоминанием имен прежних владельцев⁵. В дозорной книге 1582/83 г. деление на волости новгородского времени отсутствует, и все деревни и пустоши, исключая помещичьи и монастырские земли, названы «черной оброчной волостью» великого князя⁶. В писцовой книге 1615–1617 гг., составленной уже после пожалования вотчины монастырю, сказано, что погост ранее был дворцовым⁷.

Вотчина — 1000 четвертей земли в Николаевском Шунгском погосте — была дана братии Успенского Тихвинского монастыря царем Михаилом Федоровичем в 1613/14 г. «за их многое разоренье и за осадное сиденье» в Смуту⁸.

Это пожалование было очень важно для монастыря, так как остальные его вотчины были разорены во время военных действий. По данным выписи из отдельных книг 1613/14 г., в вотчине в Николаевском Шунгском погосте проживало 255 крестьян и 42 бобыля⁹. В разоренной в Смуту Нагорной половине Обонежской пятины, согласно дозорной книге 1619/20 г.¹⁰ Мины Дмитриевича Лыкова и подьячего Якова Гневашева, в вотчинах монастыря в Пречистенском Тихвинском и Егорьевском Кожельском погостах осталось 18 крестьян и 13 бобылей¹¹.

История дальнейшего владения землями в Шунгском погосте такова. В 1622/23 г. по челобитью крестьян вотчина была взята обратно в черные волости с условием — платить в казну 1000 рублей, из которых 600 должно было

ных им источниках и картографированию поселений, предоставляют нам необходимый материал для сравнительного анализа и идентификации населенных пунктов из источников, которые ранее не привлекались.

³ Материалы по истории Успенского Тихвинского монастыря. Вып. 1. Акты и материалы писцового дела. Ч. 1. 1560–1644 гг. СПб., 2015. С. 167–178: 1620 г. декабря. — Межевая книга вотчины Успенского Тихвинского монастыря в Николаевском Шунгском погосте Обонежской пятины Новгородского уезда подьячего Ивана Немкова.

⁴ *Бернадский В. Н.* Новгород и Новгородская земля в XV веке. М.; Л., 1961. С. 52–75.

⁵ Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. Л., 1930. С. 1–9, 147–155.

⁶ История Карелии XVI–XVII вв. в документах. Вып. 3. Петрозаводск; Йоэнсуу, 1993. С. 181–193.

⁷ Материалы по истории Успенского Тихвинского монастыря. С. 84.

⁸ Жалованная грамота 1613/14 г. не сохранилась, но упоминается в позднейших документах. См.: Материалы по истории Успенского Тихвинского монастыря. С. 55–56, 117, 180, 194, 204, 209, 215, 229, 231.

⁹ Там же. С. 80.

¹⁰ Данных за 1613/14 г. по этой территории нет.

¹¹ Материалы по истории Успенского Тихвинского монастыря. С. 130–146.

¹ В основе статьи лежит доклад, прочитанный на заседании XIX Всероссийской научной конференции «Писцовые книги и другие массовые источники XVI–XXI вв.: к 100-летию со дня рождения Александра Ильича Копанева», проходившей в Санкт-Петербурге 1–4 июня 2015 г.

² М. В. Витов, проводивший историко-географическое исследование Заонежья, в своих работах уделил особое внимание Николаевскому Шунгскому погосту (См.: *Витов М. В.* 1) Проблемы составления карт поселений XV–XVII вв. по данным писцовых и переписных книг (На примере Шунгского погоста Обонежской пятины) // Проблемы источниковедения. Т. 5. М., 1956. С. 232–264; 2) Историко-географические очерки Заонежья XVI–XVII вв. Из истории сельских поселений. М., 1962). Однако данные описаний погоста 1613/14 и 1615/16 гг. исследователем не привлекались. Видимо, изучение отдельных книг как источника не входило в задачу исследователя, а писцовая книга 1615–1617 гг. не была еще введена в научный оборот. Тем не менее, результаты огромной работы, проделанной исследователем по сопоставлению названий деревень в девяти использован-

выдаваться монастырю в качестве компенсации¹². По прошествии времени «крестьяне оскудали и денег в Великий Новгород привозить не учили, и от праветчиков избегали»¹³. В грамоте от 12 июня 1642 г.¹⁴ царь Михаил Федорович указал отдать крестьян обратно во владение монастырю в случае дальнейшей неуплаты установленной суммы, что и было подтверждено грамотой от 7 сентября 1642 г.¹⁵ Но и это пожалование не принесло ожидаемого результата, так как крестьяне были не в состоянии платить назначенный оклад в монастырь и доимочные деньги в казну. По грамоте от 31 мая 1646 г. Шунгской погост был вновь взят в черные земли с окладом в 600 рублей, которые было указано платить в казну в Великом Новгороде, и далее 500 выплачивать монастырю¹⁶. Позднее сумма выплат была снижена до 400 рублей, но и ее в 1646–1648 гг. собрать не удавалось. В жалованной грамоте царя Алексея Михайловича от 14 августа 1649 г. было указано платить в Тихвинский Успенский монастырь за шунгскую вотчину начиная с 1649 г. по 300 рублей в Великом Новгороде из четвертных доходов¹⁷. Так обстояло дело до 1670 г., когда деньги было указано собирать с Николаевского Шунгского погоста и выдавать монастырю из государственной казны на Олонце «изо всяких доходов по вся год в первых месяцах и числах с роспискою без задержания»¹⁸. В 1671 г. деньги из казны были выданы, но собрать эту сумму с крестьян погоста не удалось. И по грамоте царя Алексея Михайловича от 6 марта 1672 г. погост был отдан обратно в монастырь уже в третий раз¹⁹. Очередная передача вотчины монастырю проходила при серьезном сопротивлении крестьян и бобылей Николаевского Шунгского погоста, которое было преодолено лишь к концу 1670-х гг. По мнению Р. Б. Мюллер, причиной этого было серьезное имущественное расслоение в среде черносошного крестьянства²⁰. Такое положение могло иметь место и в первой половине XVII в. Состоятельным жителям погоста был нежелателен контроль монастыря над их экономической деятельностью, приводившей к обеднению и утрате земельных участков их соседями. Таким образом, они вполне могли инициировать и челобитную 1622/23 г. о возвращении в черные волости, пообещав выплачивать непосильную для основной части населения сумму в 1000 рублей. Согласно

¹² Материалы по истории Успенского Тихвинского монастыря. С. 194, 215–218.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. С. 223–226.

¹⁵ Там же. С. 226–228.

¹⁶ Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 2. Д. 97. Л. 16 об. — 22 об. (список XVII в.).

¹⁷ Там же. Ф. 132. Оп. 1. Карт. 3. Д. 17. Л. 1–2 (список XVII в.).

¹⁸ Там же. Ф. 132. Оп. 1. Карт. 13. Д. 17 (подлинник); Ф. 132. Оп. 1. Карт. 13. Д. 16 (список XVII в.).

¹⁹ Там же. Карт. 172. Д. 286 (подлинник); Ф. 132. Оп. 1. Карт. 15. Д. 89, 91 (списки XVII в.).

²⁰ Мюллер Р. Б. Борьба крестьян Шунгского погоста с Тихвинским монастырем (В свете изучения имущественного расслоения крестьян) // Исторические записки. Т. 43. М., 1953. С. 237–245.

указу царя Алексея Михайловича от 21 февраля 1673 г. крестьяне и бобыли обязаны были платить 400 рублей монастырю²¹ и подати в казну. Очередное изъятие доходов с Шунгской вотчины в пользу государственной казны произошло уже в начале XVIII в., когда 8 февраля 1703 г. по указу царя Петра I Алексеевича все доходы с монастырских вотчин на Олонце были отданы на строительство кораблей²². В очередной раз погост был возвращен монастырю указом царя Петра II от 22 января 1728 г.²³, а окончательное его изъятие состоялось после указа 1764 г. о секуляризации церковных земель.

В 1613 г. осада с Успенского Тихвинского монастыря была снята 15 сентября. Вылазки разрозненных вооруженных отрядов продолжались в Обонежской пятине вплоть до заключения в 1617 г. Столбовского мира²⁴. Но, несмотря на военные действия, Суторма Максимович Коротнев²⁵ и подьячий Постник Дементьев²⁶ в 1613/14 г. отделили новую вотчину старцам Успенского Тихвинского монастыря келарю Иринарху и казначею Александру с братьями. Выпись из составленных ими отдельных книг является первым сохранившимся описанием Шунгского погоста в XVII в.²⁷, во всяком случае другие писцовые материалы начала века пока не выявлены.

Ближайшее по времени более раннее описание погоста — дозор 1582/83 г., проведенный Андреем Васильевичем Плещеевым и подьячим Семейкой Кузминым²⁸. Р. Б. Мюллер указала на существование дозора Заонежских погостов

²¹ Архив СПбИИ РАН. Колл. 115. Оп. 1. Д. 72. Л. 97 об.

²² Там же. Л. 251 — 252 об.

²³ Там же. Д. 67. Л. 392 — 392 об.

²⁴ Сербина К. Н. Очерки из социально-экономической истории русского города. Тихвинский посад в XVI–XVIII вв. М.; Л., 1951. С. 40–41; Курбатов О. А. 1) Тихвинское осадное сидение 1613 г. М., 2006. С. 43–44; 2) Военная история русской смуты начала XVII века. М., 2014. С. 180; Рабинович Я. Н. Малые города Новгородской земли в Смутное время. Великий Новгород, 2013. С. 330–341. Военные действия привели к запустению многих территорий Новгородской земли. См.: Селин А. А. Новгородское общество в эпоху Смуты. СПб., 2008. С. 309–313.

²⁵ Поместье Суторы Коротнева в Рождественском Пиркиничском погосте упоминается в обыске Фирса Алексеева сына Давыдова и Ивана Захарьева сына Баранова от ноября 1612 г. среди поместий детей боярских новгородского митрополита // RA, NOA, serie I: 120. С. 27.

²⁶ Подьячий Постник Дементьев состоял на службе в Поместном приказе с 1604/05 г. См.: Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М., 1975. С. 145. К. Петров полагал, что Коротнев и Дементьев в 1613/14 г. описывали всю Заонежскую половину Обонежской пятины, но не привел данных, подтверждающих это мнение. См.: Петров К. Составители писцовых книг Обонежской пятины // Памятная книжка Олонцевой губернии 1868–1869 гг. Петрозаводск, 1869. С. 118.

²⁷ Материалы по истории Успенского Тихвинского монастыря. С. 58–82. По данным М. Ю. Зенченко, «между 1584 по 1615 гг. никаких общегосударственных дозоров или описаний на территории пятины, видимо, не проводилось». См.: Каталог писцовых книг Русского государства. Вып. 2. Писцовые книги Новгородской земли. М., 2004. С. 268.

²⁸ История Карелии... С. 181–193.

1584 г.²⁹ Леонтия Аксакова и Афанасия Жеребятичева. Книги этого дозора утрачены, но они упомянуты в качестве приправочных для описания погоста в писцовых книгах Заонежских погостов в 1615–1617 гг. Петра Ивановича Воейкова и дьяка Ивана Львовского³⁰. В дозорных книгах 1619/20 г. также сказано, что шунгская вотчина дана монастырю «по книгам письма и меры Левонтия Аксакова»³¹. Было бы логично предположить, что на основе дозора 1584 г. были составлены именно отдельные книги 1613/14 г. Суторымы Максимовича Коротнева и Постника Дементьева, но у выписи из них есть особенности, которые свидетельствуют не в пользу такого утверждения.

Для ответа на вопрос, были ли книги дозора 1584 г. приправочными для отдельных книг 1613/14 г., необходимо выяснить, по каким признакам, кроме непосредственного указания в тексте, можно установить такое соотношение. Например, известно, что приправочными книгами для дозора 1619/20 г. были книги 1582/83 г. При сопоставлении порядка описания населенных пунктов в этих двух источниках наблюдается соответствие в порядке описания. Для наглядности нами были построены графические схемы. Приведем фрагмент такого построения³². На рис. 1 можно увидеть, что в целом порядок описания поселений в двух книгах совпадает, но некоторые из них не были описаны во время дозора 1619/20 г.

Рис. 1. Схема соотношения порядка описания поселений в дозорных книгах 1582/83 и 1619/20 гг.

²⁹ Мюллер Р. Б. Заонежские погосты // Аграрная история Северо-Запада России XVI века. Новгородские пятины. Л., 1974. С. 256.

³⁰ Материалы по истории Успенского Тихвинского монастыря. С. 116. Книга датируется 1615–1617 гг. в: Каталог писцовых книг... С. 309. И. А. Чернякова датирует книгу 1616–1619 гг. См.: Чернякова И. А. Крестьяне Олонецкого края в XVII веке: Дис. ... канд. ист. наук. Л., 1988. С. 27.

³¹ Материалы по истории Успенского Тихвинского монастыря. С. 165.

³² Населенные пункты в описании погоста нумеруются по порядку, затем прямыми соединяются описания одних и тех же деревень и пустошей в двух столбцах. Схемы не могут быть воспроизведены целиком по причине многочисленности населенных пунктов.

Если такое положение может характеризовать соотношение текстов приправочных книг и новых описаний, созданных на их основе, то порядок описания деревень и пустошей погоста в отдельных книгах 1613/14 г. и писцовых 1615–1617 гг. тоже должен иметь соответствия, так как оба документа предположительно написаны на основе дозора 1584 г.

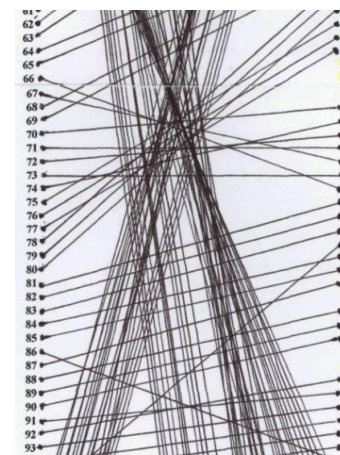

Рис. 2. Схема соотношения порядка описания поселений в выписи из отдельных книг 1613/14 г. и писцовой книге 1615–1617 гг.

На схеме (рис. 2) можно выделить группы поселений, порядок описания которых в целом сохранился, и другие группы, описанные как бы в обратном порядке (на схеме — веерно пересекающиеся пучки линий), что на наш взгляд объясняется изменением направления движения писцов, которые в одном случае продвигались, например, с юга на север, а в другом — с севера на юг. В целом схема показывает значительное отличие в структуре двух текстов.

Сравниваемые описания имеют и другие отличия. Во-первых, в отдельных книгах количество земли и сена писалось «по смете и по крестьянской скаске»³³, а какие-либо приправочные материалы к книгам в выписи не упомянуты. Во-вторых, описано было 117³⁴ деревень и пустошей, что значительно меньше, чем в писцовых книгах 1615–1617 гг., где зафиксировано 141 поселение³⁵. В-третьих, живущая и пустая пашня, отделенная монастырю, по выписи 1613/14 г. составила 1000 четвертей, т.е. точно совпала с количеством земли, указанным в жалованной грамоте, а по книгам 1584 г. в погосте насчитывалось

³³ Материалы по истории Успенского Тихвинского монастыря. С. 59–81.

³⁴ В выписи из отдельных книг 1613/14 г. по сравнению с писцовыми книгами 1615–1617 гг. отсутствует упоминание о 24 деревнях и пустошах. Десять из них располагались на территории между Валгомозером и Путкоозером вблизи Шуныги.

³⁵ См. таблицу.

976,98³⁶ четвертей доброй земли³⁷. По книгам 1615–1617 гг. — 976,93, и в составленных на их основе вторых отдельных книгах Богдана Руготина и послушной грамоте от 24 февраля 1616 г. написано 964 четверти, так как до указных 1000 четвертей пашни «недостало»³⁸. Таким образом, по структуре текста и основным количественным показателям соответствия между выписью из отдельных книг 1613/14 г. и писцовыми книгами 1615–1617 гг. нет.

**Вотчина Успенского Тихвинского монастыря в Николаевском
Шунгском погосте Обонежской пятины Новгородского уезда:
пашня и население**

Категории земель	Дозор 1582/83 г. ³⁹	Отдельные книги 1613/14 г.	Писцовая 1615–1617 гг.	Послушная грамота 1616 г.	Дозор 1619/20 г.
ЖИВУЩЕЕ					
Пашня паханая	564,55	158,65	302,72	152,3	175,97
Пашня отхожая	–	38,79	–	–	–
ВСЕГО	564,55	197,48	302,72	152,3	175,97
ПУСТОЕ					
Перелог	576,25	607,47	Нет данных	520,55	256,88
Лесом поросло	410	195,33	Нет данных	291	424,7
ВСЕГО	986,25	802,8	674,08	811,55	681,58
ВСЕГО ПАШНИ	(1550,8) ⁴⁰	1000 средней земли (1000,28)	976,93 доброй земли (976,8)	964 лучшей земли (963,85)	857,5 (857,55)
СЕНО	2612	580,5	2925 (на выть по 30 копен)	2712 (на выть по 30 копен)	2251 (51 копна лесом поросла)
ВЫТИ / ОБЖИ	ОБЖИ	ВЫТИ	ВЫТИ	ВЫТИ	–
Живущее	56,46	14,11	30,28	15,24	–
Пустое	98,63	57,33	64,44	81,16	–
Всего	155,09	71,44	97,64 (94,72)	96,41	–

³⁶ Материалы по истории Успенского Тихвинского монастыря. С. 116. В дозорной книге 1619/20 г. приведены другие данные: «А дана им та вотчина по книгам писма и меры Левонтия Аксакова. Пашни паханые, и перелогом, и лесом поросло 871 четь с полчетверником». См. Там же. С. 165.

³⁷ Там же. С. 116. Данные приведены нами за вычетом 6,53 четвертей, отошедших Палеостровскому монастырю.

³⁸ Там же. С. 116, 126.

³⁹ Данные о землях великого князя в погосте.

⁴⁰ Здесь и далее в таблице в скобках даны наши подсчеты, которые не всегда совпадают с данными итогов описаний.

Пашни живущей на обжу / выть	9,9 четвертей	14 четвертей	10 четвертей	9,9 четвертей	–
Пашни пустой	9,9	14	10	9,9	–
СОШКИ / СОХИ	СОШКИ	–	СОХИ	–	СОХИ
Сошки живущие	18,46	–	0,375	–	0,156
Сошки пустые	32,88	–	0,656	–	0,854
Пашни на сошку	30,58 чети	–	–	–	–
СОХИ (пашни в сохе)	–	–	800 четвертей	–	(800 четвертей)
Живущее, %	36,4%	19,7%	30,99%	15,8%	20,5%
Пустое, %	63,59%	80,3%	68,99%	84,2%	79,5%
ДЕРЕВНИ					
Деревни живущие	97	89	101	97	89
Деревни пустые	5	4	–	5	3
ПУСТОШИ	41	24	41	38	30
ВСЕГО	143 (138)	117 (117)	141 (145)	140 (146)	122 (122)
Дворы крестьянские	241	213	287	287	307
Крестьяне	245	255	288	299	307
Дворы бобыльские	3	49	76	32	76
Бобыли	3	42	72	52	69
Вдовы бобылихи	–	8	4	–	7
Дворы пустые	113	42	–	5	2
Места дворовые, где началось заселение	–	16	–	–	–
Места дворовые	96	76	43	33	–

Такие расхождения в количественных показателях, вероятно, могли возникнуть в результате того, что приправочные книги во время отдела 1613/14 г. всё же отсутствовали, а сам отдел проводился поспешно в условиях угрозы возобновления военных действий. В Шунгском погосте в конце 1613 г. был возведен острожек. В январе 1614 г. его осаждали черкасы⁴¹. Летом 1614 г. шведский отряд под командованием Ханса Мунка пытался продвинуться в Занежье, но ему это не удалось⁴².

Деревни погоста в 1613/14 г. описывались по следующему формуляру: 1) население (крестьяне, бобыли); 2) количество пашни («средняя» пашня паханая, отхожая, перелог, поросшая лесом — в четвертях); 3) сено (количество

⁴¹ Мюллер Р. Б. Очерки по истории Карелии XVI–XVII вв. Петрозаводск, 1947. С. 95–96; Шаскольский И. П. Шведская интервенция в Карелии в начале XVII в. Петрозаводск, 1950. С. 109–111.

⁴² Рабинович Я. Н. Малые города Новгородской земли... С. 325–327.

копен); 4) выти (живущие, пустые). Например: «Деревня в Наваницах, а в Пайницах на Фомине горе то же, а в ней крестьян: во дворе Никонко да Трофимко Даниловы, во дворе Колмачко Васильев, во дворе Копоско Спиоров. Во дворе бобыль Харитонко Патракеев. Да место дворовое пустое. Пашни паханые средние земли по смете и по крестьянской скаске две чети бес пол-осмины да перелогу семь чети с осминою бес полчетверика в поле, а в дву по тому же. Сена три копны. В живущем полчети выти, а впусе полвыти и пол-пол-полчети выти»⁴³.

Формуляр описания населенных пунктов в писцовой книге 1615–1617 гг. отличается как от предшествующих, так и от последующих описаний. Его особенность состоит в том, что живущее и пустое описывалось отдельно: 1) население (крестьяне, бобыли); 2) «добрая» пашня паханая, число вытей в живущем, число копен сена у живущих вытей; 3) перелог; пашня, поросшая лесом; отхожая пашня, пустые выти, их сено; 4) избыток сена с указанием, к какой деревне оно дано «в додачу» или от какой деревни к описываемой дано «отхожее» сено. Например: «Деревня в Паницах же Хлебунова, а в ней крестьян: во дворе Иевко Иванов, во дворе Аристок да Тихонко Ивановы, во дворе Терешка Левонтьев. Во дворе бобыль Ортюшка Корнильев. Пашни паханой добрые земли пять чети. В живущем полвыти. Сена пятнадцать копен. Да перелогом и лесом поросло новые и старые пустоты четь с четвериком. Да отхожие пашни на леших полянах осмина без полчетверика в поле, а в дву по тому же. Впусе полчети и пол-пол-полчеть выти. Сена пять копен. Да в той же деревне осталось у вытей сена десеть копен, и то сено дано в додачу к деревне Ходиринской Перхина»⁴⁴.

Вероятно, более детальный формуляр описания в книгах 1615–1617 гг. был разработан с целью предоставить властям исчерпывающую информацию о состоянии земель и количестве тяглого населения. В итогах описания вотчины появились новые по сравнению с отдельными книгами 1613/14 г. показатели — живущее и пустое в больших московских сохах⁴⁵. После описания 1615–1617 гг. монастырю на шунгскую вотчину были даны новые отдельные книги Богдана Руготина⁴⁶ и послушная грамота. Представляется, что именно новое описание стало причиной второго отдела вотчины. Указная грамота царя Михаила Федоровича об отделе⁴⁷ была направлена воеводам Василию Неплюеву и Ивану Баклановскому, последний упоминается в документах как Тихвинский воево-

⁴³ Материалы по истории Успенского Тихвинского монастыря. С. 63.

⁴⁴ Там же. С. 112.

⁴⁵ «А сошного писма в живущем же и впусе соха с четью без пол-пол-полчети сохи и 2 чети бес полчетверика и пол-пол-полтретник пашни. А положено четвертные пашни по государеву указу в соху добрую землю против государевых дворцовых московских сох по 800 чети». См. Там же. С. 116.

⁴⁶ Книги не сохранились.

⁴⁷ Грамота не сохранилась. См.: Материалы по истории Успенского Тихвинского монастыря. С. 83.

да с осени 1614 по 4 декабря 1615 г.⁴⁸ Следовательно, погост отделяли летом 1614/15 г. или осенью 1615/16 г.

Шунгской погост, видимо, незначительно пострадал от военных действий, и население его постепенно увеличивалось. В выписи из отдельных книг 1613/14 г. в вотчине зафиксировано 42 пустых двора и 76 дворовых мест⁴⁹. Но уже в 1615 г. дворы были заселены, свободных дворовых мест осталось только 43⁵⁰, а по данным послушной грамоты от 24 февраля 1616 г. — 33⁵¹. В послушной грамоте, составленной на основе не сохранившихся отдельных книг Богдана Руготина, обращает на себя внимание значительное сокращение количества бобыльских дворов — с 76 до 32, а бобылей — с 72 до 52 человек. При этом число крестьян увеличилось на 11 человек, что примерно соответствует уменьшению числа пустых дворовых мест с 43 в писцовой книге до 33 в послушной грамоте⁵². Если обратиться к дозору 1619/20 г., то в нем этот показатель соответствует писцовой книге 1615–1617 гг. и равен 76. Можно предположить, что в данных послушной грамоты, сохранившейся в списках XVIII в., имеется ошибка. Формуляр грамоты не предполагает подробного описания деревень — указаны только их названия и число живущих вытей, что не позволяет проверить подсчетами приведенные в грамоте суммарные данные о населении.

После заключения в декабре 1618 г. Деулинского перемирия с поляками было принято решение о проведении нового общегосударственного описания земель, так как дозоры, составленные начиная с 1613 г., сочли неудовлетворительными из-за новых разорений, а также злоупотреблений и небрежности дозорщиков: «Московское государство от полских и литовских людей и от воров розорилось и запустело, а подати всякие и ямским охотникам подмоги емлют с ыных по писцовым книгам, а с ыных по дозорным книгам, а иным тяжело, а иным легко; а дозорщики, которые после московского разоренья посылаемы по городом будучи, дозирали и писали по дружбе и за иными легко, а за иными по недружбе тяжело; и от того Московского государства людем скорбь конечная»⁵³. Было указано, какие именно работы следует провести: «Во все города, которые не были в розаренье, послать писцов; а которые города от литовских людей и от черкас были в разоренье, и в те города послати дозорщиков добрых, приветчи х крестному целованью, дав им полные наказы, чтоб они

⁴⁸ Разрядная книга 7124 года // Временник императорского Московского общества истории и древностей российских. Т. 2. М., 1849. II. Материалы. С. 61.

⁴⁹ Там же. С. 80–81.

⁵⁰ Там же. С. 115–116.

⁵¹ Там же. С. 126.

⁵² См. таблицу.

⁵³ Не позднее 1619 г. июля 3. — Соборный приговор о составлении новых писцовых и дозорных книг и о созыве выборных людей для государственного устройства // Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII в. Л., 1986. С. 94–95.

писали и дозировали всё вправду, без посулов»⁵⁴. С. Б. Веселовский высказал мнение о том, что основной причиной недовольства податного населения была неравномерность обложения, вызванная разновременностью дозоров при быстром росте пососного обложения⁵⁵.

Вероятно, многочисленные жалобы стали причиной того, что власти с недоверием относились к данным вновь проведенных описаний, и было принято решение использовать в качестве приправочных к дозору Заонежских погостов дозорные книги 1582/83 г. Андрея Васильевича Плещеева и подьячего Семейки Кузьмина⁵⁶. Остается невыясненным вопрос, почему в качестве приправочных не воспользовались дозором 1584 г. Леонтия Аксакова и Афанасия Жеребятичева? Одной из причин такого решения мог быть выборочный характер дозора 1584 г., т.е. отсутствие в книгах материала по всем погостам Заонежья.

Формуляр описания деревень в дозорных книгах 1582/83 г. и 1619/20 г. имеет некоторые отличия — в первой указывалось количество пашни без указания ее качества, число копен сена и обож в живущем и впусе в каждой деревне, во второй такой показатель, как выти, отсутствует. Например, в дозорной 1582/83 г.: «Деревня в Пайваницах же на Фоминой горе, а в ней крестьян: во дворе Перша Ортемьев, во дворе Иванко Дорофеев, во дворе Якимко Спириков, да 2 двора пусты. Пашни паханые пять чети да перелогу десять чети в поле, а в дву по тому ж, сена пятнадцать копен. В живущем пол-обжи, а в пусе обжа»⁵⁷. В дозорной 1619/20 г.: «Деревня в Паницах же на Фоминой горе: во дворе крестьянин Копоско Спиридонов, во дворе крестьянин Трофимко Данилов, во дворе крестьянин Якушко новоприходец, во дворе крестьянин Нечайко Патракеев, во дворе крестьянин Михалко Третьяков, во дворе бобыль непашенной Гришка Васильев. Пашни паханые крестьяньские три чети с полуосминою, да перелогом две чети с полуосминою, да лесом поросло четь с полчетвериком в поле, а в дву по тому же. Сена дватцать копен»⁵⁸.

В 1619/20, как и в 1615/16 г., оклад подсчитали в больших московских сохах⁵⁹. Особенностью дозора 1619/20 г. является наличие в конце краткого описания межи вотчины с другими погостами⁶⁰. Неизвестно, был ли

⁵⁴ Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII в. С. 95. Грамоту такого же содержания в Новгородский уезд см.: Собрание государственных грамот и договоров. Ч. 3. С. 208–210. № 47.

⁵⁵ *Веселовский С. Б.* Сошное письмо. М., 1916. Т. 2. С. 195–196.

⁵⁶ История Карелии... С. 181–193.

⁵⁷ Там же. С. 181.

⁵⁸ Материалы по истории Успенского Тихвинского монастыря. С. 147.

⁵⁹ Там же. С. 164–165.

⁶⁰ Там же. С. 165–167. Л. В. Милов относит такие писцовые книги к писцово-межевому типу. См.: *Милов Л. В., Булгаков М. Б., Гарскова И. М.* Тенденции аграрного развития России первой половины XVII столетия. М., 1986. С. 86.

утвержден дозор 1619/20 г., так как к докладу государям из Новгородской чети от 11 марта 1628 г. была приложена роспись живущего сошного письма по книгам 1615–1617 гг.⁶¹

Дозор 1619/20 г. показал, что население вотчины с 1613/14 по 1619/20 г. хоть и медленно, но всё же увеличивалось⁶², но уменьшились показатели площади обрабатываемой земли, что в свою очередь привело к сокращению податного оклада. Можно предположить, что в ходе предыдущего описания, как это было отмечено и для других северных районов Русского государства, писцы неправомерно завышали размер «пашни паханной», внося в нее земли, на которых регулярный трехпольный оборот был невозможен⁶³. Имеющиеся три описания вотчины, проведенные за сравнительно небольшой отрезок времени, представляют собой ценный материал для исследования социально-экономических процессов на Русском Севере в первые годы после завершения Смуты и требуют дальнейшего изучения.

References

- Akty pistovogo dela. Materialy dlya istorii kadastra i pryamogo oblozheniya v Moskovskom gosudarstve. T. 2. Vyp. 1. M., 1917.
- Bernadskii V. N.* Novgorod i Novgorodskaya zemlya v XV veke. M.; L., 1961.
- Chernyakova I. A.* Krest'yanе Olonetskogo kraya v XVII veke: Dis. ... kand. ist. nauk. L., 1988.
- Istoriya Karelii XVI–XVII vv. v dokumentakh. Vyp. 3. Petrozavodsk; Ioensuu, 1993.
- Katalog pistovoykh knig Russkogo gosudarstva. Vyp. 2. Pistovye knigi Novgorodskoi zemli. M., 2004.
- Kurbatov O. A.* Tikhvinskoe osadnoe sidenie 1613 g. M., 2006.
- Kurbatov O. A.* Voennaya istoriya russkoi smuty nachala XVII veka. M., 2014.
- Materialy po istorii Uspenskogo Tikhvinskogo monastyrya. Vyp. 1. Akty i materialy pistovogo dela. Ch. 1: 1560–1644 gg. SPb., 2015.
- Milov L. V., Bulgakov M. B., Garskova I. M.* Tendentsii agrarnogo razvitiya Rossii pervoi poloviny XVII stoletiya. M., 1986.
- Myuller R. B.* Bor'ba krest'yan Shungskogo pogosta s Tikhvinskim monastyrem (V svete izucheniya imushchestvennogo rassloeniya krest'yan) // Istoricheskie zapiski. T. 43. M., 1953. S. 237–245.
- Myuller R. B.* Ocherki po istorii Karelii XVI–XVII vv. Petrozavodsk, 1947.
- Myuller R. B.* Zaonezhskie pogosty // Agrarnaya istoriya Severo-Zapada Rossii XVI veka. Novgorodskie pyatiny. L., 1974. S. 241–260.
- Petrov K.* Sostaviteli pistovoykh knig Obonezhskoi pyatiny // Pamyatnaya knizhka Olonetskoj gubernii 1868–1869 gg. Petrozavodsk, 1869. S. 117–119.
- Pistovye knigi Obonezhskoi pyatiny 1496 i 1563 gg. L., 1930.
- Rabinovich Ya. N.* Malye goroda Novgorodskoi zemli v Smutnoe vremya. Velikii Novgorod, 2013.
- Selin A. A.* Novgorodskoe obshchestvo v epokhu Smuty. SPb., 2008.

⁶¹ *Веселовский С. Б.* Сошное письмо. Т. 2. С. 205; Акты писцового дела. Материалы для истории кадастра и прямого обложения в Московском государстве. Т. 2. Вып. 1. М., 1917. С. 58–61. С. Б. Веселовский указал в примечании, что роспись написана почерком, отличным от почерка доклада, и выразил сомнение в том, что содержание росписи было тоже доложено. Независимо от того, для какой цели была приложена роспись, ее наличие при документе 1628 г. говорит о том, что результаты этого описания были востребованы, несмотря на существование более позднего дозора.

⁶² Материалы по истории Успенского Тихвинского монастыря. С. 164. См. также таблицу.

⁶³ См.: *Милов Л. В., Булгаков М. Б., Гарскова И. М.* Тенденции аграрного развития России... С. 81–82.

- Serbina K. N.* Oчерки iz sotsial'no-ekonomicheskoi istorii russkogo goroda. Tikhvinskii posad v XVI–XVIII vv. M.; L., 1951.
- Shaskol'skii I. P.* Shvedskaya interventsiya v Karelii v nachale XVII v. Petrozavodsk, 1950.
- Sobranie gosudarstvennykh gramot i dogovorov, khranyashchikhsya v Gosudarstvennoi kollegii inostrannykh del. M., 1822. Ch. 3.
- Veselovskii S. B.* D'yaki i pod'yachie XV–XVII vv. M., 1975.
- Veselovskii S. B.* Soshnoe pis'mo. M., 1916. T. 2.
- Vitov M. V.* Istoriko-geograficheskie oчерki Zaonezh'ya XVI–XVII vv. Iz istorii sel'skikh poselenii. M., 1962.
- Vitov M. V.* Problemy sostavleniya kart poselenii XV–XVII vv. po dannym pistsovykh i perepisnykh knig (Na primere Shungskogo pogosta Obonezhskoi pyatiny) // Problemy istochnikovedeniya. T. 5. M., 1956.
- Vremennik imperatorskogo Moskovskogo obshchestva istorii i drevnostei rossiiskikh. T. 2. M., 1849.
- Zakonodatel'nye akty Russkogo gosudarstva vtoroi poloviny XVI — pervoi poloviny XVII v. L., 1986.

Список литературы

- Акты писцового дела. Материалы для истории кадастра и прямого обложения в Московском государстве. Т. 2. Вып. 1. М., 1917.
- Бернадский В. Н.* Новгород и Новгородская земля в XV веке. М.; Л., 1961.
- Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М., 1975.
- Веселовский С. Б.* Сошное письмо. М., 1916. Т. 2.
- Витов М. В.* Проблемы составления карт поселений XV–XVII вв. по данным писцовых и переписных книг (На примере Шунгского погоста Обонежской пятины) // Проблемы источниковедения. Т. 5. М., 1956.
- Витов М. В.* Историко-географические очерки Заонежья XVI–XVII вв. Из истории сельских поселений. М., 1962.
- Временник императорского Московского общества истории и древностей российских. Т. 2. М., 1849.
- Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII в. Л., 1986.
- История Карелии XVI–XVII вв. в документах. Вып. 3. Петрозаводск; Йоэнсуу, 1993.
- Каталог писцовых книг Русского государства. Вып. 2. Писцовые книги Новгородской земли. М., 2004.
- Курбатов О. А.* Военная история русской смуты начала XVII века. М., 2014.
- Курбатов О. А.* Тихвинское осадное сидение 1613 г. М., 2006.
- Материалы по истории Успенского Тихвинского монастыря. Вып. 1. Акты и материалы писцового дела. Ч. 1. 1560–1644 гг. СПб., 2015.
- Милов Л. В., Булгаков М. Б., Гарскова И. М.* Тенденции аграрного развития России первой половины XVII столетия. М., 1986.
- Мюллер Р. Б.* Заонежские погосты // Аграрная история Северо-Запада России XVI века. Новгородские пятины. Л., 1974. С. 241–260.
- Мюллер Р. Б.* Борьба крестьян Шунгского погоста с Тихвинским монастырем (В свете изучения имущественного расслоения крестьян) // Исторические записки. Т. 43. М., 1953. С. 237–245.
- Мюллер Р. Б.* Очерки по истории Карелии XVI–XVII вв. Петрозаводск, 1947.
- Петров К.* Составители писцовых книг Обонежской пятины // Памятная книжка Олонецкой губернии 1868–1869 гг. Петрозаводск, 1869. С. 117–119.
- Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. Л., 1930.
- Рабинович Я. Н.* Малые города Новгородской земли в Смутное время. Великий Новгород, 2013.
- Селин А. А.* Новгородское общество в эпоху Смуты. СПб., 2008.
- Сербина К. Н.* Очерки из социально-экономической истории русского города. Тихвинский посад в XVI–XVIII вв. М.; Л., 1951.
- Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. М., 1822. Ч. 3.
- Чернякова И. А.* Крестьяне Олонцкого края в XVII веке: Дис. ... канд. ист. наук. Л., 1988.
- Шаскольский И. П.* Шведская интервенция в Карелии в начале XVII в. Петрозаводск, 1950.

З. В. Дмитриева

Александр Ильич Копанев как археограф¹

Александр Ильич Копанев хорошо известен как историограф крестьянства Русского Севера, как историк, развивавший точку зрения своего учителя И. И. Смирнова об особом статусе северного крестьянства². Эта сторона творчества ученого отодвигает на второй план его деятельность как археографа, подготовившего к изданию сотни листов сложнейших текстов³. Вместе с тем А. И. многие годы возглавлял Ленинградское отделение Археографической комиссии Академии наук, и даже беглое знакомство с его публикациями, а их более 20, поражает разнообразием его археографических интересов. Всё изданное ученым можно сгруппировать в три основных блока: 1) акты и юридические памятники; 2) материалы по истории крестьянства, в том числе мирская документация по определению тяглоспособности черносошных крестьян, северные писцовые книги и сотницы; 3) нарративные памятники.

¹ В основе статьи лежит доклад, прочитанный на заседании XIX Всероссийской научной конференции «Писцовые книги и другие массовые источники XVI–XXI вв.: к 100-летию со дня рождения Александра Ильича Копанева», проходившей в Санкт-Петербурге 1–4 июня 2015 г.

² Подробно об этом см.: *Швейковская Е. Н.* Александр Ильич Копанев (1915–1990): служебные истории (см. данный номер журнала, с. 139–154); *Алексеев Ю. Г.* История русского крестьянства глазами Александра Ильича Копанева // Александр Ильич Копанев. Сборник статей и воспоминаний. СПб., 1992. С. 28–35.

³ Об участии А. И. Копанева в археографических экспедициях см.: *Амосов А. А.* А. И. Копанев и традиции полевой археографии в Библиотеке Академии наук // Александр Ильич Копанев. Сборник статей и воспоминаний. С. 41–52; *Бубнов Н. Ю.* А. И. Копанев. Воспоминания о совместных археографических экспедициях. Там же. С. 83–89.

Как археограф А. И. формируется в феодальной группе ЛОИИ, куда он приходит в 1945 г. Он сразу же включается в работу по подготовке изданий, осуществляемых сотрудниками института. Уже в 1947 г. вышло в свет академическое издание второго тома «Правды Русской», где А. И. Копанев совместно с Б. А. Романовым составил предметно-терминологический, именной и географический указатели⁴. В эти же годы под руководством С. Н. Валка велась археографическая работа по подготовке к изданию древнейших актов Великого Новгорода и Пскова. А. И. готовил тексты и указатели⁵.

С конца 1940-х гг. ленинградские и московские историки готовили фундаментальное академическое издание «Судебники XV–XVI веков»⁶. А. И. Копанев под руководством И. И. Смирнова пишет комментарии к Судебнику 1589 г. и совместно с З. Н. Савельевой составляет указатели под редакцией С. Н. Валка⁷. А. А. Зимин назвал комментарии А. И. «лучшими в издании судебныхников» и отметил источниковедческие изыскания при их составлении: «...он вскопал огромный фонд рукописей, благодаря чему показал реальность отношений, зафиксированных в этом странном памятнике»⁸.

После выхода в свет «Судебников» А. И. издает ряд законодательных актов. В 1953 г. вышла в свет уставная грамота крестьянам Двинского уезда 25 февраля 1552 г. Отмечая значение документа как исторического источника, А. И. пишет, что «каждая уставная земская грамота содержит богатый материал, характеризующий те исторические условия, в которых проходила одна из важнейших реформ 50-х годов XV в.»⁹. В конце 1950-х — 1960-х гг. А. И. подготовил серию законодательных актов для «Памятников русского права», в том числе указные книги московских приказов, законодательство феодального землевладения и др.¹⁰

⁴ Правда Русская. Комментарии / Под ред. Б. Д. Грекова. Т. 2. М.; Л., 1947. С. 754–818.

⁵ Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Под ред. С. Н. Валка. М.; Л., 1946 (совм. с В. Г. Гейманом, Н. А. Казаковой, Г. Е. Кочиним, Р. Б. Мюллер, Е. А. Рыздзевской); сост. указателей. С. 345–389.

⁶ Судебники XV–XVI вв. / Подготовка текстов Р. Б. Мюллер и Л. В. Черепнина; под общ. ред. Б. Д. Грекова. М.; Л., 1952.

⁷ Комментарии к Судебнику 1589 г. // Судебники XV–XVI вв. С. 415–562; указатели к судебникам (имен, слов, географический, предметный) (совместно с З. Н. Савельевой). С. 565–617. О дискуссиях в ходе подготовки комментариев к Судебнику см.: *Панель В. М.* А. И. Копанев и академическое издание Судебника 1589 г. // Александр Ильич Копанев. Сборник статей и воспоминаний. С. 23–27.

⁸ Судьбы творческого наследия отечественных историков второй половины XX века / Сост. А. Л. Хорошкевич. М., 2015. С. 117.

⁹ *Копанев А. И.* Уставная грамота крестьянам трех волостей Двинского уезда 25 февраля 1552 г. // Исторический архив. Вып. 8. М., 1953. С. 7.

¹⁰ Указная книга Поместного приказа / Подготовка текста и комментарии А. И. Копанева // Памятники периода сословно-представительной монархии первой половины XVII в. (Памятники русского права / Под ред. Л. В. Черепнина. Вып. 5). М., 1959. С. 429–532; Указная книга Ямского приказа / подготовка текста и комментарии А. И. Копанева //

Александр Ильич как публикатор, несомненно, находился под влиянием идей И. И. Смирнова, для которого издание источника непосредственно было связано с источниковедческими изысканиями и установлением степени достоверности публикуемых текстов: выявление цели и назначения документа, происхождение того или иного известия¹¹. «Важным и эффективным приемом критики источников с целью установления достоверности их показаний, — писал И. И. Смирнов, — является сопоставление независимых друг от друга источников», но «методы критического анализа источников, естественно, должны видоизменяться в зависимости от типа источников...»¹². Под руководством учителя А. И. в 1959 г. подготовил сборник документов «Восстание И. Болотникова» (совместно с А. Г. Маньковым). В 1961 г. вышла в свет на русском и немецком языках «Московская хроника Буссова»¹³. Концепция издания Хроники, выбор основного текста, характер комментариев были определены И. И. Смирновым. Им же во введении к публикации обстоятельно представлены история происхождения и издания памятника, историография его изучения, дан полный перечень редакций¹⁴. А. И. Копанев помимо текста подготовил археографическое введение, куда включил характеристику всех привлекаемых в издании списков. Комментарии, написанные совместно с М. В. Кукушкиной, являются самостоятельным исследованием по истории России. Тексты комментируются с привлечением всей историографии вопроса, а для выявления достоверности упомянутых Буссовым фактов привлечены источники, хронологически близкие событиям Хроники, с 1584 по 1613 г. Параллельно с Хроникой Буссова А. И. готовит к печати материалы из другой эпохи: проекты и записки М. М. Сперанского¹⁵.

В середине 1960-х гг. А. И. обращается к крестьянской проблематике и участвует в работе вологодских и московских археографов по выявлению и подготовке к изданию материалов по истории крестьянства XVI–XVII вв., в том числе известных веревных книг¹⁶. Почти одновременно с этой работой А. И. готовит

Там же. С. 535–554; Законодательство и акты феодального землевладения / Подг. текста и комментарии А. И. Копанева // Памятники права периода создания абсолютной монархии второй половины XVII в. (Памятники русского права / Под ред. Л. В. Черепнина. Вып. 7) М., 1963. С. 35–178; Законодательство о центральном и местном управлении / Подготовка текста и комментарии А. И. Копанева. Там же. С. 361–389.

¹¹ *Смирнов И. И.* Обзор источников о восстании Болотникова // Восстание И. Болотникова. Документы и материалы / Составители А. И. Копанев, А. Г. Маньков. М., 1959. С. 9, 11.

¹² Там же. С. 13, 14.

¹³ *Конрад Буссов.* Московская хроника. 1584–1613 / Отв. ред. И. И. Смирнов. М.; Л., 1961. 400 с.; комментарии (совместно с М. В. Кукушкиной). С. 335–388.

¹⁴ *Смирнов И. И.* Конрад Буссов. Московская хроника. С. 5–62.

¹⁵ *Сперанский М. М.* Проекты и записки / Подготовка текста А. И. Копанева, М. В. Кукушкиной; под ред. С. Н. Валка. М., Л., 1961.

¹⁶ *Копанев А. И.* 1) Материалы по истории крестьянства конца XVI и первой половины XVII в.: Записная книга старых крепостей 1598 г., Оценная книга Кемской волости с волостками 30-х годов XVII в. // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописной

к изданию в соавторстве с В. Х. Бориско дневниковые записки дмитровского купца И. А. Толченова со второй половины XVIII в. до 1812 г. Записки вышли в свет в 1974 г. под редакцией Н. И. Павленко¹⁷. Помимо текста А. И. написал археографическое введение, в котором дана внешняя критика источника, в том числе указаны филигранные и переплет, а также установлена его подлинность.

Характеризуя археографическую деятельность А. И., следует отметить не только разнообразие видов опубликованных им источников, но и различные формы их издания. Он участвовал в подготовке фундаментальных академических изданий, таких как упомянутые уже «Правда Русская», «Судебники», «Хроника». Сборник документов о восстании И. И. Болотникова был издан как хрестоматия, а дневниковые записки И. А. Толмачева вышли в свет с сокращениями. В том и другом случаях причины выбора типа издания были обоснованы составителями.

В 1970-х гг. А. И. участвовал в издании массовых источников в форме регестов. Он не был инициатором такой формы опубликования текстов. Это была тенденция в археографии того времени. Ее прежде всего поддержали историки, изучающие массовые источники XIX в., в том числе Б. Г. Литвак¹⁸. Можно назвать две основные причины обращения к сокращенной передаче текстов: 1) необходимость введения в научный оборот значительной по объему и повторяющейся по содержанию документации, 2) ограниченные издательские возможности научных институтов. Формам издания массовых источников были посвящены Тихомировские чтения 1976 г. А. И. Копанев выступил с докладом, в котором обосновал необходимость и возможность передачи табличным способом текстов писцовых и переписных книг, показал давнюю традицию изложения содержания документов в виде таблиц. «В русской археографической практике, — писал Александр Ильич, — исторические памятники печатались в извлечениях в исторических трудах, в специальных изданиях еще в XVIII в.»¹⁹, а в XIX–XX вв. сок-

и редкой книги Библиотеки Академии наук СССР. М.; Л. 1966. С. 143–198; 2) Платежная книга Двинского уезда 1560 г. // Аграрная история Европейского Севера. Вологда, 1970. С. 514–536; 3) Веревная книга Паниловской волости 1612 г. // Материалы по истории Европейского Севера СССР. Северный археографический сборник. Вып. 3. Вологда, 1973. С. 380–401; 4) Веревные книги конца XVII в. // Материалы по истории крестьянского хозяйства и повинностей XVI–XVII вв. Вып. 4. М.; Л., 1977. С. 349–434. Об использовании А. И. Копаневым опубликованных сотных из писцовых книг, платежных, веревных книг и других документальных материалов при разработке концепции истории русского крестьянства XVI–XVII вв. см.: Швейковская Е. Н. Александр Ильич Копанев (1915–1990): служение истории.

¹⁷ Журнал или записка жизни и приключений купца Ивана Алексеевича Толмачева / Подготовка текста А. И. Копанева, В. Х. Бориско; отв. ред. Н. И. Павленко. М., 1974.

¹⁸ Литвак Б. Г. Приемы формализации содержания массовой документации и регесты (по материалам XIX в.) // Археографический ежегодник за 1977 год. М., 1978. С. 226–232.

¹⁹ Доклад напечатан: Копанев А. И. О сокращенных изданиях массовых источников XVII в. // Археографический ежегодник за 1977 год. С. 221–225.

ращенный тип издания поддерживали известные историки и археографы (П. М. Строев, Я. И. Беренников, С. А. Шумаков, С. Н. Валк, Г. А. Белов, П. А. Колесников, М. В. Витов, И. В. Власова, Я. Е. Водарский, Н. П. Воскобойникова и др.)²⁰. В докладе А. И. указал на несколько важнейших требований, соблюдение которых необходимо при выборе сокращенного издания источника. Он писал, что «исследователь, пользующийся этим изданием, должен иметь общее и точное представление о подлиннике», подробная легенда «должна предшествовать каждому документу», в ней «должна быть оговорена разновидность сводимость в таблицу документов, даны сведения о характере отраженного в таблицах цифрового материала», а также «должны быть обоснованы принципы выборки материала и охарактеризован оставшийся вне издания материал»²¹. Исследователь, подчеркивал А. И., «должен ясно знать, какие утраты несет данное издание по сравнению с подлинником»²².

Доклад вызвал резкую критику со стороны присутствовавших историков²³. В письме Н. П. Воскобойниковой от 10 июля А. И. писал: «Как Вы, вероятно, слышали, мой доклад на Тихомировских чтениях 17.06 о сокращенных изданиях вызвал возражения со стороны Павлова-Сильванского и Кучкина. Оба сомневаются²⁴ в их целесообразности, так как сокр[ашенные]²⁵ изд[ания] не доносят всего значения памятника. Особенно напирала на политическое и социальное-экономическое значение памятников, мол, это нельзя передать. Мол, Вы передаете только экономику (словно это не социальное-экономическая часть истории — демография, социальные процессы в поселении, социальные группы), а это, мол, недостаточно. Павл[ов]-Сильв[анский] даже воскликнул — потомки не простят. Но я в заключении сказал: всё равно пробовать надо, и мы попробуем дать сокращенно 3 памятника — Вы, Победимова и я — писцовую кн[игу], платежницу и веревные кн[иги]»²⁶. При подготовке издания возникло множество вопросов по передаче текста табличным способом. В этом же письме Н. П. Воскобойниковой А. И. восклицал: «Адская работа, конечно, лучше бы издать целиком»²⁷. Однако составителям удалось выработать единые принципы составления регестов, и в 1977 г. вышел в свет сборник материалов по истории

²⁰ Там же. С. 221–224.

²¹ Там же. С. 225.

²² Там же.

²³ Материалы Тихомировских чтений, в том числе дискуссии, были также напечатаны в 1978 г. в Археографическом ежегоднике за 1977 г. С. 221–252.

²⁴ Подчеркнуто А. И. Копаневым.

²⁵ Здесь и далее в тексте письма в квадратных скобках раскрыты сокращенные слова.

²⁶ 1976 г. июля 10. — Письмо А. И. Копанева Н. П. Воскобойниковой // Архив СПбИИ РАН. Личный фонд А. И. Копанева. Письма. Л. 1, 1 об.

²⁷ Там же. Л. 2.

крестьянского хозяйства и повинностей, куда вошли платежница²⁸, писцовая книга Кеврольского уезда 1623 г.²⁹ и веревные книги вотчин двинских монастырей: Николо-Корельского 1685 г. и Архангельского 1690 г.³⁰ (ротапринт).

Несмотря на трудности, которые возникали при подготовке сокращенных изданий, и далеко не лестные оценки этого типа публикаций массовых источников, в 1982 г. в серии «Хозяйство крепостного крестьянина XVII в.» А. И. Копанев совместно с Д. И. Петрикеевым ротапринтом издает переписную книгу села Лыскова 1672 г.³¹

Все публикации Александра Ильича, независимо от вида документа и формы издания, характеризуются не только тщательностью подготовки текста, источниковедческими изысканиями и комментариями. Важно подчеркнуть, что А. И. на все издания смотрел глазами историка, понимавшего значение своей работы для будущего исторического исследования. Это можно показать на примере введения в научный оборот одной рукописи, хранящейся в Рукописном отделе БАН: «Оценной книги Кемской волости с волостками 30-х годов XVII в.»³². А. И. Копанев относит ее к «уникальным» документам для раскрытия системы раскладки государственных налогов внутри волости и роли мира в определении доли платежей каждого крестьянского двора. Помимо обстоятельного введения, где дана характеристика рукописи, археограф объясняет сложнейшую для понимания текста терминологию: что такое «голова», «лук», «копна», «сойма», «ладья», «весновское судно», т.е. раскрывает для исследователя содержание документа.

В 1980-х гг. А. И. Копанев выступил в качестве ответственного редактора в ряде изданий самых разных по характеру исторических источников³³. Среди

²⁸ Платежница Деревской пятины 1558 г. (подготовка текста Г. А. Победимовой) // Материалы по истории крестьянского хозяйства и повинностей XVI–XVII вв. / Сост.: Н. П. Воскобойникова, А. И. Копанев, Г. А. Победимова; отв. ред. А. Г. Маньков. Вып. 1. М.; Л., 1977. Вып. 1. С. 5–88.

²⁹ Писцовая книга Кеврольского уезда 1623 г. / Подг. Н. П. Воскобойниковой // Там же. Вып. 2, 3. С. 89–347.

³⁰ Веревные книги конца XVII в. / Подготовка А. И. Копанева // Там же. Вып. 4. С. 349–434.

³¹ Хозяйство крепостного крестьянина XVII в.: Переписная книга 1672 г. по селу Лыскову с приселками и деревнями / Сост.: А. И. Копанев, Д. И. Петрикеев; отв. ред. А. Г. Маньков. М.; Л., 1982. Вып. 1–2.

³² Оценная книга Кемской волости с волостками 30-х годов XVII в. // Материалы сообщения по фондам Отдела рукописей и редкой книги Библиотеки Академии наук СССР. М.; Л., 1966. С. 188–198.

³³ Документы по истории народа коми. Писцовые и переписные книги Яренского уезда XVII в. / Сост. Н. П. Воскобойникова и М. А. Мацук; отв. ред. А. И. Копанев. Сыктывкар, 1985; История Карелии XVI–XVII вв. в документах; Asia Kirjoa Karjalan historiasta / Сост.: Г. М. Коваленко, И. А. Чернякова; отв. ред. А. Г. Маньков, А. И. Копанев. Петрозаводск; Йоенсуу, 1987; Акты социально-экономической истории Севера России конца XV – XVI в.: Акты Соловецкого монастыря. 1479–1571 / Сост. И. З. Либерзон; отв. ред. А. И. Копанев. Л., 1988.

поддержанных А. И. начинаний были весьма неожиданные для его творчества. Дело в том, что он как археограф «старой школы» не увлекался одним из новых направлений в источниковедении 1970-х гг. — кодикологией. В частных беседах со мной он с иронией отзывался о моих пристрастиях, как он говорил, «к верже и понтюзо». Однако ученый был человеком широких взглядов и поэтому согласился быть научным руководителем кандидатской работы Е. М. Шварц, посвященной кодикологическому исследованию рукописей Софийско-Новгородского собрания Публичной библиотеки. Диссертация была успешно защищена, а в 1989 г. ее доработанный вариант был опубликован под редакцией А. И. под грифом Ленинградского отделения Археографической комиссии РАН³⁴. Основу этой книги составил альбом филигранных³⁵. Во введении Е. М. Шварц на материалах Софийско-Новгородского собрания представила методику датирования бумажных кодексов и локализацию памятника по набору филигранных, что было новым и перспективным направлением в российском источниковедении³⁶.

Введение в научный оборот исторических источников оставалось заботой Александра Ильича до конца 1980-х гг. В 1989 г. были опубликованы уникальные материалы по истории северного крестьянства: описи, в том числе оценочная, хозяйства и имущества крестьянина Чухченемской волости Двинского уезда 1648 г.³⁷

Представленный обзор публикаторской деятельности Александра Ильича Копанева свидетельствует, что он был известным археографом, способным лопать устоявшиеся в археографии традиции и поддерживал новаторские начинания коллег и учеников.

References

- Akty social'no-jekonomicheskoj istorii Severa Rossii konca XV — XVI v.: Akty Soloveckogo monastyrya. 1479–1571 / Sost. I. Z. Liberzon; otv. red. A. I. Kopanev. L., 1988.
- Alekseev Ju. G. Istorija russkogo krest'janstva glazami Aleksandra Il'icha Kopaneva // Aleksandr Il'ich Kopanev. Sbornik statej i vospominanij. SPb., 1992. S. 28–35.
- Amosov A. A. A. I. Kopanev i tradicii polevoj arheografii v Biblioteke Akademii nauk // Aleksandr Il'ich Kopanev. Sbornik statej i vospominanij. SPb., 1992. S. 41–52.
- Bubnov N. Ju. A. I. Kopanev. Vospominanija o sovместnyh arheograficheskikh jekspedicijah // Aleksandr Il'ich Kopanev. Sbornik statej i vospominanij. SPb., 1992. S. 83–89.
- Dokumenty po istorii naroda komi. Piscovyje i perepisnye knigi Jarenskogo uezda XVII v. / Sost.: N. P. Voskoboynikova, M. A. Macuk; pod red. A. I. Kopaneva. Syktyvkar, 1985.
- Gramoty Velikogo Novgoroda i Pskova / Pod red. S. N. Valka. M.; L., 1949.

³⁴ Шварц Е. М. Новгородские рукописи XV века. Кодикологическое исследование рукописей Софийского-Новгородского собрания Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина / Отв. ред. А. И. Копанев. М.; Л., 1989.

³⁵ Там же. С. 67–200.

³⁶ Там же. С. 3–65.

³⁷ Копанев А. И., Дмитриева З. В. Хозяйство и имущество северного крестьянина в 1648 году // Культура Европейского Севера России (дооктябрьский период). Вологда, 1989. С. 81–95.

- Hozjajstvo krepostnogo krest'janina XVII v.: Perepisnaja kniga 1672 g. po selu Lyskovu s priselkani i derevnjami / Sost.: A. I. Kopanev, D. I. Petrikeevev; otv. red. A. G. Man'kov. M.; L., 1982. Vyp. 1–2.
- Istorija Karelii XVI–XVII vv. v dokumentah; Asia Kirjoa Karjalan historiasta / Sost.: G. M. Kovalenko, I. A. Chernjakova; pod red. A. G. Man'kova i A. I. Kopaneva. Petrozavodsk; Joensuu, 1987.
- Konrad Bussow*. Moskovskaja hronika. 1584–1613 / Otv. red. I. I. Smirnov. M.; L., 1961.
- Kopanev A. I.* Verevnaja kniga Panilovskoj volosti 1612 g. // Materialy po istorii Evropejskogo Severa SSSR. Severnyj arheograficheskij sbornik. Vyp. 3. Vologda, 1973. S. 380–401.
- Kopanev A. I.* Verevnye knigi konca XVII v. Materialy po istorii Evropejskogo Severa SSSR. Severnyj arheograficheskij sbornik. M., L., 1977. Vyp. 4. S. 349–434.
- Kopanev A. I.* Kurostrovskie stolbcy XVI v. Materialy po istorii Evropejskogo Severa SSSR. Severnyj arheograficheskij sbornik. Vyp. 1. Vologda, 1970. S. 398–431.
- Kopanev A. I.* Materialy po istorii krest'janstva konca XVI i pervoj poloviny XVII v.: Zapisnaja kniga staryh krepostej 1598 g., Ocennaja kniga Kemskoj volosti s volostkami 30-h godov XVII v. // Materialy i soobshhenija po fondam Otdela rukopisnoj i redkoj knigi Biblioteki Akademii nauk SSS. M.; L. 1966. S. 143–198.
- Kopanev A. I.* O sokrashennyh izdanijah massovyh istochnikov XVII v. // Arheograficheskij ezhegodnik za 1977 god. S. 221–225.
- Kopanev A. I.* Ustavnaja gramota krest'janam treh volostej Dvinskogo uezda 25 fevralja 1552 g. // Istoricheskij arhiv. Vyp. 8. M., 1953. S. 7–20.
- Kopanev A. I., Dmitrieva Z. V.* Hozjajstvo i imushhestvo severnogo krest'janina v 1648 godu // Kul'tura Evropejskogo Severa Rossii (dooktjabr'skij period). Vologda, 1989. S. 81–95.
- Litvak B. G.* Priemy formalizacii soderzhanija massovoj dokumentacii i registry (po materialam XIX v.) // Arheograficheskij ezhegodnik za 1977 god. M., 1978. S. 226–232.
- Panejah V. M.* A. I. Kopanev i akademicheskoe izdanie Sudebnika 1589 g. // Aleksandr Il'ich Kopanev. Sbornik statej i vospominanij. SPb., 1992. S. 23–27.
- Piscovaja kniga Kevrol'skogo uezda 1623 g. (podgotovka teksta N. P. Voskoboynikovoj) // Materialy po istorii krest'janskogo hozjajstva i povinnostej XVI–XVII vv. / Sost.: N. P. Voskoboynikova, A. I. Kopanev, G. A. Pobedimova; otv. red. A. G. Man'kov. Vyp. 2, 3. M.; L., 1977. S. 89–347.
- Platezhnaja kniga Dvinskogo uezda 1560 g. / Podg. A. I. Kopaneva // Agrarnaja istorija Evropejskogo Severa. Vologda, 1970. S. 514–536.
- Platezhnica Derevskej pjatiny 1558 g. // Materialy po istorii krest'janskogo hozjajstva i povinnostej XVI–XVII vv. / Sost.: N. P. Voskoboynikova, A. I. Kopanev, G. A. Pobedimova; otv. red. A. G. Man'kov. Vyp. 1. M.; L., 1977. S. 5–88.
- Pravda Russkaja. Kommentarii. T. 2. M.; L., 1947.
- Shvarc E. M.* Novgorodskie rukopisi XV veka. Kodikologicheskoe issledovanie rukopisej Sofijsko-Novgorodskogo sobranija Gosudarstvennoj publichnoj biblioteki im. M. E. Saltykova-Shhedrina / Otv. red. A. I. Kopanev. M.; L., 1989.
- Speranskij M. M.* Proekty i zapiski / Podg. A. I. Kopanev, M. V. Kukushkina; pod. red. S. N. Valka. M.; L., 1961.
- Sud'by tvorcheskogo nasledija otechestvennyh istorikov vtoroj poloviny XX veka / Sost. A. L. Horoshkevich. M., 2015.
- Sudebniki XV–XVI vv. / Podg. R. B. Mjuller, L. V. Cherepnina; pod obshh. red. B. D. Grekova. M.; L., 1952.
- Ukaznaja kniga Pomestnogo prikaza / Podg. teksta i kommentarii A. I. Kopaneva // Pamjatniki perioda soslovno-predstavitel'noj monarii pervoj poloviny XVII v. (Pamjatniki russkogo prava. Vyp. 5 / Pod red. L. V. Cherepnina). M., 1959. S. 429–532.
- Ukaznaja kniga Jamskogo prikaza / Podg. teksta i kommentarii A. I. Kopaneva // Pamjatniki perioda soslovno-predstavitel'noj monarii pervoj poloviny XVII v. (Pamjatniki russkogo prava. Vyp. 5 / Pod red. L. V. Cherepnina). M., 1959. S. 535–554.
- Voskoboynikova M. A.* Macuk / Pod red. A. I. Kopaneva. Syktyvkar, 1985.
- Zakonodatel'stvo i akty feodal'nogo zemlevladienija (podgotovka teksta i kommentarii) // Pamjatniki prava perioda sozdanija absoljutnoj monarii: vtoraja polovina XVII v. (Pamjatniki russkogo prava. Vyp. 7 / Pod red. L. V. Cherepnina). M., 1963. S. 35–178.
- Zakonodatel'stvo o central'nom i mestnom upravlenii // Pamjatniki prava perioda sozdanija absoljutnoj monarii: vtoraja polovina XVII v. (Pamjatniki russkogo prava. Vyp. 7 / Pod red. L. V. Cherepnina). M., 1963. S. 361–389.
- Zimin A. A., Kopanev A. I.* Materialy po istorii Vymskoj i Vyhegodskoj zemli XVI v. // Materialy po istorii Evropejskogo Severa SSSR. Severnyj arheograficheskij sbornik. Vyp. 1. Vologda, 1970. S. 432–486.

- Zhurnal ili zapiska zhizni i prikljuchenij kupca Ivana Alekseevicha Tolmacheva. M., 1974.
- Список литературы**
- Акты социально-экономической истории Севера России конца XV–XVI в.: Акты Соловецкого монастыря. 1479–1571 / Сост. И. З. Либберзон; отв. ред. А. И. Копанев. Л., 1988.
- Алексеев Ю. Г.* История русского крестьянства глазами Александра Ильича Копанева // Александр Ильич Копанев. Сборник статей и воспоминаний. СПб., 1992. С. 28–35.
- Амосов А. А. А. И.* Копанев и традиции полевой археографии в Библиотеке Академии наук // Александр Ильич Копанев. Сборник статей и воспоминаний. СПб., 1992. С. 41–52.
- Бубнов Н. Ю. А. И.* Копанев. Воспоминания о совместных археографических экспедициях // Александр Ильич Копанев. Сборник статей и воспоминаний. СПб., 1992. С. 83–89.
- Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Под ред. С. Н. Валка. М.; Л., 1949.
- Документы по истории народа коми. Писцовые и переписные книги Яренского уезда XVII в. / Сост.: Н. П. Воскобойникова, М. А. Мацук; под ред. А. И. Копанева. Сыктывкар, 1985.
- Журнал или записка жизни и приключений купца Ивана Алексеевича Толмачева. М., 1974.
- Законодательство и акты феодального землевладения (подготовка текста и комментарии) // Памятники права периода создания абсолютной монархии: вторая половина XVII в. (Памятники русского права. Вып. 7 / Под ред. Л. В. Черепнина). М., 1963. С. 35–178.
- Законодательство о центральном и местном управлении // Памятники права периода создания абсолютной монархии: вторая половина XVII в. (Памятники русского права. Вып. 7 / Под ред. Л. В. Черепнина). М., 1963. С. 361–389.
- Зимин А. А., Копанев А. И.* Материалы по истории Вымской и Вычегодской земли XVI в. // Материалы по истории Европейского Севера СССР. Северный археографический сборник. Вып. 1. Вологда, 1970. С. 432–486.
- История Карелии XVI–XVII вв. в документах; AsiaKirjoaKarjalanhistoriasta / Сост.: Г. М. Коваленко, И. А. Чернякова; под ред. А. Г. Манькова и А. И. Копанева. Петрозаводск; Йоенсуу, 1987.
- Конрад Буссов*. Московская хроника. 1584–1613 / Оtv. ред. И. И. Смирнов. М.; Л., 1961.
- Копанев А. И.* Веревные книги Паниловской волости 1612 г. // Материалы по истории Европейского Севера СССР. Северный археографический сборник. Вып. 3. Вологда, 1973. С. 380–401.
- Копанев А. И.* Веревные книги конца XVII в. Материалы по истории Европейского Севера СССР. Северный археографический сборник. Вып. 4. М., Л., 1977. С. 349–434.
- Копанев А. И.* Куростровские столбцы XVI в. Материалы по истории Европейского Севера СССР. Северный археографический сборник. Вып. 1. Вологда, 1970. С. 398–431.
- Копанев А. И.* Материалы по истории крестьянства конца XVI и первой половины XVII в.: Записная книга старых крепостей 1598 г., Оценная книга Кемской волости с волостками 30-х годов XVII в. // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописной и редкой книги Библиотеки Академии наук СССР. М.; Л., 1966. С. 143–198.
- Копанев А. И.* О сокращенных изданиях массовых источников XVII в. // Археографический ежегодник за 1977 год. С. 221–225.
- Копанев А. И.* Уставная грамота крестьянам трех волостей Двинского уезда 25 февраля 1552 г. // Исторический архив. Вып. 8. М., 1953. С. 7–20.
- Копанев А. И., Дмитриева З. В.* Хозяйство и имущество северного крестьянина в 1648 году // Культура Европейского Севера России (дооктябрьский период). Вологда, 1989. С. 81–95.
- Литвак Б. Г.* Приемы формализации содержания массовой документации и registry (по материалам XIX в.) // Археографический ежегодник за 1977 год. М., 1978. С. 226–232.
- Панях В. М. А. И.* Копанев и академическое издание Судебника 1589 г. // Александр Ильич Копанев. Сборник статей и воспоминаний. СПб., 1992. С. 23–27.
- Писцовая книга Кеврольского уезда 1623 г. / Подготовка текста Н. П. Воскобойниковой // Материалы по истории крестьянского хозяйства и повинностей XVI–XVII вв. / Сост.: Н. П. Воскобойникова, А. И. Копанев, Г. А. Победимова; отв. ред. А. Г. Маньков. Вып. 2, 3. М.; Л., 1977. С. 89–347.
- Платежная книга Двинского уезда 1560 г. / Подг. А. И. Копанева // Аграрная история Европейского Севера. Вологда, 1970. С. 514–536.
- Платежница Деревской пятины 1558 г. // Материалы по истории крестьянского хозяйства и повинностей XVI–XVII вв. / Сост.: Н. П. Воскобойникова, А. И. Копанев, Г. А. Победимова; отв. ред. А. Г. Маньков. Вып. 1. М.; Л., 1977. С. 5–88.
- Правда Русская. Комментарий. Т. 2. М.; Л., 1947.

Сперанский М. М. Проекты и записки / Подг. А. И. Копанева, М. В. Кукушкиной; под ред. С. Н. Валка. М.; Л., 1961.

Судебники XV–XVI вв. / Подг. Р. Б. Мюллер, Л. В. Черепниной; под общ. ред. Б. Д. Грекова. М.; Л., 1952.

Судьбы творческого наследия отечественных историков второй половины XX века / Сост. А. Л. Хорошкевич. М., 2015.

Указная книга Поместного приказа / Подг. текста и комментарии А. И. Копанева // Памятники периода сословно-представительной монархии первой половины XVII в. (Памятники русского права. Вып. 5 / Под ред. Л. В. Черепнина). М., 1959. С. 429–532.

Указная книга Ямского приказа / Подг. текста и комментарии А. И. Копанева // Памятники периода сословно-представительной монархии первой половины XVII в. (Памятники русского права. Вып. 5 / Под ред. Л. В. Черепнина). М., 1959. С. 535–554.

Хозяйство крепостного крестьянина XVII в.: Переписная книга 1672 г. по селу Лыскову с приселками и деревнями / Сост.: А. И. Копанев, Д. И. Петрикеев; отв. ред. А. Г. Маньков. М.; Л., 1982. Вып. 1–2.

Шварц Е. М. Новгородские рукописи XV века. Кодикологическое исследование рукописей Софийско-Новгородского собрания Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина / Отв. ред. А. И. Копанев. М.; Л., 1989.

П. В. Кононов

Монастырские слуги по приходо-расходным книгам Соловецкого монастыря XVI в.¹

Монастырские слуги — категория лиц, работавших в монастырском хозяйстве и обслуживавших монастырь. Она составляла отдельную социальную группу. Под социальными группами подразумеваются относительно устойчивые совокупности людей, имеющих общие интересы, ценности и нормы поведения, складывающиеся в рамках исторически определенного общества².

Монастырские слуги составляли значительную часть насельников монастырей. В настоящей статье предпринята попытка показать возможность изучения этой социальной категории на основе хозяйственных книг Соловецкого монастыря. Для анализа взяты приходо-расходные денежные книги XVI в. — массовые источники, раскрывающие хозяйственную деятельность обители; они опубликованы Е. Б. Францужовой в 2013 г.³ До наших дней сохранились двадцать приходо-расходных книг, с 1571 по 1599 г. Они делятся на книги казначеев Соловецкого монастыря и книги старцев вологодской службы, кроме того, в научный оборот введена одна книга старца московского подворья Архипа.

¹ В основе статьи лежит доклад, прочитанный на заседании XIX Всероссийской научной конференции «Писцовые книги и другие массовые источники XVI–XXI вв.: к 100-летию со дня рождения Александра Ильича Копанева», проходившей в Санкт-Петербурге 1–4 июня 2015 г.

² Большой энциклопедический словарь. М., 1991. С. 346.

³ Приходо-расходные книги Соловецкого монастыря. 1571–1600 гг. / Сост. Е. Б. Францужова. М.; Л., 2013 (далее — ПРКСМ).

По структуре книги состоят из двух частей: приходной и расходной. В приходной части фиксировались сведения о поступлениях в монастырскую казну. К их числу относятся вклады в монастырь на помин души, налоги, собранные слугами («тамга», «полоняничные деньги», «ямские деньги», «таможенные деньги», «приметные деньги»), собранные у должников «кабальные деньги», деньги от продажи рыбы. Также в приходо-расходных книгах фиксировались денежные суммы, вырученные от продажи жира лахтаков («морских зайцев») и оброка с «тоней». В расходной части книги содержатся сведения об издержках денежных средств в обители: «деньги за труды», «деньги на шапочный испод да на ногавицы», деньги, выданные монастырским людям для «поездок». Из казны финансировались различные хозяйственные службы: транспортировка соли с последующей продажей, уплата оброка в государеву казну, взимание так называемой «црненной дани», покупка продуктов питания и одежды для братии и других насельников. Таким образом, в приходо-расходных денежных книгах содержится всесторонняя информация о хозяйственной жизни Соловецкой обители, в том числе и о монастырских людях, живших и работавших в ней.

Однако не вся служебная деятельность монастырских людей отразилась в приходо-расходных книгах. С 1571 по 1600 г. упоминается 300 человек (шваля, служебники, конюхи, портные, слуги), причем за год зафиксировано не более 20 имен. Важно отметить, что один и тот же человек может упоминаться в течение десяти лет со значительными перерывами во времени. Наиболее часто (более 200 раз) упоминаются слуги, поэтому задача настоящей работы — показать возможность использования материалов приходо-расходных книг для изучения разных аспектов участия монастырских слуг в обеспечении существования одной из обителей Русского Севера с применением просопографического метода изучения массовых источников.

«Просопография — это исследование общих характеристик группы, действующих в истории лиц, которое касается двух главных проблем: путей осуществления ими политических акций и путей и вариантов социальной мобильности и реализации своих карьерных устремлений»⁴. Этот метод направлен на изучение главного действующего лица истории человека (людей). Кроме того, он представляет яркий пример «междисциплинарных подходов, сочетая в себе разработанные историками-источниковедами приемы изучения массовых источников, процедуры исследования общества, заимствованные у социологов, методики проведения аналитических исследований, выработанные статистиками, технологию баз данных, созданную математиками и программистами»⁵.

Объектами «просопографии масс» являются не только известные личности своего времени, но и персонажи «второго плана»⁶. Целью исследования стано-

⁴ Юмашева Ю. Ю. Историография и просопография // Известия Уральского государственного университета. 2005. № 39. Гуманитарные науки. Вып. 10. С. 96.

⁵ Там же. С. 97.

⁶ Селин А. А. Новгородское общество начала XVII века: просопографическое исследование: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2009. С. 7.

вится, во-первых, всесторонний учет данных о социальной группе и, во-вторых, всех обстоятельств биографии индивидуумов⁷. Современная историография составления баз данных проанализирована М. Е. Проскураковой⁸.

В настоящей статье этот метод применен для написания «деловых биографий» двух слуг Соловецкого монастыря: Логина Семенова Москвитина и Смирного Иванова. Логин Семенов Москвитин упоминается в источниках с 1571 по 1582 г. Полным именем он именуется лишь однажды, в январе 1582 г., когда казначей старец Иосиф Рыкунов дал по «монастырскому слуге по Логине по Москвитине сорокоусту» 20 алтын, т.е. после его кончины⁹.

Служба Логина Семенова в Соловецком монастыре, вероятно, начинается в начале 1570-х гг. В приходо-расходной книге старца Архипа под 1571 г. он фигурирует в качестве доводчика, передавшего в казну «доводные деньги» Сумской волости в размере 3 рублей 4 алтын 3 денег¹⁰. В следующем году Логин продал в Варзуге значительный объем монастырской соли, более 100 пудов¹¹, выручив за нее 2 рубля 10 алтын, деньги отдал казначею¹².

Вероятно, в 1572 г. Логин, «на Двине живучи», издержал 13 алтын 4 деньги¹³, на рубахи 12 алтын и купил рыбы на 4,5 алтына¹⁴. В 1573 г. Логина отправили в Новгород, ему и слуге Смирнову выдано на покупки 50 рублей¹⁵. После возвращения из Новгорода в монастыре он дал на «помин души» родителей 5 алтын¹⁶.

В 1573 г. слуга Логин отдал Анфиногену Гавриловичу Квашнину «по государеву наказу и по росписи» с вотчины Соловецкого монастыря Спасского Выгозерского погоста «под государев наряд к походу» конных посошных 11 человек, пеших 12 человек¹⁷.

В следующем году в выписке дьяков Андрея Федорова сына Клобукова и Семена Федорова сына Мишурина от 7 октября Логин Семенов платит в государеву казну «за тамгу¹⁸ оброку на нынешней на 83-й год» (1572/73 г.)

⁷ Там же. С. 5.

⁸ Статья будет опубликована в № 3 (2016) «Петербургского исторического журнала».

⁹ ПРКСМ. С. 233.

¹⁰ Там же. С. 53.

¹¹ Вес соли (115 пудов) рассчитан исходя из суммы вырученных денег (2 рубля 10 алтын — 460 денег) и цены пуда соли в 1571 г., в Соловках он стоил 4 деньги (Маньков А. Г. Цены и их движение в Русском государстве XVI века. М.; Л., 1951. С. 175).

¹² ПРКСМ. С. 66.

¹³ Там же. С. 92. Запись сделана после возвращения Логина в монастырь в 1573 г.

¹⁴ Там же. С. 88.

¹⁵ Там же. С. 92.

¹⁶ Там же. С. 67.

¹⁷ Акты социально-экономической истории Севера России конца XV — XVI в.: Акты Соловецкого монастыря 1572–1584 гг. / Сост. И. З. Либерзон; отв. ред. А. И. Копанев. Л., 1990. С. 33.

¹⁸ Тамга — торговая пошлина, сбор которой был отдан «на оброк» Соловецкому монастырю.

с Сумской волости Соловецкого монастыря в размере 9 рублей 31 алтына 4 денег¹⁹. Вероятно, деньги платились дьякам в Москве.

28 сентября 1575 г. имя Логина Семенова встречается в отписи перновских городничих Афанасия Тургенева и Браги Висленева. По ней Логин привез «государев хлеб» в размере 57 четвертей ржи²⁰.

В 1574–1577 гг. Логин Семенов несколько раз в год бывал в Москве и привозил значительные суммы денег для уплаты в государеву казну. 16 октября 1574 г., 10 июля 1575 г., 20 ноября 1577 г. он заплатил оброк с садов Соловецкого монастыря в Новгороде «на Щитной улице»²¹. 9 мая 1575 г. он выплачивает 9 рублей 3 деньги с 66 обож «в прибавку» к «ямским и приметным деньгам» с владений Соловецкого монастыря в Спасском Выгозерском погосте²². В этом же году он платит государевым дьякам Андрею Федорову и Илье Осееву «полоняничные деньги»²³ в размере 9 рублей 30 алтын, отпись датируется 18 августа²⁴. В октябре 1575 г., в ноябре 1576 г. и в ноябре 1577 г. слуга вносит в «государеву казну» оброк за «тамгу» с Сумской волости Соловецкого монастыря и полоняничные деньги (в 1576 г.)²⁵. 4 июля 1577 г. Логин Семенов упоминается в отписи подьячих Богдана Иванова и Игнатия Михайлова о получении оброка с дворового места Соловецкого монастыря в Новгороде²⁶.

Согласно сведениям прихода-расходной книги старца Архипа (велась с 6 сентября 1577 по конец января 1579 г., записи не имеют точной даты), слуга Логин Семенов был в Новгороде дважды. Первый раз ему было послано из монастыря со старцем Селивестром и слугой Смирным 25 рублей на покупку товаров²⁷. Вероятно, после возвращения в монастырь слуга передает в казну 19 рублей, оставшихся у него от покупок, сделанных в Новгороде²⁸. Возможно, осенью 1578 г. ему выдают 10 алтын на «телогрею» и вновь отправляют в Новгород, куда он везет 100 рублей, предназначенные старцу Селивестру для приобретения товаров²⁹. Сам же Логин получил 26 рублей, «покупати ему на Селмаксе на Свери прядено неводное»³⁰. Деньги не были полностью израсходованы, и как записано в приходе, «слуга дал два рубля

¹⁹ Акты социально-экономической истории Севера России конца XV — XVI в. С. 57.

²⁰ Там же. С. 76.

²¹ Там же. С. 58, 72, 100.

²² Там же. С. 70.

²³ Полоняничные деньги — налог на выкуп пленных.

²⁴ Там же. С. 74.

²⁵ Там же. С. 76, 91, 100.

²⁶ Там же. С. 97.

²⁷ Там же. С. 142.

²⁸ Там же. С. 129.

²⁹ Там же. С. 144.

³⁰ Там же.

и девять московок, осталось у него от расхода, што он ездил в Новгород и прядено покупал»³¹.

В 1578 г. Логин неоднократно привозил в Москву денежные сборы в государеву казну с соловецких вотчин: «полоняничные» и «ямские»³² деньги Спасского Выгозерского и Сумского погостов, оброк с пустого места в Новгороде, отведенного под двор Соловецкому монастырю³³.

6 июня 1578 г. Логину Семенову была дана отпись государеву посланнику Афиногену Гавриловичу Квашнину о передаче посошных людей³⁴ (11 человек конных и 12 пеших) «под государев наряд» с Спасского погоста³⁵.

В 1579 г. Логина Семенова вновь посылают в Москву «о монастырских делах», при этом ему выдали значительную денежную сумму в размере 14 рублей 18 алтын³⁶.

В прихода-расходной книге казначея старца Созонта среди записей, датированных январем 1579 — декабрем 1580 г., Логин Семенов упоминается как «сумский тиун». К нему в Суму дважды посылались деньги: с доводчиком Михайлом было выслано «на тес» 4,5 рубля³⁷, позже еще 10 рублей³⁸ (на что были потрачены эти деньги — не указано). В монастырь из Сумы Логин привез «цренную дань»³⁹, приметные⁴⁰ и ямские деньги, а также «бразгу» (аренду) за пользование крестьянами поженных и земельных участков. Общая сумма поступивших сборов составила более 100 рублей⁴¹. Вскоре после возвращения он «дал вкладу три рубля без гривны»⁴². Вероятно, уже в 1580 г. Логин Семенов послан в Москву «по монастырским делам», на расходы он получил 14 рублей 18 алтын⁴³.

В прихода-расходной книге старца Иосифа Рыкунова за 1581 г. сведения о монастырском слуге Логине Семенове Москвитине обрываются в связи с его

³¹ Там же. С. 155.

³² Ямские деньги — налог, взимавшийся на ремонт дорог, постройку мостов, прокладку гатей, строительство ямских дворов.

³³ Акты социально-экономической истории Севера России конца XV — XVI в. С. 104, 106, 111, 112.

³⁴ Посошные люди выполняли роль вспомогательного войска и формировались из городского и сельского населения. В их функции входило строительство и восстановление укреплений, наведение переправ, подвоз орудий и боеприпасов.

³⁵ Акты социально-экономической истории Севера России конца XV — XVI в. С. 111.

³⁶ ПРКСМ. С. 199.

³⁷ Там же. С. 183.

³⁸ Там же. С. 193.

³⁹ «Цренная дань» взималась в качестве оброка с цренов, оборудования для производства соли; «земная дань» — с обрабатываемой земли.

⁴⁰ Приметные деньги — дополнительные выплаты к другим видам налогов.

⁴¹ ПРКСМ. С. 167, 172.

⁴² Там же. С. 168.

⁴³ Там же. С. 199.

смертью. 7 января 1581 г. по монастырскому слуге Логину был дан сорокоуст в размере 20 алтын⁴⁴.

Еще один монастырский слуга Смирной Иванов упоминается в прихода-расходных книгах в течение десяти лет, с 1571 по 1581 г. Полным именем слуга значится в актах, в прихода-расходных книгах именуется как «Смирной». Впервые его имя встречается в прихода-расходной книге старца Архипа. В мае 1571 г. он передает в казну 8 рублей 19 алтын, а также «по Смирного кабаде взято на Калине на Кунехове шесть рублей»⁴⁵. Причина возврата в монастырь значительной суммы денег не указана, также неясно, почему кабальные деньги, данные в долг Смирновым Калине Кунехове (вероятно, искаженное «Конюхове», т.е. конюху), возвращаются не истцу, а в казну. Возможно, перед нами конфликтная ситуация, возникшая в одной из монастырских служб. Позже казначей старец Архип дважды продавал «зелья лечебного Смирного»: осенью 1571 г. на 10 алтын, а весной–летом 1572 г. на полтора рубля⁴⁶. Наличие у слуги «лечебного зелья» говорит о том, что он ухаживал за монастырскими лошадьми и нес службу на конюшне. Возможно, поэтому зафиксирован долг ему конюха Калины.

В конце мая — начале июня 1571 г. в расходе старца Арсения записано: «Смирного слугу сослали с манастыря, дали ему полтину»⁴⁷. Однако летом этого же года его отправляют в Новгород «за игуменом за Варламом», где слуга издержал выданный ему рубль⁴⁸.

Следующие записи о Смирном относятся к 1573 г. Вероятно, осенью он был в Вологде, где старец Петр выдал ему рубль⁴⁹, а в конце 1573 — начале 1574 г. Смирной вместе с слугой Логиним получил на покупки в Новгороде 50 рублей, об этом свидетельствует запись в прихода-расходной книге старца Архипа за 1573/74 г.⁵⁰ После возвращения из Новгорода в сентябре 1574 г., как записано в прихода-расходной книге 1574/75 г., он вернул в казну 1 рубль 8 алтын 4,5 деньги, что «осталось у него от наугороцкие покупки»⁵¹. В той же книге зафиксирован его вклад «по родителям» в размере одного рубля⁵².

В марте 1576 г. слуга Смирной в Старице платил «государева наугороцкого запасного сена» 60 «копен мерных» с вотчины Соловецкого монастыря Спас-

⁴⁴ ПРКСМ. С. 233.

⁴⁵ Там же. С. 41.

⁴⁶ Там же. С. 49, 64.

⁴⁷ Там же. С. 78.

⁴⁸ Там же. С. 84.

⁴⁹ Там же. С. 90.

⁵⁰ Там же. С. 92.

⁵¹ Там же. С. 97.

⁵² Там же. С. 107.

ского Выгозерского погоста Обонежской пятины Заонежской половины. Уплата сена зафиксирована в выданной ему отписи⁵³.

В прихода-расходной книге казначей старца Архипа 1577–1579 гг. указано, что в 1577 г. Смирному была продана «шапка росомачья» за 6 алтын⁵⁴. В той же книге: у слуги было взято 3 рубля 2 алтына, это были деньги Степана Малого⁵⁵. В расходной части книги (1577–1578 гг.) старец Архип зафиксировал 200 рублей, которые были выданы старцу Селивестру и слуге Смирному для покупки «на монастырский обиход» «всякого товара» в Новгороде. На дорогу «на расход» они получили значительную сумму денег — 5 рублей. С ними же послали 25 рублей слуге Логину «на товар». Как видим, слуга и старец из Соловков в Новгород перевозили огромную сумму денег — 230 рублей или более пуда серебра⁵⁶. На эти деньги по ценам 1577–1578 гг. можно было купить 1069,8–1533,3 четверти ржи⁵⁷, при четырехпудовой четверти объем хлеба составил бы примерно 4–6 тыс. пудов.

В эти же годы слуга Смирной Иванов был, вероятно, тиуном в одной из Соловецких волостей. В отписи дьяка Постника Дмитриева сына Хворощина от 28 декабря 1578 г. Смирной платил «на нынешней 87-й год государевых ямских и приметных денег и всяких государевых податей» на сумму 168 рублей и 32 алтына. Налоги выплачивались с владений Соловецкого монастыря в Спасском Выгозерском погосте с 66 живущих обож⁵⁸. Через месяц, 29 января 1579 г., Смирной получает отписку об уплате «в прибавку к прежнему розводу» ямских и приметных денег 98 рублей 32 алтына с 46 обож Спасского Выгозерского погоста⁵⁹. В июле следующего года он платит в государеву казну полонянничные деньги «нынешнего 87-го году» 60 рублей 6 алтын и полторы деньги с того же погоста⁶⁰.

7 сентября 1580 г. слуги Смирной Иванов и Иван Иванов выплатили в государственную казну «за беглую посоху, которая посоха збежала из Пскова»

⁵³ Акты социально-экономической истории Севера России конца XV — XVI в. С. 84.

⁵⁴ ПРКСМ. С. 118.

⁵⁵ Там же. С. 125. Степан Малой, вероятно монастырский слуга, умерший в конце 1570-х гг. В прихода-расходной книге казначей старца Архипа 1577–1579 гг. «дано священнику Еуфимью в Сороку сорокоустных дватцать алтын за Стефана за Малого» (Там же. С. 142).

⁵⁶ Московская деньга весила около 0,40 г серебра, следовательно, один рубль примерно 80 г, 230 рублей — 18,4 кг, т.е. более пуда, в переводе на десятичную систему мер пуд весил 16,38 кг (Каменцева Е. И., Устюгов Н. В. Русская метрология. Изд. 2. М., 1975. С. 142, 170).

⁵⁷ В Русском государстве средняя цена ржи в 1577–1578 гг. колебалась от 20 до 60 денег, в Соловецком монастыре в 1577 г. она стоила 43 деньги, в Холмогорах (1577–1578 гг.) — 30 денег (Маньков А. Г. Цены и их движение в Русском государстве XVI века. С. 107).

⁵⁸ Акты социально-экономической истории Севера России конца XV — XVI в. С. 124.

⁵⁹ Там же. С. 128.

⁶⁰ Там же. С. 134.

в 1578/79, 1579/80 гг., за 2 человека 11 рублей и за 5 человек пеших 15 рублей, всего 26 рублей, а за прогоны было взято «по расчету»⁶¹.

В августе 1581 г. Смирной возвращает в казну 74 рубля 23 алтына 2 денги, «посланы были те денги в Новгород с старцем Исидором для монастырских дел»⁶². Это запись последняя о слуге Смирном. Есть основание полагать, что осенью он принял постриг в Соловецком монастыре, что явствует из записи в приходо-расходной книге старца Иосифа Рыкунова: «Октября в 9 день. Чернец Генадей, а в бельцах был Смирной, дал вкладу сем рублей»⁶³.

Как видим, приходо-расходные книги и акты являются источниками позволили написать «деловые биографии» монастырских слуг и показать их активное участие в экономической жизни обители. Им доверялась важная роль в управлении монастырским хозяйством, они выполняли ответственные поручения и были частью «монастырской администрации».

References

Celine A. A. Novgorod society of the seventeenth century: prosopographic study: Avtoreferat dis. ... d-ra ist. nauk. SPb., 2009.

Frantsuzova E. B. Account-book of the Solovetsky Monastery. 1571–1600 gg. M., 2013.

Kamentseva E. I., Ustyugov N. V. Russian metrology. Ed. 2. M., 1975.

Liberson I. Z. Acts of social and economic history of the Russian North end of the XV – XVI century: Acts of the Solovetsky Monastery 1572–1584 years. L., 1990.

Mankov A. G. Prices and their movement in the Russian State of the XVI century. M.; L. 1951.

Yumasheva Y. Y. Historiography and prosopography // Proceedings of the Ural State University. 2005. N 39. Humanitarian sciences. Issue 10.

Список литературы

Каменцева Е. И., Устюгов Н. В. Русская метрология. Изд. 2. М., 1975.

Либерзон И. З. Акты социально-экономической истории Севера России конца XV – XVI вв.: Акты Соловецкого монастыря 1572–1584 гг. Л., 1990.

Маньков А. Г. Цены и их движение в Русском государстве XVI века. М.; Л., 1951.

Селин А. А. Новгородское общество начала XVII века: просопографическое исследование: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2009.

Французова Е. Б. Приходо-расходные книги Соловецкого монастыря. 1571–1600 гг. М., 2013.

Юмашева Ю. Ю. Историография и просопография // Известия Уральского государственного университета. 2005. № 39. Гуманитарные науки. Вып. 10.

Е. Н. Швейковская

Александр Ильич Копанев (1915–1990): Служение истории

Несколько биографических штрихов

Александр Ильич Копанев родился 12 сентября 1915 г. в крестьянской семье дер. Малые Копани Слободского у. Вятской губ. и был старшим из семерых детей. После школы он в 1930–1934 гг. учился в Педагогическом техникуме г. Слободской, по окончании которого работал учителем в сельской школе и заочно учился в Педагогическом институте г. Вятки. В 1935 г. он перешел с заочного на третий курс очного отделения того же Педагогического института, уже Кировского, а затем также в 1935 г. перевелся в Ленинградский институт филологии, лингвистики и истории. В 1936 г. ЛИФЛИ был преобразован в истфак Ленинградского государственного университета. Окончив в 1938 г. университет с отличием, А. И. получил рекомендацию в аспирантуру по кафедре отечественной истории, где под руководством И. И. Смирнова, известного специалиста по истории феодализма России, А. И. исследовал тему о землевладении Белозерского края в XV–XVI вв.¹ Свое кандидатское сочинение А. И. Копанев с успехом защитил 28 июня 1941 г., а уже 4 июля вступил в ряды народного ополчения. Вскоре (в конце сентября) в боях под Ропшей он попал в плен и из него был освобожден советскими войсками 1 мая 1945 г.

⁶¹ Акты социально-экономической истории Севера России конца XV – XVI в. С. 150.

⁶² ПРКСМ. С. 217.

⁶³ Там же. С. 230.

¹ *Копанев Г. И.* Из большой крестьянской семьи: (Воспоминания младшего брата) // Александр Ильич Копанев: Сб. статей и воспоминаний. СПб., 1992. С. 67, 69, 71, 72, 82. В хозяйстве его родителей имелись: лошадь, 4 коровы, 3–4 овцы, около 1,5 десятка кур, ежегодно откармливали 1–2 свиньи (там же. С. 69).

Соответствующая проверка, проведенная в г. Ростов, установила отсутствие состава преступления при пленении Копанева, и он был направлен в воинскую часть для прохождения службы. Демобилизовавшись из армии в октябре 1945 г., А. И. в ноябре того же года был принят на работу в ЛОИИ, сначала рабочим, а в феврале 1946 г. переведен в младшие научные сотрудники. Как участнику войны «ему была предоставлена 9-метровая комната», бывшая кладовка, в «большой коммунальной квартире»².

Однако в 1953 г. директор ЛОИИ М. П. Вяткин уволил Копанева с работы за принципиальное несогласие с тем, чтобы часть написанной Александром Ильичем главы о населении Петербурга для первого тома «Очерков истории Ленинграда» директор включил в свой раздел, причем без указания авторства А. И.³ Семейный человек с двумя маленькими детьми, ученый остался без работы, через три месяца в конце 1953 г. был взят в штат БАН, где проработал 17 лет. После неоднократных настояний Н. Е. Носова, тогдашнего главы ЛОИИ, он вернулся в Институт в конце 1969 г. В 1974 г. успешно защитил докторскую диссертацию и проработал в Институте до своей кончины в 1990 г.

Сфера научных интересов А. И. Копанева была очень широка. Это — государственное законодательство XVI–XVII вв. (комментирование), социально-экономические и демографические процессы того же времени, история Смуты начала XVII в.⁴, рукописная и старопечатная книга. Главная же тема творчества ученого — история северного крестьянства, и в ее исследование он внес крупный вклад. А. И. сосредоточил внимание на черносошной категории крестьян России, она в XVI–XVII вв. не находилась под властью частных феодалов, не подвергалась личной крепостной зависимости.

В аграрных обществах крестьяне большей или меньшей составной частью входят в социальные категории, а на определенных исторических этапах преобладают среди них. Так было в России в эпоху феодализма, и в начале XX в. крестьяне еще преобладали в составе населения страны. Изучение крестьянства в отечественной историографии на протяжении длительной эпохи феодализма достаточно интенсивно развивалось в 1960–1980-х гг. в рамках социально-экономического направления. В центре внимания ученых находились доминантные признаки, присущие крестьянству как историко-социальному

² Александр Ильич Копанев: Сб. статей и воспоминаний. С. 9, 73, 75–76.

³ Там же. С. 10, 76, 105.

⁴ См.: Судебники XVI–XVII вв. М.; Л., 1952. С. 415–562; Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII в. М.; Л., 1987; Восстание И. И. Болотникова. Документы и материалы / Сост.: А. И. Копанев, А. Г. Маньков. М., 1959. См. также: Александр Ильич Копанев: Сб. статей и воспоминаний.

типу; они следующие — производство на земле для удовлетворения своих потребительских нужд и выполнения обязательств по отношению к носителям политической и экономической власти, нахождение на низшей ступени социальной иерархии, семейное хозяйство двора, деревенская культура.

Стоит напомнить слова Б. Д. Грекова о недостатке и сложности региональных исследований, высказанные в связи с изучением крестьян. Их приводит Н. А. Горская в своей книге об ученом. Б. Д. Греков сетовал, что «почти нет возможности изучить каждый участок всей Русской земли. Поневоле приходится ориентироваться на наиболее развитые в общественном и культурном отношении области, наилучше освещенные источниками». Она выделяет 1970–1980-е гг. в развитии отечественной историографии второй половины XX в., на которые пришелся «расцвет как раз региональных аграрных исследований (и монографических, и обобщающих), осветивших историю многих участков Русской земли, прежде всего таких, как Северо-Запад и Русский Север, осваивавшаяся с XVI в. Сибирь, а также запад и юг Русского государства». Предпосылкой для многих из них, полагает она, «послужили труды Б. Д. Грекова и его организаторская деятельность». Н. А. Горская обращает внимание и на то, что «переосмысление ряда проблем аграрной истории в позднейшей историографии также началось с тех рубежей, на которые вышла мысль Б. Д. Грекова»⁵.

С этим высказыванием Н. А. Горской вполне согласуется тот факт, что в 1938 г. Б. Д. Греков предложил И. И. Смирнову по его приходе в ЛОИИ заняться историей Белозерского края. Однако тема была далека от научного интереса Смирнова, и он препоручил ее своему аспиранту А. И. Копаневу⁶. Молодой ученый превосходно решил поставленные задачи. Первое большое исследование А. И. Копанева, как уже сказано, было посвящено истории землевладения Белозерского края XV–XVI вв., которое воплотилось в книгу в 1951 г.⁷ Оно прочно вошло в отечественную науку, положило начало серии региональных исследований, и его не обходят вниманием при изучении подобных тем других областей России.

Два следующих крупных исследования А. И. Копанева, посвященные черносошным крестьянам, были опубликованы под несколькими отличающимися названиями: «Крестьянство Русского Севера в XVI в.» (Л., 1978) и «Крестьяне Русского Севера в XVII в.» (Л., 1984), что вызвано формальными издательскими причинами того времени. Однако обе книги теснейшим образом связаны по своему содержанию и построению. И ученый считал вторую непосредственным тематическим продолжением первой монографии. Я воспринимаю их как два выпуска одной проблемной работы. Уместно привести слова московского

⁵ Горская Н. А. Б. Д. Греков. М., 1999. С. 149–150.

⁶ Ивина Л. И. Монография А. И. Копанева «История землевладения Белозерского края XV–XVI вв.» и ее историографическое значение // Александр Ильич Копанев: Сб. статей и воспоминаний. С. 15.

⁷ Копанев А. И. История землевладения Белозерского края XV–XVI вв. М.; Л., 1951.

историка, А. А. Преображенского: «А.И. Копанев смело и успешно преодолел хронологический “барьер” предшествующей историографии, соединив в своих исследованиях XVI и XVII столетия (как известно, историки обычно специализировались по одному из этих веков, а то и по более узким периодам). Это обстоятельство значительно повысило весомость выводов и наблюдений автора. Непрерывность основных линий развития черносошной деревни Европейского Севера была доказана ученым достаточно убедительно»⁸.

Примечательно, что в 1960–1970-х гг., когда ученый создавал свои труды, и появлялись региональные исследования, в зарубежной историко-социологической науке происходил историографический поворот. Он выразился в повышенном внимании к изучению крестьянства, этого «великого незнакомца» по выражению Теодора Шанина, и складывалась особая область научного знания — крестьяноведение. Такой интерес западной историографии был стимулирован потребностью интеграции крестьян в крупномасштабную экономику XX в. В применении к России проблема была связана с крестьянством второй половины XIX в. и представлена работами 1920-х гг. ученых-аграрников «организационно-производственной школы» — А. В. Чаянова, Н. П. Макарова, А. Н. Челинцева и их сподвижников⁹.

Монографии А. И. Копанева, обширные разделы в томах Аграрной истории Северо-Запада России, в материалах Ежегодников симпозиума по аграрной истории (а он участвовал во многих сессиях) — это зрелые плоды, в них содержится отлившая во времени, твердая концепция, которой ученый был неизменно верен. Темы и вопросы, которые ставил и разрешал А. И. в своих книгах и тематически близких к ним статьях, предварявших выход книг, отвечают крупному масштабу крестьяноведческих штудий.

А. И. Копанев был великолепным знатоком источников. Он имел в своем распоряжении множество крестьянских поземельных актов и впервые в таком объеме (около 1800) ввел в их свои исследования. Ему принадлежит и первая обстоятельная дипломатическая характеристика документов, оформлявших поземельные сделки крестьян. Он проанализировал акты на передачу земли из рук в руки, исходя из существа их содержания. Вид совершавшейся сделки (купля-продажа, заклад, обмен, раздел и др.), ссылки, подтверждавшие право «собственности» одного из участников сделки (наследование, приобретение, труд), сам объект сделки он охарактеризовал наиболее подробно. Активная хозяйственная деятельность свободных, незакрепощенных крестьян вела к появлению поземельных актов, определяла их структуру и воздействовала на нее¹⁰. Изученные

⁸ Александр Ильич Копанев: Сборник статей и воспоминаний. (Рецензия на книгу) // *Преображенский А. А. Историк об историках России XX столетия.* М., 2000. С. 162–163.

⁹ Великий незнакомец: Крестьяне и фермеры в современном мире. М., 1992. С. 8–20, 25, 29–37.

¹⁰ *Копанев А. И. Дипломатика поземельных актов двинских крестьян XVI в.* // ВИД. Вып. VI. Л., 1974. С. 160–161.

ученым разновидности актов вскрыли бытование широкого спектра поземельных отношений в черносошной деревне, показали «принципы землевладения, изменения в землепользовании, рост поземельного неравенства, мобилизацию крестьянских земель». Главное, клаузулы поземельных актов позволили ученому оценить сделочный акт как основание «собственности» «свободного крестьянства» на свои земли¹¹. Ученый также заострил внимание на причинах отчуждения земли, ее цене, неподвижности сделки и уплате податей.

Большую ценность имеет утверждение А. И. Копанева о том, что земельные сделки заключались «в условиях устойчивых традиций и форм общественной жизни черносошного крестьянства — общины и самоуправления»¹². Это его положение, так же как и мысль В. А. Александрова о перспективности крестьянских актов XVIII — начала XIX в. для изучения семейно-имущественных норм обычного права (особенно фиксировавших раздел имущества или завещаний) стали для меня стимулом изучения земельно-имущественных актов крестьян, чтобы выяснить действовавшие у них в XVII в. обычно-правовые нормы¹³.

А. И. Копанев активно выявлял и публиковал источники, часто мало изученные, изображающие земельные отношения северных крестьян. Среди таких назову в первую очередь сотные из писцовых книг XVI в. При том, что не сохранились сами книги этого столетия, ученый видел в содержащихся в выписях из них особую ценность, так как они воспроизводят и в черной волости, и в монастыре размеры того или иного владения, количество угодий, свидетельствуют о хозяйственном состоянии дворохозяев и его изменениях. Он подготовил и опубликовал две сотные из книг И. П. Заболоцкого начала 1550-х гг. Одна из них, подлинная XVI в., относится к черносошному Емецкому стану Двинского уезда. Ее публикацию предваряет небольшая вводная статья, в которой ученый описывает структуру местного землевладения в новгородское время. Он вскрывает важные последствия ликвидации новгородского землевладения, которые привели к превращению земель Подвинья в великокняжеские, а крестьян в черносошные, к постепенной трансформации своеземческого землевладения в крестьянское¹⁴. Вторая сотная из писцовых книг XVI в. относится к вотчине Михайловского Архангельского монастыря, и она дошла в составе копийной книги XVIII в.¹⁵ Совместно с А. А. Зиминым А. И. опубликовал документы конца XVI в. по истории Вымской и Вычегодской земли и среди них четыре сотных с писцовых книг 1585–1586 гг. на разные волости. Из сотных

¹¹ *Копанев А. И. Крестьянство Русского Севера в XVI в.* Л., 1978. С. 4, 7, 13, 15.

¹² *Копанев А. И. Дипломатика поземельных актов двинских крестьян XVI в.* С. 161.

¹³ *Швейковская Е. Н. Государство и крестьяне России: Поморье в XVII веке.* М., 1997. Гл. 2.

¹⁴ *Копанев А. И. К вопросу о структуре землевладения на Двине в XV–XVI вв.* // Вопросы аграрной истории. Вологда, 1968. С. 442–462. Текст сотной: С. 453–462.

¹⁵ *Копанев А. И. 1552–1554 гг. Сотная из книг письма И. П. Заболоцкого на вотчину Михайловского Архангельского монастыря* // *Материалы по истории Европейского Севера СССР: Северный археографический сборник.* Вып. 2. Вологда. 1972. С. 205–206.

виден состав населения этого региона, развитие земледелия, которое сочетается с охотой, размеры государственных повинностей, имущественное неравенство среди крестьян. Особая важность этих документов состоит еще и в том, что их данные не говорят о хозяйственном разорении, которое было свойственно другим областям государства в 80-х гг. XVI в.¹⁶

Не меньшее значение А. И. Копанев придавал платежницам, которые составлялись в московских приказах и фиксировали налоговый оклад того или иного платежного объекта, будь то черная волость или монастырское владение. Благодаря его усилиям увидела свет платежная книга Двинского уезда 1560 г. А. И. писал: «Ценность публикуемого документа состоит не только в том, что в нем отразились данные несохранившихся писцовых книг, но и в том, что эти данные относятся ко всей Двине. Описания И. Заболоцкого и В. Гагина были описаниями общего характера, т.е. в них описывалась вся территория уезда и все категории земель». Он также подчеркнул, что платежная книга служила действующим, практическим руководством для должностных лиц на Двине — старост и целовальников в сборе государственных налогов: посошных и оброчных платежей¹⁷. Ученый применил два способа публикации сведений этого источника — табличный и текстовый. Возможность использования таблицы он объяснил идентичностью данных по каждой из налогово-платежных единиц и повторяемостью формульных записей¹⁸.

А. И. Копаневу было присуще стремление проникнуть во внутреннюю жизнь волости XVI–XVII вв. и понять основные механизмы самоуправления, раскладки и сбора налогов, действовавших в черносошных волостях. Он опубликовал документы XVI в. из архива Куростровской волости, расположенной под Холмогорами. Большая часть их — это «розрубы», т.е. приговоры волостных сходо о раскладке государственных налогов и разных платежей на мирские нужды. Наряду с ними представлены «выборы» — приговоры, принимаемые мирскими сходами при выборе волостных должностных лиц. Вкупе документы, считал ученый, показывают деятельность волостного схода, который был высшим органом земского самоуправления, передают социальную и поземельную стратификацию в волости, отношение правительственных учреждений к земским органам¹⁹. В тесной связи с розрубам находятся оценные книги. Они служили основанием для раскладки налогов и платежей по имущественной состоятельности — по «животам и промыслам» и составлялись специальными оценными

¹⁶ Зимин А. А., Копанев А. И. Материалы по истории Вымской и Вычегодской земли конца XVI в. // Материалы по истории Европейского Севера СССР: Северный археографический сборник. Вып. 1. Вологда, 1970. С. 432–486.

¹⁷ Копанев А. И. Платежная книга Двинского уезда 1560 г. // Аграрная история Европейского Севера СССР. Вологда, 1970. С. 514–515.

¹⁸ Там же. С. 517.

¹⁹ Копанев А. И. Куростровские столбцы XVI в. // Материалы по истории Европейского Севера СССР... Вып. 1. С. 398–399. Документы: С. 401–431.

комиссиями из крестьян. Таковую книгу от 1630-х гг. по Кемской волости и опубликовал А. И. Копанев²⁰.

Важным пополнением корпуса источников по истории землевладения северных крестьян стала публикация веревной книги Паниловской волости Двинского уезда 1612 г., предпринятая ученым. Книгу ввела в науку в последней четверти XIX в. А. Я. Ефименко и напечатала из нее два отрывка²¹. А. И. Копанев счел необходимым опубликовать полный текст источника, так как он сложился в недрах черносошной волости. Он отметил, что подобные книги на Севере сохранились только по Подвинью, и их — считанные единицы, хотя документы XVI–XVII вв. содержат указания на систематическое их составление в черносошных волостях. Ученый емко написал: «Веревные книги — крестьянский документ, составленный по инициативе крестьян, самими крестьянами, для удовлетворения крестьянских потребностей. Веревные книги, фиксирующие земельные владения каждого двора, служили основанием для раскладки государственных налогов и других платежей между волощанами (когда разруб шел «по земле»). Так как земельные владения крестьян часто изменялись, то и веревление в волости производилось с известной регулярностью». Он также определил размер веревки как меры площади²². Главное, ученый твердо высказался о неверности теории долевой деревни А. Я. Ефименко. Подробнее все эти вопросы он разобрал в своих монографиях, о чем идет речь ниже.

Во всех источниковых публикациях А. И. Копанев показал непреходящую ценность документов, которые появились в результате хозяйственной и общественной деятельности крестьян. Глубокое проникновение ученого в столь разные источники погружает читателя его работ в самую толщу деревенской и волостной жизни черносошного Севера XVI–XVII вв.

Уже в монографии о землевладении Белозерского края XV–XVI вв. А. И. Копанев рассмотрел вопрос о сущности землевладения крестьян. Он высказал мнение о том, что черные крестьяне владели землей «на правах частной собственности», а основанием для этого были многие факты продажи, обмена, завещания крестьянами их земель монастырю²³.

Эту точку зрения он развил и обосновал в ряде статей и названных выше монографиях о черносошных крестьянах в XVI–XVII вв. В томе работ ленинградских историков, специально посвященном вопросам крестьянского

²⁰ Копанев А. И. Оценная книга Кемской волости с волостками 30-х годов XVII в. // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописной и редкой книги Библиотеки Академии наук СССР. М; Л., 1966. С. 147–150, 186–198. См. также: Копанев А. И. Оценная книга Кемской волости с волостками как источник экономической истории поморской деревни XVII в. // Исследования по отечественному источниковедению. М.–Л., 1964.

²¹ Ефименко А. Я. Исследования о народной жизни. Вып. 1: Обычное право. М., 1884. С. 212–217.

²² Копанев А. И. Веревная книга Паниловской волости 1612 г. // Материалы по истории Европейского Севера СССР... Вып. III. Вологда, 1973. С. 380–387. Текст: С. 388–401.

²³ Копанев А. И. История землевладения Белозерского края XV–XVI вв. С. 190.

землевладения, положению и судьбам черной волости в Центре и на Севере России, А. И. Копанев охарактеризовал земельные отношения в Подвинье. Он определил ведущие признаки черносошного землевладения, а в качестве ключевого — «частную, ничем не ограниченную собственность крестьянина на его земли», на «свой надел, на свою деревню». Это обстоятельство обусловило «правовую основу для активного их обращения и связывало надел, частную собственность крестьянина, с землями и угодьями, которые находились в общем владении и распоряжении деревни, волости»²⁴. Оброчные земли, которые наряду с тяглыми находились в хозяйствовании крестьян Подвинья, в условиях господства «крестьянской собственности» также «приобретали характер полной собственности их владельцев, которые распоряжались ими бесконтрольно: наследовали и продавали их, менялись ими, дарили и т.д.»²⁵ Именно факты распоряжения землей — разные сделки с нею — ученый ставил во главу угла при определении характера черных земель.

Такой же ракурс рассмотрения присутствует в монографиях А. И. Копанева о крестьянах Севера. В первой из них (1978 г.) один из разделов так и назван «Крестьянская собственность на землю». В нем он поддерживает положение Н. Е. Носова об альтернативном развитии России по некрепостническому пути. А. И. Копанев предельно четко сформулировал: а) возможность существования в XVI в. при монополии феодалов на землю и крестьянской собственности раннебуржуазного свойства; б) невозможность отнесения государственных налогов к феодальной ренте и в) несовместимость понятия «государственный феодализм с условиями жизни черносошного крестьянства XVI в.»²⁶ Пожалуй, в монографии А. И. Копанев резче, чем в предшествовавших ей статьях, обозначил свою позицию относительно сущности землевладения черносошных крестьян и поддержал направление в историографии, связанное с ранним генезисом буржуазных отношений.

В своей второй книге (1984 г.) А. И. Копанев, сохраняя приверженность взгляду о начавшихся в XVI в. явлениях «предбуржуазного характера», ставит задачу изучения внутренней жизни северного крестьянства в XVII в. Он считает необходимым «вскрыть социально-экономическое развитие его (крестьянства. — *Е. Ш.*) за столетие». Главный посыл автор тот же, что и в первой книге, но выражен мягче, а именно: «Черносошный крестьянин по своей социальной природе принципиально отличен от частновладельческого крестьянина: он не закрепощен, он собственник своей земли, которая является основой его относительной свободы как мелкого производителя, ведущего личным трудом независимое индивидуальное хозяйство»²⁷. Исходя из свободы распоряжения

²⁴ Копанев А. И. Крестьянское землевладение Подвинья в XVI в. // Проблемы крестьянского землевладения и внутренней политики России. Л., 1972. С. 117, 124–125, 136; См. также: Копанев А. И. Крестьянство Русского Севера в XVI в. С. 47–50.

²⁵ Копанев А. И. Крестьянское землевладение Подвинья... С. 105, 111.

²⁶ Копанев А. И. Крестьянство Русского Севера в XVI в. С. 44–45, 69.

²⁷ Копанев А. И. Крестьяне Русского Севера в XVII в. С. 4–7.

«как атрибута права собственности», А. И. Копанев и на материалах XVII в. делает заключение о «поземельной собственности черносошных крестьян»²⁸. Ученый считает, что этому способствует относительная свобода и, главное, незакрепощенность черносошного крестьянина — собственника земли. Смягчает свою позицию ученый и по отношению к понятию «вотчина» в поземельной практике крестьян в XVI–XVII вв. В первой книге он определяет вотчину как «полную собственность» крестьян с неограниченным распоряжением, а во второй уже говорит о «крестьянском владении вотчиной с правом владельца распоряжаться ею без какого-либо контроля со стороны государства»²⁹.

Характеризуя крестьянское землевладение XVII в., А. И. Копанев писал, что «любой разряд земель», имевшихся в хозяйстве крестьян, «будь то личные наделы, земли, взятые на оброк, или общинные угодья — все они традиционно осознавались черносошными крестьянами как их собственность, которой они пользовались и распоряжались по своему усмотрению». Раздел о борьбе черносошных крестьян за землю он подытоживал: «Добиваясь своих поправных прав на землю, черносошные крестьяне каждый раз демонстрировали собственнические поземельные права и на отдельный надел, и на общинные земли»³⁰.

Следует согласиться с верностью утверждений А. И. Копанева о существовании собственнических воззрений крестьян на их земли, как и о процессе концентрации земли «в руках выделившихся из волостной общины крестьян-богачеев», о появлении малоземельных и безземельных крестьян, трудившихся «по найму в хозяйствах богатых крестьян». Однако квалификация черносошного крестьянина XVII в. «как собственника средств производства — земли, промысловых угодий», а также суждения о развитии в земледельческом хозяйстве «капиталистических форм эксплуатации» и вырастании «в крестьянстве... элементов капитализма»³¹ воспринимаются и звучат как прямолинейные.

Сейчас, по прошествии времени, учитывая дискуссионность изучаемой им проблемы, присущую историографии 1960–1970-х гг., необходимо подчеркнуть убежденность А. И. Копанева в своей концепции, в твердом следовании ей. Главное, что явствует из его трудов — это укрепившаяся точка зрения на то, что «черносошный крестьянин по своей социальной природе принципиально отличен от частновладельческого крестьянина», он лично не закрепощен, земля, на которой он хозяйствовал, была «основой его относительной свободы как мелкого производителя, ведущего личным трудом независимое индивидуальное хозяйство»³².

Из работ А. И. Копанева, задолго до появления в отечественной историографии направления, изучающего повседневность, выпукло предстает северная

²⁸ Там же. С. 31.

²⁹ Там же. С. 18.

³⁰ Там же. С. 37, 56.

³¹ Там же. С. 227.

³² Там же. С. 7.

деревня. Ученый выявил ее характерную особенность, а именно — малодворность, хотя на протяжении двух веков деревни в Подвинье укрупнялись. В XVI в. они насчитывали в среднем около трех дворов, в 20-х гг. XVII в. — три-пять, а в 70–80-х гг. этого же столетия — четыре-шесть дворов³³. Важно его наблюдение о том, что в старинных, давно заселенных уездах Двинском и Важском к середине XVI в. были хозяйственно освоены почти все годные для этого земли. Новые селения если появлялись, то на пустошах, возобновляя прежние очаги земледелия³⁴.

Ученый глубоко вник в поземельную структуру деревни. Он обратил пристальное внимание, и, пожалуй, впервые, на топографию деревенских полей. Она отражала постепенное приращение земельных угодий крестьянским трудом, демонстрировала лоскутность участков каждого владельца. Блестящее знание источников, живое восприятие их сведений позволило А. И. показать мозаичность, дробность кусков земли каждого из владельцев, чересполосность расположения мелких участков земли. Он установил их разбросанность в разных местах микроокруги, что было свойственно хозяйству каждого крестьянина. Число таких полос и клоков во владении двора достигало двух, а порой трех десятков. Показательно, что угодья однодворной деревни не представляли собой единого массива, а состояли также из отдельных участков и соседствовали с землями других деревень.

А. И. Копанев подчеркивал, что наиболее выразительно ландшафтно-топографическая разбросанность деревенских угодий проступает из веревных книг. В них крестьяне фиксировали скрупулезно вымеренные земельные «лоскуты» каждого двора в каждом из деревенских полей. Ученый по веревной книге Паниловской волости 1612 г., а о ее публикации я упоминала выше, а также по веревной книге Николо-Коскошинской вол. Емецкого стана 1678 г. проследил равномерность земельных полос и конов. Он выявил их сложное сочетание, проявлявшееся в обеспечении каждого из дворов земель и угодьями равного по плодородию качества. Ученый установил, что угодья 30 деревень Николо-Коскошинской волости располагались не только в двух-трех десятках мест, но даже в 50, а в одной деревне — в 103. Из веревной книги отчетливо видно проникновение владений одной деревни в хозяйственные комплексы соседней. Ученый также обнаружил, что в конце XVII в. земли деревни-однодворки состояли из 13 участков, гранича с землями других деревень³⁵. В своих работах 1970–1980-х гг. А. И. Копанев показал реальную картину антропогенного воздействия на существовавшие в XVI–XVII вв.

³³ Аграрная история Северо-Запада России XVII века (население, землевладение, землепользование) / Руководитель авторского коллектива А. Л. Шапиро. Л., 1989. С. 44–45; Копанев А. И. Крестьянство Русского Севера в XVI в. С. 118–119.

³⁴ Копанев А. И. Крестьянство Русского Севера в XVI в. С. 144–145.

³⁵ Копанев А. И. 1) Крестьянство Русского Севера в XVI в. С. 128–135; 2) Крестьяне Русского Севера в XVII в. С. 99–102.

ландшафты, вплотную приблизившись к важности проблемы исторического ландшафта в целом и деревенского микроландшафта в частности³⁶.

В обеих монографиях А. И. Копанев уделил большое внимание взглядам А. Я. Ефименко, известной во второй половине XIX в. исследовательницы русского Севера. Он рассмотрел ее «задружную теорию» и «теорию долевого деревни»³⁷ и весьма критично отнесся к доводам исследовательницы о существовании с XIV по XVI в. семейных коммун, идентичных юго-славянской задруге, и соответствовавших им коллективных формам земельной собственности. Опираясь на поземельные документы — дельные между родственниками, отступные, вкладные (в монастырь), ученый со всей определенностью заявляет о появлении больших семей, трактуемых А. Я. Ефименко как задруга, в «результате затянувшегося раздела хозяйства между братьями — и в XVI в., и позднее и даже в XIX в. Они естественно распались на малые семьи, земельные владения дробились, отчуждались в другие руки». Ученый находил такие разросшиеся семьи случайным образованием. При характеристике же вопроса о населении двора и составе семьи на основе писцового материала он убедился в широком распространении малой семьи, которая была основной хозяйственной ячейкой³⁸. Неудачным А. И. считал истолкование А. Я. Ефименко термина «печище» в качестве самостоятельного этапа коллективного крестьянского землевладения, который перестал существовать с преобладанием малой семьи в XVII–XVIII вв. Ученый веско доказал, что печище обозначает деревню и ее угодья, а деревенское землевладение «строится не на коллективизме семейных коммун, а на совладении малых семей, составляющих деревню»³⁹.

Теорию долевого землевладения А. Я. Ефименко А. И. Копанев рассмотрел также в связи с характеристикой поземельной структуры северной деревни. Исследовательница полагала, что каждый из дворов деревни (он появлялся в результате разделов «родового» двора и земли) имел не реальные земельные участки, а обладал только правом на «известную долю» земельного комплекса деревни. Ученый обстоятельно показал, что не «идеальными» долями располагали крестьяне, а вполне реальными землями — лоскутами, полями. Он твердо считал доленое деревенское землевладение «формой индивидуального подворного владения крестьян-соседей в деревне». Доля каждого двора в деревне состояла из большого числа полос и участков, лежащих между полосами и участками соседей. «Это явление присуще как черносошной, так и монастырской деревне»⁴⁰.

³⁶ В этой области появились интересные работы археологов: Русь в XIII веке: Древности темного времени / Отв. ред. Н. А. Макаров, А. В. Чернецов. М., 2003; Культура средневековой Москвы: Исторические ландшафты. Т. 1–3. М., 2004–2005.

³⁷ Копанев А. И. 1) Крестьянство Русского Севера в XVI в. С. 124–128; 2) Крестьяне Русского Севера в XVII в. С. 102–111.

³⁸ Копанев А. И. Крестьянство Русского Севера в XVI в. С. 124–125, 120–122.

³⁹ Там же. С. 125–128.

⁴⁰ Там же. С. 137–139.

Особенно подробно теорию долевого деревни А. И. разобрал в монографии о крестьянах в XVII в., так как выводы А. Я. Ефименко воспроизводились в историографии и после выхода его книги о крестьянстве XVI в. Он привел исходные посылки исследовательницы, которыми она обосновала свою теорию. Согласно ей, землевладение в северных деревнях в своем развитии прошло три стадии: 1) коллективной собственности семейных коммун (задруг) в период новгородской власти на Двине; 2) доленое владение землей XVI–XVII вв., развившееся из разделения владений одного родового двора между членами некогда единого хозяйства; 3) подворно-участковое владение индивидуального характера XVIII в., которое появилось в результате разложения долевого владения под действием частной собственности. При доленом владении, доказывала А. Я. Ефименко, всякий участник семейного раздела получал не определенные участки земли, а лишь право на известную долю в каждом из участков. А. И. Копанев отдал должное стройности теории крестьянского землевладения, предложенной исследовательницей, которую занимал еще и вопрос о происхождении сельской общины. «Для своего времени выводы А. Я. Ефименко о происхождении поземельной общности деревни имели большое значение». Опираясь на источники — поземельные акты, данные писцовых книг, веревную книгу Паниловской волости, А. И. Копанев утвердился в следующем: «Итак, основным принципом организации земельного владения деревни является совладение составляющих деревню дворохозяев (малых семей в подавляющем числе случаев), имевших определенный надел. Следовательно, термин “подворно-участковое владение” вполне точно отражает существо деревенской поземельной организации в XVI и XVII вв., да и, как мы убедились, в XV в.» Далее, опровергая наблюдения А. Я. Ефименко, он писал, что при разделе земельных владений «одиноко стоящего двора» или двора в деревне каждый его участник получал совершенно определенную часть земли, а не идеальную ее долю. Подводя итог рассмотрению данного вопроса ученый заключил: «Поземельные отношения в северной деревне в XV, и XVI, и XVII вв. основываются на принципе подворно-участкового владения. Долевой деревни, как некоего длительного периода поземельных отношений, на Севере не было. Утверждая это, мы совсем не отрицаем существования в более ранние периоды и больших семей, и доленых на первых стадиях деревень»⁴¹.

Изучая поземельное устройство северной деревни А. И. Копанев, естественно, не мог обойти вниманием вопроса о крестьянской общине. Изучая в свое время землевладение в Белозерье, он выделяет земли, находившиеся в частном владении волостных крестьян и общем, каковыми были сенокосы, выгоны, леса, рыбные ловли. «Волостной мир в лице старосты и “всех крестьян” смотрел прежде всего за тем, чтобы земли не выходили из состава волости и не попадали в руки монастыря». Крестьяне охраняли волостные границы и отстаивали земли при отводах и межевании, в спорных судебных делах с соседом-монастырем⁴².

⁴¹ Копанев А. И. Крестьяне Русского Севера в XVII в. С. 103–104, 108, 111.

⁴² Копанев А. И. История землевладения Белозерского края XV–XVI вв. С. 191–199.

Общине XVI в. в Подвинье историк посвятил специальные статьи⁴³, а в монографиях сосредоточился на сюжетах, тесно с ней связанных. Имеет смысл обратиться к статье 1973 г., так как в ней значительно скорректирована теоретическая посылка автора и расширен круг разбираемых вопросов. Исходя из реальности источниковой базы, позволяющей судить об общине лишь с XV в., ученый полагал, что отсутствует возможность установить генетическую связь общин, фиксируемых в документах, с теми территориальными общинами, которые проступают из летописей, из Русской правды. Он считал, что такой непосредственной связи на территориях России, «освоенных русским населением уже на стадии классового общества, вообще не существует», так как земли колонизовали не племенные или родовые союзы, как практиковали древние германцы, а иные сообщества. По его мнению, «необходимость коллективного действия при земледельческой крестьянской колонизации, диктуемая трудоемкостью процессов освоения новых земель, исключала или сводила к минимуму крестьянскую робинзонаду». Именно труд «хозяйственно-обусловленных коллективов» при освоении новых земель и формировал общинность, которая поддерживалась общественным трудом и коллективной ответственностью, а часть земель, освоенных сообществом, поступала в обладание отдельных крестьянских семей. Всё это вкуче создавало «базу постоянно регенерирующейся общины, было основой живучести общинных традиций, пронизывающих в течение столетий сознание русского крестьянина и фиксированных в нормах обычного права». В русской общине XVI в. «лишь слабо угадывается ее архаический прототип»⁴⁴.

В рассматриваемой статье А. И. Копанев сосредоточился в основном на поземельно-хозяйственных отношениях в северной общине, которую он идентифицирует с фигурирующей в источниках волостью. В Подвинье, где позиции феодального землевладения были слабы, «крестьянская община доминирует и выступает здесь с большей ясностью, чем в центре Русского государства, где она отодвинута на задний план торжествующим феодалом»⁴⁵. При характеристике волости как общины А. И. исходил из марксистского постулата о дуализме частного и коллективного начал в землевладении. Обрисовав территориальное пространство и величину волостей ученый, отметил, что хозяйствование каждой крестьянской семьи в них было индивидуальным, а его успешность зависела от согласованности с деятельностью соседних дворов как в деревне, так

⁴³ Копанев А. И. 1) Куростровская волость во второй половине XVI в. (Из истории подвинского крестьянства) // Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню семидесятилетия. Сб. статей. М., 1952; 2) Крестьянская община в Подвинье в XVI в. // Аграрная история и социалистические преобразования северной деревни. Вологда, 1973. Первая статья посвящена выяснению принципов волостного обложения различными налоговыми сборами и основным типам их раскладки — имущественному «по животам и промыслам» и поземельному «по веревкам», выявлению имущественной дифференциации и господства богатой верхушки в волостном управлении.

⁴⁴ Копанев А. И. Крестьянская община в Подвинье в XVI в. С. 319–321.

⁴⁵ Там же. С. 321.

и в волости. «Частная собственность крестьян» на обрабатываемые пахотные и сенокосные земли сочеталась с общеволостным владением угодьями: пастбищными, лесными — с охотничьими путиками и перевесищами, рыболовными — с тонями и езами. Интересно замечание А. И. о «периферийном характере» общинных владений волости и имевшейся при этом «некоторой верховной власти над всеми землями, в том числе и над теми, которые были в частном владении у крестьян»⁴⁶. Такая верховная власть проявлялась в отношении запустевших участков, при судебной защите массива волостной земли от разных посягательств, причем с предъявлением документов. В статье ученый вкратце остановился также на некоторых других вопросах, в том числе на функциях самоуправления. Более подробно они были показаны в обеих упоминаемых монографиях⁴⁷. Волостной сход как орган управления с его главной, выборной функцией, обязанности выборного аппарата, проявлявшаяся на сходе социальная борьба занимали автора в книге о крестьянах в XVI в. Конкретная же история вятской Совьинской вол. — образование ее территории, внутренняя жизнь и взаимоотношения с местным управлением охарактеризованы в книге о крестьянах в XVII в. Показательны слова А. А. Преображенского об этом разделе книги: «Яркая картина жизни Совьевской оброчной волости Слободского уезда в 1674–1675 гг. мастерски нарисована А. И. Копаневым на основе расходных книг земского целовальника Тимофея Загребина»⁴⁸, тем более что публикатор упомянутого источника в свое время был как раз А. А. Преображенский.

Образ А. И. Копанева-ученого неотделим от его главной, нравственно-этической линии жизни. Жизнь же вела его, как и многих людей его поколения, через трудные испытания. Александр Ильич мужественно прошел все «проверки на дорогах» и военного, и мирного времени. Свойственные ему сила духа, убежденность, верность внутренним принципам, заложенным в семье, конечно, проявлялись в научной работе. Прослеженная стойкая приверженность А. И. Копанева изучению истории крестьян, и именно северных, имела глубокие корни. Они вводили в XVII в., в ту вятскую волость, социальную жизнь которой он так живо раскрыл. Совершенно ясно, что крестьяне для Александра Ильича не незнакомцы. Его крестьяноведение, возможно, подпитывалось нравственной необходимостью потомка воздать должное представителям когда-то свободно хозяйствовавшего сословия, которое уничтожалось у него на глазах в годы коллективизации.

References

- Agrarnaja istorija Severo-Zapada Rossii XVII veka (naselenie, zemlevladienie, zemlepol'zovanie) / Rukovoditel' avtorskogo kollektiva A. L. Shapiro. L., 1989.
- Ivina L. I. Monografija A. I. Kopaneva «Istorija zemlevladienija Belozerskogo kraja XV–XVI vv» i ee istoriograficheskoe znachenie // A. I. Kopanev. Sbornik statej i vospominanij. SPb., 1992. S. 14–22.

⁴⁶ Копанев А. И. Крестьянская община в Подвинье в XVI в. С. 322–327.

⁴⁷ Копанев А. И. 1) Крестьянство Русского Севера в XVI в. Гл. 5. С. 214–230; 2) Крестьяне Русского Севера в XVII в. Гл. 6. С. 208–226.

⁴⁸ Преображенский А. А. Историк об историках России XX столетия. С. 163.

- Копанев А. И. Дипломатика поземельных актов двинских крест'ян XVI в. // VID. Вып. VI. Л., 1974. С. 142–160.
- Копанев А. И. История землевладения Белозерского края XV–XVI вв. М.; Л., 1951.
- Копанев А. И. К вопросу о структуре землевладения на Двине в XV–XVI вв. // Вопросы аграрной истории. Вологда, 1968. С. 442–462.
- Копанев А. И. Крест'янская община в Подвинье в XVI в. // Agrarnaja istorija i socialisticheskie preobrazovanija severnoj derevni. Вологда, 1973. С. 319–351.
- Копанев А. И. Крест'янское землевладение Подвинья в XVI в. // Problemy krest'janskogo zemlevladienija i vnutrennej politiki Rossii. L., 1972. S. 103–137.
- Копанев А. И. Крест'янство Русского Севера в XVI в. Л., 1978.
- Копанев А. И. Куростровская волость во второй половине XVI в. (Из истории подвинского крест'янства) // Akademiku Borisu Dmitrievichu Grekovu ko dnu semidesjatiletija. Sb. statej. M., 1952. S. 146–156.
- Копанев А. И. Куростровские столбцы XVI в. // Materialy po istorii Evropejskogo Severa SSSR: Severnyj arheograficheskij sbornik. Вып. 1. S. 398–399.
- Копанев А. И. Оценная книга Кемской волости с волостками 30-х годов XVII в. // Materialy i soobshhenija po fondam Otdela rukopisnoj i redkoj knigi Biblioteki Akademii nauk SSSR. M.; L., 1966. S. 186–198.
- Копанев А. И. Оценная книга Кемской волости с волостками как источник jekonomicheskoi istorii pomorskoj derevni XVII v. // Issledovanija po otechestvennomu istochnikovedeniju. M.; L., 1964. S. 344–354.
- Копанев А. И. Платежная книга Двинского уезда 1560 г. // Agrarnaja istorija Evropejskogo Severa SSSR. Вологда, 1970. S. 514–515.
- Копанев А. И. Веревная книга Паниловской волости 1612 г. // Materialy po istorii Evropejskogo severa SSSR. Severnyj arheograficheskij sbornik. Вып. III. Вологда, 1973. S. 380–401.
- Копанев Г. И. Из бол'шож крест'янской сем'и: (Vospominanija mladshego brata) // Aleksandr Il'ich Kopanev. Sbornik statej i vospominanij. SPb., 1992. S. 67–82.
- Kul'tura srednevekovoj Moskvy: Istoricheskie landshafty. T. 1–3. M., 2004–2005.
- Materialy po istorii Evropejskogo Severa SSSR: Severnyj arheograficheskij sbornik. Вып. 2. Вологда, 1972. Preobrazhenskij A. A. Istori ob istorikah Rossii XX stoletija. M., 2000.
- Rus' v XIII veke: Drevnosti tjomnogo vremeni / Otv. red. N. A. Makarov, A. V. Chernecov. M., 2003.
- Shvejkovskaja E. N. Gosudarstvo i krest'jane Rossii: Pomor'e v XVII veke. M., 1997.
- Velikij neznakomec: Krest'jane i fermery v sovremennom mire. M., 1992.
- Zimin A. A., Kopanev A. I. Materialy po istorii Vymskoj i Vychedgodskoj zemli konca XVI v. // Materialy po istorii Evropejskogo Severa SSSR: Severnyj arheograficheskij sbornik. Вып. 1. Вологда, 1970. S. 432–486.

Список литературы

- Аграрная история Северо-Запада России XVII века (население, землевладение, землепользование) / Руководитель авторского коллектива А. Л. Шапиро. Л., 1989.
- Великий незнакомец: Крестьяне и фермеры в современном мире. М., 1992.
- Горская Н. А. Б. Д. Греков. М., 1999.
- Ефименко А. Я. Исследования о народной жизни. Вып. 1: Обычное право. М., 1884.
- Зимин А. А., Копанев А. И. Материалы по истории Вымской и Вычегодской земли конца XVI в. // Материалы по истории Европейского Севера СССР: Северный археографический сборник. Вып. 1. Вологда, 1970. С. 432–486.
- Ивина Л. И. Монография А. И. Копанева «История землевладения Белозерского края XV–XVI вв.» и ее историографическое значение // А. И. Копанев. Сборник статей и воспоминаний. СПб., 1992. С. 14–22.
- Копанев А. И. Веревная книга Паниловской волости 1612 г. // Материалы по истории Европейского Севера СССР. Северный археографический сборник. Вып. III. Вологда, 1973. С. 380–401.
- Копанев А. И. Дипломатика поземельных актов двинских крестьян XVI в. // ВИД. Вып. VI. Л., 1974. С. 142–160.
- Копанев А. И. История землевладения Белозерского края XV–XVI вв. М.; Л., 1951.
- Копанев А. И. К вопросу о структуре землевладения на Двине в XV–XVI вв. // Вопросы аграрной истории. Вологда, 1968. С. 442–462.
- Копанев А. И. Крестьянская община в Подвинье в XVI в. // Аграрная история и социалистические преобразования северной деревни. Вологда, 1973. С. 319–351.
- Копанев А. И. Крестьянское землевладение Подвинья в XVI в. // Проблемы крестьянского землевладения и внутренней политики России. Л., 1972. С. 103–137.

Копанев А. И. Крестьянство Русского Севера в XVI в. Л., 1978.

Копанев А. И. Куростровская волость во второй половине XVI в. (Из истории подвинского крестьянства) // Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню семидесятилетия. Сб. статей. М., 1952. С. 146–156.

Копанев А. И. Куростровские столбцы XVI в. // Материалы по истории Европейского Севера СССР: Северный археографический сборник. Вып. 1. С. 398–399.

Копанев А. И. Оценная книга Кемской волости с волостками 30-х годов XVII в. // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописной и редкой книги Библиотеки Академии наук СССР. М.; Л., 1966. С. 186–198.

Копанев А. И. Оценная книга Кемской волости с волостками как источник экономической истории поморской деревни XVII в. // Исследования по отечественному источниковедению. М.; Л., 1964. С. 344–354.

Копанев А. И. Платежная книга Двинского уезда 1560 г. // Аграрная история Европейского Севера СССР. Вологда, 1970. С. 514–515.

Копанев Г. И. Из большой крестьянской семьи: (Воспоминания младшего брата) // Александр Ильич Копанев. Сборник статей и воспоминаний. СПб., 1992. С. 67–82.

Культура средневековой Москвы: Исторические ландшафты. Т. 1–3. М., 2004–2005.

Преображенский А. А. Историк об историках России XX столетия. М., 2000.

Русь в XIII веке: Древности темного времени / Отв. ред. Н. А. Макаров, А. В. Чернецов. М., 2003.

Материалы по истории Европейского Севера СССР: Северный археографический сборник. Вып. 2. Вологда, 1972.

Швейковская Е. Н. Государство и крестьяне России: Поморье в XVII веке. М., 1997.

С. В. Стрельников

К вопросу о дублетности информации о вкладах в монастырской документации

Монастырские вкладные книги содержат весьма ценные сведения по истории монастырской культуры, землевладению, генеалогии, строительству и т.д. В них заносились записи о вкладах при пострижении, на помин души, за здоровье и т.п. За последнее десятилетие изучение вкладных книг заметно продвинулось, что связано со введением в научный оборот и публикацией новых источников данного вида документации. Значительная часть таких исследований проводилась в контексте либо с синодиками¹, либо с приходо-расходными книгами².

В одной из работ, посвященной изучению записей о денежных вкладах в приходо-расходных и вкладных книгах Кирилло-Белозерского монастыря, ее автор, З. В. Дмитриева, поставила вопрос о дублетности информации о вкладах в монастырской документации³. При этом З. В. Дмитриева сформулировала

¹ Кузьмин А. В., Стрельников С. В. Вкладные книги // Православная энциклопедия. М., 2004. Т. 8. С. 613–617; Шаблова Т. И. Предисловие // Синодик Иосифо-Волоколамского монастыря (1479–1510-е годы). СПб., 2004; Николаева С. В. Троице-Сергиев монастырь в XVI — начале XVIII в. Вклады, вкладчики, состав монашеской братии. Сергиев Посад, 2009; Сукина Л. Б. Человек верующий в русской культуре XVI–XVII веков. М., 2011; Алексеев А. И. Об источниках для изучения поминальной практики в средневековой России (опыт размышления) // Русское средневековье: Сборник статей в честь профессора Юрия Георгиевича Алексеева / Отв. ред. А. Ю. Дворниченко. М., 2012. С. 148–163.

² Приходные и расходные денежные книги Кирилло-Белозерского монастыря. 1601–1637 гг. / Сост. З. В. Дмитриева. М.; СПб., 2010.

³ Дмитриева З. В. Записи о денежных вкладах в приходо-расходных и вкладных книгах Кирилло-Белозерского монастыря (вторая половина XVI — первая треть XVII в.) // Мавродинские чтения. 2008. Петербургская историческая школа и российская

две противоположные точки зрения по этой проблеме: Т. В. Сазоновой и мою⁴. Т. В. Сазонова при составлении перечня вкладов в Кирилло-Новозерский монастырь с середины XVI по середину XVII в. пришла к выводу, что записи о вкладах не дублировались, т.е. записывались в одну из монастырских книг. В одной из своих работ, посвященной проблеме предназначения вкладных грамот и вкладных книг, я сопоставил записи во вкладной и приходной книгах Тихвинского Большого Успенского монастыря за 12 августа 1653 г. и установил их почти текстуальное совпадение, отметив, что подобные совпадения в упомянутых книгах можно наблюдать и далее, а также указал на происхождение вкладной книги от приходо-расходной документации Тихвинского монастыря⁵. Мое отдельное наблюдение над монастырской документацией упомянутого монастыря З. В. Дмитриева интерпретировала как указание на дублирование записей в приходной и вкладной книгах без изменения «суммы внесенных денег»⁶, хотя в самой моей статье ничего не говорилось о том, что денежные суммы в этих книгах не могли меняться. Приведенный в той моей работе пример записи о вкладе решал совсем другую исследовательскую задачу: показать одно из направлений эволюции вкладных книг. Однако, не совсем точно сформулировав мое мнение, З. В. Дмитриева стала рассматривать его как одну из основных точек зрения применительно ко всей соответствующей монастырской документации. Выявив таким образом два полярных мнения, З. В. Дмитриева в целом поддержала точку зрения Т. В. Сазоновой, подкрепив ее примерами из поминальной практики Кирилло-Белозерского монастыря и сформулировав четыре вывода: «1) значительная часть сведений о вкладах не дублировалась; 2) не всегда совпадали даты учета и суммы вклада, переданного одним лицом; 3) приходо-расходные кирилловские книги не являлись первичным источником при составлении вкладных книг; 4) изучение поминальной практики в Московской Руси не будет полным только по материалам вкладных книг»⁷.

В трех из пяти приведенных З. В. Дмитриевой сравнений суммы денежных вкладов, указанные в приходной книге Кирилло-Белозерского монастыря, были меньше сумм, отраженных во вкладной книге того же монастыря⁸. Необходимо учесть, что приходо-расходные книги фиксировали практически

историческая наука: дискуссионные вопросы истории, историографии, источниковедения: Материалы Всероссийской конференции, посвященной 100-летию со дня рождения профессора Владимира Васильевича Мавродина / Под ред. А. Ю. Дворниченко. СПб., 2009. С. 302–306.

⁴ Там же. С. 302.

⁵ Стрельников С. В. К вопросу о предназначении вкладных грамот и вкладных книг // Очерки феодальной России. М.; СПб., 2006. Вып. 10. С. 70.

⁶ Дмитриева З. В. Записи о денежных вкладах... С. 302.

⁷ Там же. С. 305.

⁸ Там же. С. 304.

все финансовые потоки, в том числе и вклады, которые зачастую давались не всей суммой, а частями. Во вкладные книги вносили лишь записи о вкладах, в основном — о наиболее значимых. Кроме того, в монастырях это было связано с тем, что многие записи в отличие от приходных книг во вкладные книги вносились с задержкой, достигавшей иногда нескольких лет⁹. О подобной практике нам сообщает вкладная книга Ростовского Борисоглебского монастыря. Здесь то, что вклады могли заноситься задним числом, явствует из пояснительной записи о денежных вкладах 1613/14 и 1617/18 гг. крестьянина деревни Сопорганова Неустроя Фомина сына Угримова: «...и те ево вкладные денги в книгах были не написаны, да в 131 (1622. — С. С.) году сентября в 1 день тот же Неустрой дал в дом Пречистые Богородицы вкладу к своему старому вкладу 2 улья по рублю...»¹⁰ В Тихвинском монастыре вкладчик, чтобы получить из монастыря вкладную грамоту, содержащую обязательство монастыря перед ним, должен был внести минимум 12 рублей. Если такую сумму небогатые вкладчики разом внести не могли, тогда они ее вносили частями. Например: «...а буде он похочет к обещанию своему в тот Тихвин монастырь, и ему додать весь вклад исполна. А как он, священник Илья, донесет весь вклад исполна, и ему выдать из монастырские казны и вкладная»¹¹.

Более мелкие суммы в Тихвинском монастыре, как правило, во вкладные книги XVII в. не заносились. Зато они были широко представлены в приходных книгах монастыря. Как явствует из приходной книги 1653–1654 гг., стоимость занесения одного имени в синодик в Тихвинском монастыре составляла 5 алтын: «В 19 день взято в казну у старца Аврамия десять алтын, написали роду его два имени в сенадик. В 21 день взято в казну у посадцкого человека у Ивана Дорофеева пять алтын, написали роду его имя в сенадик»¹². Или: «В 15 день взято у старца Иосифа Званского денег сорок пять алтын, написали девять имен роду его в сенадик»¹³.

Сопоставление вкладной книги 1653–1664 гг. с приходной книгой 1653–1654 гг. Тихвинского монастыря позволяет прийти к следующим выводам. Из 17 вкладов, зафиксированных во вкладной книге с июня 1653 по июнь 1654 г., 14 вкладов отражены в приходной книге монастыря.

⁹ Стрельников С. В. Особенности редактирования вкладных и кормовых книг Ростовского Борисоглебского монастыря // Опыты по источниковедению. Древнерусская книжность: редактор и текст. СПб., 2000. Вып. 3. С. 319.

¹⁰ Титов А. А. Вкладные и кормовые книги Ростовского Борисоглебского монастыря в XV, XVI, XVII и XVIII столетиях. Ярославль, 1881. С. 55.

¹¹ Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Картон 41. № 234.

¹² Там же. Ф. 132. Оп. 2. № 148. Л. 9 об.

¹³ Там же. Л. 4 об.

Вкладная книга Тихвинского Успенского монастыря 1653–1664 гг. ¹⁴	Приходная книга Тихвинского Успенского монастыря 1653–1654 гг. ¹⁵
Взято вkladу у старца Мисаила, Чюдова монастыря постриженника, образ Никола Чюдотворец, пядница на окладе — оклад басмен на чеканное дело, за пять рублей, да денег семь рублей, и вкладная ему дана	В 30 день взято в казну вkladу у старца Мисаила к образу к Николе Чюдотворцу в додачу денег шесть рублей с полтиной да ефимок за полтину ¹⁶
Месяца июля в 28 день взято вkladу у тихвинца у посадцкого человека у Козьмы Титова денег двенадцать рублей, и вкладная ему дана	В 28 день взято в казну у тихвинца у посадцкого человека у Козьмы Титова вkladу денег двенадцать рублей ¹⁷
Месяца августа в 12 день взято вkladу у тихвинца у Агея Данилова денег двенадцать рублей, и вкладная ему дана	В 12 день взято в казну вkladу у посадцкого человека у Агея Данилова двенадцать рублей ¹⁸
162-го году сентября в ... ¹⁹ день взято вkladу Шугозерского погоста у дьячка у Моисея Анцыфорова две лошади за девять рублей да денег три рубли, и вкладная ему дана	В 30 день взято в казну у Шугозерского дьячка у Мосея Анцыфорова вkladу к двум лошадям денег три рубля ²⁰
Месяца октября в ... день взято вkladу у Самсона Иванова сына Качалова денег пять рублей да конь за семь рублей, и вкладная ему дана	В 20 день взято в казну у Самсона Иванова сына Качалова вkladу денег пять рублей к лошади в додачу ²¹
В 10 день взято вkladу у Вонтона Кондратьева сына Попова из-за рубежа мерин карь за пять рублей	
Месяца декабря в ... день взято вkladу у тихвинца у посадцкого человека у Федора Павлова сына Оглоблина мерин за десять рублей да денег два рубля, и вкладная ему дана	В 25 день взято в монастырскую казну у посадцкого человека у Федора Павлова сына Проскурникова вkladу к лошади в додачу денег два рубли ²²
В 13 день взято вkladу у слуги Степана Матфеева за сына его Семена денег двенадцать рублей, и вкладная ему дана	В 13 день взято в монастырскую казну у Стефана Матфеева сына Мачехина вkladу за сына его Семена денег двенадцать рублей ²³
Месяца генваря в 15 день взято вkladу у старца Ионы, Антоньевскаго Дымьского монастыря постриженника, отласу зеленого травчатого тринатцать аршин за пятнатцать рублей, и вкладная ему дана	
Взято в казну вkladу у посадцкого человека у Василья Трофимова вkladу у Кузнецова двор за девять рублей	В 22 день взято вkladу у посадцкого человека у Васки Кузнечихина денег девять рублей тритцать алтын. Продан двор слуге Ефиму Васильеву ²⁴
В 28 день взято в монастырскую казну вkladу у тихвинца у Ивана Яковлева денег четырнатцать рублей дватцать алтын, и вкладная ему дана	В 15 день взято в монастырскую казну вkladу у посадцкого человека у Ивана Яковлева сына Суглицкого денег четырнатцать рублей дватцать алтын ²⁵

Месяца февраля в 12 день взято вkladу у заонижанина у государева крестьянина у Тарасья Иванова жеребчик за двенадцать рублей, и вкладная ему дана	
В 18 день взято вkladу у монастырского работника у Вондрея Федотова денег двенадцать рублей, и вкладная ему дана	Взято в казну у монастырского работника вkladу у Вондрея Федотова денег двенадцать рублей ²⁶
Месяца марта в 20 день взято вkladу с Пашезера у Иванова крестьянина Унковьского у Аврама Нефедьева мерин рыж за одиннатцать рублей да денег рубль, и вкладная ему дана	В 20 день взято в монастырскую казну вkladу у Иванова крестьянина Унковьского у Аврама Нефедьева сына с Паш-озера в додачу к лошади денег рубль ²⁷
Взято вkladу в монастырскую казну у старца Феодосия Ерославьского погоста денег шесть рублей, в том ему и память дана	В 12 день взято в монастырскую в казну Ерославского погоста у старца Феодосия вkladу денег шесть рублей ²⁸
Месяца апреля в 11 день взято вkladу у тихвинца у Ивана Васильева сына Дьяконова денег двенадцать рублей, и вкладная ему дана	В 11 день взято в монастырскую казну у посадцкого человека у Ивана Васильева сына Дьяконова вkladу денег двенадцать рублей ²⁹
Месяца июня в 21 день взято в казну вkladу у старца Феодосия с Сароские пустыни денег двенадцать рублей, и вкладная ему дана	В 21 день взято в монастырскую казну вkladу у старца Феодосия с Сароские пустыни денег двенадцать рублей московским числом ³⁰

Из приведенного сравнения видно, что 82,35% вкладов из вкладной книги за указанный период отражены в приходной книге. Следовательно, вывод З. В. Дмитриевой о том, что значительная часть сведений о вкладах не дублировалась, применительно к Тихвинскому монастырю неприемлем.

¹⁴ Там же. № 150. Л. 2–4.

¹⁵ Там же. № 148.

¹⁶ Там же. Л. 3.

¹⁷ Там же. Л. 4 об.

¹⁸ Там же. Л. 6 об.

¹⁹ *Здесь и далее число в ркп. не проставлено.*

²⁰ Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 2. № 148. Л. 10.

²¹ Там же. Ф. 132. Оп. 2. № 148. Л. 16 об. — 17.

²² Там же. Л. 17.

²³ Там же. Л. 16 об.

²⁴ Там же. Л. 17.

²⁵ Там же. Ф. 132. Оп. 2. № 148. Л. 19.

²⁶ Там же. Л. 21 об.

²⁷ Там же. Л. 23 об. — 24.

²⁸ Там же. Л. 23 об.

²⁹ Там же. Л. 26.

³⁰ Там же. Л. 29.

Можно согласиться с другим выводом З. В. Дмитриевой о том, что «не всегда совпадали даты учета и суммы вклада». Замечу, что информация приходных книг более точна. Задачей же вкладных книг было выявление и упорядочение из общей массы денежных и имущественных поступлений наиболее значимых для монастыря вкладов. Эта значимость вклада могла быть связана как со статусом лица, пожертвовавшего в монастырь (царь, представители аристократии, приказные дьяки, иерархи и т.д.), так и с обязательствами монастыря перед вкладчиками.

Вопрос о том, являлись ли приходные книги первичным источником при составлении вкладной книги Тихвинского монастыря, требует специального рассмотрения. Сама клаузула «взято вкладу в монастырскую казну», присутствующая в разных вариациях и в приходной книге 1653–1654 гг. и во вкладной книге, отличается от клаузулы «дал вкладу», которая встречается во вкладных книгах некоторых других монастырей. Следовательно, вкладная книга Тихвинского монастыря 1653–1664 гг. возникла на основе прихода-расходной документации. Несмотря на то что приведенные в таблице записи вкладов из вкладной и приходной книг были написаны одним почерком, сравнение записей показывает, что многие из них по содержанию схожи, но не идентичны. Отсутствие в приходной книге записей о 3 вкладах, присутствующих во вкладной книге, указывает на то, что приходная книга 1653–1654 гг. не являлась первичным источником при составлении упомянутой вкладной книги. Какие источники тогда являлись первичными при составлении вкладной книги? Вкладная книга 1653–1664 гг. и приходная книга 1653–1654 гг. имеют тетрадную форму. В самой вкладной книге в записях за апрель 1660 г. встречаются пояснения «дача его в столповые книги писана» и «дача его в приходную книгу писана». Упомянутые здесь «столповые книги» и есть те самые первичные документы при составлении вкладных книг. Пример такой «столповой книги» с записями вкладов встретился среди столбцов Тихвинского монастыря. На обеих сторонах става содержатся написанные разными почерками записи вкладов за 15–25 февраля 1662 г.³¹ Из 19 вкладов «столповой книги» 8 вкладов на сумму 12 и более рублей отражены во вкладной книге 1653–1664 гг. за период 10–25 февраля 1662 г. Остальные 11 вкладов «столповой книги» содержат меньшие суммы и во вкладной книге 1653–1664 гг., фиксировавшей выдачу вкладных грамот, не представлены. И в самой вкладной книге за период 10–25 февраля 1662 г. содержатся только упомянутые 8 вкладов. Несмотря на то что вклады в «столповой книге» записаны под 15–25 февраля, а во вкладной книге даты сдвинуты в интервале 10–25 февраля, можно сделать вывод о том, что перед нами черновик вкладной книги за указанный период. Кроме того, все 19 вкладов «столповой книги» отражены в прихода-расходной книге 1660–1664 гг. за период с 10 по 25 февраля 1662 г. Если в «столповой книге» используются клаузулы «дал вкладу», «дал... вкладом», «дал», то в прихода-расходной

³¹ Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Картон 8. № 144. Л. 1 – 1 об.

Вкладная книга Тихвинского Успенского монастыря 1653–1664 гг. ³⁴	Прихода-расходная книга Тихвинского Успенского монастыря 1660–1664 гг. ³³	Вкладная книга Тихвинского Успенского монастыря 15–25 февраля 1662 г. ³² («столповая книга»)
Месяца февраля в 10 день взято в монастырскую казну вкладу у князь Алексеевых крестьянина Путятина у Гаврилы Фомина Никольского погоста деревни Белье со Пшеву жи денег десять рублей мерин ворон, деньги в приход писаны, и вкладная ему дана	В 10 день взято в монастырскую казну вкладу у князь Алексеева крестьянина Путятина у Гаврилы Фомина Никольского погоста деревни Белье со Пшеву жи денег десять рублей да за два рубля мерин ворон	170-го году февраля в 15 день дал вкладу князя Алексея Елизарьева сына Путятина крестьянин ево Гаврилка Фомин Никольского погоста деревни Белье со Пшеву жи ³⁵ реки денег десять рублей да столовой рубль, да мерин ворон взят за два рубля о покрове
	Того же дни дал в монастырскую казну Андрей Дмитриев сын Апрелев мерина сера 10 лет, написати пять имян в литею и в сенадик	Того же дни дал Андрей Дмитриев сын Апрелев в дом Пречистые Богородицы мерина сера 10 лет, написать в литею и в сенаник пять имян: Федор, Дмитрий 2, Иван, Ульян
	Дал в монастырскую казну Важенского погоста Семен Антонов из Согиниц денег восемь рублей. За те денги написали два имяни в литею и в сенадик.	Того же дни дал Важенского погоста Семен Антонов из Согиниц, написать в литею и в сенаник, денег 8 рублей, Деонисия, Магронне. А денги платил старец Иосиф Задние Никифоровские пустыни
	В 11 день дал в монастырскую казну Василья Степанова сына Карсакова крестьянин Андрей Власьев денег полтора рубли. За те денги написали шесть имян в сенадик	Февраля в 16 день дал Василья Степанова сына Карсакова крестьянин Андрей Власьев денег медных 40 алтын да белых 10 алтын 4 денги, написать в сенаник 6 имян род Андрея Власьева сына Петрова: Власья, Андрея, Пелагию, инока Сергия, схим. Исофе, Петра
	Того же взято в монастырскую казну денег рубль, написали два имяни в сенадик	Того же дни дал крестьянин денег рубль, написать в сенаник 2 имяни

³² Там же. Ф. 132. Оп. 1. Картон 8. № 144. Л. 1 – 1 об.

³³ Там же. Оп. 2. № 182. Л. 239 об. – 242.

³⁴ Там же. № 150. Л. 37–38.

³⁵ Так в ркп. Речь идет о реке Паише.

Того же дни дал Тихвина монастыря крилашанин Мардарей денег пять алтын, написать в сенаник имя	Взято в монастырскую казну у крылошанина у старца Мардария пять алтын, написали имя в сенадик	
В 1736 день дал в дом Пречистые Богородицы вкладу Данило Григорьев сын Чоглоков 14 рублей, на стол 2 рубли	В 13 день дал в монастырскую казну вкладу Данило Григорьев сын Чоглоков денег четырнадцать рублей	В 13 день дал в монастырскую казну вкладу Данило Григорьев сын Чоглоков денег 14 рублей, деньги в приход писаны, и вкладная ему дана
Дали того же дни запону литовскую камчатую узорчатую да денег два рубли, написали три имени в литею	Того же дни дал в монастырскую казну ладожанин запону литовскую камка узорчатая да денег два рубли, написали за тое дачу три имени в литею	
В 18 день дал в дом Пречистые Богородицы и Poleвич Иван Ермолин сын Якшинец денег три рубли, написать в литею Алексея	В 16 день взято в монастырскую казну у Ивана Ермолина денег три рубли, написали имя в литею	
Того же дни дал в дом Пречистые Богородицы Илья Дмитриев сын Гороховостов вершок шапочном женском отласном, незаном жемчужном, да денег 23 алтына серебряных, а написати за ту ево дачу 6 имен в литею и в сенадик: Дмитриря, Ксению, Никифора, Григория, Ивана, Устинию девицу, Ивана... ³⁷	Того же дни дал в монастырскую казну Илья Дмитриев сын Гороховостов вершек шапочной отласной женской, незан жемчутом, да денег дал серебряных дватцать три алтына, написали за тое дачу шесть имен в литею и в сенадик. А шапачной вершок отдан в ризницу	
Февраля же в 18 день дал вкладу в дом Пречистые Богородицы в Тихвин монастырь Григорей Андреев сын Ханьков денег 13 рублей да столовой рубль, взяти белых денег	В 18 день дал в монастырскую казну вкладу Григорей Андреев сын Ханьков денег тринадцать рублей	В 18 день дал в монастырскую казну вкладу Григорей Андреев сын Ханьков денег 13 рублей, деньги в приходные книги писаны, и вкладная ему дана
В 19 день дал в дом Пречистые Богородицы вкладу Деревяницкого монастыря старец Иосиф Слепой денег пятнадцать рублей, написать 14 рублей	Дал в монастырскую казну вкладу Деревяницкого монастыря старец Иосиф Слепой денег четырнадцать рублей	Взято в монастырскую казну вкладу Деревяницкого монастыря у старца у Иосифа Слепого денег 14 рублей, деньги в приход писаны, и вкладная ему дана

³⁶ В тексте исправлено с 13 на 17.

³⁷ Так в ркп.

Того же дни дал в казну Пречистые Богородицы крестьянин Тимофей Вавилов сын денег два рубли, написали отца ево Вавилу в литею и в сенадик	Того же дни взято в монастырскую казну Тихфина же монастыря у крестьянина у Тимофея Вавилина деревни Пудроли денег четыре рубли, написали два имени в литею и в сенадик	
Он же дал по матери своей Ульяне денег 2 рубли, написать имя его и Ульяну в литею и в сенадик		
Того же дни дал в дом Пречистые Богородицы вкладом Василей Степанов сын Тигодцкой вкладом кобылицу карю за трицать рублей да денег десять рублей, на стол белых рубль	Того же дни дал в монастырскую казну Василей Степанов сын Тигодцкой вкладом кобылицу карю за трицать рублей да денег десять рублей	Дал в монастырскую казну вкладу Василей Степанов сын Тигодцкой вкладом кобылицу карю за 30 рублей да денег 10 рублей, деньги в приход писаны, и вкладная ему дана
В 20 день дал в дом Пречистые Богородицы вкладом Вытегорского погоста государев крестьянин Киприян масла коровья 4 гривенки за десять рублей да в додачу денег два рубли, да столовых два рубли	В 20 день взято в монастырскую казну вкладу Вытегорского погоста государева крестьянина у Киприяна масла коровья два пуда 4 гривенки за 10 рублей да денег два рубли, деньги в приходные книги записаны, и вкладная ему дана	В 20 день взято в монастырскую казну вкладу Вытегорского погоста у государева крестьянина у Киприяна масла коровья два пуда 4 гривенки за 10 рублей да денег два рубли, деньги в приходные книги записаны, и вкладная ему дана
В 21 день дал в дом Пречистые Богородицы вкладом ис хлебни Иван Иванов сын денег двенадцать рублей да на стол рубль	В 21 день взято в монастырскую казну вкладу ис хлебни у Ивана Иванова денег двенадцать рублей	В 21 день взято в монастырскую казну вкладу ис хлебни у Ивана Иванова денег 12 рублей, деньги в приход писаны
Февраля в 25 день дал в казну Ивана Васильева сына Мозовского крестьянин денег 5 рублей 5 алтын, написать в литею и сенадик Июду	Взято в монастырскую казну у Ивана Васильева сына Мозовского у крестьянина денег пять рублей пять алтын, написали имя в литею и в сенадик	
Того же дни дал Архангельского погоста ис Суды Семен Константинов прошлого 169-го году к прежней своей дачи денег пять рублей белых да рубль красных	Того же дни взято в монастырскую казну Архангельского погоста ис Суды у Семена Константинова ко вкладу к прежней ево дачи 169-го году денег шесть рублей	Того же дни взято в монастырскую казну Архангельского погоста ис Суды у Семена Константинова ко вкладу к прежней ево дачи 169-го серебряных денег пять рублей да медных рубль денег, в приход писаны, и вкладная ему дана

и вкладной книгах клаузулы «взято в монастырскую казну» и «дал в монастырскую казну» указывают на текстологическое сходство приходо-расходной и вкладной книг. При этом 2 вклада Тимофея Вавилова (Вавилина), отраженные в «столповой книге», в приходо-расходной книге объединены и суммированы. Записи вкладов в приходо-расходной книге за указанный период расположены компактно и в той же последовательности, что и записи в «столповой книге». Исключение составляет запись вклада Ивана Иванова, расположенная в приходо-расходной книге после записи вклада Семена Константинова (в приведенной ниже таблице он перемещен для удобства сравнений). Однако это можно объяснить стремлением составителя приходо-расходной книги придать записям хронологическую стройность. Интересно, что в приходо-расходной книге перед блоком записей, полностью представленных в «столповой книге», и после него имеются еще записи о вкладах за февраль 1662 г., не отраженные в «столповой книге». Следовательно, составитель приходо-расходной книги использовал отдельные листы (ставы столбцов), в том числе и наш лист («столповую книгу») с записями вкладов.

Интересно, что деньги «на стол» в приходных книгах не фиксировались. В то же время серебряные и медные деньги в приходо-расходной книге могли суммироваться. Сам текст вкладных записей из «столповой книги» при перенесении сперва в приходо-расходную книгу, а из нее во вкладную книгу сохранил некоторое редактирование, связанное с определенным формуляром записей вкладной книги и ее функциональным назначением — регистрацией выданных вкладных грамот.

О том, что в столбцы заносили записи о вкладах и других денежных поступлениях, можно судить и по упоминанию в другой вкладной книге Тихвинского монастыря, содержащей записи с сентября 1668 г.: «...и те деньги в столповые казенные денежные приходные книги писаны»³⁸.

Итак, изучение монастырской документации Тихвинского Успенского монастыря позволяет сделать вывод о том, что записи во вкладной и приходной книгах могли дублироваться, однако оба источника, имевшие тетрадную форму, составлялись на основе столбцовых записей, являвшихся первичными источниками при составлении как вкладных книг, так и приходо-расходных.

References

Alekseev A. I. Ob istochnikah dlja izuchenija pominal'noj praktiki v srednevekovoj Rossii (opyt razmyshlenija) // Russkoe srednevekov'e: Sbornik statej v chest' professora Jurija Georgievicha Alekseeva / Otv. red. A. Ju. Dvornichenko. M.: Drevlehranilishhe, 2012. S. 148–163.

Dmitrieva Z. V. Zapisi o denezhnyh vkladah v prihodo-rashodnyh i vkladnyh knigah Kirillo-Belozerskogo monastyrja (vtoraja polovina XVI — pervaja tret' XVII v.) // Mavrodinskie chtenija. 2008. Peterburgskaja istoricheskaja shkola i rossijskaja istoricheskaja nauka: diskussionnye voprosy istorii, istoriografii, istochnikovedenija: Materialy Vserossijskoj konferencii, posvjashhennoj 100-letiju so dnja rozhdenija professora Vladimira Vasil'evicha Mavrodina / Pod red. A. Ju. Dvornichenko. SPb., 2009. S. 302–306.

Kuz'min A. V., Strel'nikov S. V. Vkladnye knigi // Pravoslavnaia jenciklopedija. M., 2004. T. 8. S. 613–617.

³⁸ Архив СПбИИ РАН. Кол. 115. № 75. Л. 9.

Nikolaeva S. V. Troice-Sergiev monastyr' v XVI — nachale XVIII v. Vklady, vkladchiki, sostav monasheskoj bratii. Sergiev Posad, 2009.

Strel'nikov S. V. K voprosu o prednaznachenii vkladnyh gramot i vkladnyh knig // Ocherki feodal'noj Rossii. M.; SPb., 2006. Vyp. 10. S. 58–74.

Strel'nikov S. V. Osobennosti redaktirovanija vkladnyh i kormovyh knig Rostovskogo Borisoglebskogo monastyrja // Opyty po istochnikovedeniju. Drevnerusskaja knizhnost': redaktor i tekst. SPb., 2000. Vyp. 3. S. 305–322.

Sukina L. B. Chelovek verujushhij v russkoj kul'ture XVI–XVII vekov. M., 2011.

Titov A. A. Vkladnye i kormovye knigi Rostovskogo Borisoglebskogo monastyrja v XV, XVI, XVII i XVIII stoletijah. Jaroslavl', 1881.

Shablova T. I. Predislovie // Sinodik Iosifo-Volokolamskogo monastyrja (1479–1510-e gody). SPb., 2004.

Список литературы

Алексеев А. И. Об источниках для изучения поминальной практики в средневековой России (опыт размышления) // Русское средневековье: Сборник статей в честь профессора Юрия Георгиевича Алексева / Отв. ред. А. Ю. Дворниченко. М., 2012. С. 148–163.

Дмитриева З. В. Записи о денежных вкладах в приходо-расходных и вкладных книгах Кирилло-Белозерского монастыря (вторая половина XVI — первая треть XVII в.) // Мавродинские чтения. 2008. Петербургская историческая школа и российская историческая наука: дискуссионные вопросы истории, историографии, источниковедения: Материалы Всероссийской конференции, посвященной 100-летию со дня рождения профессора Владимира Васильевича Мавродина / Под ред. А. Ю. Дворниченко. СПб., 2009. С. 302–306.

Кузьмин А. В., Стрельников С. В. Вкладные книги // Православная энциклопедия. М., 2004. Т. 8. С. 613–617.

Николаева С. В. Троице-Сергиев монастырь в XVI — начале XVIII в. Вклады, вкладчики, состав монашеской братии. Сергиев Посад, 2009.

Стрельников С. В. К вопросу о предназначении вкладных грамот и вкладных книг // Очерки феодальной России. М.; СПб., 2006. Вып. 10. С. 58–74.

Стрельников С. В. Особенности редактирования вкладных и кормовых книг Ростовского Борисоглебского монастыря // Опыты по источниковедению. Древнерусская книжность: редактор и текст. СПб., 2000. Вып. 3. С. 305–322.

Сукина Л. Б. Человек верующий в русской культуре XVI–XVII веков. М., 2011.

Титов А. А. Вкладные и кормовые книги Ростовского Борисоглебского монастыря в XV, XVI, XVII и XVIII столетиях. Ярославль, 1881.

Шаблова Т. И. Пredisловие // Синодик Иосифо-Волоколамского монастыря (1479–1510-е годы). СПб., 2004.

А. Н. Пермякова

Записка графа Петра Толстого о ссылке в Соловецкий монастырь

В последнее время исследование дворянства и в особенности его «политической верхушки» стало некоторым трендом как в отечественной, так и зарубежной исторической науке¹. Вопросы взаимоотношений власти (государства) и общества в период петровских реформ, политической элиты и дворянства в первые десятилетия «усвоения» петровского наследия, так прочно вошедшего в историческую память как эпоха «дворцовых переворотов», не могли оставить исследователей равнодушными. Так, И. В. Курукин рассматривает особенности российского «переворотства» как «своеобразный механизм разрешения противоречий в правящей верхушке», а феномен «дворских бурь», понимается как «довольно устойчивый компонент политической культуры в условиях самодержавия»².

Судьбы опальных и ссыльных представителей элиты, как и сами политические процессы конца XVII — первой половины XVIII в. нашли широкое отражение в историографии³. Условно работы можно разбить на две группы: «биографичес-

кие» — посвященные опале конкретных персон, и «институциональные» — изучающие органы сыска и политические процессы первой половины XVIII в.

Дело графа Петра Андреевича Толстого оказалось на перекрестке данных тем. Возглавив Канцелярию тайных розыскных дел, созданную по приказу Петра I для расследования дела царевича Алексея Петровича, в конечном счете ее бывший глава сам был подвергнут опале и ссылке на Соловки. Приговор члену Верховного Тайного совета П. А. Толстому, как и прочим участникам придворного заговора: генерал-полицмейстеру С.-Петербурга А. М. Девиеру, генералу И. И. Бутурлину, генералу А. И. Ушакову и генерал-майору Г. Г. Скорнякову-Писареву, а также обер-церемониймейстеру графу Ф. Санти, желавшим возвести на престол дочерей Екатерины, был вынесен в тот же день, когда императрица «с великим покоем преставилась» — 6 мая 1727 г.⁴

Известно, что умиравшая Екатерина находилась в изоляции — в последние часы ее жизни светлейшему князю А. Д. Меншикову удалось получить от нее резолюцию по розыскному делу, проведенному им в кратчайший срок⁵. Окончательная редакция манифеста о «государственных винах» всех тех, кто «вымышлял злые способы» Петра II «до законного наследия не допустить» была заслушана Советом лишь 26 мая 1727 г., обнародование состоялось на следующий день⁶. Не дожидаясь издания манифеста, все замешанные в данном деле были разосланы по разным российским городам, селам и армейским полкам, а их отписные деревни его императорское величество еще 25 мая 1727 г. «пожаловал разным чинов людям за их славные службы и многие труды в вечное наследие им и потомкам их»⁷. По ведомости, представленной из Сената в Вотчинную коллегию 2 июня 1727 г., за свои «старания» конфискованными имениями Толстого и Девиера были награждены: генерал К. Гохмут (получивший 65 дворов на условии вечной службы и присяги)⁸, подполковник Преображенского полка И. И. Дмитриев-Мамонов (93 двора), Алексей Волков (288 дворов)

политической ссылки в Сибири второй четверти XVIII века). Новосибирск, 1992; *Семеновский М. И.* Слово и дело государево! СПб., 1884; *Новомбергский Н. Я.* Слово и дело государевы. Т. 1, 2, М., 2004; *Есипов Г. В.* Люди старого века. Рассказы из дел Преображенского приказа и Тайной канцелярии. СПб., 1880; *Голикова Н. Б.* Политические процессы при Петре I. По материалам Преображенского приказа. М., 1957; *Веретенников В. И.* 1) Из истории Тайной канцелярии петровского времени. Харьков, 1910; 2) Из истории Тайной канцелярии. 1731–1762 гг. Очерки. Харьков, 1911; *Анисимов Е. В.* 1) Дыба и кнут: Политический сыск и русское общество в XVIII в. М., 1999; 2) Политический розыск и тайная полиция в XVIII в. // *Жандармы России.* СПб., 2002. С. 89–200; *Курукин И. В., Никулина Е. А.* Повседневная жизнь Тайной канцелярии. М., 2008.

⁴ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 159. Ч. 1. Л. 42.

⁵ См.: *Курукин И. В.* Эпоха «дворских бурь». С. 124–125; *Толстой М.* Краткое описание жизни графа П. А. Толстого // РА. 1896. № 1. С. 27.

⁶ Сборник ИРИО. Т. 63. Ч. III. СПб., 1888. № 272. С. 601–604; № 279. С. 615; ПСЗ-I. Т. VII. № 5084.

⁷ РГАДА. Ф. 11. Д. 356. Л. 2.

⁸ Там же. Л. 2.

¹ См.: *Анисимов Е. В.* Верхи русского общества начала петровской эпохи // *Правящая элита Русского государства IX — начала XVIII в.* СПб., 2006. С. 470–497; *Коллман Н. Ш.* Соединенные чество: государство и общество в России раннего нового времени. М., 2001; *Дворянство, власть и общество в провинциальной России XVIII века* / Ред. О. Глаголева, И. Ширле. М., 2012; *Правящие элиты и дворянство России во время и после петровских реформ (1682–1750).* М., 2013.

² *Волкова И. В., Курукин И. В.* Феномен дворцовых переворотов в политической истории России XVIII–XX вв. // *ВИ.* 1995. № 5–6. С. 40–61; *Курукин И. В.* Эпоха «дворских бурь»: Очерки политической истории послепетровской России, 1725–1762. Рязань, 2003. С. 7–50.

³ См.: *Зув А. С., Миненко Н. А.* Секретные узники сибирских острогов (очерки истории

и майор С. А. Салтыков (202 двора) и др.⁹ Таким образом, частичным раздачам подверглись именно те земли, которые в свое время (13 декабря 1718 г.) сам Толстой получил от Петра «за показанную великую службу... в привезении по рождению сына моего, а по делу губителя отца и отечества», а именно конфискованные ранее у А. Ф. Лопухина и Ф. Дубровского 1318 дворов¹⁰. К концу жизни Толстой, сокрушенный приговором, униженный лишением всех чинов и званий, вновь оказался ни с чем — его вотчины, разбросанные по 22 уездам, насчитывавшие 12 521 душу мужского пола, были «отписаны на государя»¹¹. Так горе одних оборачивалось счастьем других, в то время как механизм конфискаций и пожалований, перераспределявший земельные владения среди подданных, обеспечивал их лояльность новой верховной власти.

Толстого решено было послать в Соловецкий монастырь от крепости в тот же день, когда был читан приговор. О сборах графа к месту ссылки мы узнаём из краткой, но уникальной по содержанию записки Петра Андреевича к своим близким с распоряжениями и просьбами о подготовке к его отправке. В данном случае мы обнаруживаем ситуацию, когда ссыльному могли не предоставить времени на сборы, а подобную записку он, вероятно, посылал тайно, через доверенных лиц, второпях, чтобы хоть как-то проститься с родными и обеспечить себе сносное существование в новых условиях, захватив с собой лишь самое необходимое. Толстой отмечает, что к нему дозволено допустить только сына Ивана и его племянника Бориса Ивановича. Его «записка» содержит следующие распоряжения: «...немедленно пришлите малова Яшку с постелею и баулку с бельем, да денег двести рублей, да сто червонных. Так же чем питаться и молитвенник, и псалтырь маленькую и прочее что заблагорассудите. И малова Митьку я возьму с собою — пошлите его борошнишко (бараклишко. — А. П.), так же шлапорк мой и поваренного малова, который бы умел есть сварить, а более писать от горести не могу», — и всё же продолжает писать дальше, вспомнив очередную деталь: «...велите Яшке взять кафтан овчиной черной с камзолом и штанами, а более не знаю что надобно»¹². Удивительно, что по эмоциональной насыщенности этот краткий документ не уступает развернутому описанию «моей беды» (по выражению Н. Б. Долгорукой), т.е. «Своеручным запискам»¹³.

⁹ См.: Сборник ИРИО. Т. 69. Ч. 4. СПб., 1889. С. 123; РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 243. Л. 7–13 («Записка о раздаче деревень»).

¹⁰ См.: Павленко Н. Н. Птенцы гнезда Петрова. М., 1984. С. 196; Базарова Т. А. Семейная переписка Толстых 1720-х годов // Труды Государственного Эрмитажа: [Т.] 71: Наследие Николая Петровича Лихачева: интерпретация текста и образа: материалы научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения академика Николая Петровича Лихачева (1862–1936). СПб., 2014. С. 393.

¹¹ Павленко Н. Н. Указ. соч. С. 196.

¹² РГАДА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 215. Л. 1.

¹³ Своеручные записки княгини Н. Б. Долгорукой, дочери Г.-фельдмаршала графа Б. П. Шереметева // Безвременье и временщики: Воспоминания об «эпохе дворцовых переворотов» (1720–1760 гг.). Л., 1991.

Переживания, растерянность и сокрушенность графа П. А. Толстого выдает как почерк, так и емкие, эмоционально-насыщенные фразы: «можешь ко мне приехать простится»; «сын мой, Иван, чаю, от печали не может приехать»; «более писать от горести не могу»; «более не знаю что надобно»; «всем моим от меня благословение»¹⁴. «В петровскую эпоху люди нечасто доверяли бумаге свои переживания, а чувства любви, сочувствия и соболезнования обычно выражали короткими, скупыми фразами», — отмечает Т. А. Базарова, в то время как Петр Андреевич Толстой, напротив, в своих письмах не скупился на эмоции¹⁵.

В момент составления записки граф Толстой не знал, что его сын Иван будет сослан вместе с ним, и судьба уготовит ему, 82-летнему старику, еще один страшный удар — пережить в заточении своего сына, умершего на несколько месяцев раньше. Однако отец и сын Толстые отнюдь не единственные, кому царским указом было уготовано такое наказание. «Монастырской» ссылке подверглись как женщины из знатных родов, чьи семьи были уличены в государственных преступлениях, так и представители мужского пола, кому ссылка в монастырь под караулом была уготована как наказание, эквивалентное ссылке в Сибирь. Участь монастырского заключения испытали: бывшая царица Евдокия Федоровна Лопухина, царевны Софья и Мария, княжны Елена, Анна и Екатерина Долгорукие, Мария и Анна Волынские, сосланные в различные сибирские монастыри; князь Василий Лукич Долгорукий, граф Платон Иванович Мусин-Пушкин в разное время отбывали наказание на Соловках¹⁶. Стоит отметить, что основным различием между мужской и женской «монастырской» ссылкой был постриг, который обычно совершался над женщинами, что давало последним право участвовать в жизни монастыря и общаться с другими монахинями, мужчин же ссылали в монастырь под караулом, где келья или специальные тюремные помещения становились их постоянным местом пребывания.

Епископ Архангельский и Холмогорский Макарий свидетельствует: «Соловецкие острова в то время, как и ныне, считались ничем не лучше, если не хуже, отдаленных краев Сибири. Поэтому в Соловецкий монастырь нередко посылались на жительство с братией в трудах или для заключения разные преступники. Для посылаемых в заключение существовало в монастырских стенах множество тюрем, устроенных в земле и на земле, совершенно темных, холодных и сырых и с некоторым светом и теплом»¹⁷. В одной из них влачили свое существование отец и сын Толстые. До конца неясно, были они помещены в разные помещения или находились в одном, но в инструкции конвойному офицеру нет распоряжения о содержании их порознь.

¹⁴ РГАДА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 215. Л. 1 об.

¹⁵ Т. А. Базарова проанализировала семейную переписку Толстых, отложившуюся в Научно-историческом архиве СПбИИ РАН в собрании Н. П. Лихачева (кол. 238) (См.: Базарова Т. А. Семейная переписка Толстых 1720-х годов. С. 394).

¹⁶ См.: Фруменков Г. Г. Узники Соловецкого монастыря. Политическая ссылка в Соловецкий монастырь в XVIII–XIX веках. Архангельск, 1965.

¹⁷ Макарий. Последние дни графов Петра и Ивана Толстых // ЧОИДР. 1880. Кн. 3. С. 35.

В Соловки ссыльные были доставлены 18 июня 1727 г. под внушительным конвоем из обер-офицеров: Смирнова, Меньшуткина, Истомина, Рублева, Деньгина и 90 человек солдат. Помещены были изможденные дорогой ссыльные в наземную тюрьму, что можно расценивать как акт доброй воли, хотя некоторые из тюрем, находившихся на поверхности, были ничуть не лучше подземных ям. По замечанию епископа Макария, «тюрьма эта находилась в монастыре по правую сторону святых ворот; она служила для графов Толстых предварительным гробом и свела их в могилу»¹⁸. Причиной скорой гибели ссыльных стали условия их жизни: в камере заключения постоянно царил «темнота, теснота и нечистота; также сырость и губительная атмосфера»¹⁹. Содержали ссыльных строго, первоначально силами прибывшего с ними конвоя, а затем надзирателями над Толстыми стала стража из монастырских стрельцов. Входить в камеру к заключенным мог только караульный офицер, общение с кем-либо из братии воспрещалось, говорить ссыльные могли только с офицером (по делу) и со своим человеком, прибывшим с ними из столицы. Пропитание было скудным, состояло из нескольких блюд от трапезы иноков-постников и не могло удовлетворить привычкам привилегированных особ, тем более что кормили их один-два раза в сутки, а тяжелые условия содержания неизменно требовали богатого витаминами, белками и минеральными веществами рациона питания. После смерти узников братия стала почитать Толстых праведниками. Синодики свидетельствуют, что над могилами страдальцев ежегодно 29 июня совершалась панихида и в монастырских церквах «имя усопших возносилось на эктениях»²⁰.

Интерес представляет роспись имущества Толстых, перешедшего к монастырю после их смерти: «Денег 16 червонцев. Посуды серебряной: лохань с рукомыльником, поднос с двумя чашками, три ложки, кружка, два шандала с футляром, одни щипцы, урыльник с крышкой, солонка, — всего серебра 15 фунтов. — Часы золотые, карманные с цепочкой. Часы серебряные карманные с серебряным плетешком и двумя печатями и золотой при них ключ. Две табакерки серебряные, две пары запонок золотых со вставками. Три пары ножей с серебряной приправой. Оловянной посуды: семь блюд, дюжина тарелок, кружка, — всего 35 фунтов. Платья. Две шубы лисьи под красным сукном ветхие, из коих у одной на полах и рукавах серебряный позумент. Епанча холодная, две пары черных кафтанов, камзол и штаны ветхие, сюртук, четыре шапки ветхие и т.д. всё ветхое в одном большею частью экземпляре»²¹. Сопоставляя данный перечень с «запиской», мы можем видеть, что Толстым удалось взять с собой в «монастырскую» ссылку исключительно предметы ежедневного обихода.

«Записка» хранится в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА), в фонде 11 (Переписка разных лиц). Текст написан скорописью

¹⁸ Макарий. Последние дни графов Петра и Ивана Толстых. С. 35.

¹⁹ Там же. С. 35.

²⁰ Там же. С. 38.

²¹ Список имени Толстых в Соловецком монастыре // ЧОИДР. 1880. Кн. 3. С. 38.

начала XVIII в., очень неразборчиво, почерк размашистый, некоторые буквы имеют нехарактерное написание. Сопоставляя данный почерк с другими его письмами, отложившимися в собрании Н. П. Лихачева (Русская секция архива СПбИИ РАН. Кол. 238), можно предположить, что П. А. Толстой писал «записку» собственноручно²². Основанием датировки может служить содержание «записки». Так, документ датирован в соответствии с указом Екатерины I о ссылке графа Толстого в Соловецкий монастырь — 6 мая 1727 г. Текст ранее не публиковался. Составляя статью о графе П. А. Толстом для Русского биографического словаря, Н. П. Павлов-Сильванский сделал обширную цитату «записки», пропуская без обозначения значительные фрагменты текста и не указав места хранения автографа²³.

Учитывая, что политические процессы XVIII в. скупы на материалы личного происхождения (многие архивы опальных представителей петровской эпохи дошли до нас лишь «чудом» или же вовсе были утрачены)²⁴, а большинство документов представляют собой формализованные источники, различные «репорты», докладные записки, инструкции Сената, челобитные, указы и приговоры, считаем целесообразным привести здесь эту «записку». В то время как большинство источников не «говорят», а «докладывают», публикация указанной «записки» Толстого представляет собой особую ценность. Простота, с которой он пишет своему племяннику, его просьбы к Борису Ивановичу дают представление о ценностных ориентирах человека старомосковской и петровской эпохи.

1727 г. мая 6. — Записка к Борису Ивановичу Толстому

(л. 1) По указу Ея Императорского Величества, кавалерии и шпаги с меня сняты и велено меня послать в Соловецкий²⁵ монастырь от крепости прямо сего дня. Того ради, Борис Иванович, можешь ко мне приехать проститься? А сын мой, Иван, чаю, от печали не может²⁶ приехать. А вас обоих велено ко мне допустить.

И немедленно пришлите малого²⁷ Яшку с постелью и баулку с бельем, да денег²⁸ двести рублей, да сто червонных, так же, чем питаться и молитвенник, и псалтырь маленькую, и прочее, что заблагорассудите. // (л. 1 об.) И малого Митьку я возьму с собою, пошлите его барахлишко²⁹, так же шлапорк мой,

²² Фотоизображение одного из писем П. А. Толстого к сыну П. П. Толстому представлено в статье Т. А. Базаровой (Базарова Т. А. Семейная переписка Толстых. С. 391).

²³ Павлов-Сильванский Н. П. Неопубликованные материалы к РБС. Т. 27. М., 1999. С. 90.

²⁴ См.: Подъяпольская Е. П. Об истории и научном значении издания «Письма и бумаги императора Петра Великого» // АЕ за 1972 г. М., 1974. С. 59; Базарова Т. А. Семейная переписка Толстых 1720-х годов. С. 390–391.

²⁵ В записке: Соловецкой.

²⁶ В записке: можот.

²⁷ Здесь и далее в записке: малова.

²⁸ В записке: денех.

²⁹ В записке: борошничко.

и поваренного малого, который бы умел есть сварить. А более писать от горести не могу.

Велите Яшке взять кафтан овчиной черной с камзолом и штанами, а более не знаю, что надобно.

Впрочем, всем моим от меня благословение.

РГАДА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 215. Л. 1–1 об. Подлинник

References:

- Anisimov E. V.* Dyba i knut: Politicheskii sysk i russkoe obshchestvo v XVIII v. M., 1999. [Dyba and whip: Political investigation and Russian society in the XVIII century. M., 1999.]
- Anisimov E. V.* Politicheskii rozysk i tainaya politsiya v XVIII v. // Zhandarmy Rossii. SPb., 2002. S. 89–200. [Political wanted list and the secret police in the XVIII century // Russian gendarmes. SPb., 2002. P. 89–200.]
- Anisimov E. V.* Verkhii russkogo obshchestva nachala petrovskoi epokhi // Pravyashchaya elita Russkogo gosudarstva IX – nachala XVIII vv. SPb., 2006. S. 470–497. [Tops of Russian society at the beginning of the Petrine era // The ruling elite of the Russian state IX – beginning of the XVIII century. SPb., 2006. P. 470–497.]
- Bazarova T. A.* Semeinaya perepiska Tolstykh 1720-kh godov // Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha: [T.] 71: Nasledie Nikolaya Petrovicha Likhacheva: interpretatsiya teksta i obraza: materialy nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 150-letiyu so dnya rozhdeniya akademika Nikolaya Petrovicha Likhacheva (1862–1936) / Gosudarstvennyi Ermitazh. SPb., 2014. S. 390–399. [Tolsty's family correspondence in the 1720s // Proceedings of the State Hermitage: [T.] 71: Legacy by Nikolai Petrovich Likhachev: interpretation of the text and image: Materials of scientific conference devoted to the 150th anniversary of the birth Academician Nikolai Petrovich Likhachev (1862–1936) / The State Hermitage Museum. SPb., 2014. P. 390–399.]
- Dvoryanstvo, vlast' i obshchestvo v provintsial'noi Rossii XVIII veka /* Red. O. Glagoleva, I. Shirle. M., 2012. [The nobility, authority and society in the provincial Russia of the XVIII century / Eds. O. Glagoleva, J. Shirley. M., 2012.]
- Esipov G. V.* Lyudi starogo veka. Rasskazy iz del Preobrazhenskogo prikaza i Tainoi kantselyarii. SPb., 1880. [People of old age. Stories of the cases of the Preobrazhensky order and of the Secret Chancellery. SPb., 1880.]
- Frumenkov G. G.* Uzniki Soloveckogo monastyrja. Politicheskaya sсыlka v Soloveckij monastyr v XVIII–XIX vekakh. Arkhangelsk, 1965. [The prisoners of the Solovetsky Monastery. Political exile to the Solovetsky Monastery in the XVIII–XIX centuries. Arkhangelsk, 1965.]
- Golikova N. B.* Politicheskie protsessy pri Petre I. Po materialam Preobrazhenskogo prikaza. M., 1957. [Political processes under Peter I. According to the materials of the Preobrazhensky order. M., 1957.]
- Kollman N. Sh.* Soedinennye chest'yu: gosudarstvo i obshchestvo v Rossii rannego novogo vremeni. M., 2001. [United honored: State and Society in Early Modern Russia. M., 2001.]
- Kurukin I., Nikulina E.* Povsednevnyaya zhizn Tajnoj Kancelyarii. M., 2008. [Everyday life of the Secret Office. M., 2008.]
- Kurukin I. V.* Epokha «dvorskikh bur'»: Oчерki politicheskoi istorii poslepetrovskoi Rossii, 1725–1762. Ryazan', 2003. [The era of «Dvorsky storms»: Essays on the political history of post-Petrine Russia, 1725–1762. Ryazan, 2003.]
- Makar'ij.* Poslednie dni grafov Petra i Ivana Tolstykh // CHODR. 1880. Kn. 3. [The last days of count Pyotr and Ivan Tolstoy // CHOIDR. 1880. Book 3.]
- Novombergskii N. Ya.* Slovo i delo gosudarevy. T. 1, 2. M., 2004. [Sovereign's word and deed. Vol. 1, 2. M., 2004.]
- Pavlenko N. I.* Ptency gnezda Petrova. M., 1984. [The chicks of Peter's nest. M., 1984.]
- Pavlov-Silvanskij N. P.* Neopublikovannye materialy k RBS. T. 27. M., 1999. [Unpublished materials to the Russian Biographical Dictionary. Vol. 27. M., 1999.]
- Pravyashchie elity i dvoryanstvo Rossii vo vremya i posle petrovskikh reform (1682–1750).* M., 2013. [The ruling elite and the nobility of Russia during and after the reforms of Peter the Great (1682–1750). M., 2013.]
- Semevskii M. I.* Slovo i delo gosudarevo! SPb., 1884. [Sovereign's word and deed! SPb., 1884.]
- Svoeruchnye zapiski knyagini N. B. Dolgorukoi, docheri G.-fel'dmarshala grafa B. P. Sheremeteva //* Bezvremen'e i vremenshchiki: Vospominaniya ob «epokhe dvortsovykh perevorotov» (1720–1760 gg.). L., 1991. [Svoeruchnye notes of princess N. B. Dolgorukaya, the daughter of general-fieldmarshal count B. P. Sheremetev // Timelessness and timeservers: Memories of the «era of palace coups» (1720–1760 gg.). L., 1991.]

Veretennikov V. I. Iz istorii Tainoi kantselyarii petrovskogo vremeni. Khar'kov, 1910. [From the history of the Secret Chancellery of Peter's time. Kharkov, 1910.]

Veretennikov V. I. Iz istorii Tainoi kantselyarii. 1731–1762 gg. Oчерki. Khar'kov, 1911. [From the history of the Secret Chancellery. 1731–1762 years. Essays. Kharkov, 1911.]

Volkova I. V., Kurukin I. V. Fenomen dvortsovykh perevorotov v politicheskoi istorii Rossii XVIII–XX vv. // VI. 1995. № 5–6. S. 40–61. [The phenomenon of palace revolutions in the political history of Russia XVIII–XX centuries // Questions of History. 1995. N 5–6. P. 40–61.]

Zuev A. S., Minenko N. A. Sekretnye uzniki sibirskikh ostrogov (oчерki istorii politicheskoi sсыlki v Sibiri vtoroi chetverti XVIII veka). Novosibirsk, 1992. [Secret prisoners of the Siberian burghs (essays on the history of political exile in Siberia, the second quarter of the XVIII century). Novosibirsk, 1992.]

Список литературы

- Анисимов Е. В.* Верхи русского общества начала петровской эпохи // Правящая элита Русского государства IX – начала XVIII в. СПб., 2006. С. 470–497.
- Анисимов Е. В.* Дыба и кнут: Политический сыск и русское общество в XVIII в. М., 1999.
- Анисимов Е. В.* Политический розыск и тайная полиция в XVIII в. // Жандармы России. СПб., 2002. С. 89–200.
- Веретеников В. И.* Из истории Тайной канцелярии петровского времени. Харьков, 1910.
- Веретеников В. И.* Из истории Тайной канцелярии. 1731–1762 гг. Очерки. Харьков, 1911.
- Волкова И. В., Курукин И. В.* Феномен дворцовых переворотов в политической истории России XVIII–XX вв. // ВИ. 1995. № 5–6. С. 40–61.
- Голикова Н. Б.* Политические процессы при Петре I. По материалам Преображенского приказа. М., 1957. Дворянство, власть и общество в провинциальной России XVIII века / Ред. О. Глаголева, И. Ширле. М., 2012.
- Есипов Г. В.* Люди старого века. Рассказы из дел Преображенского приказа и Тайной канцелярии. СПб., 1880.
- Зуев А. С., Миненко Н. А.* Секретные узники сибирских острогов (очерки истории политической ссылки в Сибири второй четверти XVIII века). Новосибирск, 1992.
- Колман Н. Ш.* Соединенные чество: государство и общество в России раннего нового времени. М., 2001.
- Курукин И., Никулина Е.* Повседневная жизнь Тайной Канцелярии. М., 2008.
- Курукин И. В.* Эпоха «дворских бурь»: Очерки политической истории послепетровской России, 1725–1762. Рязань, 2003. С. 7–50.
- Макарий.* Последние дни графов Петра и Ивана Толстых // ЧОИДР. 1880. Кн. 3.
- Новомбергский Н. Я.* Слово и дело государевы. Т. 1, 2. М., 2004.
- Павленко Н. И.* Птенцы гнезда Петрова. М., 1984.
- Павлов-Сильванский Н. П.* Неопубликованные материалы к РБС. Т. 27. М., 1999. Правящие элиты и дворянство России во время и после петровских реформ (1682–1750). М., 2013. Своеручные записки княгини Н. Б. Долгорукой, дочери Г.-фельдмаршала графа Б. П. Шереметева // Безвременье и временщики: Воспоминания об «эпохе дворцовых переворотов» (1720–1760 гг.). Л., 1991.
- Семевский М. И.* Слово и дело государевы! СПб., 1884.
- Фруменков Г. Г.* Узники Соловецкого монастыря. Политическая ссылка в Соловецкий монастырь в XVIII–XIX веках. Архангельск, 1965.

П. В. Федотов

Русские сотрудники учебных заведений Императорского Православного Палестинского общества на Ближнем Востоке

Двенадцать писем (1892–1914 гг.) из архива А. А. Дмитриевского в ОР РНБ

Императорское Православное Палестинское общество занимает уникальное место в истории российской благотворительности благодаря масштабному гуманитарному присутствию за пределами России в конце XIX — начале XX в. Организация создавалась в первую очередь для поддержки русских православных паломников в Палестине. Однако со временем основной деятельностью ИППО стало развитие системы учебных заведений в Палестине, Сирии и Ливане для православных арабов. История школ Палестинского общества представляет интересный пример воздействия России на другую страну с помощью «мягкой силы». Ориентиры деятельности ИППО наглядно демонстрирует численность сотрудников в структурных подразделениях на Ближнем Востоке в 1904 г.: русские подворья — 111 сотрудников, врачебные заведения — 33 сотрудника, учебные заведения — 407 сотрудников¹. Если на подворьях и во врачебных заведениях преобладали русские сотрудники, то в учебных заведениях более 90% персонала составляли арабы. Кроме того, персонал подворий и врачебных

заведений преимущественно находился в Иерусалиме, составляя своего рода «русскую колонию», а сотрудники учебных заведений были рассредоточены в десятках городов и селений Палестины, Сирии и Ливана. Таким образом, управление учебными заведениями стало для ИППО очень важной и в то же время сложной задачей. Учитывая низкий уровень профессиональной подготовки арабских педагогов, ИППО должно было содержать на Ближнем Востоке не менее 20–25 русских учителей². По существу, успех Палестинского общества в значительной степени зависел от результатов деятельности именно этой группы.

Одним из основных источников информации о деятельности русских учителей на Ближнем Востоке являются отчеты школьных инспекторов и других должностных лиц, опубликованные в журнале «Сообщения ИППО»³. Отдельным изданием в двух томах был опубликован отчет Н. М. Аничкова⁴. За последние годы также было опубликовано большое количество писем, посвященных школьной деятельности ИППО⁵. Для настоящей публикации было отобрано двенадцать писем 1892–1914 гг. из архива А. А. Дмитриевского⁶ в ОР РНБ, посвященных деятельности русских учителей Палестинского общества на Ближнем Востоке. Письма рассредоточены в архиве в десяти делах. В данных материалах затрагиваются различные вопросы, касающиеся функционирования учебных заведений. Письма публикуются в хронологическом порядке.

Первые три письма (1892–1897 гг.) связаны темой сложных взаимоотношений русских учителей на Ближнем Востоке. Е. Ваксмут⁷, бывшая начальница назаретской школы, в письме № 1 от 1892 г., адресованном, вероятно,

² В список должностных лиц ИППО за 1904 г., в частности, входят 25 русских учителей (без учета А. Г. Кезмы, имевшего российский паспорт).

³ В «Сообщениях ИППО» с 1891 по 1916 г. было опубликовано более двадцати отчетов о деятельности школ ИППО.

⁴ Учебные и врачебные заведения Православного палестинского общества в Сирии и Палестине. Отчет члена Совета Общества Н. М. Аничкова. Т. 1–2. СПб., 1901–1910. Николай Мильевич Аничков (1844–1916), профессиональный педагог, товарищ министра Народного просвещения (1894–1900), член Совета ИППО.

⁵ См., напр.: Хитрово В. Н. Собрание сочинений и писем. СПб.: Издательство Олега Абышко, 2012. Т. 3; Иерусалимский вестник ИППО. 2014. Вып. V–VI (здесь, в частности, опубликовано 25 писем 1891 г. — в том числе 23 письма, отправленных помощником председателя ИППО М. П. Степановым и секретарем ИППО В. Н. Хитрово начальнику Назаретского пансиона А. Г. Кезме); Россия в Святой Земле. Документы и материалы / Сост., подг. текста, вступ. статья и коммент. Н. Н. Лисового. Т. I–II. М., 2000.

⁶ Дмитриевский Алексей Афанасьевич (1856–1929) — известный византист, профессор Киевской духовной академии, секретарь ИППО в 1907–1918 гг.

⁷ Е. К. Ваксмут упоминается в письме помощника председателя ИППО М. П. Степанова и секретаря ИППО В. Н. Хитрово от 20.03.1891 начальнику Назаретского мужского пансиона А. Г. Кезме (Иерусалимский вестник ИППО. 2014. Вып. V–VI. С. 94).

¹ См. Список должностных лиц ИППО // Приложение СИППО. 1904. Т. 15. С. 75–125.

архимандриту Антонину (Капустину)⁸, жалуется, что другие служащие ее оклеветали. Среди прочего она упоминает, что ей не выплатили 200 рублей, положенных на возвращение в Россию. Особые претензии Е. Вакмут предъявляет А. И. Якубовичу⁹, инспектору школ ИППО. В письме № 2, адресованном К. П. Победоносцеву¹⁰, В. Н. Хитрову¹¹, секретарь ИППО, отвечает на претензии А. Сумарокова¹², поручителя учительницы Е. О. Грюнинг¹³. Хитрово отвергает предъявленные ему обвинения. Уволенную учительницу он характеризует как «всегда обижающуюся и всегда обижаемую немецкую домашнюю гувернантку», оказавшуюся совершенно не на своем месте.

К 1897 г. в Совете Палестинского общества в Петербурге всерьез стали обсуждаться проблемы кадровой политики ИППО на Ближнем Востоке. В письме (№ 3) Николая Мильевича Аничкова обсуждаются личные качества русских учителей, даются их характеристики (как положительные, так и отрицательные).

Следующие два письма, также написанные Н. М. Аничковым, посвящены некоторым проблемам русских школ на арабском Востоке. В письме № 4 Н. М. Аничков выражает сожаление, что русские учителя недостаточно активно учат арабский язык (по его мнению, это можно было бы сделать за 1,5 года). В письме № 5 затрагивается вопрос участия арабского персонала в управлении школами ИППО. Аничков высказывается против передачи в будущем управления школами в Бейруте от М. А. Черкасовой¹⁴ к арабке Аффифе Абдо¹⁵.

⁸ Архимандрит Антонин (Андрей Иванович Капустин) (1817–1894), начальник Русской Духовной Миссии в Иерусалиме в 1865–1894 гг.

⁹ Якубович Александр Николаевич, первый инспектор школ ИППО, находился на службе Палестинского общества на Ближнем Востоке в 1888–1898 гг.

¹⁰ Победоносцев Константин Петрович (1827–1907), обер-прокурор Святейшего Синода в 1880–1905 гг.

¹¹ Хитрово Василий Николаевич (1834–1903), один из основателей ИППО. Заместитель председателя ИППО в 1882–1889 гг., секретарь ИППО в 1889–1903 гг.

¹² В архиве А. А. Дмитриевского сохранилось эмоциональное письмо А. Сумарокова от 18.12.1894 к обер-прокурору Святейшего Синода К. П. Победоносцеву, в котором рассказывает о судьбе его питомицы, Елизаветы Осиповны Грюнинг. В письме также упоминаются различные проблемы, с которыми русские сталкивались на Ближнем Востоке: болезни, сложные бытовые условия, другой язык, взаимоотношения арабами (РНБ ОР. Ф. 253. Д. 42. Л. 143–146). Письмо воспроизводится в статье П. В. Федотова «Кадровая политика Императорского Православного Палестинского общества на Ближнем Востоке (1882–1914 гг.): русские сотрудники учебных заведений» (Вестник СПбГУ. Сер. 17. 2015. Вып. 2. С. 102–108).

¹³ Грюнинг Елизавета Осиповна, учительница в школах ИППО в Назарете и Хайфе в 1892–1894 гг.

¹⁴ Черкасова Мария Александровна, начальница Бейрутских школ ИППО в 1887–1914 гг. Одна из улиц в Бейруте названа в честь Черкасовой «улицей Мамы».

¹⁵ Абдо Аффифе, старшая учительница школы ИППО в Бейруте (св. пророка Ильи, Мусатебе) в 1887–1914 гг. Ближайшая помощница М. А. Черкасовой.

Письма № 6 и 7 посвящены вопросам приема сотрудников на работу в школы ИППО. В письме № 6 Г. Кулжинского¹⁶, знакомого А. А. Дмитриевского, упоминается об отъезде его дочери на службу в Бейт-Джалльскую учительскую семинарию. Письмо № 7 — прошение И. Уаруара¹⁷, желающего получить должность в учебных заведениях ИППО.

Восьмое, девятое, десятое и одиннадцатое письма написаны школьными инспекторами или лицами, исполняющими их обязанности. В письмах № 8 и 9 С. Аверкиев¹⁸, исполняющий обязанности инспектора южно-сирийских школ ИППО, описывает порядок передачи дел перед отправлением в отпуск, в Россию. В письме № 10 А. А. Стасевич¹⁹ обращается за помощью к А. А. Дмитриевскому, указывая на свое отчаянное положение (причины которого он в письме не разъясняет). Письмо (№ 11) И. И. Спасского²⁰, инспектора северо-сирийских школ ИППО, возвращает нас к теме сложных взаимоотношений сотрудников. В частности, И. И. Спасский отмечает, что начальница женской школы в Триполи А. Ф. Юдина²¹, проработавшая на Ближнем Востоке более 15 лет, имела очень натянутые («отрицательные») отношения со своими арабскими подчиненными. Кроме того, обсуждаются вопросы перевода сотрудниц (как русских, так и арабских) из одной школы в другую. И. И. Спасский предлагает ввести в договора, заключаемые с русскими учительницами, условие о беспрекословном их перемещении по требованию ИППО. По его мнению, «это сдерживало бы их претензии и капризы, которые развиваются в них с их приездом на восток». В последнем письме (№ 12), от 3 декабря 1914 г., уже упоминавшаяся учительница А. Ф. Юдина просит А. А. Дмитриевского о помощи в поиске работы.

¹⁶ Возможно, автор письма Кулжинский, Григорий Иванович, автор книги «Святитель Мелетий Леонтович, архиепископ Харьковский и Ахтырский (1784–1840)» (Харьков: Типо-лит. Окр. штаба, 1881).

¹⁷ Уаруар Ибрагим Асадович (1882–1971), выпускник Назаретского пансиона ИППО. Назначение в школу Палестинского общества он не получил. На сайте www.ourbaku.com приводится подробная информация о его жизни — обучался в духовной семинарии в Киве за счет ИППО, женился на русской дворянке Екатерине Пашковой, с которой переехал в Баку в 1910 г. В 1911–1924 гг. был заведующим Адресного стола г. Баку. С 1921 работал в Бакинском университете преподавателем арабского языка. В 1940–1950-х гг. переводил на русский арабские рукописи и книги, написал учебник арабского языка и хрестоматию по изучению арабского языка, составил Русско-арабско-азербайджанский и Арабско-русско-азербайджанский словари.

¹⁸ Аверкиев Сергей Сергеевич, учитель Назаретского пансиона в 1908–1910 гг., и.о. инспектора южно-сирийских учебных заведений ИППО в 1910–1912 гг., помощник инспектора галилейских учебных заведений в 1912–1914 гг.

¹⁹ Стасевич Алексей Андреевич, учитель Назаретского пансиона в 1898–1902 гг., помощник инспектора Галилейских учебных заведений ИППО в 1902–1912 гг. (о его работе в школах ИППО в 1913–1914 гг. нет сведений).

²⁰ Спасский Иван Иванович, инспектор северо-сирийских учебных заведений ИППО в 1901–1914 гг.

²¹ Юдина Анна Федоровна, учительница женской школы ИППО в Триполи в 1898–1902 гг., в 1902–1913 гг. — начальница этой школы.

Письма о деятельности школ ИППО на Ближнем Востоке хранятся в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ), в фонде 253 (Архив А. А. Дмитриевского). Письма № 3 и 11 воспроизведены частично (опущена часть текста, не связанная по тематике со школами ИППО). Документы публикуются по современным правилам правописания, с сохранением их стилистических особенностей.

№ 1

Письмо Е. Вакмут, начальницы назаретской школы, пастырю²²

С.-Петербург
7 июня 1892 г.

№ 77

29 июня 1892 г.

Ваше Высокопреосвященство милостивый пастырь! Вот год как я уехала из милой и дорогой Палестины, но до сих пор не могу собраться возвернуть мой денежный долг — за что прошу милостиво извинить меня — долг же сердечной, глубокой благодарности к Вашему Преосвященству унесу в могилу. Уезжая из Назарета, я сердечно желала вернуться на свое место, но в Петербурге я застала столько клеветы на себя и всякой злобы, так что ехать обратно и жить между людьми, готовых очернить всяких, кто не по их нраву — у меня не хватило храбрости и охоты. Об одной только злобной выходке против меня я не умолчу перед Вами, по ней легко судить столько же лживых. Доказано, что я была зла и груба с детьми, даже есть свидетели, при которых я выгнала бедную женщину из школы, желавшую поместить своих девочек в школу. Может быть, я и удаляла из школы женщин, приводивших своих детей, имея на руках грудных младенцев, которые мешали криком занятиям. Это могло быть, и что на грубое обращение я неспособна по натуре и по принципу. Детей [всех] и всегда любила и люблю и быть тиранкой не могу. Василий Николаевич, сам вполне честный и очень сердечный человек, не может допустить, чтобы те люди, которых он знает такими, какими они [хотят] и по своим обстоятельствам должны быть пред ним, совершенно иные как по натуре своей, так и по действиям своим, а там, где они должны быть по [их] желанию первыми во всем, все средства и [штучки] для них гладки и прекрасны. Из Назарета я уехала только на те деньги, которые Вы мне были так милостивы и дали мне. Я надеялась отправиться только на ка-

²² Обстоятельства указывают на то, что адресатом письма Е. Вакмут был архимандрит Антонин (Капустин): 1. Адресат называется пастырем (т.е. духовным лицом); 2. Упоминаются его молитвы в Иерусалиме; 3. Место получения письма обозначено как «Св. Тавифа» (известно, что Антонин построил в Яффе церковь Св. Тавифы и русское подворье); 4. В завершение письма Е. Вакмут просит передать привет Якову Егоровичу. Вероятно, речь идет о Якове Егоровиче Халеби (1847–1901) — османском подданном, драгомане Русской Духовной Миссии в Иерусалиме.

никулы по моим семейным делам, имела право взять за три месяца жалование, как и все служащие в Обществе, но испросить разрешение В. Н. не успела, а просить Якубовича не хотела. За это по желанию Якубовича меня лишили 200 р., следуемых мне на возвращение в Россию по условию. Говорю, что это устроил Якубович, так как сам Василий Николаевич не может сделать такое грубое [зло], какое мне этим причинили. Необходимо быть именно Якубовичем, злым, [ехидным] человеком, чтобы мстить такими средствами, чтобы поставить человека в самое затруднительное положение. Вещи мои все почти остались в Назарете и теперь не имею возможности ни по средствам материальным перевезти их, ни лица, которое бы мне это устроило — и это всё потому только, что я не посадила себе на шею Якубовича с компанией и не плясала... той музыки, которую они хотели играть. Простите Ваше Высокопреосвященство, что я со своими дрязгами — их и без лишних нареканий достаточно. Извините, прошу Вас! Читала произведение г-жи Бакуниной, где она со своей горничной Анютой, которую я прогнала за все возможные сплетни, отделила меня и только за то, что я заняла [что-то] у г-жи Бакуниной. Слава и благодарение Богу — теперь опять живу спокойно и мирно с детьми моими. На днях я еду в Восточную Сибирь, в Хабаровку, где служит мой зять полковник Мооро²³, там же и мой сын. Во Владивостоке я получу место начальницы гимназии. Буду иметь возможность в два приема с глубочайшей благодарностью возвернуть Вам, милостивый Пастырь, мой долг. До этих же пор прошу не думать, что я, взяв деньги, обрадовалась им и забыла. Прошу Ваше Высокопреосвященство в связи с Вашими молитвами у Гроба Господня, в Гефсимании у гроба Пречистой, на Елеоне, в земном раю — Горнем, милом мне, которое так и рисуется перед глазами, прошу вспомнить меня многогрешную и не судить обо мне по мнению врагов моих — а почему они все мои враги — Бог же Сам знает, я же и понятия не имею. Простите же мое царпанье, глаза болят и очень устали. С глубоким и искренним уважением, всегда преданная и молящая за продолжение жизни Вашей.

Ваша покорная слуга Е. Вакмут

[...] ²⁴ Низкий поклон Якову Егоровичу²⁵ [...] ²⁶

РНБ ОР. Ф. 253. Д. 42. Л. 123–124. Подлинник. Рукопись

²³ Вероятно, речь идет о военном инженере — архитекторе Владимире Григорьевиче Мооро. Мооро закончил Николаевскую инженерную академию в Санкт-Петербурге и получил назначение в 1881 г. в Хабаровку (переименован в Хабаровск в 1893 г.). В Хабаровске проработал более тридцати лет в Окружном инженерном управлении Приамурского военного округа, дослужился до генеральского звания. В 1914 г. стал почетным гражданином Хабаровска. <http://dv-delo.ru/2013/10/12/xabarovsk-derzhitsya-na-xabarovux/>

²⁴ *Мелкий неразборчивый текст по левому краю письма — написано поперек основного текста из-за недостатка места.*

²⁵ *Написано поперек основного текста по левому краю письма.*

²⁶ *Мелкий неразборчивый текст по левому краю письма — написано поперек основного текста из-за недостатка места.*

№ 2

**Письмо В. Н. Хитрово, секретаря ИППО,
К. П. Победоносцеву
(об увольнении учительницы Грюнинг)**

№ 7²⁷

22 декабря 1894 г.

Иерусалим

Ваше Высокопревосходительство милостивый государь Константин Петрович.

Увольняемые всегда обвиняют увольняющих, приходится и мне испытывать это на себе. По рекомендации г. Сумарокова я определил учительницей в Назаретскую школу г. Грюнинг. Это оказалось известной [трудностью] для немецкой домашней гувернантки, всегда обижающейся и всегда обижаемой. Из этого Вы извольте усмотреть, насколько она оказалась не на месте среди палестинских условий жизни.

Через год она оказалась совершенно неподходящею, тем не менее я [поставил] ее на самостоятельное место и, желая сделать угодно г. Сумарокову, я продержал ее еще год и принужден был уволить, как она сделалась не только бесполезною, но и вредною.

Она получила путевые деньги до прежнего места жительства в России в достаточном количестве и, насколько мне известно, уехала обратно, о том же, что она лежит в горячке в Иерусалиме, я никаких сведений не имею.

Что касается до обвинений г. Сумарокова, никогда в глаза меня не видевшего, в сухости, бессердечии и [расхвалении] самого себя, то мне остается только пожалеть о легкости, с которой эти обвинения сделались и возвратить его письмо, дабы оно не свидетельствовало против него.

Ввиду наступающего праздника Рождества Христова позвольте принести мои [преданнейшие] поздравления с [...нейшими] пожеланиями всех благ.

С чувством глубочайшего уважения и совершенной преданности имею честь быть

Вашего Высокопревосходительства
покорнейшим слугой

В. Хитрово

РНБ ОР. Ф. 253. Д. 82. Л. 19–20. Подлинник. Рукопись

²⁷ Цвет чернил номера отличается от цвета чернил основного текста письма.

№ 3

**Из письма Н. М. Аничкова, председателя Отделения поддержания
православия в Святой Земле ИППО, М. П. Степанову²⁸,
помощнику председателя ИППО — обсуждение школьных дел
ИППО**

28 августа 1897 г.

<...>²⁹ Видел по приезде В. Н. Хитрово. В Палестине предостит много хлопот, если уйдут Якубович и Михайлов. Надо приискать на место первого человека очень дельного, ловкого и умного педагога. Жаль очень, что выходит такая неурядица с главными лицами из служащих в Обществе там на месте. В. А. Латышев³⁰, как он мне передавал, не очень доволен нашими школами и Назаретским пансионом, а обращение Якубовича с учителями его просто поражало. Вообще в деле постановки школ есть там у нас какой-то недостаток, но какой — отсюда усмотреть нельзя. Мне сдается, существует ли там дружелюбие, единство действия педагогических сил и проникнуты ли все любовью к своему делу. Не составляет ли в этом случае исключение Е. М. Тараканова³¹ и ее школа, т.е. исключение в хорошую сторону, а все прочие идут более за страх, чем за совесть. А. И. Якубович, бесспорно, крайне преданный своему делу человек, но он крайне личный и одержим бесом влюбчивости; он желает, чтобы люди не только служили, но и прислуживались, и не только ему, но и тем переменчивым особам, которые в данное время составляют его «предмет» (Протанюк, Иванова и fili quanti). Была еще очень преданная Р. С. Петрова³², почему и память о ней сохранилась до сих пор. А. С. Петрова³³, сестра ее, уже сортом пониже, а В. С. Петрова³⁴ и совсем третьего разбора, да она выходит замуж, хотя из себя куда неказиста. Учителя наши там очень не бойки, а один

²⁸ Михаил Петрович Степанов (1853–1917), секретарь ИППО в 1882–1889 гг., помощник председателя ИППО в 1889–1917 гг.

²⁹ Опуцена первая часть письма, в которой обсуждается дело студента, исключенного из Московского университета, работа Н. М. Аничкова в Министерстве просвещения и подготовка дочери Аничкова к свадьбе.

³⁰ Латышев Василий Алексеевич (1850–1912), педагог, директор училищ Санкт-Петербургской губернии в 1892–1903 гг. После поездки на Ближний Восток составил отчет о школах Палестинского общества: *Латышев В. А. Учебные заведения ИППО // СИППО. 1897. Т. 8. С. 341–351.*

³¹ Тараканова Евдокия Михайловна, начальница Бейт-Джальского пансиона в 1890–1903 гг.

³² Петрова Раиса Сергеевна, учительница женской Назаретской школы ИППО в 1892–1893 гг.

³³ Петрова Александра Сергеевна, начальница женской Назаретской школы ИППО в 1895–1899 гг.

³⁴ Петрова Валентина Сергеевна, учительница женской Назаретской школы ИППО в 1895–1899 гг. (вероятно, в 1897 г. не работала).

положительный нигилист. Он и в учительском институте слыл за человека «с душком»³⁵. Не знаю, кто его туда выбрал. Я ровно ничего не знал о таком назначении. Теперь, говорят, его убирают. Слава Богу. Всё это, впрочем, я узнал от В. А. Латышева. Был бы очень рад, если бы меня хотя спрашивали о вновь назначаемых учителях и учительницах. Что-то Бог даст в дальнейшем, но идти вперед в этом деле надо крайне осторожно. Дружески обнимаю Вас и прошу верить всегдашнему глубокому уважению преданного душевно, Н. Аничков <...>³⁶

РНБ ОР. Ф. 253. Д. 43. Л. 31–32. Копия. Машинопись

№ 4

Письмо Н. М. Аничкова, председателя Отделения поддержания православия в Святой Земле ИППО, В. Н. Хитрово, секретарю ИППО

Глубокоуважаемый Василий Николаевич.

Возвращая Вам письмо П. П. Николаевского³⁷ с запиской г-на Стасевича³⁸ и друг[ими] приложениями, и[мею] ч[есть] сообщить, что распоряжения г. Николаевского относительно последовательного и осторожного введения в образцовом училище нового порядка практических занятий, согласно с указаниями последней инструкции 1899 г., я нахожу основательными. Полагаю, что педагог[ический] совет пансиона поступил правильно, не решившись теперь же, в середине учебного года вводить полное изменение с заменой порядка распределения занятий и отвлечением г. Стасевича. Пусть, если это понадобится, введут такое распределение с нового учебного года. С доводами г. Стасевича о необходимости руководства практическими занятиями лицу, знающему арабский и русский язык, нельзя не согласиться. Г. Каназе³⁹, при своих качествах, как указывает Николаевский, клад для образцовой школы⁴⁰ и мы должны радоваться, что его имеем. Думаю, что русским учителям пансиона нужно скорее следовать примеру Д. Ф. Богданова и изучать арабский язык. Без этого они никогда не достигнут желаемых результатов в образовании и воспитании

³⁵ В 1897 г. в Назарете на службе ИППО были два учителя из Санкт-Петербургского учительского института — Евгений Федорович Дружинский и Алексей Петрович Игнатьев.

³⁶ Письмо завершается постскриптумом, вероятно, не связанным с темой школ ИППО: «P.S. Случай с гр. Комаровским удалился очень спорно. Кому следовало попало по носу».

³⁷ Николаевский Павел Павлович, инспектор галилейских учебных заведений ИППО в 1898–1904 гг.

П. П. Николаевский уволился в связи с расстроенным здоровьем — см.: Россия в Святой Земле. Документы и материалы. Т. I. М., 2000. С. 635–636.

³⁸ Алексей Андреевич Стасевич — автор письма № 11.

³⁹ Каназе Константин Ильич, на службе ИППО с 1899 г., старший учитель мужской образцовой школы ИППО в Назарете в 1900–1914 гг.

⁴⁰ Назаретская мужская школа ИППО.

молодых сирийцев. Записка Стасевича составлена дельно и обдуманно, в ней видна подготовка автора к вопросам начального обучения, но жаль, что не исполнил то, что обещал мне в прошлом году: не принялся за изучение арабского языка. Если Богданов, Г.⁴¹ С. Петрова и друг[ие] могли научиться ему скоро, то это мог сделать и г. Стасевич, да и друг[ие] в 1,5 года. Нет, в нас русских все-таки небрежности и лени много. С будущего учебного года, когда Каназе примет на себя руководство образцовой школой, один учитель в Назарете окажется лишним. Надо подумать, как устроить его.

С глубоким почтением, преданный слуга Н. Аничков
РНБ ОР. Ф. 253. Д. 43. Л. 89. Копия. Машинопись

№ 5

Выписка из письма Н. М. Аничкова, председателя Отделения поддержания православия в Святой Земле ИППО, Степанову, помощнику председателя ИППО

Гатчина

20 августа 1905 г.

<...> Переходя, наконец, к давней и заветной мысли Марии Александровны [Черкасовой] иметь помощницу ее Афифе Абдо своею преемницей по управлению бейрутскими школами, я должен высказаться против осуществления такого желания. Во-первых, во всех крупных русских школах заведующие или начальники и начальницы — русские или получившие высшее образование в России. К последним принадлежит А. Г. Кезма⁴² в Назарете и Г. А. Тарази⁴³ в Хомсе, но и над ними есть общий русский начальник — инспектор школ в Галилее и в Ю[жной] Сирии. Во-вторых, верить все русские школы в Бейруте сирийке Афифе Абдо значит совершенно уронить их в глазах родителей и Бейрутского православного общества. О семействе Абдо, состоящего экономом в школе св. Ильи у М. А. Черкасовой, местные жители очень невысокого мнения; К. Н. Лишин⁴⁴ и А. П. Беляев⁴⁵ говорили мне, что эта семья, лстя и ухаживая за Марией Александровной, старается только понажить около

⁴¹ Вероятно, в документе опечатка («Г» вместо «Р») — скорее всего, речь идет о Раисе Сергеевне Петровой.

⁴² Кезма Александр Гаврилович (Искандер Джебраил) (1860–1935), на службе ИППО с 1883 г. Начальник Назаретского мужского пансиона в 1886–1914 гг.

⁴³ Вероятно, имеется в виду Тарази Рафаил Дмитриевич, начальник мужской школы ИППО в Хомсе с 1899 до второй половины 1900-х гг. (покинул эту должность между 1905 и 1908 гг.).

⁴⁴ Лишин Константин Николаевич (1851–1906), российский дипломат, генеральный консул в Бейруте в 1898–1902 гг.

⁴⁵ Беляев Алексей Петрович (1849–1906) — дипломат, консул в Дамаске с 1892 (по другим данным с 1893) до 1903 г. (с 1898 г. — генеральный консул), секретарь ИППО в 1903–1906 гг.

нее, и если бы Афифе сделалась начальницей, то значительная часть родителей взяла бы детей из школ О[бщест]ва. Бог даст, М. А. Черкасова поработает еще в Бейруте лет 7–10, а тогда Совет О[бщест]ва постарается приискать ей достойную преемницу между русскими преданными делу и образованными женщинами. Теперь было бы лучше всего применить к этому вопросу фигуру умолчания, т.е. ничего не писать Марии Александровне об Афифе и возможности или невозможности осуществления ее желания в этом отношении. Вот, кажется, всё, что я могу сообщить Вам по возвращаемым при сем письмам М. А. Черкасовой...

РНБ ОР. Ф. 253. Д. 43. Л. 95. Копия. Машинопись

№ 6

Письмо Г. Кулжинского А. А. Дмитриевскому, секретарю ИППО, о согласии его дочери преподавать русский язык в Бейт-Джале

31 августа 1909 г.

Многоуважаемый Алексей Афанасьевич!

Позвольте Вас поблагодарить за присланную Вами нам книжку о графе Н. П. Игнатъеве⁴⁶. Уведомление Вас моей дочерью⁴⁷ о согласии ее преподавать русский язык в Бейт-Джалльской женской учительской семинарии я лично сдал здесь на почту [заклеив пакетик]. Дочь моя, со свойственной ей аккуратностью к исполнению служебных обязанностей, чтобы своевременно явиться к должности, вчера уехала в Бейт-Джалу. Примите же [совершеннейшее] почтение, с каковым имею честь быть Вашим Покорнейшим слугой,

Григорий Кулжинский

Станция Териоки, Финляндской ж.д., дача Андрея [Кулжинского]

РНБ ОР. Ф. 253. Д. 502. Л. 1–2. Подлинник. Рукопись

№ 7

Письмо И. Уаруара А. А. Дмитриевскому, секретарю ИППО, о желании работать учителем в учебных заведениях ИППО

14 января 1909 г.

Ваше Превосходительство, многоуважаемый профессор!

К Вам, мой многоуважаемый профессор, решил я обратиться, но наперед извиняюсь за беспокойство. Как Вам известно, Совету Императорского Православного Палестинского общества благоугодно было причислить

⁴⁶ Игнатъев Николай Павлович (1832–1908), российский государственный деятель.

⁴⁷ Кульжинская (Кулжинская) Татьяна Григорьевна, учительница женской школы ИППО в Эль-Мине в 1908–1909 гг.

меня к числу своих кандидатов, обещая дать мне место в учебных заведениях Общества, если таковое окажется. Я с большим интересом ждал назначения, но, к величайшему моему сожалению, оно до настоящего времени не последовало. Имея сильное желание служить у Палестинского общества и сознавая, что Вы можете меня устроить, я осмеливаюсь беспокоить Вас. Прошу Вас, мой глубочайший профессор, посодействовать мне и похлопотать обо мне перед Советом Общества. Обещаюсь всем своим существом отдаться на служение интересам Общества. Не откажите мне в этой просьбе.

С своей стороны никакой задержки не будет. Во всякое время я готов, по указанию Совета, оставить свое место и выехать на место назначения.

Покорно прошу не отказать мне в моей просьбе, и я постараюсь оказаться достойным Вашей рекомендации. Не осудите, Ваше Превосходительство, но посодействуйте, умоляю Вас, Вашему бывшему студенту, глубоко уважающему Вас.

И. Уаруар

Киев⁴⁸

РНБ ОР. Ф. 253. Д. 649. Л. 1. Подлинник. Рукопись

№ 8

Письмо С. С. Аверкиева⁴⁹, исполняющего обязанности инспектора южно-сирийских школ ИППО, А. А. Дмитриевскому, секретарю ИППО, о сдаче дел перед отъездом в отпуск⁵⁰

Ваше Превосходительство Алексей Афанасьевич.

Получив уведомление о разрешении мне с 15 июля отпуска в Россию и письмо Ваше с проектом передачи управления на время моего отъезда И. И. Спаскому, я тотчас же снесся с ним по этому делу, предложив ему, не найдет ли он более удобным для дела теперь же выехать в Дамаск, не откладывая до последней минуты моего пребывания, чтобы здесь на месте выяснить, как будет удобнее И. И. Спаскому принять на себя управление инспекцией и в какой степени можно будет привлечь к этому делу М. Н. Трапезникову⁵¹. Иван Иванович

⁴⁸ Ниже в письме указан полный адрес: Киев, Мар. Благовещенская, 85. Ее Превосходительству Н. С. Романович-Славатинской для И. Уаруара

⁴⁹ Авторство определено путем сопоставления данного письма с письмом С. С. Аверкиева от 12.07.1912 г. — об авторстве С. Аверкиева свидетельствует почерк, стилистика, а также лица, упоминаемые в тексте.

⁵⁰ В письме С. С. Аверкиева А. А. Дмитриевскому от 12.07.1912 г. упоминается о предыдущем письме от 3 июня 1912 г. — вероятно, речь идет именно об этом письме.

⁵¹ Трапезникова Мария Николаевна, на службе ИППО с 1904 г., в 1907–1914 гг. — начальница женской школы ИППО в Дамаске.

с моим предложением согласился и был на днях в Дамаске, где ознакомился с делами инспекции, и мы вместе с ним и М. Н. Трапезниковой пришли касательно передачи управления Южно-Сирийской инспекцией к следующему приглашению:

Учителя Южно-Сирийской инспекции будут по-прежнему присылать все свои отчеты в Дамаск, где они будут просматриваться секретарем инспекций под ближайшим руководством М. Н. Трапезниковой. Согласно этим отчетам составляются в Дамаске местные отчеты инспекций, пересылаемые в Триполи И. И. Спасскому на утверждение, после чего уже И. И. Спасский и препровождает их в Общество. Ведение прихода-расходной книги производится в Дамаске, Ивану же Ивановичу пересылаются ежемесячные выписки из этой книги для проверки по документам, взятым из Дамаска. Деньги желательно получать по-прежнему в Дамаске, поэтому покорнейше прошу по моему отъезду высылать деньги для содержания инспекции на имя М. Н. Трапезниковой. Это избавит Общество от лишнего расхода на пересылку их из Триполи в Дамаск, как это Вами предполагалось, и будет более удобно, для самого делопроизводства (ведения кассы и отчетности), так и для всех служащих в Южной Сирии, которые будут получать деньги по-прежнему своевременно. Рассылать содержание и ведать кассу вполне может М. Н. Трапезникова, которая любезно соглашается принять на себя этот труд, с которым она, надо сказать, уже и знакома: во время моей болезни в течение 2-х месяцев Мария Николаевна получала деньги и ведала их рассылкою по школам. Таким образом, Мария Николаевна могла бы ведать денежной частью инспекции (Иван Иванович по сему поводу вспоминает, что до его назначения в Триполи одно время делами Северо-Сирийской инспекции ведала О. И. Беленькова⁵²). И. И. Спасский контролирует отчетность и в случае необходимости будет приезжать в Дамаск. Переписка учителей по всем возникающим у них вопросам и недоумениям поступает на усмотрение Ивана Ивановича, которому я, насколько это возможно теперь, передам также все свои предположения касательно перемещений и новых назначений учителей. Впрочем, этот вопрос желательно отложить до моего приезда ввиду трудности предвидеть все перемещения и новые назначения заранее; к тому же и большая часть вакансий начинает освобождаться лишь к октябрю месяцу.

РНБ ОР. Ф. 253. Д. 690. Л. 1–2. Подлинник. Рукопись

⁵² Беленькова Олимпиада Ивановна, учительница на службе ИППО с 1895 по 1905 г. (с перерывом на 2 года и 3 месяца). Автор письма пишет ее фамилию как Беленкова (без «ь»)

№ 9

Письмо С. С. Аверкиева, исполняющего обязанности инспектора южно-сирийских школ ИППО, А. А. Дмитриевскому, секретарю ИППО, о сдаче дел перед отъездом в отпуск

12 июля 1912 г.

Ваше Превосходительство Алексей Афанасьевич.

Согласно разрешенному мне с 15 сего июля отпуску я уезжаю завтра 13-го в пятницу, из Дамаска, чтобы в субботу сесть на «Хедивский» пароход, идущий прямым рейсом в Константинополь. Все необходимые документы и заметки касательно школ и служащих в них мною переданы И. И. Спасскому. В заезде в Триполи И. И. Спасский, сам приехавший в Дамаск, и ознакомившись с делами инспекции, нужды не нашел. Склад при инспекции передан мною на руки секретарю инспекции, которого будет контролировать М. Н. Трапезникова. Перед Обществом за его целостность и сохранность продолжаю считать ответственным себя. Большинство вещей, которые потребуются для склада на новый учебный год, мною приобретены, осталось лишь сделать закупку на сумму в 300–340 франков. Вещи уже мною заказаны в Бейруте, но так как в настоящее время там их не оказалось, то будут присланы в Дамаск уже после моего отъезда. Все указания относительно снабжения школ потребными вещами оставлены мною в Дамаске. Наличие кассы передано мною М. Н. Трапезниковой согласно препровождаемым в Канцелярии документам. Дальнейшая высылка денег весьма желательно чтобы производилась по-прежнему в Дамаск, как я имел честь об этом просить Ваше Превосходительство в своем письме от 3 июня с.г. М. Н. Трапезниковой передал всё канцелярское имущество и дела инспекции, так что в случае надобности она может дать И. И. Спасскому всякую справку.

Школы я успел объехать все, за исключением Малюльской, проэкзаменовал их и проверил в них имущество. Среди школ инспекций найдется несколько малоуспешных, жизнь учителей протекала в году не всегда мирно и гладко, но, в общем, год заканчивается благополучно. Предполагаю в конце августа м[есяца] или в сентябре быть в Петербурге, чтобы переговорить о делах инспекции.

С чувством искреннего уважения и совершенной преданности имею честь быть Вашего Превосходительства покорнейшим слугою.

С. Аверкиев

Дамаск

РНБ ОР. Ф. 253. Д. 329. Л. 1–2. Подлинник. Рукопись

№ 10

**Письмо А. А. Стасевича А. А. Дмитриевскому,
секретарю ИППО, с просьбой о помощи**

22 июня 1912 г.

Ваше Превосходительство Высокоуважаемый Алексей Афанасьевич.

Ваше письмо от 14 декабря 1911 г. дает мне смелость еще раз обратиться за помощью к Вашему Превосходительству. До моего отъезда в отпуск остается месяц, так что при благоприятных обстоятельствах я буду в России через 40–45 дней. Давно уже начала занимать меня мысль, что станет со мной по приезде в Россию: куда обратиться за помощью, у кого искать защиты, кому поведать свою печаль, с кем посоветоваться? Стороной до меня дошло известие, что Вы, Ваше Превосходительство, предприняли уже шаги к устройству моей судьбы, но я до сего времени не знаю, увенчалось ли Ваше ходатайство успехом; не знаю также, какова судьба прошения, посланного мною в Вильну через Совет общества. Вообще я нахожусь в полном неведении относительно того, позволительно ли мне надеяться на лучшее будущее. Будьте так великодушны, Ваше Превосходительство, почтите меня письмом, из которого я мог бы заключить, что следует мне предпринять, чтобы мне выйти из невыносимейшего положения. Письмо прошу послать в Одессу на имя г. Осипова для передачи.

Если потребуются мой приезд в Питер, то не откажитесь указать, в какое время мне прибыть, чтобы застать Вас в городе.

Покорно прошу Вас и многоуважаемую Анастасию Ивановну принять искренний привет.

Покорный слуга

Вашего Превосходительства

А. Стасевич

г. Назарет

РНБ ОР. Ф. 253. Д. 632. Л. 1–2. Подлинник. Рукопись

№ 11

**Письмо И. И. Спасского, инспектора Северо-Сирийских
школ ИППО, А. А. Дмитриевскому, секретарю ИППО**

5 марта 1912 г.

Ваше Высокопревосходительство,
Алексей Афанасьевич!

<...>⁵³ Пользуясь настоящим, коснусь некоторых других дел.

⁵³ Опущена первая часть письма, в которой И. И. Спасский повествует об осмотре им вместе с о. Геннадием монастыря в Эн-Натуре (монастырь в честь Пресвятой Богородицы, Триполийская епархия, Ливан). Спасский оценивает перспективную доходность

Будучи у Вас в Петербурге, я между прочим говорил Вам, что перед своим отъездом из Триполи я поручил своему заместителю М. М. Никанорову перевести в сентябре учительницу Мириам Акле из Триполи в Мину, а на ее место поставить из Мины Бадию Абер, почему для этой последней в своей новой школе я просил назначить проездные, так как ее отец с матерью живут в Мине. Но Никаноров почему-то не сделал этого перемещения, кажется, позабыл. Исправлять его упущения после своего возвращения, с одной стороны⁵⁴, ввиду уже начавшихся занятий я счел неудобным, с другой, новая начальница Минской⁵⁵ школы О. М. Горизонтова⁵⁶ очень просила меня оставить при ней Бадию Абед. Затем до меня дошло, что А. Ф. Юдина⁵⁷ не особенно благоволит и к этой последней, так что ее мена с Мириам Акле едва ли бы много помогли делу. Наконец, присутствие Мириам Акле в Триполийской женской школе до некоторой степени полезно для г-жи Юдиной — оно отчасти мешает ей распускаться, заставляя несколько смотреть за собой и своими действиями. Что касается ее отношений к Мириам Акле, то они по-прежнему холодные, по-прежнему она старается игнорировать ее, в чем она нашла для себя поддержку в своей новой помощнице А. И. Дробининой⁵⁸. Эта последняя, подобно г-же Юдиной, с самого начала усвоила отрицательное отношение к арабам, а к Мириам Акле она не расположена еще и потому, что увидела себя задетой жалобой этой последней. Равным образом по-прежнему холодны и натянуты отношения г-жи Юдиной к О. М. Горизонтовой, в чем ей опять-таки помогает ее помощница г-жа Дробинина. Вообще последняя alter⁵⁹ ego Анны Федоровны — у них на всё одни общие взгляды, симпатии и антипатии.

Кстати, по поводу отказа Дробининой ехать в Назарет мне пришло на мысль, что при заключении условий с вновь поступающими на службу учительницами следовало бы также установить условие, что учительница не имеет права отказываться от перевода ее в случае нужды в другое место. Это условие значительно облегчило бы Вас при замещении освобождающихся учительских мест подходящими для этого лицами. С другой стороны, выговоренное Вами право на свободное перемещение учительниц из одного места в другое до некоторой

монастыря, рассказывает о переговорах о. Геннадия с митрополитом об условиях передачи монастыря в вечное распоряжение (по мнению о. Геннадия, митрополит запрашивает слишком высокую цену).

⁵⁴ «с одной стороны» вписано над строкой.

⁵⁵ Женская школа ИППО в Эль-Мине.

⁵⁶ Горизонтова Ольга Михайловна, на службе в школах ИППО в Триполи и Эль-Мине с 1909 г. (вероятно, до 1914 г. — в «Сообщениях ИППО» за 1913–1914 гг. нет упоминаний об ее увольнении).

⁵⁷ А. Ф. Юдина — автор письма № 12 в настоящей публикации.

⁵⁸ Дробинина Анфиса Ивановна, на службе ИППО в 1910–1913 гг. (начальница женской школы в Эль-Мине, учительница Триполийской женской школы).

⁵⁹ В тексте написано «alter».

степени сдерживало бы их претензии и капризы, которые развиваются в них с их приездом на восток.

<...>⁶⁰ Примите уверения в совершеннейшем моем почтении и преданности.

Вашего Превосходительства

покорнейший слуга

И. Спасский

Триполи

РНБ ОР. Ф. 253. Д. 630. Л. 1–6. Подлинник. Рукопись

№ 12

Письмо А. Ф. Юдиной А. А. Дмитриевскому, секретарю ИППО, с выражением благодарности за содействие в приеме на работу

3 декабря 1914 г.

Ваше Превосходительство глубокоуважаемый Алексей Афанасьевич.

Приношу Вам искреннюю и глубокую благодарность за готовность помочь мне в приискании занятий. Очень извиняюсь и сожалею, что я до сих пор не поблагодарила Вас за Ваше доброе отношение ко мне. Прося Вас о содействии, я имела в виду не только педагогическую деятельность, а вообще какой-нибудь род службы, включительно до канцелярской работы.

Еще раз благодарю Вас, глубокоуважаемый Алексей Афанасьевич,
за Ваше доброе отношение ко мне.

Примите уверение в совершенном уважении и преданности.

А. Юдина

РНБ ОР. Ф. 253. Д. 675. Л. 1–2. Подлинник. Рукопись

References

- Hitrovo V. N.* Sbornik sochinenij i pisem. SPb.: Izdatel'stvo Olega Abyshko, 2012. T. 3. Ierusalimskij vestnik IPPO. 2014. Vyp. V–VI.
Latyshev V. A. Uchebnye zavedeniia IPPO // SIPPO. 1897. T. 8. S. 341–351.
Rossiia v Sviatoj Zemle. Dokumenty i materialy. T. 1. M., 2000.
Spisok dolzhnostnykh lits IPPO // Prilozhenie SIPPO. 1904. T. 15. S. 74–125.
Uchebnye i vrachebnye zavedeniia Pravoslavnogo palestinskogo obshchestva v Sirii i Palestine. Otchet chlena Soveta Obshchestva N. M. Anichkova. T. 1–2. SPb., 1901–1910.

Список литературы

- Иерусалимский вестник ИППО. 2014. Вып. V–VI.
Латышев В. А. Учебные заведения ИППО // СИППО. 1897. Т. 8. С. 341–351.
Россия в Святой Земле. Документы и материалы. Т. 1. М., 2000.
Список должностных лиц ИППО // Приложение СИППО. 1904. Т. 15. С. 74–125.
Учебные и врачебные заведения Православного палестинского общества в Сирии и Палестине. Отчет члена Совета Общества Н. М. Аничкова. Т. 1–2. СПб., 1901–1910.
Хитрово В. Н. Собрание сочинений и писем. СПб.: Издательство Олега Абышко, 2012. Т. 3.

⁶⁰ Опущена заключительная часть письма, в которой И. И. Спасский спрашивает А. А. Дмитриевского о возможности приобрести в России дешевые иконы для церкви в Джибриле.

В. А. Орав

«Итоги финансовой деятельности... крайне неудовлетворительны»: Докладная записка о финансовом положении колхозов Ленинградской области (1949 г.)

История советского крестьянства в сталинскую эпоху принадлежит к числу тем, относительно хорошо изученных¹. Наиболее убедительное объяснение того, почему в СССР в 30-х гг. была проведена коллективизация сельского хозяйства, заключается в стремлении советского руководства получить средства для ускоренной модернизации путем неэквивалентного обмена и внеэкономического принуждения².

Без существенных изменений система колхозов существовала и во второй половине 40-х гг. Калининградский исследователь Ю. В. Костяшов полагает: «В посткоммунистической публицистике положение в деревне было принято сравнивать с крепостным правом, но колхозный строй был, пожалуй, бóльшим злом. Чудовищно неэффективная система организации труда при полном отсутствии мотивации работников порождала ничтожные результаты... которые

¹ См.: *Безнин М. А.* Крестьянский двор в Российском Нечерноземье, 1950–1965. Вологда, 1991; *Зима В. Ф.* Голод в СССР 1946–1947 годов: происхождение и последствия. М., 1996; *Нефедов С. А.* О хлебофуражных балансах 1920–1930-х гг. // Новейшая история России. 2013. № 1; *Понов В. П.* Сталин и проблемы экономической политики после Отечественной войны. М., 2002; «Постановление правительства застало нас врасплох...» Мероприятия по экономии хлеба в партийных сводках 1946 г. Публикация К. А. Болдовского // Новейшая история России. 2013. № 2; и др.

² *Грегори П.* Политическая экономия сталинизма. М., 2008. С. 48.

почти полностью конфисковывались... государством»³. Из числа же современников лучше всех эксплуататорскую сущность колхозного строя выразил М. М. Розанов: «Советская закономерность: кто действительно работает, тот едва таскает ноги, кто болтается под ногами, тот живет с грехом пополам, а кто присосался как тля, тот катается будто сыр в масле»⁴.

Как показала практика, изъятие продукции посредством колхозов было сопряжено с большими издержками. Значительная ее часть не поступала в распоряжение государства, а утекала на сторону. Об этом свидетельствует документ — публикуемая здесь докладная записка представителя Совета по делам колхозов по Ленинградской области В. Васильева председателю этого Совета, члену Политбюро ЦК ВКП(б) А. А. Андрееву. Ценность данного источника заключается в том, что здесь нашли отражение как довольно известные способы разбазаривания колхозного добра (общественное питание, подписка на займы), так и не исследованные в полной мере (командировочные расходы и др.). Следует отметить, что записка была написана с позиции признания безусловной целесообразности ограбления крестьянства и убежденности в гипотетических преимуществах колхозного строя, поэтому не слишком значительные с точки зрения современного читателя растраты или небольшое снижение доходов воспринимались автором документа резко отрицательно.

Авторство документа позволяет утверждать, что источник обладает высокой степенью достоверности. Совет по делам колхозов при Правительстве СССР был учрежден в соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) и Совета Министров СССР 19 сентября 1946 г. «О мерах по ликвидации нарушений Устава сельскохозяйственной артели в колхозах». Целью этого органа и его представительств на местах было поставлено «установление строгого контроля за соблюдением Устава сельскохозяйственной артели». Задачами Совета были: выработка мер по расширению общественного хозяйства колхозов, ограждение последнего от расхищения и посягательств «частнособственнических и рваческих элементов», контроль над правильным распределением доходов в артели и т.д. Совет имел право давать обязательные указания по ликвидации выявленных нарушений для министерств, ведомств и местных органов, а также накладывать взыскания на лиц, виновных в нарушении Устава. Представители Совета по делам колхозов в областях, краях и автономных республиках утверждались Советом Министров СССР и были независимы от местных партийных и советских органов. Помимо этого, они имели право «требовать от всех местных органов и правлений колхозов немедленной ликвидации... этих нарушений или злоупотреблений»⁵. Вместе с тем из записки и обстоятельств ее появления видно, что Совет и его региональные структуры не столько занимались пресе-

³ Костяшов Ю. В. Повседневность послевоенной деревни: из истории переселенческих колхозов Калининградской области. М., 2015. С. 242.

⁴ Розанов М. М. Завоеватели белых пятен. Лимбург, 1951. С. 106.

⁵ СП СССР. 1946. № 14. Ст. 271.

чением нарушений, сколько информировали партийно-государственное руководство о положении в деревне.

По всей видимости, факты, приведенные в записке, впервые были озвучены автором публикуемого документа во время работы пленума Ленинградского обкома ВКП(б) 29 июня 1949 г.⁶ На основании этой информации 18 августа была подготовлена докладная записка, оригинал которой был направлен в Совет по делам колхозов. 2 сентября Президиум Совета принял постановление, которым представителю по Ленинградской области поручалось внести эту записку в обком партии и облисполком для ее рассмотрения и принятия на месте надлежащих мер⁷. Копия записки 13 сентября была направлена в обком и отложилась в Партархиве Института истории партии, где и была обнаружена публикатором.

Текст имеет многочисленные подчеркивания красным карандашом, сделанные, очевидно, секретарем Ленинградского обкома и горкома ВКП(б) В. М. Андриановым, так как именно ему был адресован данный экземпляр. Документ выявлен нами в Центральном государственном архиве историко-политических документов С.-Петербурга (ЦГАИПД СПб) в подготовительных материалах к заседаниям бюро Ленинградского обкома ВКП(б) и представляет собой машинописный текст на листах обычного формата. Текст приведен в соответствие с современными нормами русского языка; мелкие грамматические ошибки исправлены без оговорок. Слова, заключенные в квадратные скобки, добавлены в необходимых случаях автором для лучшего восприятия текста.

18 августа 1949 г.

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ СОВЕТА ПО ДЕЛАМ КОЛХОЗОВ
ПРИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ СССР

тов. АНДРЕЕВУ А. А.

О СОСТОЯНИИ ФИНАНСОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, ВЫПОЛНЕНИИ
ПРИХОДО-РАСХОДНЫХ СМЕТ И НАРУШЕНИЯХ ФИНАНСОВОЙ
ДИСЦИПЛИНЫ В КОЛХОЗАХ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

Большие задачи по восстановлению и развитию колхозного хозяйства, вопросы выполнения 3-летнего плана развития общественного животноводства⁸,

⁶ Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (далее — ЦГАИПД СПб). Ф. 24. Оп. 49. Д. 18. Л. 8.

⁷ Там же. Д. 318. Л. 90.

⁸ Трехлетний план развития общественного колхозного и совхозного продуктивного животноводства был принят постановлением Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) 18 апреля 1949 г. В соответствии с ним производство мяса, молока, яиц, шерсти и других продуктов должно было увеличиться в 1,5 раза, предусматривалось значительное

электрификации и механизации колхозов нельзя решить без коренного изменения в отношениях к колхозным финансам.

К сожалению, до настоящего времени в Ленинградской области не чувствуется серьезного понимания громадной роли рубля в укреплении хозяйства колхоза.

Это наше заявление подтверждается плохими итогами финансовой деятельности колхозов за 1948 год, неудовлетворительным отношением многих правлений колхозов, районных и областных советских, земельных органов к составлению и исполнению приходо-расходных смет в колхозах в 1949 году и множеством фактов нарушений финансовой дисциплины, вскрытых нами при проведении специальной проверки 6-ти районов области, имеющих 307 колхозов, и материалом предыдущих проверок в колхозах остальных районов области.

I. Итоги финансовой деятельности колхозов за 1948 год

Итоги финансовой деятельности колхозов Ленинградской области за 1948 год крайне неудовлетворительны. Несмотря на увеличение количества колхозов в области, увеличение урожайности и валовой продукции полеводства, а также и животноводства, денежные доходы колхозов в 1948 году уменьшились против 1947 года. В 1947 году они равнялись 73078 тыс. руб., а в 1948 году 72483 тыс. рублей.

Это уменьшение денежных доходов нельзя объяснить проведением денежной реформы⁹ и снижением цен на колхозном рынке. Против такого объяснения говорят факты и примеры передовых районов и колхозов.

Из 32 районов области в 12 денежные доходы колхозов в 1948 году после денежной реформы не уменьшились, а возросли.

Денежные доходы в колхозах области в тыс. руб.

Наименование района	1947 год	1948 год
Волосовский	7086	8657
Гатчинский	4760	6293
Осьминский	2438	3165
Сосновский	1301	1388
Волховский	2931	2369
Кингисеппский	6930	5436
Киришский	1838	1270
Сланцевский	1344	1040
Тихвинский	3874	3457

повышение продуктивности скота и расширение кормовой базы. Для колхозов был утвержден повышенный минимум поголовья общественного скота и птицы, в каждом колхозе должно было быть организовано несколько животноводческих ферм.

⁹ Имеется в виду постановление Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) 14 декабря 1947 г. «О проведении денежной реформы и отмене карточек на продовольственные и промышленные товары».

В первой группе районов борьба за повышение денежных доходов была организована, а во второй она отсутствовала.

В связи с уменьшением денежных доходов в колхозах области в 1948 году уменьшилось отчисление на пополнение неделимого фонда¹⁰.

В 1947 году в неделимый фонд было отчислено 11 664,9 тыс. руб., а в 1948 году 11 557 тыс. рублей. Увеличился недовзнос средств на капвложения. В 1947 году он составлял 4247 тыс. руб., а в 1948 году 5083 тыс. рублей. Возросли денежные расходы на адм. хозяйственные нужды с 1,6% в 1947 году до 1,7% в 1948 году.

По годовому отчету за 1948 год больше половины колхозов области — 1003 из 1947 не выдали на трудодень ни одной копейки денег, в то же время возросла натуральная выдача на трудодень товарной продукции, каковой является в условиях Ленинградской области картофель и овощи.

Колхозы Волховского, Новолодожского, Пашского, Красносельского и ряда других районов увеличили выдачу на трудодень картофеля и овощей в 3–4 раза, доведя ее в отдельных колхозах до 10 и больше кг на трудодень, в то же самое время уменьшили выдачу на трудодень денег. Эта неправильная политика распределения доходов, ведущая к ущемлению интересов общественного богатства колхоза, не нашла должного отпора со стороны районных и областных организаций.

В то время как колхозники, получая большие излишки картофеля и овощей, ими торговали, получая большой доход, в колхозах области уменьшились отчисления на пополнение неделимого фонда. В этом в большей мере повинны областные и городские руководящие органы.

Осенью 1948 года многие колхозы не знали, куда сбыть товарные излишки картофеля и овощей, а в г. Ленинград за сотни и тысячи километров из Белоруссии, Украины, Ярославской и др. областей завозились тысячи вагонов картофеля и овощей¹¹.

Весною 1949 года из Ленинграда обратно за тысячи километров было вывезено 1860 вагонов излишнего и испорченного картофеля.

При недостатке в колхозах денег резко возросла против 1947 года дебиторская задолженность¹². Долги учреждений и лиц по годовому отчету за 1948 год составляют 8627 тыс. рублей, т.е. почти в 1,5 раза больше, чем в 1947 году (5415 тыс. рублей) и равняются почти 12% всех годовых денежных доходов колхозов области.

¹⁰ Неделимый фонд — основная часть производственных фондов колхоза, не подлежащая распределению между колхозниками, включает в себя средства производства (основной капитал) артели.

¹¹ По свидетельству секретаря Ленинградского обкома ВКП(б) Г. Ф. Бадаева, Ленинград снабжался овощами и картофелем главным образом за счет завоза из 16 областей и республик СССР (ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2. Д. 6845. Л. 1).

¹² Дебиторская задолженность — сумма долгов, причитающихся предприятию, учреждению со стороны других предприятий, учреждений или лиц.

Как видно из сводного годового баланса, почти в два раза возросли долги колхозов по сравнению с предыдущим годом. Долги колхозов в 1948 году равняются 25 444 тыс. руб., в т.ч.:

банку по просроченным ссудам	1777 тыс. руб.
учреждениям и лицам	13 459 тыс. руб.
колхозникам по трудодням	4873 тыс. руб.
недовзносы в неделимые фонды	5083 тыс. руб.
остаток по культфонду, подлежащий расходованию	252 тыс. руб.
<u>Наличие средств для расчетов</u>	14 213 тыс. руб.
в т.ч. наличие денежных средств	4827 тыс. руб.
стоимость продукции, выделенной для продажи	2494 тыс. руб.
долги членов колхозов (90 %)	5634 тыс. руб.
долги учреждений и лиц (90 %)	5634 тыс. руб.
недостает средств для расчетов за 1948 г.	11 231 тыс. руб.
недоставало средств для расчетов за 1947 г.	5970 тыс. руб.

Приходо-расходная смета колхозов не выполнялась. Вместо предусмотренных сметой доходов в 122 584 тыс. руб. фактически получено доходов 72 433 тыс. руб., или 59%, а израсходовано 75 080 тыс. руб., т.е. больше на 2597 тыс. рублей, чем получено доходов.

Почему колхозы Ленинградской области, имея рядом г. Ленинград, являющийся громадным рынком сбыта любой продукции сельского хозяйства, окончили 1948 год с таким тяжелым финансовым состоянием?

Это прежде всего можно объяснить неудовлетворительной работой правлений колхозов, районных и областных земельных и советских органов по вопросам финансовой деятельности колхозов, отсутствием борьбы за выполнение расходной сметы колхоза, отсутствием борьбы с нарушениями финансовой дисциплины.

В чем эта неудовлетворительная работа конкретно проявляется, мы покажем на фактах и примерах текущего 1949 года.

II. Составление и исполнение приходо-расходных смет в колхозах Ленинградской области в 1949 году

Составление приходо-расходных смет в колхозах Ленинградской области в текущем году было затянато до самого весеннего сева.

На 1 марта с.г., то есть к сроку, установленному правительством, сметы были составлены в 281 колхозе, или только в 14% колхозов области. Сейчас орг[анизационно-]колхозный отдел Областного управления сельского хозяйства закончил составление сводной сметы по колхозам области, но данными

этой сметы еще никто из руководства Областного управления сельского хозяйства и Облсписполкома не интересовался.

Из материалов наших неоднократных проверок видно, что приходо-расходные сметы во многих колхозах области составлялись формально. Порядок составления и рассмотрения сметы не соблюдался.

Смета колхоза «Большевик-2» Пашского района рассмотрена на заседании Исполкома райсовета 7 апреля 1949 года, в колхозе ее рассматривали 14 мая на собрании 1-й бригады. На общеколхозном собрании она совсем не рассматривалась.

По колхозу «Перестройка» Пашского района смета рассмотрена райисполкомом в начале июля этого года, а по колхозу «Красная Горка» (райсемхоз) смета до сих пор не утверждена общим собранием членов колхоза и не рассмотрена Исполкомом райсовета.

На общих собраниях членов колхоза при утверждении смет не соблюдается установленный Уставом с/хоз. артели кворум. На собраниях присутствовало менее 2/3 членов колхоза. В Пашском районе в колхозе «Победитель» из 55 членов колхоза на собрании присутствовал 31, или 56%, в колхозе «Боевой» из 37 чел. членов колхоза присутствовало 15, или 40%, в колхозе «Крестьянская Победа» из 113 членов колхоза присутствовало 34, или 30%, то же самое в колхозах «Перестройка», «Заря», «2-я Пятилетка». Сметы этих колхозов рассмотрены райисполкомом, но ни одно собрание не отменено.

В Красносельском районе на собрании колхозников колхоза «Воля Пахаря» при рассмотрении сметы присутствовало 49 членов колхоза из 111, или 44%, в колхозе «Михайловка» 40 из 80, или 50%, то же в колхозах «Глядино», «Кр[асное] Сибилево» и др.

Сколько присутствовало на общих собраниях при рассмотрении смет в колхозах «Заводы», «Победа», в протоколах не указано, а в колхозах «30 лет ВЛКСМ», «Ижорка» Красносельского района и «I ГЭС-Ёканда»¹³ Подпорожского района совершенно нет протоколов собраний, на которых рассматривались сметы.

В колхозах «Волковицы» Красносельского района и «2-я Пятилетка» Пашского района приходо-расходных смет не нашли.

Сметы — важнейший уставной документ колхоза, очень часто заброшены в самый дальний угол шкафа колхозной канцелярии. Видно, что ими никто не интересуется. Оформлены сметы небрежно, написаны карандашом, без подписи зав. районным отделом сельского хозяйства, без выписки из протокола райисполкома (Красносельский район) и т.п.

Такое отношение к составлению смет и их оформлению характеризуют их роль и значение в деятельности правления колхоза.

Председатели колхозов, ревкомиссии, районные организации забывают о существовании сметы и вспоминают о ней в начале будущего года.

¹³ ГЭС — государственная (или гидро)электростанция, Еканда (Ёканда) — деревня Важинского сельсовета Подпорожского района.

Ни в одном из проверенных нами районов вопросы хода выполнения смет в колхозах до сего времени не рассматривались. Облисполком этим вопросом в течение текущего года тоже не интересовался. Ни в областных, ни у районных организаций учета хода выполнения приходо-расходных смет колхозов не имеется.

Документальной проверкой 60 колхозов 6 районов области нами установлено, что сметы в колхозах области за первое полугодие 1949 года выполняются неудовлетворительно.

В колхоз «Кр[асный] Боевик» Подпорожского района за полугодие поступило денежных средств 1% от сметы, т.е. всего 473 руб., в колхоз «Объединенный труд» — 2%, 931 руб., «Красный треугольник» — 4%, 1566 руб. Всего из 60 колхозов смету выполнили:

от 1 до 10%	14 колхозов,
от 10 до 20%	21 колхоз,
от 20 до 30%	15 колхозов,
от 30 до 40%	5 колхозов и
от 40 до 50%	5 колхозов

Абсолютное количество колхозов смету за полугодие выполнило меньше чем на 20%. Это говорит о том, что борьбы за выполнение сметы в первом полугодии не было.

Хозяйство колхозов развито слабо, односторонне. Колхозы не возделывают ранних культур (тепличных, парниковых, огородных), столь необходимых для города Ленинграда. Не развивают птицеводства и скороспелого животноводства (свиньи, овцы, кролики и пр.). Очень низкий удой молока¹⁴.

Колхозы, имеющие доходы сверх 30%, получили их главным образом за счет заработков на стороне, часть из которых являются незаконными (массовая продажа колхозного леса лесозаготовителям, сдача в г. Ленинград частным подрядчикам колхозных лошадей и т.п.).

При проверке выполнения смет колхозов нами установлены многочисленные факты нарушений Устава сельскохозяйственной артели и постановлений Правительства по финансовой деятельности колхозов.

¹⁴ По данным уполномоченного Госплана СССР по Ленинградской области А. П. Подугольников (август 1947 г.), в подавляющем большинстве колхозов области личного скота было больше, чем общественного. Например, в Гатчинском районе у колхозников имелось 1369 коровы, а на колхозных фермах — 732. Только 23% колхозов имели установленный минимум общественного крупного рогатого скота. Аналогичным образом дело обстояло со свиньями, мелким рогатым скотом и птицей (ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2. Д. 6366. Л. 155–159).

III. Хранение денег колхозами

В Уставе сельскохозяйственной артели записано: «Свои свободные денежные средства артель хранит на своем текущем счету в банке или сберкассе». Проверка показала, что у большинства колхозов значительные суммы денег не проходят через банк, а хранятся у казначея, председателя, счетовода или у др. членов колхоза. В колхозе «Победа» Красносельского района из 119421 руб. через банк прошло только 19350 руб., или 16%. В колхозе «Ленинская Искра» — 19,7%, «Тиммолово» — 29%, «Ижорка» — 31%, «Перестройка» Пашского района — 16%, «Победитель» — 22%, «Крестьянская Правда» — 29%, им. Кирова Приозерского района — 15%, «Красное Знамя» — 20% и т.д., а некоторые колхозы («Келози» и «Кр[асное] Сибилево» Красносельского района) ни одной копейки не сдали в Госбанк.

В результате такой практики растут растраты колхозных денег, происходят незаконные сделки по купле и продаже, не производятся отчисления на пополнение неделимого фонда. Колхоз не рассчитывается по госплатежам.

В колхозе «Глядино» Красносельского района на день ревизии в июне месяце у председателя колхоза тов. Мухина оказалось на руках 5243 руб., а в кассе колхоза 1017 руб. Такие факты не единичны.

IV. Растраты и дебиторская задолженность

Дебиторская задолженность колхозам за прошлый год увеличилась по сравнению с предыдущим годом в 1,5 раза и достигла большой суммы 8627 тыс. руб. Ликвидация дебиторской задолженности колхозам в области проводится крайне неудовлетворительно. По неполным данным 13 районных отделений Госбанка на 1 августа 1949 года колхозам должны различные учреждения и организации 340,3 тыс. рублей,

в том числе межрайонные отделения сельхозснабжения	51,8 тыс. руб.
Потребкооперация и Госторговля	27,5 « «
Лесные организации	66,6 « «
Промкооперация и местн[ая] промышл[енность]	14,2 « «
Заготовительные организации	31,0 « «
Ленгосторф	114,0 « «
Различные заводы	35,2 « «

Колхозы области в весенний и летний период ощущают острую нужду в деньгах, а областные организации, входящие в систему Министерства сельского хозяйства, призванные обслуживать колхозы, вместо помощи им стремятся свое плохое финансовое положение подправить за счет колхозов.

По данным балансовых отчетов на 1/VII 1949 года ЛОК¹⁵ сельхозснабжения должна колхозам 400,6 тыс. рублей.

Лензаготживконтора	68,5 тыс. руб.
Ленинградский трест инкубаторно-птицеводческих станций	44,7 « «
Лен. обл. Эксплуатационная контора Ленсельэнерго	8,0 « «

В числе дебиторов колхозов наряду с различными организациями и лицами числятся руководящие сельские и районные работники. Колхозу «Торошковицы» Лужского района в течение года был должен председатель сельсовета Васильев 240 рублей за взятые из колхоза яблони и поросенка. Отрадненский сельсовет Приозерского района должен колхозу им. Кирова 1631 руб. Второй секретарь Рошинского РК ВКП(б) тов. Михайловский не уплатил колхозу им. Сталина 250 рублей за прокорм коровы и сверх этого весной он взял из колхоза взамен своей старой молодую высокоудойную корову.

Отдельные специалисты сельского хозяйства Киришского, Приморского, Тихвинского районов числятся дебиторами колхозов. Советские земельные органы, прокуратура и народные суды плохо борются за ликвидацию дебиторской задолженности колхозам.

Рассмотрение дел по взысканию дебиторской задолженности прокуратурой и нарсудом задерживается по несколько месяцев. Часто решения нарсудов не исполняются в течение ряда лет. Например, колхоз им. 3-й сталинской пятилетки Тихвинского района с 1946 года не может получить по исполнительному листу долг с агронома за взятую от колхоза корову.

В результате плохого учета, слабой работы ревизионных комиссий колхозов и инструкторов-бухгалтеров районных отделов сельского хозяйства в колхозах области большое количество растрат.

По годовому отчету за 1947 год числилось долгов по растратам и недостачам 301 тыс. руб., а за 1948 год 397 тыс. рублей.

Растраты колхозных средств производятся главным образом председателями колхозов, которые, пользуясь бесконтрольностью, держат при себе большие суммы денег, сами производят покупки различных материалов, инвентаря, наем рабочей силы и пр.

Особенно распространены растраты в колхозах, имеющих подсобные предприятия, автомашины, заработки на стороне.

Снабжение колхозов бензином, авторезиной, запчастями, различными материалами не налажено. Покупка производится «со стороны» по фиктивным документам¹⁶.

¹⁵ Ленинградская областная контора.

¹⁶ В большинстве таких случаев бензин покупался с целью устройства частых поездок в райцентр для увеселений. Яркий пример такого поведения был представлен на совещании лекторов в обкоме ВКП(б) 9 августа 1950 г.: председатель колхоза «Слава героям» Лесогорского района Васильев почти каждый день ездил в райцентр для покупки водки.

Председатель колхоза им. Молотова Волосовского района Ахвинайнен продал мясо забитой коровы за 4200 руб., деньги в сумме 1895 руб. присвоил, а считался фиктивными документами на покупку бензина, запчастей и пр.

В этом же колхозе за год для автомашины куплено от частных лиц по сомнительным распискам бензина и запчастей на 7301 руб.

В Красносельском районе только за последнее время в колхозе «Волковицы» председатель растратил 4551 руб. В колхозе «Красное поле» предколхоза растратил 1327 руб., в колхозе им. 15-й годовщины Октября предколхоза растратил 1300 руб., в колхозе им. Обкома МОПРа¹⁷ предколхоза растратил 1624 руб. и счетовод 1272 руб.

В Капшинском районе в колхозе им. 17 партсъезда предколхоза растратил 1293 руб., в колхозе «Большевик» предколхоза Торошков растратил 1676 руб., в колхозе «Огнеупор» предколхоза Томазов растратил 700 рублей и другие.

В Оятском районе предколхоза «Калиныч» растратил 1387 руб., в колхозе «Пойминские горы» предколхоза растратил 3878 руб., в колхозе «Волна» зав[едующий] МТФ¹⁸ растратил 545 руб. и другие. Такие же факты и по другим районам области.

Часто растратчика колхозных средств в течение продолжительного времени районные власти не привлекают к ответственности, хотя знают, что он виновен в хищении колхозного имущества.

Например, в Тихвинском районе в 1946 году предколхоза «Валя» Борисов и счетовод колхоза Трофимова сняли со счета колхоза 3 тыс. рублей общественных денег, растратили их, но к растратчикам никаких мер не принято.

Районные прокуроры по году и больше затягивают следствия по делам растратчиков и расхитителей колхозных средств. Например, прокурор Волосовского района больше года не рассматривал дело по колхозу им. Молотова, ссылаясь на трудности получения санкции от областного прокурора на привлечение к ответственности предколхоза¹⁹.

Бензин приобретался на стороне по запискам председателя (ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 49. Д. 834. Л. 21).

¹⁷ МОПР – Международная организация помощи революционерам, существовала в 1922–1947 гг.

¹⁸ Молочно-товарная ферма.

¹⁹ Подобного рода случаи имели очень широкое распространение. Органы суда, прокуратуры и юстиции своим поведением несколько смягчали репрессивный характер режима (см.: *Соломон П.* Советская юстиция при Сталине. М., 2008). Так, в 1949 г. секретарь Приморского РК ВКП(б) Д. Валдай вел безрезультатную борьбу с областной прокуратурой по поводу привлечения к ответственности одного из бывших председателей колхозов к уголовной ответственности: «Нашелся некто Дриль, работник прокуратуры, который заявил: “Неудачно подобрали фигуру для привлечения к уголовной ответственности”» (ЦГАИПД. Ф. 24. Оп. 49. Д. 29. Л. 47).

V. Разбазаривание общественных колхозных средств

В области и в районах сейчас многие руководящие работники говорят о необходимости резкого увеличения денежных доходов колхозов и подсказывают пути решения данного вопроса — это увеличение урожайности и продуктивности животноводства, увеличение посевов ранних овощей и картофеля, разведение садов и ягодников, развертывание колхозной торговли и прочее.

Но все эти совершенно правильные мероприятия не принесут должного эффекта, если не будет борьбы за экономию каждой колхозной копейки, борьбы с разбазариванием общественных колхозных средств.

Выше мы говорили о явных растратчиках, расхитителях колхозной кассы. Но в гораздо больших размерах идет скрытое разбазаривание колхозных средств, которое часто остается незамеченным, о котором не говорят, с которым не борются, а зачастую даже ему способствуют отдельные земельные и советские органы.

Расходы на общественное питание

В колхозах Ленинградской области в период сенокоса и уборки большое распространение имеет расхищение общественного добра под видом так называемого бесплатного общественного питания²⁰. Для этого общественного питания убиваются сотни голов скота, расходуются переходящие и страховые фонды, идет самая ценная продукция, могущая принести большой денежный доход колхозу при реализации ее на рынке.

По годовому отчету за 1948 год в колхозах области было получено мяса и сала 462 тонны. Из них на общественное питание израсходовано 76,3 тонны, выдано лицам, привлекаемым со стороны на уборочные работы, 7,8 тонны, на трудодни колхозникам выдано только 18,8 тонн.

Молока цельного на общественное питание пошло 780 тыс. литров, лицам, привлекаемым со стороны, 223 тыс. литров, на трудодни 520 тыс. литров.

Яйца — на общественное питание 94 тыс. штук, привлекаемым извне 9,4 тыс. штук, колхозникам на трудодни 8,7 тыс. штук. Кроме того, на общественное питание пошло:

497 кг	меда
228 кг	масла

²⁰ Эта практика тесно связана с привлечением нечленов колхоза для работы в колхозе. Общественное питание было одной из форм оплаты за проделанную работу людям, привлекаемым руководителями колхозов со стороны в условиях отсутствия трудовой мотивации самих колхозников. Факты использования и оплаты такого труда вызывали негодование властей, поскольку все социально-экономические отношения выстраивались исходя из представления о том, что непосредственный производитель должен работать бесплатно (ЦГА СПб. Ф. 7179. Оп. 33. Д. 1400. Л. 64).

115 кг	сметаны
1160 кг	сыра
1168 кг	рыбы и
31 426 кг	простокваши

Кроме того, сотни кг крупы, муки, картофеля, овощей и пр. продуктов. По скромным подсчетам, на общественное питание и кормление лиц, привлекаемых со стороны, затрачено по государственным ценам одних продуктов животноводства стоимостью больше 5,5 млн рублей.

В текущем году в колхозах области продолжает иметь место разбазаривание общественных средств на бесплатное общественное питание.

Колхоз «Победа» Красносельского района на бесплатное общественное питание в первом полугодии текущего года затратил 1699 руб. 16 коп. общественных денег.

Колхоз «Горка» этого же района 27 июля 1949 года постановил прирезать одного бычка на общественное питание, подобных фактов очень много.

Расходы на различные праздничные обеды

Во многих колхозах имеет место расходование общественных денег на проведение различных праздничных обедов. Особенно часто бывают эти обеды во второй половине года. Но, как показала проверка уже и в первые месяцы 1949 года, большие суммы денег израсходованы на устройство этих «обедов».

В колхозе «Ленинская Искра» Красносельского района «на обед» 1 мая затрачено 1064 рубля колхозных денег. В колхозе «Заводы» 8 марта на обед затрачено 300 рублей и продано 1,5 тонны сена и 200 кг капусты на сумму 1648 руб. на празднование в честь проведения отчетного года.

Колхоз «Путь Сталина» израсходовал на обед 300 руб., колхоз «Герой» из кассы колхоза оплатил на устройство Первомайского праздника 311 рублей, не считая колхозных продуктов.

Колхоз «Перестройка» Пашского района израсходовал на устройство праздника по случаю окончания весеннего сева 50 кг пшеницы, 20 кг ржи, 70 литров молока, 1 барана и 610 руб. денег, вырученных от продажи колхозного бычка.

Колхоз «Красная деревня» Оятского района израсходовал на празднование 8 марта 30 кг ржи, 16 кг пшеницы, 50 кг картофеля, 16 литров молока, 4 кг сахара, 1 кг маргарина и мясо 2-х овец. Такие же расходы в колхозах «Ленинский путь» Оятского района, «Красный пахарь» Капшинского района, «Красное знамя» Приозерского района и другие.

Продажа общественного скота и имущества по дешевым ценам

В колхозах области имеет место разбазаривание колхозного добра путем продажи колхозникам, начальству, знакомым и родным по низким ценам скота и продуктов. По годовому отчету за 1948 год колхозы области продали по цене:

	Колхозникам			На колхозном рынке		
	голов	сумма в тыс. руб.	средняя стоимость	голов	сумма в тыс. руб.	средняя стоимость
Коров	343	548	1600	324	783	2416
Прочий рогатый скот	993	714	760	893	956	1070
Свиньи	6769	1130	170	5285	1449	274
Овцы и козы	1344	163	121	1539	309	200
Птица и цыплята	3871	27	7	3663	60	16

Если бы колхозы не допускали нарушения Устава и весь скот продали по ценам, которые они получали на рынке, только от этого они получили бы дополнительного дохода 1200 тыс. рублей²¹.

Факты продажи скота и др. имущества по низким ценам имеют место и в текущем году.

Проверка показала, что в колхозе «Григино» Капшинского района план развития свиноводства сорван. В колхозе сейчас стоит один хряк, 3 свиноматки и только один поросенок рождения 1948 года²².

Всех лучших поросят в месячном возрасте весной этого года разбазарили. Пример подали районные руководители, купившие поросят по цене в 2–3 раза дешевле рыночной.

Секретарь РК ВКП(б) тов. Луговцев уплатил за поросенка 100 руб., секретарь РК ВЛКСМ тов. Глебов — 125 руб., председатель Райисполкома Смотряев 150 руб. А предколхоза вслед за начальством взял себе поросенка бесплатно.

Предколхоза «Красный бор» Лужского района Кириллова без разрешения правления колхоза продала председателю сельсовета тов. Яшину ржи 32 кг и ячменя 32 кг за 10 руб. 24 коп., и другие факты²³.

Исполком Облсовета в решении от 7 июля 1949 года признал, что: «Значительная часть сельскохозяйственной продукции колхозов продается по заниженным ценам, также выдается бесплатно на общественное питание, что привело к недополучению колхозами в 1948 году свыше 18 млн руб. доходов».

²¹ Устав сельскохозяйственной артели 1935 г. не запрещал продавать общественный скот.

²² Поросята наряду с птицей разбазаривались наиболее активно. Масштабы разбазаривания можно увидеть по следующему примеру: на начало 1949 г. в колхозах области имелось 60 тыс. голов взрослой птицы, а через полгода — только 47 тыс. Большинство цыплят, выводимых инкубаторными станциями, распределялось между колхозниками. Примерно такая же динамика была и в случае с поросятами (ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 49. Д. 17. Л. 16).

²³ Так в тексте.

Покупка водки для скота

За последнее время ветеринарные работники ряда районных отделов сельского хозяйства требуют от колхозов покупки водки для лечения скота. Ветеринар Буин Приозерского отдела сельского хозяйства 10/VI 1949 года предложил предколхоза «Путь Сталина» купить 1 литр водки и 2 кг сахара для лечения больной коровы.

Колхоз «Красное знамя» Приозерского района истратил на покупку водки для «лечения» коров 172 рубля, колхоз им. Кирова — 132 рубля, колхоз им. Сталина — 180 руб., колхоз «Красная деревня» Оятского района — 34 рубля, колхоз «Калиныч» — 69 руб., колхоз «Перелом» — 300 руб., колхоз «Новый путь» — 102 руб. Такие же факты имеются в Красносельском, Оредежском и других районах области.

Незаконная оплата счетов сельсоветов и содержание различных уполномоченных

Торошковский сельсовет Лужского района 2 февраля 1949 года на расходы по питанию членов избирательной комиссии по выборам нарсудей²⁴ получил с колхозов 250 рублей.

Кипенский сельсовет Красносельского района тоже «на выборы» получил с колхозов «Волковицы», «Воля пахаря» и другие по 50 рублей.

Председатель избирательной комиссии Шунгоровского сельсовета Красносельского района получил на расходы по выборам с колхоза «30 лет ВЛКСМ» 100 рублей, колхоз «Заводы» Красносельского района выдал избачу сельсовета 50 руб. на приобретение культинвентаря.

Колхоз «Герой» Приозерского района выдал 50 руб. председателю сельсовета на выборы. Аналогичные факты оплаты счетов сельсоветов имели место и в колхозах других районов.

Всё еще имеют место факты бесплатного кормления за счет общественного добра уполномоченных, приезжающих в колхозы по проведению различных кампаний.

В колхозе «Торошковицы» Лужского района на питание представителей из района, проводивших отчетно-выборные собрания 23 февраля и 2 марта и на питание лектора выдано из кладовой колхоза бесплатно: муки ржаной 10 кг, крупы 5,5 кг, мяса 5 кг.

В колхозе «Кр[асное] Сибилево» Красносельского района установлена оплата колхозникам, у которых проживают уполномоченные, по 10 руб.

²⁴ По Конституции СССР 1936 г. составы Верховного суда СССР, республиканских и региональных судов формировались соответствующими советами на пятилетний срок. Нарядные же судьи избирались населением на 3 года посредством прямых выборов.

и по 0,25 трудодня в сутки. За уход за агрономом из отдела сельского хозяйства выплачено по счету предколхоза Замчалову А. И. за 5 дней 50 руб. денег и начислено 1,25 т/дня.

В колхозе им. Кирова Приозерского района выдано бесплатно продуктов питания электромонтерам Викторову на 104 рубля и Капралову на 84 рубля.

В колхозах Капшинского района «Скороход», «2-я пятилетка», «Огнеупор» и др. уполномоченным из колхозных кладовых на питание бесплатно выписываются яйца, молоко и другие продукты.

Командировочные расходы

Командировочные расходы в колхозах области не упорядочены, в различных районах в колхозах они оплачиваются по-разному.

В Приозерском районе израсходовано на адм[инистративно-]хоз[зяйственные] расходы и оплату командировок: в колхозе им. Сталина 6,5%, в колхозе «Победа» — 7%, колхозе «Красное Знамя» — 18% от общей суммы доходов, полученных колхозом в первом полугодии. Такое же положение в колхозах остальных районов, в Подпорожском районе в колхозе «Пионер» израсходовано на эти цели 11%, в колхозе «ГЭС-Ёканда» — 5%. В Красносельском районе в колхозе «Тиммолово» — 6,9%, «Михайловка» — 3,7%, «Горка» — 3% и так далее.

Председателю колхоза «Путь Сталина» Приозерского района тов. Нуждину И. П. выплачено за пребывание на курсах в райцентре на расстоянии 0,5 км от колхоза за 20 дней по 10 руб. в день.

Председателю колхоза «Комсомолец» тов. Макарову за пребывание на курсах в райцентре на расстоянии от колхоза в 1 км выплачены командировочные по 10 руб. в день за 19 дней.

Такие же «командировочные» оплачивались предколхоза и в других районах по распоряжению отделов сельского хозяйства. В Красносельском районе по 21 колхозу за I полугодие израсходовано на командировочные расходы 11 415 руб., или 3,5% от всех доходов.

В ряде колхозов оплачивают командировки по поездке на Пленум Райкома ВЛКСМ, в нарсуд в качестве нарзаседателя²⁵ и прочее (колхоз «Путь Сталина» Приозерского района).

Количество оплачиваемых командировок в колхозах области велико.

В колхозе «Красное Знамя» Приозерского района за первую половину 1949 года было 53 командировки на сумму 1400 рублей. В колхозе «Герой» — 30 командировок и так далее.

²⁵ Зарплата на время исполнения обязанностей сохранялась только за народными заседателями из числа рабочих и служащих (Юридический словарь. М., 1953 // http://soviet_legal.academic.ru/1021/ (дата обращения 26 февраля 2016 г.)).

Оплата личной подписки колхозников по займу

Вопреки постановлению СНК СССР от 27 марта 1935 года и Совета Министров Союза ССР от 2 августа 1947 года № 2749, запрещающих оплату колхозными деньгами личной подписки колхозников по займу, в ряде районов области при попустительстве, а в ряде случаев при прямом участии сельских и районных работников, эта противозаконная практика имеет место.

Проверкой в колхозах: Лужского, Ломоносовского, Приморского, Красносельского, Приозерского районов вскрыты многочисленные факты оплаты общественными деньгами подписки колхозников по займу.

В колхозе «Воля пахаря» Красносельского района оплачена подписка колхозников в сумме 4300 рублей, из них на 1800 рублей выдан чек финангенту Ивановой, а 2500 рублей — наличными из кассы колхоза.

В колхозе им. Сталина Приозерского района уплачено общественными деньгами по подписке колхозников 4975 руб. В колхозе им. Кирова 6 тыс. рублей, в колхозе «Путь Сталина» — 2025 руб., в колхозе имени Крупской 3500 рублей.

В Лужском районе в колхозе «Дружный» оплачен заем колхозников 1400 руб., колхоз им. Менжинского — 3 тыс. руб. и другие.

В Ломоносовском районе в колхозе им. Ломоносова уплачено за колхозников по займу 2000 руб., колхозе «Пеники» — 2210 руб. В Приморском районе зав. сберкассой Орлов И. Н. требовал от колхозов им. Кирова и ряда других оплаты подписки по займу колхозников.

Активно участвовали в погашении подписки по займу колхозников из общественных средств колхозов председатели сельсоветов (Октябрьского — Приморский район, уполномоченные из районов — секретарь РК ВЛКСМ тов. Михайлов), финансовые агенты и так далее. Деньги за оплаченный за колхозников заем в канцеляриях колхозов расписывались в ведомости под видом выданного аванса. Причем эти «авансы» выдавались без учета выработанных трудодней и задолженности колхозников колхозу.

По годовому отчету за 1948 год колхозники должны колхозам около 2400 тыс. рублей. Большая часть этих долгов — это оплата подписки по займу колхозами за колхозников.

Областные организации, зная об этих фактах, реальных мер, предусмотренных Постановлениями Правительства, к расхитителям колхозной собственности до сего времени не приняли.

Лесные доходы

Большинство колхозов Ленинградской области имеют лес, закрепленный за ними по госакту на вечное пользование. Колхозные леса при правильной их эксплуатации, кроме удовлетворения потребностей общественного хозяйства, могут и должны приносить колхозу доходы.

При проверке колхозов Капшинского района нами установлены факты противогосударственной и антиколхозной практики, выражающейся в массовой продаже общественных колхозных лесов государственным лесозаготовителям.

Трест «Ленлес» Министерства лесной промышленности СССР и трест «Обллесзаг» Ленинградского Облсиполкома имеют план лесозаготовок в Капшинском районе. Вместо привлечения из колхозов рабочей и тягловой силы на лесозаготовки, согласно постановления Правительства, указанные лесные организации договариваются с колхозами о том, что последние, не выезжая на лесозаготовки, «дома», в своих лесах выполняют государственный план лесозаготовок²⁶.

Древесину сдают лесозаготовителям, а последние им оплачивают стоимость заготовленной древесины.

Полученные таким образом доходы от продажи государственного леса государству колхозы используют на оплату госналогов, на производственные нужды и распределяют по трудодням вместо перечисления этих доходов на счет капиталовложений.

Как показала проверка, лесные организации эту противозаконную операцию «маскируют». Например: Капшинский ЛПХ²⁷ треста «Обллесзага» нам представил 25/VI 1949 года справку о том, что им в заготовительный сезон 1948/49 года куплено от колхозов района заготовленной колхозами деловой древесины 2295,8 куб. метров и дров 1341,7 куб. м на сумму 14908 руб. Основной заготовитель Капшинский леспромхоз «Ленлеса» аналогичной справки нам не выдал, ссылаясь на то, что у него нет точных сведений с лесопунктов.

Госбанк представил справку о дебиторской задолженности Капшинского леспромхоза Ленлеса на 1/VIII 1949 года колхозам района в сумме 31 тыс. руб. В колхозе «Рабочий» установлено, что им продано Капшинскому леспромхозу колхозного леса на 6 тыс. рублей по цене деловой древесины 17 руб. скл. кбм и дрова 15 руб. скл. кбм²⁸. Полученные деньги израсходованы на уплату госналогов 2100 рублей и 3900 рублей на покупку овса для посева и на фураж.

Колхоз «Огнеупор» продал Капшинской сплавной конторе «Ленлес» колхозного леса на сумму 4167 руб., из них на пополнение неделимого фонда не пошло ни одной копейки. Аналогичное положение имеет место в колхозах «Красное Знамя», «Крестьянин», «Лизаново», «Красный Партизан», «Застрельщик», «2-я пятилетка» и другие.

²⁶ Эксплуатация лесов колхозами носила варварский характер: охрана лесов не производилась, правила рубки не соблюдались, очистка вырубок не производилась. Продажу леса можно охарактеризовать следующими данными: за 6 месяцев 1951 г. в Ленинградской области было выручено от продажи леса по 15 районам области (из 32) около 997 тыс. рублей. Из них в неделимый фонд было начислено не более 42% поступивших средств (ЦГА СПб. Ф. 7179. Оп. 33. Д. 1656. Л. 79).

²⁷ Леспромхоз.

²⁸ Складской кубометр — единица измерения объема круглого леса.

Об этих фактах знают Капшинские районные и областные организации, но мер по их пресечению никаких не принимают.

Заработки на стороне

Колхозы Ленинградской области, расположенные вблизи города Ленинграда, имеют большие возможности в получении дополнительного дохода от заработков на стороне. К сожалению, до сего времени вопросами организации этих заработков никто не занимается, и к этому делу приложили свои грязные руки частные предприниматели, спекулянты и прочие темные личности.

В Тихвинском районе в колхозе «Новая жизнь» больше двух лет подвизался «делец» Беккер З. В., который под видом колхозного промысла организовал частнопредпринимательскую деятельность. На счет колхоза в Госбанке поступило 629,8 тыс. рублей, из которых около 350 тыс. руб. были присвоены Беккером. Беккер сейчас разоблачен, но он не один.

Председатель колхоза «Михайловка» Ропшинского сельсовета Красносельского района тов. Наумов в январе месяце 1948 года отправил в город Ленинград для заработка на стороне три колхозных лошади и передал их по договору гр. Вейн А. Ю., прожив. в г. Ленинграде. Последний выступал в Ленинграде как представитель колхоза «Михайловка», имея от последнего на это полномочия. В августе месяце 1948 года одна лошадь сломала ногу и была прирезана, а остальные продолжали работать в Ленинграде и только в апреле месяце 1949 года были доставлены в колхоз. Лошади прибыли в колхоз в истощенном состоянии и с повреждениями. Одна из этих лошадей не работает и до настоящего времени. За работу лошадей, по подсчетам колхоза, гр-н Вейн должен колхозу 44000 руб., а последний не дал колхозу ни одной копейки и не возместил стоимости павшей лошади. 25 апреля 1949 года все материалы на гр. Вейна колхозом «Михайловка» переданы колхозом райпрокурору Красносельского района тов. Иванову, а последний до сих пор ничего не сделал, якобы потому что прокуратура не может установить местонахождение гр. Вейна А. Ю.

В июне месяце 1948 года колхоз им. Молотова Волосовского района направил 2 рабочие лошади в г. Ленинград на заработки. Колхозных лошадей и 2000 руб. на их кормление принял некий Кузнецов — якобы бригадир артели «Теплохим». Кузнецов по своему усмотрению от имени колхоза (он имел чистые бланки колхоза) эксплуатировал лошадей, получал за их работу оплату. Перечислив колхозу всего 6470 руб., Кузнецов скрылся, присвоив себе деньги и двух лошадей, уже полгода прокуратура ищет этого проходимца, но безрезультатно.

Так же на заработках в г. Ленинграде работают лошади колхозов «Красная Сосновка» и «Гладино» Красносельского района, «Замошье» и «Красный Бор» Ломоносовского района.

Вывеску ряда колхозов используют ленинградские дельцы под видом колхозных артелей такелажников.

Такая артель «такелажников» в 1948 году работала под вывеской колхоза «Пеники» Ломоносовского района.

VI. Учет и ревизионная работа в колхозах области

Плохая работа ревизионных комиссий и слабый контроль со стороны районных организаций за деятельностью правлений колхозов способствовали нарушению Устава сельскохозяйственной артели и финансовой дисциплины в колхозах области. Во многих колхозах за первое полугодие текущего года не было проведено ни одной ревизии. Из проверенных нами колхозов в колхозе «Победа» Красносельского района, в колхозе «Победа» Приозерского района, в колхозе «Красное Знамя» и «Красный пахарь» Пашского района, в колхозе «Разгар» Капшинского района не было в 1949 году ни одной ревизии и ни одной проверки работниками районных организаций.

Всего по 25 районам области, по данным ЛОУСХ²⁹, за полугодие не произведено ни одной ревизии в 255 колхозах из 1 536, или 16,6%. По одной ревизии было произведено в 965 колхозах, или 62%, по две ревизии в 326 колхозах, или в 21%, и по 3 ревизии — только в 6 колхозах.

По тем же данным инструкторы-бухгалтеры районных отделов сельского хозяйства произвели проверку работы правлений:

по 1 разу	в 398 колхозах,
по 2 раза	в 69 колхозах и
по 3 раза	в 6 колхозах

а всего в 473 колхозах из 1536, что составляет 30,2% от общего количества колхозов. Состояние учета в колхозах характеризуется следующими данными:

Из 1536 колхозов 25 районов области с хорошим и удовлетворительным состоянием учета 1186 колхозов, или 77%, с плохим учетом — 359 колхозов, или 22,7%, в 24 колхозах нет счетных работников.

Эти данные взяты из полугодичных отчетов старших инструкторов-бухгалтеров районных отделов сельского хозяйства, они, естественно, смягчают плохое положение с состоянием учета и ревизионной работы в колхозах области. По цифрам, данным нам Областным управлением сельского хозяйства, [которые] взяты из вышеуказанных отчетов, в Красносельском районе значится 10 колхозов с хорошим, 24 с удовлетворительным и нет ни одного колхоза с плохим состоянием учета: нашей же проверкой установлено, что в колхозе «Горка» данного района, согласно акта, составленного 9 июля с.г. старшим инструктором-бухгалтером РОСХ³⁰ тов. Ивановой и рев[изионной] комиссией

²⁹ Ленинградское областное управление сельского хозяйства.

³⁰ Районный отдел сельского хозяйства.

колхоза, большинство книг колхозного счетоводства не ведется. Записи текущего года в книгах либо отсутствуют, либо запутаны и произведены за март-апрель месяц. В конце акта указано: «Учет отсутствовал совершенно».

Так же неудовлетворительно организован учет в колхозах «Волковицы», «Красная Сосновка» и других.

На основании вышеизложенного материала видно, что состояние финансовой деятельности в колхозах Ленинградской области крайне неудовлетворительное. Об этом знают районные и областные организации, но действенных мер по ликвидации создавшегося положения не принимают.

Вопросы выполнения колхозных приходо-расходных смет, работы ревизионных комиссий колхозов, состояние учета и ликвидации нарушений финансовой дисциплины в колхозах не ставятся на обсуждение исполкомов районных и Областного Совета.

Просим Вас заслушать доклад Ленинградского областного Совета депутатов трудящихся по данному вопросу и потребовать от него принятия конкретных действенных мер по ликвидации нарушений Устава сельскохозяйственной артели и постановлений Правительства по финансовой деятельности колхозов.

Представитель Совета по делам колхозов при Правительстве СССР
по Ленинградской области /В. Васильев/
ЦГАИПД СПб Ф. 24. Оп. 49. Д. 318. Л. 91–109. Заверенная копия.
Отпечатано на бланке представителя Совета по делам колхозов
по Ленинградской области

References

- Beznin M. A.* Krest'janskij dvor v Rossijskom Nechernozem'e, 1950–1965. Vologda, 1991.
Gregori P. Politicheskaja jekonomija stalinizma. M., 2008.
Kostjashov Ju. V. Povsednevnost' poslevoennoj derevni: iz istorii pereselencheskih kolhozov Kaliningradskoj oblasti. M., 2015.
Nefedov S. A. O hlebofurazhnyh balansah 1920–1930-h gg. // Novejšhaja istorija Rossii. 2013. N 1. S. 48–63.
Popov V. P. Stalin i problemy jekonomicheskoj politiki posle Otechestvennoj vojny. M., 2002.
«Postanovlenie pravitel'stva zastalo nas vrasplokh...» Meroprijatija po jekonomii hleba v partijnyh svodkah 1946 g. / Publikacija K. A. Boldovskogo // Novejšhaja istorija Rossii. 2013. N 2. S. 265–282.
Rozanov M. M. Zavoovateli belyh pjaten. Limburg, 1951.
Zima V. F. Golod v SSSR 1946–1947 godov: proishozhdenie i posledstvija. M., 1996.

Список литературы

- Безнин М. А.* Крестьянский двор в Российском Нечерноземье, 1950–1965. Вологда, 1991.
Грегори П. Политическая экономия сталинизма. М., 2008.
Зима В. Ф. Голод в СССР 1946–1947 годов: происхождение и последствия. М., 1996.
Костяшов Ю. В. Повседневность послевоенной деревни: из истории переселенческих колхозов Калининградской области. М., 2015.
Нефедов С. А. О хлебофуражных балансах 1920–1930-х гг. // Новейшая история России. 2013. № 1. С. 48–63.
Попов В. П. Сталин и проблемы экономической политики после Отечественной войны. М., 2002.
«Постановление правительства застало нас врасплох...» Мероприятия по экономии хлеба в партийных сводках 1946 г. / Публикация К. А. Болдовского // Новейшая история России. 2013. № 2. С. 265–282.
Розанов М. М. Завоеватели белых пятен. Лимбург, 1951.

В. С. Измозик

Фабрикация «покушения» на С. М. Кирова

Естественно, особа С. М. Кирова, первого секретаря Ленинградского ГК и ОК ВКП(б), члена Политбюро ЦК с 1930 г., нуждалась в охране. Большинство руководителей Ленинграда с середины 1920-х гг. жили компактно. Первоначально это была 9-я парадная дома 26/28, в которой было всего пять квартир, по одной на каждом этаже. Именно здесь проживали Г. Е. Зиновьев, командующий Петроградским (Ленинградским) военным округом В. М. Гиттис, секретарь губкома Г. Е. Евдокимов, зав. орготделом губкома А. С. Куклин, профсоюзный лидер Г. Ф. Федоров. После разгрома «новой оппозиции», которой они, кроме В. М. Гиттиса, руководили, они выбыли из города или переехали в более скромные апартаменты. Сосредоточение новых руководящих кадров с середины 1920-х гг. шло в доме 21 по Кронверкской улице, завершившись к 1932 г. Здесь занимали квартиры второй секретарь горкома ВКП(б) И. И. Газа, уполномоченный Наркомата тяжелой промышленности по Ленинграду Г. Н. Пылаев, прокурор Ленинградской области Б. П. Позерн, зав. особым сектором обкома ВКП(б) Н. Ф. Свешников, председатель Ленинградского совета профсоюзов М. М. Серганин, председатель Леноблисполкома П. И. Струппе, второй секретарь обкома ВКП(б) М. С. Чудов и др. Таким же «анклавом» был один из подъездов дома 23/59 по Кронверкской улице. Здесь проживали председатель исполкома Ленсовета И. Ф. Кадацкий (Кодацкий), зам. начальника Полномочного представительства ОГПУ в Ленинградском военном округе И. В. Запорожец и др.¹

¹ См.: Измозик В. С., Лебина Н. Б. Петербург советский: «новый человек» в старом пространстве. СПб.: Крига, 2010. С. 170–171, 173.

Сложность с охраной С. М. Кирова состояла в том, что он в апреле 1926 г. въехал в кв. 20 по второй парадной, остальные девять квартир которой представляли густонаселенные коммуналки. Например, в кв. 13 на 1934 г. проживало 9 семей, насчитывавших 21 человека². До середины 1933 г. охрана Кирова состояла из трех человек: М. В. Борисова, Л. Ф. Буковского и неофициального сотрудника органов госбезопасности — швейцара. Обязанности охраны выполняли также оба его шофера — Ф. Г. Ершов и С. М. Юдин, жившие здесь же, в доме 23/59 по Кронверкской улице. У парадной был выставлен постоянный парный пост сотрудников оперативного отдела Ленинградского управления ОГПУ³. Но, тем не менее, по многочисленным рассказам известно, что к Кирову на улице неоднократно подходили люди с различными просьбами. Родившийся в 1925 г. и живший здесь же Б. М. Михайлов вспоминает, что, когда Киров, расставшись с товарищами у дома 21, шел через дворы к себе, у местных мальчишек сложилась даже некая традиция «выпрашивать у Кирова “на конфеты”, а то и “на хлеб”»⁴. Обыденность такого поведения окружающих подтвердил на допросе после убийства Кирова, 6 декабря 1934 г. начальник оперативного отдела Ленинградского управления НКВД А. А. Губин. На вопрос, почему Л. В. Николаев, задержанный 15 октября 1934 г. у Кировской парадной, был отпущен, последовал ответ: «Я считал попытку Николаева подойти к т. Кирову с просьбой о предоставлении работы естественной и не возбуждающей подозрений, так как такие случаи бывали и ранее»⁵.

В ситуации такой повседневности чекистами было разыграно дело, закончившееся гибелью четырех юношей. В декабре 1931 г. секретно-политический отдел «ликвидировал в Ленинграде межвузовскую контрреволюционную организацию “Независимый социальный союз”». Было арестовано 18 мужчин и одна женщина в возрасте от 21 года до 32 лет. Если верить имеющимся в деле документам, молодые люди выступали против эксплуатации человека человеком, «против предрешаемости форм труда», «против привилегий», за «равенство национальностей», «за конкуренцию», «за свободу становления мировоззрения», за необходимость «всё преломлять сквозь призму критического сознания», «во всем искать истину, смысл и сущность явлений» и т.п. Эти абсолютно нормальные и либеральные идеи были именованы в обвинительном заключении «социал-фашистскими»⁶. Самое пикантное, что лидером группы был провокатор, агент ОГПУ, студент 3-го курса физико-механического факультета

² Там же. С. 170.

³ Кирилина А. А. Неизвестный Киров. Мифы и реальность. СПб.–М.: Нева-Олма-пресс, 2002. С. 272; Домовые книги 1930-х гг.

⁴ Михайлов Б. М. На дне блокады и войны. СПб.: Изд-во ВСЕГЕИ, 2001. С. 80.

⁵ Звягинцев А. Г., Орлов Ю. Г. Распяты революцией. Российские и советские прокуроры. 1922–1936. М.: РОССПЭН, 1998. С. 454.

⁶ Архив Управления ФСБ по С.-Петербургу и Ленинградской области. Д. П-77765. Т. 4. Л. 3, 5–11, 31–33.

Ленинградского университета, некий А. А. Михайлов. Это видно из того, что он был приговорен первоначально тройкой ПП ОГПУ в ЛВО 21 марта 1932 г. к 10 годам заключения в концлагере. Но уже 27 мая 1933 г. коллегия ОГПУ постановила немедленно освободить А. А. Михайлова, прежнее постановление считать условным и разрешить А. А. Михайлову «свободное проживание по СССР». При этом данная телефонограмма поступила в Полномочное представительство ОГПУ по ЛВО, т.е. за год с лишним после вынесения приговора А. А. Михайлов не был отправлен в лагерь для отбывания наказания⁷.

Именно А. А. Михайлов дал показания о планировании террористической акции против Сталина, которую собирался совершить сам: хотел поехать в Москву, «добиться попасть на собрание или конференцию, где присутствовал бы Сталин, а затем стрелять в него из револьвера. <...> Я вполне сознательно готов был пожертвовать своей жизнью, поскольку я был убежден, что последствия убийства Сталина в той или иной степени скажутся»⁸. Одновременно он сообщил о подготовке террористического акта против С. М. Кирова так называемой «группой Ива». В результате четверем юношам, Георгию Бубелло, 1909 г.р.; Ивану Горшкову, 1909; Ричарду Дамму, 1908; и Артемию Иву, 1909 г.р., было предъявлено обвинение в террористической деятельности. К моменту ареста А. Б. Ив учился на 2-м курсе «сектора физики и механики» Ленинградского университета. И. И. Горшков был студентом Политехникума путей сообщения и работал техником в институте «Гипроруда». Здесь же был инженером Р. И. Дамм. Г. П. Бубелло после средней школы трудился в проектно-отделе института «Гипромез». Старшему из них, Р. Дамму, было 23 года, он был женат, остальным — по 22. Они были дети так называемых «бывших»: биржевика, владельца рекламной конторы, инженеров. Конечно, любить советскую власть им было не за что. Отец И. Горшкова был в 1926 г. выслан на три года в Сибирь, отец Р. Дамма был репрессирован, отец А. Ива, инженер Путиловского завода, дважды арестовывался. В марте 1929 г. дядя А. Ива, главный геолог акционерного общества «Лена-Голдфилдс», английский гражданин Г. Т. Ив обратился в административный отдел Ленгорисполкома с просьбой разрешить его племяннику выезд во Францию для получения высшего образования, приняв на себя оплату всех расходов. В просьбе было отказано. И. Горшков около семи раз пытался поступить в вуз и смог это сделать в 1928 г., лишь скрыв свое происхождение⁹.

По показаниям И. Горшкова, ими было составлено «письмо-обращение контрреволюционного содержания к иностранным специалистам, дабы сорвать их участие в советском строительстве». А. Ив напечатал его на пишущей машинке в трех экземплярах, уничтожил первый экземпляр в надежде, что тог-

⁷ Архив Управления ФСБ по С.-Петербургу и Ленинградской области. Д. П-77765. Т. 3. Л. 777, 778; Т. 4. Л. 9, 76.

⁸ Там же. Т. 4. Л. 46.

⁹ Там же. Т. 3. Л. 455, 570; Т. 4. Л. 5, 6, 8.

да шрифт машинки узнать не смогут. Один из экземпляров спрятали на площадке лестницы в доме Г. Бубелло. Попытка передать это письмо не удалась¹⁰. Именно участники группы А. Ива были обвинены в подготовке ряда террористических актов. Из протоколов допросов следует, что юноши обсуждали идею поджога архива института Гипромез путем заземления воздушных проводов на Волховстрое намеревались вызвать аварию электростанции, наконец, совершить убийство Кирова¹¹.

Из документов видно, что на деле их «терроризм» ограничился статьей, в которой были строки: «Появятся борцы-одиночки, восстающие против произвола по примеру славного, беззаветного Желябова, Каракозова <...> Будут эти люди, и не с того света придут они! Мы сами эти люди!», да разговорами о желательности поджога архива, аварии на Волховстрое и убийства Кирова. Юноши явно находились под действием статей и книг о народовольцах.

Особое внимание следствия, конечно, было обращено на подготовку покушения на Кирова. Р. Дамм признал, что эта идея обсуждалась на трех-четырёх встречах. Первоначальный вариант предполагал покушение при входе в Смольный. Но, по словам Дамма, вариант был отвергнут из-за многочисленности и наличия охраны. Узнав место жительства Кирова, ребята решили совершить покушение при выходе его из дома. Как отметил на допросе Г. Бубелло, «с пиротехникой мы все были знакомы мало». Поэтому в качестве орудия покушения сначала предполагалось использовать бутылку из-под шампанского, начинив ее серной кислотой со взрывчатым веществом. Затем появилась идея изготовить бомбу из запаянного отрезка газовой трубы, начиненного порохом. Внутри планировали положить склянку с бертолетовой солью и серной кислотой, отделенными друг от друга специальной пробкой. Предполагалось, что при ударе серная кислота разьет пробку, соединится с бертолетовой солью, произойдет взрыв пороха и металлической оболочки. Если бы бомба не дала желаемого результата, предлагалось использовать кинжал¹². Сколько в этих разговорах неизжитого мальчишества! Но 21 марта 1932 г. выездная сессия Коллегии ОГПУ приговорила юношей к расстрелу. 13 апреля решение утвердила Коллегия ОГПУ. Приговор был приведен в исполнение 4 августа 1932 г.¹³ Все арестованные были реабилитированы на основании заключения заместителя прокурора г. Ленинграда 28 сентября 1988 г.¹⁴

По мере чтения дела я всё чаще вспоминал группу Александра Ульянова. Напомню, что 1 марта 1887 г. три человека с разрывными снарядами вышли на Невский проспект, готовясь убить Александра III. Они были схвачены

¹⁰ Там же. Л. 580 — 580 об., 620.

¹¹ Там же. Л. 548–549; Т. 4. Л. 46–47, 50, 52–53.

¹² Там же. Т. 3. Л. 531, 580, 582, 587 об., 619–619 об., 625; Т. 4. Л. 45–48.

¹³ Там же. Л. 749, 755–758, 764, 767, 770, 773.

¹⁴ Там же. Л. 779.

полицией, уже следившей за ними. В итоге пятеро, в том числе Александр Ульянов, были повешены. Я всегда считал и считаю этот приговор незаконным, ибо был лишь умысел на убийство. Александр Ульянов и его друзья мечтали о свободной, справедливой России. В октябре 1917 г. партия большевиков во главе с Владимиром Ульяновым-Лениным захватила власть, провозгласив своей целью построение социализма — общества без частной собственности, без эксплуатации, без денег, без армии, без государства, без насилия. Но в 1932 г. в Ленинграде расстреляли четырех юношей, которые лишь вели разговоры о терроре. Если группу А. Ульянова судило Особое присутствие Сената с участием прокурора и адвокатов, то через 45 лет решение было вынесено заочно, по сути тайком. То, что сами чекисты не относились к этому делу всерьез, подтверждается, на мой взгляд, тем, что никаких изменений в месте жительства Кирова, в системе его охраны до лета 1933 г. не произошло. Лишь тогда численность гласной и негласной охраны Кирова была доведена до 15 человек, и при поездках появилась автомашина сопровождения с двумя сменными выездными группами¹⁵. И только в 1934 г. было намечено переселение Кирова в специальный особняк на Крестовском острове.

References

- Izmozik V. S., Lebina N. B.* Peterburg sovetiskij: «novyj čelovek» v starom prostranstve. SPb.: Kriga, 2010.
Kirilina A. A. Neizvestnyj Kirov. Mify i real'nost'. SPb.–M.: Neva-Olma-press, 2002.
Mihajlov B. M. Na dne blokady i vojny. SPb.: Izd-vo VSEGEI, 2001.
Zvâgincev A. G., Orlov Ū. G. Raspâtye revolûciiej. Rossijskie i sovetские prokurory. 1922–1936. M.: ROSSPEN, 1998.

Список литературы

- Звягинцев А. Г., Орлов Ю. Г.* Распятие революцией. Российские и советские прокуроры. 1922–1936. М.: РОССПЭН, 1998.
Измоzik В. С., Лебина Н. Б. Петербург советский: «новый человек» в старом пространстве. СПб.: Крига, 2010.
Кириллина А. А. Неизвестный Киров. Мифы и реальность. СПб.–М.: Нева-Олма-пресс, 2002.
Михайлов Б. М. На дне блокады и войны. СПб.: Изд-во ВСЕГЕИ, 2001.

Т. В. Андреева, Т. Н. Жуковская, П. В. Ильин, К. Г. Боленко

Всероссийская научная конференция «Александр I. Трагедия реформатора: люди в судьбах реформ, реформы в судьбах людей»

15–16 сентября 2015 г. в Санкт-Петербургском институте истории РАН (СПБII РАН) прошла всероссийская научная конференция «Александр I. Трагедия реформатора: люди в судьбах реформ, реформы в судьбах людей». Проходившая под эгидой СПБII РАН и Международного благотворительного фонда им. Д. С. Лихачева, конференция стала первым в истории современной России большим научным форумом, посвященным всестороннему обсуждению преобразовательной политики Александра I, выявлению ее значения для социально-экономического и общественно-политического развития страны. Побудительной причиной для проведения конференции явилось стремление ее организаторов продолжить изучение истории российских реформ, сконцентрировав исследовательское внимание на особенностях модернизационного процесса в Российской империи в первой четверти XIX в. Конференция продолжила ряд региональных, всероссийских и международных научных форумов, проходивших в Петербурге в 2001–2014 гг. и посвященных изучению традиций отечественного реформаторства¹.

¹⁵ *Кириллина А. А.* Указ. соч. С. 273.

¹ Региональные исторические чтения в Музее политической истории «Реформы и реформаторы в истории России» (Санкт-Петербург, 16 марта 2001 г.); Международный Санкт-Петербургский летний культурно-исторический университет 2006 г. «Реформы

Цель проведения конференции заключалась в том, чтобы выявить место, которое занимали реальные преобразования и реформаторские инициативы царствования Александра I в российском историческом процессе. Для достижения поставленной цели участникам конференции необходимо было решить следующие задачи: рассмотреть взаимоотношения власти и общества в процессе восприятия и дальнейшей эволюции либерально-конституционной модели преобразований; изучить проблему реформ государственного управления в контексте александровской эпохи; определить основные направления решения крестьянского вопроса в царствование Александра I, соотнести их с важнейшими мерами в период правления Николая I и основными принципами Великой реформы; выявить и изучить элементы традиционализма и новаторства в преобразованиях русской армии и военного образования; проследить противоборство либеральных и консервативных тенденций в развитии русской науки, культуры, образования в изучаемый период.

В работе конференции приняли участие более 70 ведущих специалистов из Москвы, Санкт-Петербурга, а также Центра, Юга, Северо-Запада России, Поволжья и Урала, занимающихся социально-политической историей александровской эпохи, которая по масштабам преобразований и реформаторским поискам власти и общества представляет собой не менее значимое явление, чем петровская эпоха или время Великих реформ.

Работа научного форума проходила, помимо пленарного заседания, в рамках пяти секций. Открывая конференцию, к ее участникам обратился директор СПбИИ РАН *Н. Н. Смирнов*. Он подчеркнул историческое значение для судеб России преобразований Александра I, внесших глубокие изменения в государственный строй страны, отметил важность и многосторонность проблем, поднимаемых на конференции, высоко оценил практику открытого диалога ведущих специалистов по александровской эпохе, обратив особое внимание на необходимость укрепления и расширения научных связей различных научных и образовательных учреждений.

Приветствуя участников конференции, председатель оргкомитета *Т. В. Андреева* (СПБИИ РАН) поблагодарила собравшихся исследователей за то, что они нашли временные и финансовые возможности принять участие в научном

в России XVI – начала XX в.» (Санкт-Петербург, 9 июня 2006 г.); Всероссийская научная конференция «Власть, общество, реформы в России. История, источники, историография» (Санкт-Петербург, 6–7 декабря 2006 г.); Региональная научная конференция «Власть, общество и реформы в России в XIX–XX вв.: источники, исследования, историография» (Санкт-Петербург, 25 декабря 2007 г.; 24 декабря 2008 г.); Региональные исторические чтения в Музее политической истории «Великая реформа в России» (Санкт-Петербург, 22 марта 2011 г.); Всероссийская научная конференция «Проблемы политической истории России на рубеже XVIII–XIX вв. Павел I, Александр I» (Санкт-Петербург, 20–22 октября 2011 г.); Российско-финляндский семинар «Политические элиты России и Финляндии в XIX – начале XX в.» (Генконсульство Финляндии в Санкт-Петербурге, 7 ноября 2014 г.).

форуме. Она обозначила главные проблемы, поставленные на обсуждение, важнейшей из которых, по ее мнению, является проблема взаимоотношений власти и общества – ключевая для понимания всех исторических событий имперской России.

В своем вступительном слове *С. В. Мироненко* (ГАРФ, МГУ, Москва) обратил внимание присутствующих на принципиальную важность для отечественной историографии представленной на обсуждение проблемы реформ в царствование Александра I. Исторические обстоятельства, вызвавшие буржуазные преобразования 1860-х гг., корнями уходят в александровскую эпоху. Именно с этого времени идет отсчет длительных попыток самодержавия приспособиться к меняющимся историческим условиям. Как подчеркнул *С. В. Мироненко*, в 1801–1820 гг. существовала реальная альтернатива тому пути, по которому пошло историческое развитие России. При этом в ходе развития отечественной и зарубежной историографии были выявлены важнейшие специальные научные проблемы российской модернизации первой четверти XIX в., которые требуют дальнейшего рассмотрения: особенности официального и общественного либерализма, устойчивость консервативного политического строя, реформаторские возможности абсолютизма и их пределы.

Пленарное заседание открыл яркий доклад *А. Ю. Андреева* (МГУ, Москва) «Два реформатора: Александр I и Ф.-С. Лагарп – 40 лет вместе и порознь», в котором был дан глубокий анализ влияния Лагарпа на политическое мировоззрение Александра I, прослежены основные этапы их сложных взаимоотношений. В основу доклада был положен анализ переписки российского императора и Лагарпа, сохранившейся в личном архиве последнего в Лозанне. Докладчик убедительно показал, что посредством эпистолярной Лагарп передавал Александру свой политический опыт борьбы с авторитаризмом, строительства конституционного государства, побуждал императора к реформам, при этом учитывая национальные особенности и интересы России. Автор доклада рассмотрел важнейшие периоды этого влияния в контексте изменений внутренней и внешней политики, особенностей российского реформаторского процесса, выявил точки максимального сближения и отдаления Александра I и Лагарпа. Если в 1790-х гг. речь шла о будущих конституционных преобразованиях в России, то в 1800-х гг. обсуждались проблемы взаимоотношений с Наполеоном; в 1810-х гг. Лагарп выступал против политики Священного союза. В ходе обсуждения доклада рассматривались взаимоотношения между Лагарпом и «молодыми друзьями» Александра I, был раскрыт их сложный характер: проекты реформ, предложенные швейцарцем, фактически отвергались членами Негласного комитета.

На пленарном заседании обсуждалась проблема государственного управления в России в александровское царствование, нашедшая отражение в содержательном докладе *Л. Ф. Писарьковой* (ИРИ РАН, Москва) «Верховная власть в административной системе России первой четверти XIX в.: режим ручного

управления». Докладчица обратилась к тщательному изучению процесса формирования в первой четверти XIX в. программы преобразований государственного управления, выявлению основных тенденций, которые ее обуславливали. Одной из них стало стремление носителей верховной власти к централизации управления, наметившееся еще в царствования Екатерины II и Павла I. Министерская реформа начала XIX в. в некоторой степени изменила ситуацию, в которой все нити управления замыкались на императора. Однако незавершенность административных реформ, прежде всего преобразований в местном управлении, сохраняли режим «ручного управления», которому способствовало усиление в 1810-х гг. роли личной канцелярии императора во главе с А. А. Аракчеевым. В докладе было показано, что в основе программы реформ управления лежало желание Александра I навести порядок и утвердить законность в административной системе. Была продемонстрирована роль императора не только в управленческом, но и в преобразовательном процессе, когда в ходе ознакомительных поездок по России он выявлял «болевы точки» управления страной и стремился их «излечить» путем проведения реформ центрального и местного управления. После доклада состоялся содержательный обмен мнениями по вопросу о соотношении сенатской и министерской реформ начала XIX в.

Оживленную дискуссию вызвали выступления, посвященные крестьянскому вопросу в царствование Александра I. *С. Л. Чернов* (МГУ, Москва) в новаторском докладе «Крестьянский вопрос в России (1766–1861 гг.)» продемонстрировал взаимосвязь социально-экономических и политических пластов в крестьянском вопросе, взаимообусловленность самодержавно-бюрократической системы, сословной парадигмы и крепостного права на протяжении почти столетия. Одной из главных задач самодержавия было упорядочение сословного строя, в том числе посредством оформления его правовой базы с помощью кодификации законов. По мнению докладчика, вторая половина XVIII — первая половина XIX в. — единая эпоха борьбы правительства за решение крестьянского вопроса, причем инициатива всегда исходила от верховной власти, которая не могла справиться с противоборством помещиков. Поэтому постоянно возникали три важнейших вопроса: как добиться от помещиков если не помощи, то хотя бы прекращения сопротивления; какие технологии нужно применять для успешного решения проблемы; чем заменить крепостное право. Как полагает исследователь, эти вопросы не были решены вплоть до 1861 г. потому, что для этого не было достаточных социально-экономических и политических предпосылок: крепостная система обеспечивала стабильность государства. К этому нужно добавить: поскольку самодержавие стремилось решить проблему российской модернизации только бюрократическим путем, а потребность в преобразованиях, обусловленная влиянием Запада, складывалась раньше, чем страна созревала для перемен, — всё это приводило к укреплению самодержавия и ослаблению общественного реформаторства. При обсуждении доклада

наибольший интерес вызвал вопрос о преемственности планов и конкретных мероприятий по решению крестьянского вопроса в царствования Александра I и Николая I, а также насколько эффективным для империи стало бы сохранение крепостного права после 1861 г.

В обобщающем докладе «Крестьянский вопрос от Александра I до Александра II: пути воплощения» *И. В. Ружицкая* (ИРИ РАН, Москва) выступила с оригинальной трактовкой крестьянской проблемы в первой половине XIX в. С ее точки зрения, безземельное освобождение в Прибалтике в 1816–1819 гг., имевшее достаточно негативные последствия, стало репетицией крестьянской реформы в России — экспериментом, в результате которого безземельный вариант был отвергнут. При Александре I происходил целенаправленный поиск путей и моделей освобождения крестьян, одновременно реализовывались три способа преобразований: личное освобождение с наделением собственностью за выкуп, освобождение с передачей земли в наследственное пользование (аренду), безземельное освобождение. В результате этого поиска к 1810-м гг. сложилась итоговая концепция реформы, которая сохраняла свое значение и в царствование Николая I. Она состояла из следующих основных положений: отказ от выкупа личной свободы, отказ от безземельного освобождения, необходимость переходного периода, признание оптимальным вариантом наделения крестьян землей в пользование с перспективой ее выкупа. В целом крестьянская реформа, по мнению историка, могла состояться значительно раньше 1861 г., но только в условиях компромиссного решения, при котором помещики сохраняли земельную собственность. Этот вариант устраивал как власть, так и помещиков. Представляется, что данная концепция заслуживает не только особого внимания, но и глубокого анализа.

На пленарном заседании были затронуты некоторые важные аспекты истории исторической науки XIX — начала XX в. В докладе чл.-корр. РАН *И. П. Медведева* (СПбИИ РАН) «Н. П. Румянцев о своей “спонсорской деятельности” в области науки» на широкой источниковой основе было показано, что, несмотря на обвинение в государственной измене и сложные взаимоотношения с верховной властью, граф Н. П. Румянцев служил России не только как государственный деятель, но и как ученый и меценат. Докладчик, опираясь на неопубликованную переписку Н. П. Румянцева, продемонстрировал, что граф сыграл огромную роль в создании знаменитого кружка историков, источниковедов и археографов, задавшихся целью собирать и публиковать документальные памятники русской истории, а главное — в спонсировании многочисленных научных проектов. Именно в александровское царствование организаторскими усилиями и при финансовой помощи Н. П. Румянцева были изданы древнерусские летописи, Изборник Святослава 1073 г., сборник Кирилла Данилова, Судебники 1497 и 1550 гг., Остромирово евангелие и т.д. — публикации, заложившие фундамент отечественного источниковедения и давшие мощный толчок развитию русской исторической науки XIX — начала XX в.

Доклад *А. Н. Цамутали* (СПБНИИ РАН) «С. Ф. Платонов об Александре I» был посвящен выявлению главных черт образа императора в трудах выдающегося историка, определению факторов, которые, с точки зрения С. Ф. Платонова, повлияли на формирование политического мировоззрения Александра I и государственной концепции его царствования. Как показал автор доклада, для С. Ф. Платонова важнейшими из них были: система «умственного воспитания» Александра, влияние на него «молодых друзей», сотрудничество с М. М. Сперанским. Историк рассматривал данный исторический период как эпоху, которая была призвана осуществить переход к новой форме государственного устройства, сложившейся в период Великих реформ. Одной из своих главных задач С. Ф. Платонов считал выяснение вопроса, почему Александр не смог провести коренные внутренние преобразования. Историк полагал, что в российской государственной политике первой половины XIX в. решение задач внешней политики преобладало над разрешением внутренних проблем. По его мнению, перерождение Священного союза в инструмент борьбы с либерально-освободительным движением в Европе было обусловлено тем, что Александр в теории стремился подчинить право и политику задачам морали и религии, а на практике политика и право в ловких руках К. Меттерниха превратились в инструменты усиления консервативных тенденций.

Таганрогская трагедия не только вызвала в России династический и политический кризис, но породила в историческом сознании и историографии проблему смерти Александра I, которая оказалась сегодня столь же актуальной, как и 190 лет назад. Главной задачей совместного доклада *Т. В. Андреевой* (СПБНИИ РАН) и *Л. В. Выскочкова* (СПбГУ) «Утомление жизнью или уход: Александр I, 1825 год. Новые материалы» стало дезавуирование реанимированной некоторыми современными авторами старой версии о тождестве Александра I и Федора Кузьмича, а главное — обоснование факта смерти императора в Таганроге новыми документальными материалами. Помимо известных источников, как подчеркнули докладчики, реальность этого события подтверждается новыми материалами: мемуарами секретаря императрицы Елизаветы Алексеевны Н. М. Лонгинова, письмами И. И. Дибича и П. М. Волконского к секретарю императрицы Марии Федоровны Г. И. Вилламову. В докладе также отмечалось, что при всем утомлении и разочаровании жизнью, характерных для последних лет жизни Александра I, обусловленных рядом внешне- и внутриполитических причин, он оставался государем, отвечавшим за свою страну и подданных, не выпускавшим из своих рук нитей управления и сохранявшим реформаторский потенциал. Последние годы александровского царствования характеризуются интенсивным законотворческим процессом и поиском путей совершенствования системы управления. Но в условиях широкого распространения в русском обществе и армии западных либеральных идей и революционных событий в Европе новая модель преобразований предполагала не замену, а постепенное реформирование и дополнение действующих институтов струк-

турами, способными установить законность и обеспечить порядок на местах. Именно с этим связана деятельность Комиссии составления законов по выявлению и систематизации отечественных законодательных материалов, ставшая важным этапом в подготовке Полного собрания и Свода законов Российской империи. В целом вопрос о смерти Александра I, как считают докладчики, следует рассматривать в контексте исторических проблем последнего периода его царствования и отделять от вопроса о жизни сибирского старца Федора Кузьмича, привлекая прежде всего документы официального происхождения.

В рамках работы первой секции «*Либерально-конституционные идеи в России в первой четверти XIX века: правительство и общество*» внимание было привлечено к специфическим чертам правительственного либерализма — как в историческом, так и историографическом аспектах, в отношении как реализованных реформаторских шагов, так и обсуждавшихся и готовящихся проектов. Большое место отводилось анализу общественного либерализма начала XIX в., его соотношению с правительственным либерализмом, взаимосвязи с государственной политикой и историей идей данного исторического периода.

Доклад *К. С. Чернова* (Московский государственный медицинский университет им. И. М. Сеченова) «Правительственный федерализм во внутренней политике Александра I» носил теоретический характер и охватывал значительный исторический период, поскольку затрагивал проблему исторического генезиса и типологии механизмов включения в состав Российской империи территорий с особым статусом. Применительно к царствованию Александра I докладчик рассмотрел вопрос о синхронном существовании различных систем управления территориями (Польши, Финляндии, Молдавии, Сибири, центральных губерний — «опыты» генерал-губернаторства А. Д. Балашева) и различных механизмов интеграции этих территорий («монархический федерализм»).

Доклад *А. Ю. Дворниченко* и *М. С. Белоусова* (СПбГУ) «Конституционная политика Александра I в творчестве Г. В. Вернадского» также затронул проблему федералистских начал государственного управления в начале XIX в., но в историографическом аспекте. Федералистские принципы в государственном устройстве были предметом особого внимания известного русского историка XX в. С точки зрения Г. В. Вернадского, речь должна идти лишь о федералистской тенденции, но не о федерализме монархической системы. Докладчики анализировали особенности освещения конституционной политики Александра I как в опубликованных, так и в неопубликованных трудах историка, а также в лекциях и других материалах его архивного фонда (Бахметевский архив Колумбийского университета, США). Г. В. Вернадский создал оригинальную концепцию правительственного конституционализма эпохи Александра I, вписав его в широкий контекст европейской и американской истории и установив его взаимосвязь с проектами декабристов. Авторы доклада показали вклад исследований Г. В. Вернадского в историю конституционных идей и проектов в России XVIII–XIX вв. При этом было подчеркнуто, что

некоторые наблюдения историка-эмигранта, сделанные в 1920-х — 1940-х гг., остались незамеченными в отечественной историографии.

Ф. Л. Севастьянов (Межрегиональный институт экономики и права, Санкт-Петербург) в докладе «Руссо против Савиньи или Сперанский против Розенкампа? Борьба идей и борьба личностей в ходе кодификационных работ первой четверти XIX в.» рассмотрел круг вопросов, связанных с противоборством групп влияния в бюрократической элите. В основе ряда конфликтов, возникших вокруг кодификационных работ, проводившихся Комиссией составления законов в течение всего царствования Александра I, по мнению докладчика, в большей степени лежало личное противостояние крупных государственных деятелей, в особенности проявившееся накануне Отечественной войны 1812 г., хотя нельзя не учитывать и влияния различных концепций реформирования правовой системы.

М. М. Шевченко (МГУ, Москва) в сообщении «С. С. Уваров об императоре Александре I на рубеже 1820-х — 1830-х гг.» представил ретроспективный взгляд С. С. Уварова на личность и правление императора Александра I уже в новую политическую эпоху. Будучи убежденным противником крепостного права, С. С. Уваров в этот период времени критически относился к реформаторским шагам Александра, считал глубоко вредным влияние Лагарпа и «молодых друзей» на императора в первые годы его царствования, рассматривал это влияние как антинациональное, не учитывающее специфику российских условий. Последнее десятилетие царствования оценивалось также критически из-за предпочтений, отдаваемых Александром Царству Польскому. В основу сообщения были положены неопубликованные источники личного происхождения и сочинения С. С. Уварова на французском языке, малоизвестные в научной литературе.

Л. В. Мельникова (ИРИ РАН, Москва) в докладе «Конституционный эксперимент в Царстве Польском: воплощение и последствия либерального замысла императора Александра I» проанализировала Конституционную хартию Царства Польского 1815 г. Докладчица показала, что эта конституция была призвана не только помочь в решении польского вопроса, но и стать «пробным камнем» в реализации давно вынашиваемого Александром I замысла — введения конституционной монархии в России. В докладе рассматривалось отношение российского общества к польскому «конституционному эксперименту», а также оппозиционные настроения в Царстве Польском, были представлены наблюдения относительно причин неудачи этого либерального замысла императора. Важнейшими из них стали негативный исторический опыт сосуществования двух народов и национальное польское движение, направленное на достижение полной государственной независимости.

О. А. Любозников (ГМ «Исаакиевский собор», Санкт-Петербург) продолжил эту тему, выступив с сообщением «Создание русскоязычного текста конституции Царства Польского: к вопросу о преобразовательных планах Александра I».

По мнению исследователя, в основу общеимперских конституционных преобразований мог быть положен русскоязычный перевод конституции Царства Польского. В этой связи приобретает особую значимость изучение всех известных попыток создания такого перевода, а также взаимосвязь польской конституции и правительственных реформаторских проектов 1810-х гг.

Часть докладов на секции была посвящена различным проявлениям общественного либерализма в александровское царствование. *Е. Б. Мирзоев* (Москва) в докладе «Специфика конституционализма А. П. Куницына» на основе анализа сочинений выдающегося правоведа и публициста рассмотрел его трактовки теории общественного договора, понятий «конституция», «гражданин», «деспотизм». Докладчик показал отношение А. П. Куницына к проблеме ограничения самодержавной власти, тем самым определив специфику политического мировоззрения этого крупного представителя общественного либерализма. С точки зрения исследователя, тот факт, что, несмотря на умеренно-консервативную трактовку А. П. Куницыным концепции общественного договора и теории разделения властей и отсутствие у него тезиса о необходимости не только гражданских, но и политических прав, он тем не менее подвергся опале в 1820-х гг., был обусловлен осуществленным им несанкционированным вынесением указанной проблематики в сферу открытого общественного обсуждения.

П. В. Ильин (СПБНИИ РАН) в своем докладе, в основу которого были положены недавно опубликованные мемуары и письма одного из видных деятелей декабристского движения С. П. Трубецкого², описал ожидания декабристского круга, касающиеся реформаторских шагов и намерений Александра I в 1810-х гг., а также их восприятие в оппозиционной дворянской среде. Особое внимание П. В. Ильин уделил отношению деятелей декабристских обществ к ожидаемому освобождению крестьян. Автор доклада показал, что это отношение, судя по письмам и запискам С. П. Трубецкого, было весьма осторожным, напрямую связанным с экономическими интересами дворянства. При всем одобрении целей правительственного реформаторства декабристы были настроены часто критически, особенно в отношении конкретных планов реализации крестьянской реформы.

Доклады, заслушанные на второй секции «Государственное управление в России в первой четверти XIX в.: замыслы, проекты, воплощение», охватывали самый широкий круг вопросов — от проблем внешней политики до конкретных аспектов служебных и личных отношений управленцев-администраторов в царствование Александра I.

Одним из наиболее содержательных стал доклад *С. А. Исаева* (СПБНИИ РАН) «Как император Александр I построил руководство внешней политикой Российской империи в 1801–1815 гг.», основанный в том числе на анализе источников из американских архивов. Докладчик характеризовал административный

² См.: *Трубецкой С. П.* Записки. Письма И. Н. Толстому 1818–1823 гг. / Изд. подг. Т. В. Андреева, П. В. Ильин. СПб., 2011.

стиль императора в этот период как сочетание личного руководства с периодическим предоставлением главам внешнеполитического ведомства определенной свободы действий. В качестве примера автор доклада сосредоточил свое внимание на одном из загадочных эпизодов такого рода практики — предоставлении Н. П. Румянцеву широких полномочий по ведению переговоров с США с целью сделать Россию посредником в начавшейся англо-американской войне. По мнению С. А. Исаева, Александр I фактически манипулировал собственным министром, сохраняя реальное руководство процессом и получая больше, чем раньше, свободу действий. В 1813 г. император создал второй центр управления внешней политикой (во главе со статс-секретарем К. В. Нессельроде), находившийся под прямым контролем самодержца.

Значительный интерес привлек к себе доклад *М. А. Приходько* (Московская государственная юридическая академия) «Взаимодействие коллежской и министерской систем государственного управления в правление императора Александра I», который анонсировался его автором как «сплошное спорное место». По мнению докладчика, сочетание министерского и коллегиального принципов в системе центрального управления на протяжении первой трети XIX в. следует определить как «симбиоз», в рамках которого министерский принцип действовал при решении важнейших вопросов, а коллежский — в текущих делах.

П. В. Акульшин (Рязанский государственный университет) в докладе «Бюрократы и оппозиционеры: члены Негласного комитета и литературного общества «Арзамас» и проблема реформ в правительственной политике первой четверти XIX в.» изложил свой взгляд на реформаторский процесс и роль участников общества «Арзамас» в реформах первой половины XIX в. и в идеологических процессах этого времени. По мнению докладчика, замедленность правительственных реформ следует признать заслугой Александра I: она доказывает понимание императором того обстоятельства, что быстро реформировать такую огромную и многонациональную страну, как Россия, невозможно. Рассмотрение общественно-политического мировоззрения членов общества «Арзамас» с точки зрения интересов российской государственности позволяет увидеть как определенную преемственность взглядов членов Негласного комитета и «арзамасцев», так и тот факт, что воплощением идейных исканий последних в конечном счете стала теория «официальной народности».

Доклад *П. Д. Николаенко* (СПбУ МВД РФ) «В. П. Кочубей и проблема государственного управления в России первой четверти XIX в.» был посвящен обоснованию тезиса о недооцененности В. П. Кочубея как крупнейшего и выдающегося государственного деятеля. Докладчик привел свое объяснение этому факту: недооценка вызвана дефицитом источников и прежде всего гибелью личного документального собрания Кочубея вместе с другими бумагами Полтавского областного архива. П. Д. Николаенко подчеркнул важность для развития российской государственности и успешность деятельности В. П. Кочу-

бея как главы МВД. По мнению докладчика, именно Кочубей превратил МВД в образцовое ведомство, послужившее примером для других центральных учреждений.

В докладе *А. Ю. Скрьдлова* (СПбФ ИИЕТ, Санкт-Петербург) «Министерство полиции под управлением А. Д. Балашева: особенности формирования структуры ведомства и кадровой политики» был рассмотрен процесс подготовки нормативных документов, обеспечивавших функционирование органа, сочетавшего в себе функции тайной и публичной полиции. Историк отметил, что министерство должно было стать также контролирующим органом по отношению к учреждениям местного и губернского управления. Любопытно проведенное докладчиком разделение сотрудников министерства на три категории, обладавшие различными степенями полномочий при выработке и реализации министерских распоряжений. Заслуживает внимания и его замечание, что значение министерства, как и само его появление, определялось высоким статусом А. Д. Балашева, его близостью к императору.

Сообщение *К. Г. Боленко* (ГМ «Архангельское», Москва) «М. М. Сперанский и Д. В. Голицын: к истории служебных и личных отношений» касалось ранее неизвестного сюжета о глубоком доверии, существовавшем между этими высокопоставленными администраторами в 1820-х — 1830-х гг., их сотрудничестве по различным вопросам. Они откровенно обсуждали детали законотворческого процесса в Комиссии составления законов и Государственном совете, и не исключено, что Д. В. Голицын именно через М. М. Сперанского подавал императору свои записки по крестьянскому вопросу. В основе этого доверия, как показал докладчик, могла лежать близость их взглядов на преобразование России. Так, Д. В. Голицын считал, что основной причиной кризиса внутреннего управления является незавершенность реформ, начатых М. М. Сперанским в 1810 г.

В докладе *Н. А. Могилевского* (МГИМО МИД РФ, Москва) «Деятельность московского главнокомандующего графа Ф. В. Ростопчина в контексте взаимоотношений центральной и местной власти в начале XIX в.» сделана попытка доказать, что на административную деятельность Ф. В. Ростопчина оказало большое влияние его стремление обойти существовавшую на тот момент в России систему подчинения губернаторов Министерству внутренних дел, укрепить личные отношения с императором, став его доверенным лицом и советчиком. В 1812 г. Александр I мирился с этими претензиями, но уже в 1813 г. устанавливается жесткая подчиненность Ф. В. Ростопчина министерству.

В выступлении *И. Е. Барыкиной* (Санкт-Петербургская академия постдипломного педагогического образования) «Эволюция идей единства и коллегиальности в самодержавной системе управления второй половины XIX в.» было показано, что недостатки российской администрации первой половины XIX в. продолжали существовать и впоследствии. Авторы проектов реформ, поданных на высочайшее имя во второй половине столетия, как показано в докладе, предлагали аналогичные, хотя и не лишённые своей специфики средства

борьба с ними. Во второй половине 1850-х гг. в бюрократических кругах пользовалась популярностью идея децентрализации, в 1870-е гг. — идея создания особого ведомства по экономическим вопросам, в 1880-х гг. проявилась тенденция к реформированию учреждений, непосредственно связанных с самодержцем — Канцелярии и Комиссии прошений. Кроме того, как отметил автор доклада, была сделана неудачная попытка превратить комиссию, действовавшую в столице во время отсутствия императора, в высший орган, который должен был обеспечить единство действий государственного аппарата.

Большой интерес привлек доклад *А. Н. Бикташевой* (Школа исторических наук НИУ ВШЭ, Москва) «Сенатские ревизии первой четверти XIX в. в судьбах российских губернаторов». Количество сенатских ревизий в указанный период было большим, нежели в царствование Николая I (соответственно 52 и 38). Увольнения губернаторов от должности часто совпадали с проведением ревизий, и даже в случае оправдания в выдвинутых обвинениях карьера отставного губернатора восстанавливалась далеко не сразу. Ввиду permanently непростых отношений, существовавших между губернаторами и органами дворянского самоуправления, а также возможности предводителей дворянства использовать ревизии в свою пользу, они имели неожиданный результат: падение престижа коронной власти на местах. Сокращение числа ревизий и полномочий ревизоров при Николае I явилось попыткой исправить эту ситуацию.

Тема взаимоотношений коронной власти и местного дворянства была продолжена докладом *К. К. Билеуш* (РГПУ им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург) «Дворянское сословное самоуправление в первой четверти XIX в.: свобода под контролем государственной власти», которая сосредоточила свое внимание на тех ограничениях, которые накладывала на сословное самоуправление верховная власть. Политика Александра I, по мнению докладчицы, страдала заметной непоследовательностью в этом вопросе: сословные права то расширялись, то уменьшались.

В докладе *А. И. Феребова* (ГМЗ «Московский Кремль») «“Ревизии” указа об экзаменах на чины с 1812 г. и его соблюдение при Александре I» был подвергнут сомнению распространенный в историографии тезис, что указ 1809 г. быстро оброс исключениями и фактически не действовал. По мнению исследователя, в указе главной была не нормативная сторона, а идея стимулирования дворян к помещению детей в университеты, что в целом удалось. К тому же «изъятия» из указа были незначительными, комитеты при университетах, которые должны были принимать экзамены у чиновников, работали, хотя количество лиц, сдавших экзамены, было невелико.

Особое место в работе секции занял доклад *А. А. Цымбал* (Таганрогский государственный литературный и историко-архитектурный музей-заповедник) «Создание таганрогского градоначальства в 1802 г. и его роль в развитии Приазовья», который продемонстрировал вклад Александра I в развитие Таганрога начиная с 1800-х гг. Это прежде всего благотворное для города введение

должности градоначальника, находившегося в прямом подчинении императору. Имея широкие возможности для проявления личной инициативы, градоначальники превратили таганрогский порт в мощного конкурента Одессы; один из них, Б. Б. Кампенгаузен, сделал блестящую административную карьеру.

Третья секция «*На дальних подступах к Великой реформе: крестьянский вопрос в России в царствование Александра I*» была посвящена рассмотрению специальных сюжетов, связанных с проблематикой подготовки реформирования института крепостного права в первой четверти XIX в.

Работу секции открыл доклад *В. М. Боковой* (ГИМ, Москва) «Из истории крестьянского вопроса в царствование Александра I». Исследовательница посвятила его одному из проектов крестьянской реформы в александровскую эпоху — введению вечнонаследственной крестьянской аренды земли с одновременным заключением «условий» помещика с крестьянами. Данный вариант решения крестьянского вопроса часто не предусматривал личного освобождения. Проекты такого рода обсуждались в Негласном комитете, а также формулировались в сочинениях А. М. Бакунина, В. О. Стройновского, В. Н. Каразина и других авторов — сторонников решения крестьянского вопроса в пользу дворянства. Эти проекты имели широкий отклик и повлияли, с одной стороны, на правительственных реформаторов (М. М. Сперанского, П. Д. Киселева), с другой — на декабристов (Н. М. Муравьева, Н. И. Тургенева).

Н. В. Дунаева (СПбФ НИУ ВШЭ) в обстоятельном докладе «Трансформация сословного права в Российской империи и крестьянский вопрос (первая четверть XIX в.)» познакомила с результатами междисциплинарного (историко-юридического) исследования отечественного законодательства начала XIX в., касающегося сословных прав и крестьянской реформы. Исследовательница подчеркнула, что заложенные при Александре I идеи и проекты преобразований крепостного права и сословного строя сыграли огромную роль в последующем развитии правового устройства империи. Так, при Александре I начал развиваться сектор дворцового, удельного и казенного крестьянства, который затем первым подвергся модернизационным реформам. Процесс крестьянской эмансипации шел постепенно, но он почти не охватывал помещичьих крестьян. Н. В. Дунаева продемонстрировала обнаруженную ею корреляцию между правовыми средствами решения крестьянского вопроса и уровнем эффективности реформирования сословного права.

А. Н. Долгих (Липецкий государственный педагогический университет) в своем выступлении «Владельческие крестьяне первой четверти XIX в. и проблема движимой и недвижимой собственности в отечественной историографии» затронул историографический аспект крестьянского вопроса. Историк поднял имеющий до сих пор неоднозначное освещение в научной литературе вопрос о том, были ли владельческие крестьяне движимой или недвижимой собственностью помещиков. Участники дискуссии, развернувшейся после доклада, пришли к мнению, что в рамках существовавшей правовой неопределенности

в отношении этого вопроса крестьяне, не будучи субъектом сословного права, не являлись ни движимой, ни недвижимой собственностью, хотя на практике с юридической точки зрения могли считаться движимой собственностью, поскольку были предметом купли-продажи.

Д. В. Тимофеев (ИИА УрО РАН, Екатеринбург) представил содержательный доклад «В ожидании решения крепостного вопроса: опыт сравнительного анализа проектов, прошений и слухов о возможном освобождении крестьян в России первой четверти XIX в.». Докладчик главным образом на основе архивных источников продемонстрировал результаты сравнительного анализа дворянских и купеческих проектов, крестьянских прошений и слухов начала XIX в., касающихся вопроса о преобразовании крепостного права. Исследователь выявил основные варианты обоснования крестьянской реформы, известные по дворянским проектам, купеческим предложениям и обращениям крестьян. Автор доклада отметил, что если в дворянских проектах необходимость освобождения крестьян обосновывалась государственной пользой, а предлагаемый сценарий был отложен во времени (со ссылкой на то, что первоначально следует озаботиться просвещением крестьян), то прошения купцов содержали указания на предоставленное им право покупки населенных земель, являясь попыткой получить права на управление крестьянами (при этом с крестьянами заключались договоры об обработке земли). Сценарии освобождения варьировались от дворянского, подразумевавшего сохранение за помещиками земельной собственности, перевод крестьян на казенные земли и компенсацию государством стоимости крестьянских работ, — до крестьянского, ставившего во главу угла перевод освобождаемых в государственные крестьяне с наделением их земель. Особое внимание в докладе было уделено основаниям, которые крестьяне считали достаточными для подачи обращений о предоставлении им «свободы от рабства»: они питались слухами о немедленном освобождении, всегда адресовались к высшей власти, рассчитывая на нее и не ожидая, что помещики станут инициаторами освобождения.

Завершил заседание секции *В. А. Шкерин* (ИИА УрО РАН, Екатеринбург) с сообщением «Проект учреждения горных городов на Урале: замысел и воплощение», в котором был рассмотрен непосредственно связанный с проблемой крестьянского освобождения «проект Горного положения», утвержденный императором в 1806 г. Проект предусматривал учреждение на Урале горных городов, свободных от подневольного труда. Реформа не была завершена: Екатеринбург остался единственным в стране горным городом, однако реализация проекта не способствовала решению проблемы крепостного фабричного и заводского труда.

Доклады четвертой секции «*Армия и военное образование в России в первой четверти XIX в.: традиции и новации*» были сосредоточены на историографии Отечественной войны 1812 г., истории военного образования, особенностях функционирования приграничных военных формирований.

К. Б. Жучков (Псковский государственный университет) проанализировал, как в публикациях зарубежных историков Д. Ливена и П.-М. Рей, переведенных и изданных в России, представлены отношения Александра I и М. И. Кутузова. По мнению докладчика, несмотря на достоинства монографии Д. Ливена и заявления иностранного автора об изложенных в ней «новых взглядах» на историю войны 1812 г., и в этой работе, и в книге П.-М. Рей никакого обновления научных представлений по этой проблеме не произошло. Авторы продолжают воспроизводить мифы либерально-буржуазной историографии начала XX в., что обязательно должно быть отмечено при их рецензировании.

В докладе *Н. Н. Ауровой* (ИРИ РАН, Москва) «Политика правительства в области военного образования в эпоху Александра I» был сделан акцент на постепенном усилении военного начала в кадетских корпусах и сближении дисциплинарных требований с армейскими. Этот процесс начался еще в павловское царствование, продолжался при его преемнике и затронул все корпуса, включая наиболее привилегированный Пажеский, поскольку становление гражданской школы, общенациональной сети уездных училищ, гимназий и университетов делало ненужной подготовку соответствующих специалистов в системе военного образования. Кадетские корпуса старого образца, детище XVIII в., выполнили свою первоначальную в широком смысле просветительскую функцию и в новых условиях должны были готовить исключительно офицеров.

Завершил работу секции доклад *Р. Н. Рахимова* (Центр гуманитарных исследований Российского института стратегических исследований, Уфа) «Отдельный Оренбургский корпус в первой четверти XIX в.: потенциал и трансформации», в котором была описана весьма пестрая штатная структура корпуса (в том числе большой удельный вес иррегулярной инородческой компоненты) и проанализированы факторы, повлиявшие на ее формирование. Хорошо подходившая для решения военно-политических задач первой половины XIX в., эта структура впоследствии стала препятствием для функционирования военных сил в этом регионе, и в середине 1860-х гг. корпус был упразднен.

В ходе работы пятой секции «*Наука, культура, образование в первой четверти XIX в.: реформы и реформаторы*» были заслушаны и обсуждены доклады, сфокусированные на реформах александровского царствования в области науки и образования, в том числе затрагивающие историю становления школьной системы, университетов, научных учреждений, системы религиозного просвещения, цензуры и журналистики.

Е. Ю. Басаргина (СПбФ Архива РАН, Санкт-Петербург) предложила новую оценку проектов реформы Академии наук, которые возникли в первые годы XIX в. в связи с созданием Министерства народного просвещения и утверждением новой образовательной модели, стержнем которой становилась система университетов. Было показано, что Регламент Академии 1803 г., объявив ее «первым ученым обществом», существенно сузил ее педагогические

обязанности, окончательно решив вопрос о размежевании подготовки научных кадров между Академией и университетами. Вопреки желанию многих членов Академии и поданным проектам возобновления университета при Академии, Регламент 1803 г. упразднил академические университет и гимназию. Академия наук получила статус исключительно научного учреждения, ее единственной прерогативой осталась подготовка собственной научной смены, что выразилось в создании института «академических воспитанников», существовавшего в следующие два десятилетия.

К. А. Ильина (НИУ ВШЭ, Москва) в докладе «Проекты попечителей учебных округов по реформированию системы народного просвещения» рассмотрела основы переопределения стратегий власти в университетской политике в конце 1810-х — первой половине 1820-х гг., которые были заложены в проектах попечителей учебных округов. Проекты М. Л. Магницкого («Отчет по обозрению Казанского университета»), инструкция ректору и директору Казанского университета, «Записка о народном воспитании»), а также записка Е. В. Карнеева («О новом образовании Харьковского университета») предлагали расширение власти попечителей в подчиненных им университетах, жесткую регламентацию деятельности профессоров и студентов в качестве идеальной модели обновленного университета.

Т. Н. Жуковская (СПбГУ) в докладе «“Дело профессоров” в Петербургском университете (1821–1826): новые материалы» предложила новую интерпретацию так называемых контрреформ в области просвещения начала 1820-х гг., которые отразились на известном «деле профессоров» Петербургского университета. Этот «казус» был рассмотрен с привлечением новых материалов из ведомственных и университетских архивов, реконструированы мотивы действий попечителя столичного учебного округа Д. П. Рунича, способы фабрикация обвинения профессоров в «безбожии» и подрыве государственных устоев, методы и хроника внесудебного разбора этого дела, которое раскололо университетскую корпорацию и привело столичный университет в упадок.

В докладе *Р. Х. Галиуллиной* (Казанский юридический институт МВД РФ) «“Управление словом”: формирование основ цензурной политики в российских университетах первой четверти XIX века» была рассмотрена цензурная политика первой четверти XIX в., когда экспертиза рукописей и привозной иностранной литературы была возложена на цензурные комитеты университетов. Изучение делопроизводства цензурных комитетов Московского и Казанского университетов позволило понять, как на практике была организована деятельность профессор-цензоров, регламентированная как либеральным уставом о цензуре 1804 г., так и позднейшими запретительными актами и распоряжениями Министерства духовных дел и народного просвещения.

В докладе *Е. А. Калининой* (Петрозаводский государственный университет) «Забывшие школы: городские начальные общественные училища в России в 1804–1825 гг.» на основе законодательных актов и архивных источников

была прослежена история становления и развития уездных и городских приходских и других начальных училищ в 1804–1825 гг. В это время впервые было обращено внимание на финансирование школ низшего уровня и обеспечение их учительскими кадрами. Результатом реформы стало, в частности, появление школьной сети в уездных городах Архангельской, Олонецкой, Вологодской губерний, распределение выпускников Петербургского педагогического института и университета в уездные училища и гимназии столичного учебного округа и других округов Российской империи.

В выступлении *Т. Г. Фруменковой* (РГПУ им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург) была представлена организация общего и специального образования в Петербургском воспитательном доме в царствование Александра I. Автор доклада подчеркнула, что покровительница этого учреждения императрица Мария Федоровна непрерывно реформировала организацию образования в нем, стремилась дать детям-сиротам возможность получать образование по способностям. Уровень полученного образования позволял некоторым питомцам воспитательного дома продолжать обучение в университете при сохранении финансовой поддержки со стороны ведомства Марии Федоровны.

М. А. Златина (РГПУ им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург) рассмотрела процесс проектирования и создания коронными властями и еврейскими просветителями еврейских общеобразовательных школ в России в царствование Александра I. Были показаны причины, по которым подобные учебные заведения так и не удалось успешно организовать. К числу этих причин относились непоследовательность планов правительства в отношении евреев и множественность возлагаемых на еврейские школы задач — от просветительских до полицейских.

В. В. Кучурин (Ленинградский областной институт развития образования, Санкт-Петербург) посвятил свой доклад анализу неопубликованной «Записки о церкви» М. М. Сперанского. Ее автор, как было показано докладчиком, развивал мистическое учение о «внутренней церкви», которое легло в основу расцвета религиозного мистицизма и экуменизма в царствование Александра I. Это позволяет не только говорить о долговременном влиянии М. М. Сперанского на мировоззрение императора, но и уточнить идейные основания просветительских реформ 1810-х — начала 1820-х гг.

Развивая эту тему, *К. Е. Нетужилов* (Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург) в докладе «Церковная журналистика в царствование императора Александра I: предпосылки и становление» обратился к истории возникновения в России церковной журналистики в первые десятилетия XIX в. Докладчик связал это явление с последствиями реформы духовного образования в 1807–1808 гг., благодаря которой в России возник многочисленный слой разносторонне образованного и ориентированного на интеллектуальную деятельность духовенства. Запросы и религиозно-просветительские амбиции этого слоя отражал, в частности, первый

в России церковный журнал «Христианское чтение». В докладе подробно рассматривались история создания, структура, идеология и общественное влияние этого издания.

М. Ф. Хартанович (МАЭ им. Петра Великого РАН, Санкт-Петербург) обратила внимание на изменения в статусе, организации и обеспечении естественно-научных музеев в первой трети XIX в. на примере Кунсткамеры, основанной Петром I. Было высказано наблюдение: Кунсткамера в начале XIX в. становится не только главным хранилищем научных коллекций, но и центром пропаганды научных знаний. Ее фонды при Александре I целенаправленно пополнялись во время морских кругосветных путешествий, научных экспедиций, а также путем покупки научных коллекций у частных собирателей. На базе Кунсткамеры формируются тематические собрания и музеи (Азиатский музей, Египетский музей, Минералогический кабинет и др.).

И. М. Захарова (Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург) посвятила свое выступление особенностям формирования эрмитажных коллекций при Александре I. Особое внимание было обращено на устройство Императорского Эрмитажа, роль его хранителей, способы пополнения его коллекций и личный вклад императора в дело приобретения экспонатов.

Завершая обзор состоявшегося научного форума, следует отметить, что его организаторы и участники не ставили перед собой задачу подвести итоги изучения царствования Александра I. Проходившая в атмосфере плодотворных дискуссий конференция выявила множество важных исследовательских проблем, требующих дальнейшего тщательного и глубокого анализа и осмысления. В ходе работы были определены перспективные исследовательские направления: социально-экономическая история России первой четверти XIX в. в контексте выявления реальных условий для введения конституции и отмены крепостного права; идеолого-политическая история александровского царствования в аспекте специфических особенностей правительственного и общественного либерализма; Александр I в судьбе России: современная отечественная и зарубежная историография; компаративистская история применительно к предыдущим и последующим царствованиям и Европейскому миру.

Общественное и научное значение конференции состояло в том, что она привлекла значительное внимание как специалистов-историков, так и широких общественно-научных кругов к проблеме осмысления того исторического опыта, который на протяжении XIX — начала XX в. был приобретен властью и обществом.

Во время работы конференции в конференц-зале и читальном зале архива СПбИИ РАН на основе материалов фондов библиотеки и Научно-исторического архива института были открыты и пользовались большим вниманием участников и гостей научного форума выставки книг и архивных документов, затрагивающих проблемы истории России в царствование Александра I.

Конференция прошла на высоком научном уровне, в полной мере продемонстрировав актуальность исследований александровской эпохи в современном историографическом пространстве. Состоявшийся научный форум показал, что плодотворные результаты в изучении указанного периода отечественной истории могут быть достигнуты лишь коллективными усилиями, совместной работой. Конференция способствовала неформальному объединению ведущих специалистов, занимающихся историей царствования Александра I, в особую научную корпорацию, выявила потребность в проведении периодических «Александровских чтений», которые позволили бы сформировать пространство активной научной коммуникации для исследователей, разрабатывающих проблемы российской истории первых десятилетий XIX столетия.

Е. Н. Мещерская

Возрождение. Академик И. Ю. Крачковский и христианский Восток

В 2015 г. Российская академическая наука обогатилась замечательным и фундаментальным трудом, посвященным наследию И. Ю. Крачковского¹. Книга вышла в серии «Классики отечественного востоковедения», основанной в 2001 г. и публикуемой издательством «Наука — восточная литература». Инициатором и основным автором-составителем тома стала А. А. Долинина. Известный ученый-востоковед, литературовед, переводчик, профессор Санкт-Петербургского университета, А. А. Долинина является одной из последних учениц И. Ю. Крачковского. Она не только продолжила наиболее значимые направления его научной деятельности, но и посвятила памяти учителя ряд статей и яркую, запоминающуюся книгу². Несмотря на то что научное наследие И. Ю. Крачковского было издано в 6-томном собрании его сочинений³ благодаря трудам его вдовы, арабиста В. А. Крачковской, а также стараниями его коллег по университету (профессора В. И. Беляева) и многочисленных учеников, работавших в Ленинградском отделении Института востоковедения АН СССР и на кафедре арабской филологии Восточного факультета ЛГУ, многое из того, что было им написано, осталось неопубликованным. Это относится прежде всего к работам, посвященным исследованию христианской

тематики. Они в советское время не могли увидеть свет по цензурным соображениям, их отсутствие в публичном и научном пространстве существенно искажало представление о судьбе и научных интересах И. Ю. Крачковского. Эти интересы сформировались еще в дореволюционной России, в Санкт-Петербургском университете, и главную роль в том, как они сложились, сыграло прежде всего влияние такой сильной личности и разностороннего ученого-востоковеда, как академик Б. А. Тураев.

Б. А. Тураев известен не только как историк Древнего Востока; существенное место в его исследованиях занимали христианские Египет и Эфиопия. Он являлся глубоко верующим православным человеком, который прекрасно разбирался во всех тонкостях и особенностях христианского богослужения. Тураев был избран делегатом исторического Поместного собора Русской Православной Церкви 1917–1918 гг., активно участвовал в его заседаниях, работал в отделе по реформированию богослужения. После революции он преподавал курс литургики в Богословском институте в Петрограде. Интерес к изучению арабо-христианской традиции был поддержан также научным руководителем И. Ю. Крачковского В. Р. Розеном, который первым в России обратил внимание на важность исследования арабо-христианской исторической литературы. Именно В. Р. Розен заложил фундамент арабо-христианских штудий Крачковского, дав задание молодому ученому вести библиографический раздел по христианскому Востоку в «Византийском временнике». Помимо «Византийского временника» ученый публиковал свои исследования в «Христианском Востоке», «Записках Восточного отделения Русского Археологического общества», «Записках Коллегии востоковедов» и других изданиях. Еще до революции, бывая в научных командировках на Востоке, И. Ю. Крачковский посещал ливанские и палестинские монастыри, знакомился с ближневосточными собраниями христианских рукописей, Он прошел школу университета св. Иосифа в Бейруте, где получили образование и многие известные европейские востоковеды, специализирующиеся на изучении восточного христианства. Крачковский был одним из самых активных деятелей Императорского Православного Палестинского общества. Он написал ряд учебных программ для русских школ и семинарии, которые были открыты под эгидой ИППО на Ближнем Востоке для обучения талантливой арабо-христианской молодежи. Именно его руководство ИППО отправляло в инспекционные поездки в эти учебные заведения, чтобы оценить эффективность их работы и внести в нее улучшения. Из русских школ ИППО вышли многие известные писатели, церковные и культурные деятели, с которыми Крачковский переписывался и поддерживал отношения до конца своей жизни. Поэтому неудивительно, что, когда после Второй мировой войны и создания государства Израиль в Академии наук СССР было принято решение о возобновлении деятельности Палестинского общества в нашей стране,

¹ Крачковский И. Ю. Труды по истории и филологии христианского Востока / Сост. А. А. Долинина, С. А. Французов. М.: Наука — восточная литература, 2015.

² Долинина А. А. Невольник долга (Биография И. Ю. Крачковского). СПб.: Петербургское востоковедение, 1994.

³ Крачковский И. Ю. Избранные сочинения: В 6 т. М.—Л., 1955–1960.

первым председателем этого возрожденного научного учреждения стал академик И. Ю. Крачковский. Уже в дореволюционные годы он зарекомендовал себя как активный исследователь в области изучения христианского Востока. В читаемом им в университете курсе по арабо-христианской литературе был разработан качественно новый подход к ее рассмотрению: ученые стали интересоваться прежде всего связи между христианскими и мусульманскими сюжетами, сочинениями авторов разных конфессий. В конце XX в. такой подход, предполагающий комплексное исследование авраамических религий, уже не вызывает удивления и активно используется научным сообществом, но в начале века это направление выступало, конечно же, как новаторское. Трагические обстоятельства послереволюционной России в жизни И. Ю. Крачковского, которые так хорошо описаны А. А. Долининой, заставили его отказаться от дела всей своей жизни — изучения восточно-христианской истории и культуры. Сам ученый признавался, что такой отказ стал для него тяжелым решением, поскольку он полагал, что именно в этой области знания отечественная наука располагала мощным потенциалом, наличие которого было признано на международном уровне. А. А. Долинина пишет в связи с этим следующее: «Именно это последнее направление научной работы (изучение культуры христианского Востока) поначалу представлялось для И. Ю. Крачковского основным, но, по иронии судьбы, эта сторона его творчества в результате оказалась наименее известной»⁴. Вышедшая книга призвана заполнить недостающую страницу в истории нашей науки. Она логично построена: делится на четыре раздела. 1-й раздел содержит комплекс материалов, посвященных арабо-христианской литературе. Раздел 2 посвящен эфиопской литературе. В раздел 3 включены библиографические обзоры, написание которых И. Ю. Крачковский считал очень важным для себя делом и вел их по мере возможности регулярно, сюда же вошли рецензии и каталоги рукописей. 4-й раздел «Востоковеды и христианский Восток» интересен для истории науки, поскольку здесь представлен взгляд ученого на предмет исследования, оценивается состояние данного научного направления, даются яркие характеристики как учителям И. Ю. Крачковского, так и его коллегам-современникам. Разделы 1, 3 и 4 были подготовлены Долининой с помощью ее учеников и коллег из Института восточных рукописей РАН Л. И. Николаевой и Вал. В. Полосина. Раздел 2 был подготовлен С. А. Французовым, включая откорректированный им новый набор одного из объемных эфиопских текстов по географической литературе.

Мы остановимся в этом обзоре только на некоторых опубликованных в томе статьях. Прежде всего следует сказать об одной из первых работ И. Ю. Крачковского «Новозаветный апокриф в арабской рукописи 885/886 г. по Р.Х.». Она довольно широко известна, поскольку вошла в качестве одной из глав («Старый апокриф») в знаменитую книгу ученого «Над арабскими рукописями».

⁴ Долинина А. А. От составителя тома // Крачковский И. Ю. Труды по истории и филологии христианского Востока. С. 5.

ми». Речь в статье идет об отрывке одной из древнейших точно датированных арабских рукописей. Она была привезена в Европу К. Тишендорфом в 1853 г., а впоследствии несколько ее листов поступили в Публичную библиотеку в Санкт-Петербурге (ныне в РНБ Арабская новая серия 263). В этой статье И. Ю. Крачковский дал подробное палеографическое описание 5 листов рукописи, которое позволило ему установить имя писца — авва Антоний Багдадский из монастыря св. Саввы Освященного около Иерусалима, который, откликнувшись на просьбу монаха из монастыря св. Екатерины на Синае, переписал для него этот текст. Впоследствии И. Ю. Крачковский опубликовал и еще один — 6-й лист из этого же манускрипта⁵. В отношении идентификации текста он пошел вразрез со сложившимся к тому времени мнением маститых западных ученых, считавших, что рукопись содержит арабский перевод какой-то версии «Евангелия Никодима». Вторая часть этого евангелия включала в себя рассказ о сошествии Иисуса Христа во ад и его победе над смертью. Крачковский написал о содержании текста так: «...эту рукопись вернее всего было бы, пожалуй, определить, как переделку какой-то греческой легенды, сюжет которой был заимствован из Евангелия Никодима, и притом переделку, приуроченную для проповеди или вообще душеполезного чтения»⁶. Сомнения И. Ю. Крачковского разрешились только во второй половине XX в., когда французский ученый Ж. Гаритт установил, что арабский текст является переводом мимры (проповеди) сирийского поэта IV в. Ефрема Сирина «О смерти и диаволе»⁷. Гомилия Ефрема Сирина в оригинале не сохранилась, но есть ее древнегрузинский перевод, сопоставление с которым и позволило сделать это открытие. Были обнаружены и другие листы этой же рукописи в коллекции колледжа Сели Оук в Бирмингеме, а также было установлено, что они восходят к большому манускрипту из 215 листов, хранящемуся в библиотеке Страсбургского университета (Strassburg 4226 = Ar. 151). Д. А. Морозов подробно описал современное состояние представлений об этой рукописи и дополнил перевод И. Ю. Крачковского неизвестным ранее на русском языке началом текста гомилии⁸.

Две другие публикации книги, на которых хотелось бы остановиться, являются переводами арабо-христианских версий хорошо известных апокрифических сочинений. Эти переводы были предназначены для антологии разноречивых апокрифических текстов, которую планировали подготовить и издать С. А. Жебелев, Л. П. Карсавин и И. Ю. Крачковский. Задуманный учеными совместный проект не был осуществлен. Из печати появилась только книга

⁵ Крачковский И. Ю. К истории Севастийской епархии. // Христианский Восток. СПб., 1913. Т. 2:1. С. 154–155. Текст этой статьи также перепечатан в новом издании (С. 96–97).

⁶ Крачковский И. Ю. Труды по истории и филологии христианского Востока. С. 47–48.

⁷ Garitte G. Homélie d'Efrem «Sur le mort et de diable». Version géorgienne et version arabe // Le Muséon. Т. 82. Louvain, 1969. P. 123–163.

⁸ Морозов Д. А. Затерянные тексты Ефрема Сирина // Символ. 55. Париж–Москва: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2009. С. 377–382.

С. А. Жебелева, которая, возможно, была частью исследовательского введения к этим переводам⁹. Работы И. Ю. Крачковского, посвященные арабской апокрифической литературе, сохранились в архиве. Первый перевод — «Евангелие детства», произведение, известное на многих языках и представленное разными версиями в литературах христианского круга¹⁰. И. Ю. Крачковскому арабский текст этого евангелия стал известен по изданию Г. Сике¹¹. Оно базировалось на рукописи, приобретенной в Турции известным голландским востоковедом Якобом Голием (Голиус). И. Ю. Крачковский считал рукопись утраченной, но она оказалась в Бодлианской библиотеке Оксфорда (Or 350), где хранится и в настоящее время¹². Перевод Крачковского — первый русский перевод, сделанный с языка оригинала. В предисловии к нему автор характеризует произведение и излагает точку зрения на происхождение арабской версии «Евангелия детства», сформулированную его коллегой, голландистом П. Пее-терсом¹³. Последний сопоставлял арабский текст с сирийской апокрифической компиляцией «История Девы Марии» и считал арабскую версию производной от утраченного сирийского оригинала. Второй апокриф — «История Иосифа плотника» — позднего происхождения. Он известен в коптской (на разных диалектах коптского языка) и арабской версиях. В книге он также впервые печатается в переводе с языка оригинала. Правда, И. Ю. Крачковский пользовался изданием XVIII в. В настоящее время мы располагаем новым критическим изданием этого произведения¹⁴, что позволяет надеяться на возобновление исследования этого интересного и по содержанию и по форме текста.

В 3-м разделе хочется отметить первую публикацию на русском языке статьи «Христианско-арабские рукописи в петербургских библиотеках». Она была написана И. Ю. Крачковским на арабском языке и напечатана в журнале «Ал-Машрик». Сам ученый посчитал своим долгом дополнить, используя ма-

⁹ Жебелев С. А. Евангелия канонические и апокрифические. Пг.: Огни, 1919.

¹⁰ Geerard M. Clavis apocryphorum Novi Testamenti. Turnhout: Brepols, 1992. N 58. P. 39–40.

¹¹ Euangelium Infantiae, vel liber apocryphus de Infantia Servatoris / Ex manuscripto edidit ac latina versione & notis illustravit Henricus Sike. Utrecht: Fr. Halma & Gul. vande Water, 1697. И арабский текст, и латинский перевод этого издания неоднократно переиздавались с исправлениями и дополнениями (Ж. Фабрициус, Ж. Тило, К. Тишендорф и др.). Есть и переводы на русский язык с латинского текста по изданию К. Тишендорфа, последний из них: Скогорев А. П. Апокрифические деяния апостолов. Арабское евангелие детства Спасителя. Исследования. Переводы. Комментарии. СПб.: Алетейя, 2000. С. 361–410. О русских переводах и корректурах к нему см.: Морозов Д. А. Библия и арабская филология в России (1991–2010) // Символ. 58. Париж–Москва: Институт филологии, теологии и истории св. Фомы, 2010. С. 193.

¹² Uri J., Nicoll A., Pusey E. Bibliothecae Bodleianae codicum manuscriptorum orientalium catalogus: Arabicus codices complectens, partis 2. P. 1. Oxonii: Clarendon, 1821. P. 57–58.

¹³ Peeters P. Evangiles apocryphes. II. Paris: Auguste Picard, 1914.

¹⁴ Battista A., Bagatti B. Edizione criticadel testo arabo della «Historia Iosephi fabri lignarii» e ricerche sulla sua origine (Studium biblicum Franciscanum. Collectio Minor. 20). Jerusalem: Franciscan Printing Press, 1978.

териалы наших рукописных хранилищ, справочное пособие своего ливанского коллеги Луиса Шейхо, книга которого содержала биобиблиографическую информацию о 909 арабо-христианских авторах. Статья была специально переведена для книги Вал. В. Полосиным.

В разделе 4 большой интерес вызывает статья «Восточный факультет университета св. Иосифа в Бейруте». И. Ю. Крачковский был направлен туда Министерством народного просвещения, и статья — часть его отчета об этой командировке. В ней подробно описывается организация учебного процесса в этом университете, деятельность и процветание которого в начале XX в. были возможны благодаря католическим миссиям. И. Ю. Крачковский подробно описывает структуру восточного факультета, условия поступления, контингент учащихся и учебные программы. Отдельный раздел статьи занимает описание научной и публикационной активности восточного факультета, который регулярно издавал высоко ценимые в научном мире журналы «Ал-Машрик» и «Mélanges de la Faculté Oriental». Опыт работы Бейрутского университета очень полезен и поучителен для нас, прежде всего в деле организации преподавания дисциплин, связанных с изучением христианского Востока. К сожалению, в настоящее время ни в одном европейском университете, в том числе и в России, нельзя изучить весь комплекс языков и предметов, позволяющих успешно специализироваться в этой области научного знания. А подготовка таких специалистов-экспертов насущно необходима в связи с глобальными экстремистскими вызовами, формирующимися на Ближнем Востоке и распространяющимися по всему миру под покровом псевдо-религиозных идей.

Раздел 2 «Эфиопистика» включил в себя, в частности, переиздание курса лекций, прочитанных И. Ю. Крачковским на восточном факультете Ленинградского университета в конце 40-х гг. XX в., — «Введение в эфиопскую филологию». Курс не был завершен самим автором и его подготовкой к изданию занимался известный отечественный африканист, чл.-корр. АН СССР Д. А. Ольдерогге. Он с помощью своих учеников заново составил библиографический раздел, но не удалось найти все библиографические указания, проверить и внести их в текст. Мы можем высказать пожелание переиздать этот курс лекций в виде отдельного учебного пособия с соответствующими нашему времени комментариями и библиографическими дополнениями.

Изданная книга И. Ю. Крачковского охватывает только средневековый период истории культуры и литературы христианского Востока. За ее пределами остались многие работы ученого, посвященные изучению арабо-христианской литературы Нового и Новейшего времени. Часть из них никогда не публиковалась, хранится в архиве академика и ждет своего издателя. А. А. Долинина предусмотрительно, имея в виду продолжение своего дела, включила в приложения к книге раздел «Материалы архивного фонда И. Ю. Крачковского по христианскому Востоку», который должен стать путеводной нитью для будущих поколений исследователей. Надеемся, что появится и книга на тему

«И. Ю. Крачковский и христианский Восток». Схожим образом — «Б. А. Тураев и христианский Восток» — озаглавил сам академик статью, посвященную памяти учителя.

References

- Battista A., Bagatti B.* Edizione criticadel testo arabo della «Historia Iosephi fabri lignarii» e ricerche sulla sua origine (Studium biblicum Franciscanum. Collectio Minor. 20). Jerusalem: Franciscan Printing Press, 1978.
- Dolinina A. A.* Nevol'nik dolga (Biografiya I. Yu. Krachkovskogo). SPb.: Peterburgskoe vostokovedenie, 1994.
- Euangelium Infantiae, vel liber apocryphus de Infantia Servatoris / Ex manuscripto edidit ac latina versione & notis illustravit Henricus Sike. Utrecht: Fr. Halma & Gul. vande Water, 1697.
- Garitte G.* Homélie d'Efrem «Sur le mort et de diable». Version géorgienne et version arabe // Le Muséon. T. 82. Louvain, 1969. P. 123–163.
- Geerard M.* Clavis apocryphorum Novi Testamenti. Turnhout: Brepols, 1992. N 58. P. 39–40.
- Krachkovskij I. Yu.* K istorii Sevastijskoj eparhii // Hristianskij Vostok. SPb., 1913. T. 2:1. S. 154–155.
- Krachkovskij I. Yu.* Izbrannye sochineniya: V 6 t. M.–L., 1955–1960.
- Krachkovskij I. Yu.* Trudy po istorii i filologii hristianskogo Vostoka / Sost.: A. A. Dolinina, S. A. Francuzov. M.: Nauka — vostochnaya literatura, 2015.
- Morozov D. A.* Zaterjannye teksty Efrema Sirina // Simvol. 55. Parizh–Moskva: Institut filosofii, teologii i istorii sv. Fomy, 2009. S. 377–382.
- Morozov D. A.* Bibliya i arabskaya filologiya v Rossii (1991–2010) // Simvol. 58. Parizh–Moskva: Institut filosofii, teologii i istorii sv. Fomy, 2010. S. 193.
- Peeters P.* Evangiles apocryphes. II. L'évangile de l'enfance. Paris: Auguste Picard, 1914.
- Skogorev A. P.* Apokrificheskie deyanija apostolov. Arabское evangelie detstva Spasitelja. Issledovaniya. Perevody. Kommentarii. SPb.: Aletejya, 2000. S. 361–410.
- Uri J., Nicoll A., Pusey E.* Bibliothecae Bodleianae codicum manuscriptorum orientalium catalogus: Arabicus codices complectens, partis 2. P. 1. Oxonii: Clarendon, 1821. P. 57–58.
- Zhebelev S. A.* Evangelija kanonicheskie i apokrificheskie. Pg.: Ogni, 1919.

Список литературы

- Долинина А. А.* Невольник долга (Биография И. Ю. Крачковского). СПб.: Петербургское востоковедение, 1994.
- Жебелев С. А.* Евангелия канонические и апокрифические. Пг.: Ogni, 1919.
- Крачковский И. Ю.* К истории Севастийской епархии // Христианский Восток. СПб., 1913. Т. 2:1. С. 154–155.
- Крачковский И. Ю.* Избранные сочинения: В 6 т. М.–Л., 1955–1960.
- Крачковский И. Ю.* Труды по истории и филологии христианского Востока / Сост. А. А. Долинина, С. А. Французов. М.: Наука — восточная литература, 2015.
- Морозов Д. А.* Затерянные тексты Ефрема Сирина // Символ. 55. Париж–Москва: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2009. С. 377–382.
- Морозов Д. А.* Библия и арабская филология в России (1991–2010) // Символ. 58. Париж–Москва: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2010. С. 193.
- Скогорева А. П.* Апокрифические деяния апостолов. Арабское евангелие детства Спасителя. Исследования. Переводы. Комментарии. СПб.: Алетейя, 2000. С. 361–410.
- Battista A., Bagatti B.* Edizione criticadel testo arabo della «Historia Iosephi fabri lignarii» e ricerche sulla sua origine (Studium biblicum Franciscanum. Collectio Minor. 20). Jerusalem: Franciscan Printing Press, 1978.
- Euangelium Infantiae, vel liber apocryphus de Infantia Servatoris / Ex manuscripto edidit ac latina versione & notis illustravit Henricus Sike. Utrecht: Fr. Halma & Gul. vande Water, 1697.
- Garitte G.* Homélie d'Efrem «Sur le mort et de diable». Version géorgienne et version arabe // Le Muséon. T. 82. Louvain, 1969. P. 123–163.
- Geerard M.* Clavis apocryphorum Novi Testamenti. Turnhout: Brepols, 1992. N 58. P. 39–40.
- Peeters P.* Evangiles apocryphes. II. L'évangile de l'enfance. Paris: Auguste Picard, 1914.
- Uri J., Nicoll A., Pusey E.* Bibliothecae Bodleianae codicum manuscriptorum orientalium catalogus: Arabicus codices complectens, partis 2. P. 1. Oxonii: Clarendon, 1821. P. 57–58.

А. Я. Массов

Рецензия на монографию: Скоробогатых Н. С. История Австралии. XX век / Отв. ред. В. П. Николаев; Институт востоковедения РАН. М.: ИВ РАН, 2015. 452 с.

Австралия, к сожалению, не входит в число тех стран, к изучению истории которой охотно обращаются отечественные специалисты. Серьезные исследования об историческом прошлом этой страны выходят в России редко. Поэтому весьма отрадным событием можно считать появление обобщающего труда по истории Австралийского Союза «История Австралии. XX век». Книга издана Институтом востоковедения РАН и принадлежит перу старшего научного сотрудника Центра изучения Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании этого института, одному из ведущих российских австраловедов, к.и. н. Наталье Сергеевне Скоробогатых. Автор монографии подчеркивает, что XX столетие занимает особое место в судьбе австралийского государства, и ставит своей целью «проследить самые ключевые моменты в истории Южного континента» (с. 4, 5). В основу книги положен широкий круг источников и специальной литературы. Прежде всего это размещенные в сети Интернет документальные материалы из Национального архива Австралии, ряд публикаций сборников документов по истории этой страны, статистические справочники, документы австралийских политических партий. Привлечено большое количество мемуаров австралийских политических и общественных деятелей, а также материалы австралийской прессы. Среди специальной литературы, которую использовала автор, — около 200 наиболее значимых трудов австралийских и российских историков, этнографов, экономистов. Столь широкий круг источников и литературы предопределил

фундированность проведенного исследования и обоснованность предложенных Н. С. Скоробогатых выводов. Нельзя не отметить, что книга написана хорошим литературным языком, а в ее содержательном наполнении выдержан баланс между фактографическим описанием имевших место событий и собственными суждениями автора о специфике исторического пути Австралии. В этой особенности рецензируемого труда, отнюдь немаловажной при чтении фолианта более чем в 450 страниц, нашли отражение богатый опыт Н. С. Скоробогатых как исследователя и ее навыки преподавателя: курс истории Австралии Скоробогатых читает в Институте стран Востока при ИВ РАН.

Первая, своего рода вводная глава посвящена колониальному периоду австралийской истории конца XVIII — XIX в., времени становления австралийской государственности и начала самоидентификации австралийской нации. За этот период, как отмечает автор монографии, Австралия прошла путь от «овцеводческой станции» Англии до страны с развитой аграрно-индустриальной экономикой. В плане политического развития это был путь от бесправных каторжных поселений к самоуправляющимся переселенческим колониям и в конечном итоге к созданию единого государственного образования — Австралийского Союза. С самого начала своего существования этот британский доминион встал на путь обретения полного суверенитета. Уже к началу XX в., как считает автор монографии, сформировались и проявили себя основные черты, повлиявшие на ход австралийской истории и определившие особенности национального характера австралийцев. По мнению Н. С. Скоробогатых, это прежде всего большая роль государства, которое содействовало развитию экономики и культуры страны, но при этом не подавляло экономической и политической самостоятельности населения. Это высокий жизненный уровень трудящихся классов и наличие широкой прослойки так называемых средних классов, не склонных, как правило, к радикальным, революционным методам действий. Это размытость социальных границ и отсутствие кастовой замкнутости австралийского общества. Автор монографии подчеркивает также наличие достаточно рано сформировавшейся целостной системы политических ориентиров австралийцев, главное место в которой занимали демократическое государственное устройство, сильные, способные защитить интересы трудящихся профсоюзы, всеобщее уважение к закону. Тогда же проявили себя и главные черты австралийского национального характера — свободолюбие, чувство собственного достоинства и индивидуализм в сочетании с открытостью и доброжелательностью, постоянной готовностью прийти на помощь ближнему.

В последующих главах монографии в хронологическом порядке и весьма обстоятельно освещаются социально-экономические, внутри- и внешнеполитические аспекты австралийской истории, национальные отношения и культура Австралии. Н. С. Скоробогатых показывает, как отмеченные ею специ-

ческие черты австралийского государственности и национальные особенности австралийцев проявили себя в ходе исторического развития страны. Автор предлагает свою периодизацию австралийской истории XX в., выделяя при этом четыре периода. Первый из них — с момента образования Австралийского Союза до окончания Первой мировой войны. В Австралии «сложились базовые основы партийно-политической системы, экономической и социальной структуры страны», «были опробованы новые прогрессивные подходы в области социального регулирования» (с. 89). Героизм австралийских солдат — АНЗАКов — на фронтах Первой мировой войны стал мощным стимулом для обретения чувства национальной гордости, ускорился процесс самоидентификации австралийской нации. Вторым период австралийской истории охватывает межвоенные десятилетия и годы Второй мировой войны. Пережив без катастрофических последствий мировой экономической кризис и сохранив политическую стабильность, Австралийский Союз становится де-факто независимым государством. В годы войны начинается формирование собственной внешней политики, ориентированной прежде всего на США (с. 120, 123, 173). Третий период австралийской истории длился со времени окончания Второй мировой войны до конца 70-х гг. прошлого столетия. Это была эпоха быстрого развития народного хозяйства страны и стремительного повышения уровня жизни населения. В экономической политике формируются и начинают доминировать принципы неоллиберализма и идеология «новых правых». Меняются постулаты в национальной политике, Австралия окончательно отказывается от идеологии приверженности Британской империи, становится активным и самостоятельным участником международных отношений в Азиатско-Тихоокеанском регионе (с. 272). С началом 80-х гг. Австралия, по мнению Скоробогатых, вступает в четвертый период своей истории XX столетия. Австралийский Союз утверждает себя как одно из наиболее развитых государств планеты, заняв 4-е место в мире по качеству жизни, выступает одним из локомотивов процесса экономической и политической интеграции в АТР. Автор монографии, разумеется, отнюдь не идеализирует итоги развития Австралийского Союза и достаточно подробно пишет о противоречиях, с которыми это государство вступило в XXI в. Впрочем, как подчеркивает Скоробогатых, наличие проблем формирует вектор движения вперед, и «на данный момент в стране не существует коллизий, которые нельзя было бы решить в рамках созданной государственной и партийно-политической системы» (с. 380).

Весьма интересны и нестандартны для российского австраловедения, долгое время пребывавшего ограниченными рамками марксистских догм, оценки Н. С. Скоробогатых внутривнутриполитического развития Австралии. Автор подчеркивает, что в действиях основных австралийских политических сил, прежде всего австралийских лейбористов и партий национально-либеральной коалиции, здоровый прагматизм всегда брал верх над идеологическими различиями. Эта особенность стала одной из важнейших причин характерной для

Австралийского Союза стабильности, отсутствия чересчур крутых поворотов и эксцессов во внутривластной жизни страны. Демократическая система власти и сильная социальная политика сохраняли у самых разных слоев населения чувство постоянной сопричастности к управлению государством, и это обстоятельство позволяло относительно безболезненно преодолевать экономические и политические кризисы, с которыми сталкивалась Австралия (с. 375). Их ход и последствия для экономики страны и негативное воздействие на уровень жизни населения достаточно подробно освещаются в монографии. Однако даже в условиях социально-экономических неурядиц ни праворадикальные политические движения («Новая гвардия» в начале 30-х гг. или такие националисты, как П. Хэнсон, во второй половине 90-х гг.), ни левые радикалы в лице, например, КПА или движения Дж. Т. Лэнга на рубеже 20–30-х гг., не становились сколько-нибудь влиятельной политической силой.

Анализ внешней политики Австралии в рецензируемой работе также уходит от традиционных в прошлом оценок деятельности Австралийского Союза на международной арене как слепого следования в фарватере сначала британской, а затем американской внешней политики. Н. С. Скоробогатых убедительно показывает, что и в этой области по крайней мере со времени окончания Второй мировой войны деятельность лидеров австралийского государства отличалась прагматизмом и защитой прежде всего национальных интересов. Вынужденная отказаться от опоры на Англию и политики двойной лояльности Великобритании и США, Австралия не просто поспешила раскрыть над собой американский зонтик безопасности. Австралийский Союз сумел утвердить себя в качестве не сателлита, но союзника и партнера США и сохранить возможность проведения собственной политики в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Вместе с тем автор не затушевывает и имевшие место неудачи австралийской внешнеполитической стратегии: так, например, попытка утвердить Австралию в качестве азиатской державы, предпринятая премьер-министром Австралийского Союза П. Китингом, была отвергнута как самими азиатскими государствами, так и значительной частью австралийского общества (с. 313).

Оценка политики Австралии в отношении азиатских народов и — в более широком контексте — анализ эволюции иммиграционной и национальной политики Австралийского Союза также принадлежит к числу наиболее сильных и интересных сторон рецензируемой монографии. Н. С. Скоробогатых подробно прослеживает изменение политики властей и отношения белого общества к австралийским аборигенам — от третируемого и вымирающего меньшинства через политику патернализма и ассимиляции к предоставлению аборигенам равных прав и попыткам превратить их в полноценную и активную часть австралийского общества. На фоне общемировых тенденций преодоления расовых предубеждений в книге показан процесс постепенного изживания белым населением Австралии расистских предрассудков, во многом проистекавших из стремления не допустить на австралийский рынок труда дешевую рабочую

силу из стран Азии и Океании. Эти расистские настроения нашли свое выражение в политике «Белой Австралии», которая проводилась на пятом континенте вплоть до 1973 г. Безусловно осуждая расизм, Скоробогатых в то же время видит в политике Белой Австралии и определенные позитивные черты. По мнению автора, «Белая Австралия» способствовала созданию и закреплению того культурного, англосаксонского в своей основе архетипа, на основе которого строилась австралийская национальная идентичность. Политика «Белой Австралии» препятствовала проникновению в формирующуюся нацию чуждых ей культурных элементов и сплачивала ее в единый монокультурный организм (с. 56). Это, как представляется, спорное утверждение дополняется в монографии весьма критическим отношением к проводимой в последней четверти XX в. политике мультикультурализма. По мнению Скоробогатых, мультикультурная национальная политика, призванная дать возможность общинам новых иммигрантов сохранить свое национальное своеобразие и тем самым обеспечить их безболезненную интеграцию в австралийский социум, на деле может привести лишь ко всеобщей «этнизации», распаду австралийского общества на замкнутые этнические группы и его «тотальной дезинтеграции» (с. 285).

В контексте анализа внутренней и социальной политики Австралийского Союза Н. С. Скоробогатых останавливается на процессах эмансипации женщин, начавшихся в Австралии еще в XIX в., и движении феминисток во второй половине прошлого столетия. Феминистское движение автор монографии оценивает при этом отнюдь не однозначно. «Революция нравов» и законы, защищавшие честь и достоинство женщин, не только оградили их от проявлений мужского шовинизма, но «превратили процедуру элементарного ухаживания в уголовно преследуемое деяние». Это подталкивает австралийских мужчин к заключению браков с более покладистыми представительницами азиатских стран и порождает серьезную проблему одиночества австралийских белых женщин — число таких одиночек доходит до 20 % (с. 375).

Эмоционально, с чувством глубокого уважения к достижениям народа Австралии написаны страницы, посвященные развитию австралийской культуры, науки, системы образования и здравоохранения. Перед читателем предстает яркая картина зарождения и развития национальной австралийской культуры, процесс ее «отпочкования» от материнской культуры Великобритании и художественного осмысления собственного, австралийского культурного опыта и австралийского образа жизни. В наши дни неотъемлемой составной частью культуры Австралии становится традиционное искусство аборигенов (с. 213–215, 344). Можно поспорить лишь с утверждением С. Н. Скоробогатых, что уже рубеж XIX–XX вв. «стал временем расцвета австралийской культуры как сложившегося самостоятельного явления» (с. 42). Художественно самостоятельным и вполне сложившимся феноменом австралийская культура стала, как представляется, несколько позже — процесс ее становления завершился, пожалуй, ко времени Второй мировой войны.

Очень украшают рецензируемую работу относительно немногословные, но ярко и убедительно выписанные словесные портреты австралийских государственных и общественных деятелей — А. Дикина, Дж. Монаша, У. М. Хьюза, Дж. Лайонса, Дж. Кертина, Г. В. Эватта, Б. Чифли, Р. Мензиса, Д. П. Мэнникса, О. Сантамарии, Г. Холта, Дж. Макюэна, У. Макмагона, Г. Уитлема, М. Фейзера и многих-многих других. В качестве позитивной особенности издания отметим наличие в нем хронологической таблицы с основными датами истории Австралийского Союза, именного и географического указателей. Уместны в качестве приложений размещенные в книге статистические таблицы, отражающие развитие австралийской экономики и финансов, системы образования, роста численности населения и развития профсоюзного движения. Удивляет только, что статистические данные этих таблиц охватывают лишь вторую половину XIX — начало XX в.

В качестве не столько критического замечания, сколько сожаления следует отметить слишком незначительное внимание, которое автор монографии уделил истории отношений Австралийского Союза с царской Россией, СССР и Российской Федерацией. Нельзя сказать, что эти отношения были насыщенными и разносторонними, однако у российского читателя эти сюжеты не могут не вызывать особого интереса. И уже по-настоящему обидно, что в монографии напрочь отсутствуют иллюстрации, столь необходимые в современных изданиях обобщающих работ по истории той или иной страны. Впрочем, это вина не автора, а издательства.

В заключение еще раз подчеркнем, что новая книга Н. С. Скоробогатых может быть оценена как высокопрофессиональное академическое исследование, в котором в полной мере воссоздана яркая и многогранная картина исторического пути Австралийского Союза в XX в. Ее монография представляет собой существенный вклад в развитие отечественного австраловедения. Благодаря новым, во многом новаторским оценкам австралийской истории монография Скоробогатых, несомненно, станет своего рода ориентиром для последующего изучения более частных аспектов истории Австралийского Союза.

А. И. Богомолов

Рецензия на книгу: Всемирное культурное наследие: Учебник / Под ред. Н. М. Боголюбовой, В. И. Фокина; СПбГУ. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2015. 368 с.

Учебник предназначен студентам бакалавриата, обучающимся по направлению «Международные отношения», а также всем, интересующимся вопросами культуры и культурного наследия. В учебнике рассматриваются вопросы, связанные с теоретическим пониманием и практикой охраны всемирного культурного наследия. Показана деятельность мирового сообщества и современных государств в сфере сохранения и использования в интересах человечества огромного культурного наследия, накопленного предшествующими поколениями. Уделено внимание феномену всемирного культурного наследия, его роли в современных международных отношениях. В книге дан анализ основных форм и содержания культуры человеческой цивилизации, рассмотрены памятники культуры, включенные в Список всемирного культурного наследия.

Структура учебника включает в себя оглавление, краткое предисловие (с. 5–9), шесть глав основного содержания и список использованной литературы (с. 359–367). Каждая глава предваряется аннотацией ее содержания, перечнем ключевых слов, перечислением знаний, умений и навыков, которыми студент должен обладать после изучения данной главы. В заключение каждой из глав приведены контрольные вопросы, необходимые для проверки усвоения материала, и список рекомендуемой литературы.

В первой главе «Историческое единство человечества и взаимодействие культур» (с. 9–66) рассмотрено развитие знаний о культурно-историческом

процессе, о соотношении универсальности и самобытности культурной жизни различных народов. Взаимодействие культур рассматривается в качестве основы современных международных отношений. В рамках посвященных этому параграфов обрисована история становления и структура современной системы защиты всемирного культурного наследия, рассмотрено содержание международно-правовых документов, обеспечивающих охрану культурных ценностей, европейская система охраны и использования памятников культуры и истории. Отдельное внимание уделено проблемам сохранения исторического центра Санкт-Петербурга как объекта всемирного культурного наследия (с. 6, 61–62).

Во второй главе «Культурное наследие первобытной эпохи» (с. 67–87) рассматривается становление общества и культуры на заре человечества, формирование основных видов и жанров культуры; показано культурное наследие первобытной эпохи, — памятники, вошедшие в Список всемирного культурного наследия ЮНЕСКО.

В третьей главе «Культурное наследие древних государств» (с. 89–185) описывается культура Древнего Египта, Древней Греции и Древнего Рима. Здесь рассмотрены жанрово-стилистические особенности древнеегипетской и античной культур, искусство этих эпох, отмечен вклад, который внесла культура Древнего Египта и античного периода в развитие мировой культуры. Глава знакомит с основными принципами периодизации древнейших этапов в истории человечества, в ней подробно рассказывается о памятниках всемирного наследия изучаемых эпох, включенных в Список ЮНЕСКО.

В четвертой главе «Культурное наследие эпохи европейского средневековья и Возрождения» (с. 187–241) показаны роль и значение эпохи европейского средневековья и Возрождения для мирового культурного наследия. Приведена периодизация и особенности художественных эпох средневековой культуры, которые рассматриваются с учетом региональных особенностей стран Западной и Центральной Европы, Византии, средневековой Руси. Глава сопровождается словесным описанием памятников материальной культуры этой эпохи, внесенных в Список всемирного наследия ЮНЕСКО.

В пятой главе «Культурное наследие Европы в эпоху Нового времени» (с. 243–301) рассматривается культурное развитие ведущих стран Западной Европы конца XVI — XIX в. и объекты всемирного наследия, отражающие главные особенности этой эпохи. Особое внимание здесь уделено месту художественных стилей в духовной жизни Европы, вкладу европейских стран в развитие европейской и мировой культуры. Показано влияние на культуру процессов формирования национальных государств в Европе, социально-экономических и политических предпосылок создания памятников архитектуры и градостроительства.

В шестой главе «Культурное наследие новейшего времени. XX–XXI вв.» (с. 303–358) дается характеристика развития культуры в XX–XXI вв. в контексте основных тенденций развития человеческой мысли с позиций гуманисти-

ческих критериев научно-технического и духовного развития человеческой цивилизации. Представлены примеры объектов культурного наследия из Списка всемирного наследия, относящиеся к XX в., на фоне формирования разнообразных художественно-эстетических направлений. Рассмотрены основные проблемы и перспективы развития всемирного наследия в условиях глобализации.

Современный учебник не является «вещью в себе», он тесно связан с литературой, документами и материалами, без изучения которых читателю не обойтись, но переписать их и полностью включить в текст одной книги физически невозможно. Органической частью учебника предстают не входящие в его состав, но регулярно упоминаемые и цитируемые в его тексте материалы Комитета всемирного культурного наследия (ЮНЕСКО), опубликованные на его официальном сайте (документы, обосновывающие решения о включении памятника в Список, история создания, характеристика памятника, критерии включения в Список, видео- и фотоматериалы о памятнике культуры). Обращение к этим документам, как подчеркивают авторы, является необходимым условием освоения материалов курса «Всемирное культурное наследие» (с. 8).

Эти документы, впрочем, не единственный источник информации, которая будет необходима слушателю курса «Всемирное культурное наследие» для усвоения программы. Едва ли этот курс будет основным для студентов, обучающихся по направлению «Международные отношения». Даже в рамках подготовки бакалавров университетская учебная программа обычно включает в себя базовые общеобразовательные курсы по таким дисциплинам, как отечественная и зарубежная история, культурология, социология, философия. Но в этом случае минимум пять из шести глав учебника будут своим содержанием дублировать учебные программы этих дисциплин. Специфика данного курса, заявленная и отраженная в его концепции и содержании — международное сотрудничество в сфере охраны и использования всемирного культурного наследия, правовые и институциональные формы такого сотрудничества, критерии отнесения объектов культуры к перечню охраняемых, формы и методы защиты памятников культуры — как в общем виде, так и на конкретных примерах. В большей или меньшей степени реализации этих задач соответствуют только первая и последняя главы учебника.

Электронные ресурсы и ссылки на веб-публикации сами по себе неплохи; напротив, без них вряд ли возможен современный учебник, будь то печатная или электронная его форма. Но имеет ли смысл столь активно ссылаться на конкретные веб-публикации в тексте печатного учебника? Сам жанр и формат издания учебника подразумевают его долговечность, и ссылки на веб-публикации, скорее всего, устареют и перестанут быть актуальными гораздо раньше (и обновить эти ссылки в неэлектронном формате невозможно).

Многочисленные «биографические врезки» на полях основного текста учебника, на мой взгляд, совершенно излишни. Они занимают изрядное место — так, например, врезки, посвященные Карлу Марксу (с. 16) и Питириму

Сорокину (с. 39) занимают по целой странице мелким шрифтом. Остальные врезки меньше по объему, но в сумме они отнимают от пространства первой главы не менее пятнадцати–семнадцати страниц. Содержание же текста этих «врезок» большей частью засоряет основной текст и не несет полезной нагрузки, а лишь отвлекает внимание читателя и раздувает общий объем текста — так, например, половина «врезки» о Сэмюэле Хантингтоне (с. 42) представляет собой перечисление его должностей и регалий. С именами таких персонажей, как Дж. Вико, Вольтер, И. Г. Гердер, Г. В. Ф. Гегель, К. Маркс, Э. Тоффлер, Д. Белл, З. Бжезинский, М. Кастельс, К. Ясперс, Ибн Хальдун, Н. Я. Данилевский, К. Н. Леонтьев, О. Шпенглер, А. Тойнби, П. А. Сорокин, Л. Н. Гумилев, С. Хантингтон, студенты бакалавриата могут ознакомиться в рамках базовых курсов по основам философии, социологии, культурологии — на то есть соответствующие разделы в других учебных программах и уже имеющихся учебниках и учебных пособиях. Для желающих более подробно ознакомиться с биографическими данными, учеными степенями и должностями указанных лиц существуют словари и энциклопедии — как бумажные, так и электронные. (Врезку об Ибн Хальдуне можно и оставить — все-таки это единственное на весь учебник упоминание о мыслителе — выходеце из нехристианской культуры.)

Недостатком издания учебника, пять из шести глав которого посвящены описанию и характеристике памятников культурного наследия различных эпох, является отсутствие иллюстраций. Краткое словесное описание их заменить не может. Разительный пример: попытка авторов учебника пересказать читателю содержание картины Веласкеса «Пряхи»: «...чисто бытовая сцена как бы иллюстрирует миф об Афине и Арахне, изображение так возвышенно и поэтично, что кажется, будто мастер стремился поймать и увековечить красоту невзрачной действительности» (sic! — А. Б.) (с. 258). Либо читатель достаточно грамотен, чтобы узнать картину Веласкеса по названию (в худшем случае найти ее репродукцию в той же сети Интернет), либо работе его воображения гораздо больше помогла бы иллюстрация в тексте. При общем высоком полиграфическом качестве издания учебника можно было бы «разориться» на изобразительные материалы.

Вызывает недоумение отношение авторов учебника к использованию специальной терминологии. В описании архитектурных памятников без употребления соответствующих терминов, естественно, не обойтись, но учебник предназначен для будущих дипломатов, а не архитекторов. С какой попытки студент «осилит» такую фразу: «Фриз тосканского ордера лишен триглифов и метоп. Отсутствуют мутулы под выносной плитой карниза» (с. 162)? В приложении к тексту учебника имело смысл поместить хотя бы краткий словарь или схемы с расшифровкой используемых терминов — именно с учетом того, что учебник предназначен для студентов бакалавриата, которые этих слов просто не знают.

Второй параграф первой главы «Взаимодействие культур народов — основа международных отношений в современных условиях. Теория цивилизаций»

(с. 26–50) вызывает ощущение логического диссонанса — не столько из-за его содержания, сколько из-за его места в основном массиве текста учебника. Авторы бегло перечисляют авторов классических теорий цивилизаций и основные положения этих теорий, особо останавливаясь на том, что способность к созидательной творческой деятельности органически и неотъемлемо присуща человеку как биологическому виду и не связана с расовыми различиями между людьми, что с расовой дискриминацией и традиционным колониализмом на Западе покончено, и что расизм признан международным преступлением (с. 10). На следующих же трехстах с лишним страницах, посвященных перечислению и описанию памятников культурного наследия человечества, те же самые авторы излагают вполне классическую «европоцентристскую» схему — первобытная эпоха, античность, европейское средневековье и Возрождение, Европа в эпоху Нового времени, и наконец — культурное наследие новейшего времени (раздел, в котором на двух-трех страницах общим перечнем кратко перечисляются памятники культуры, территориально расположенные за пределами Европы (с. 304–307)). Сто лет назад эта схема была бы свежа, актуальна и вполне соответствовала бы действительной на тот момент картине знаний о памятниках культуры человечества, которой располагали европейские философы и искусствоведы эпохи О. Шпенглера и Н. Я. Данилевского, — по памятникам греко-римской цивилизации они обучались сами, европейские «объекты культурного наследия» наблюдали собственными глазами, ну а раскопки египетских культурных объектов в те годы как раз и начинались. Еще одна обширная, на 11 строк, вторичная цитата из Л. Фейхтвангера в разделе 6.2 «Памятники всемирного наследия первой половины XX века», также мимоходом напоминает читателю, что когда авторы учебника пишут о развитии мировой культуры, речь идет о «литературе белокожих народов» (цитата, к слову, почему-то приводится не по оригинальному изданию, а по пересказу ее в журнальной статье 1989 г.) (с. 322).

В параграфе 6.1 авторы вынужденно признаются: «География памятников культуры XX века сегодня испытывает европоцентристский характер: Европа — 37, Северная Америка — 3, Южная Америка — 3, Азия — 4, Африка — 1» (с. 304). Что ж, можно согласиться с тем, что к XX в. в силу известных причин европейские и европоцентристские ценности, вслед за их создателями и приверженцами, заволокли земной шар; но ведь в эпоху древности и средневековья существовали и оставили свой след в истории человечества и другие цивилизации? Действительно, это так, и тайной для ЮНЕСКО этот факт не является. Если открыть на официальном сайте ЮНЕСКО страницу под названием «Список объектов всемирного культурного и природного наследия», то можно узнать, что в этот список включены десятки объектов культурного наследия на территории Африки, Китая, Индии, Юго-Восточной Азии, Южной Америки, которые в учебнике даже не упомянуты, не говоря уж о том, чтобы уделить им если не главу, то хотя бы параграф под скромным названием вроде «Культурное наследие не-европейских государств».

Японская культура удостоилась чести упоминания на страницах учебника только благодаря включению в «Список всемирного культурного наследия» памятника XX в. — остатков здания бывшего универмага в Хиросиме (Мемориал Мира в Хиросиме — купол Гэмбаку) (с. 338).

Африка в учебнике представлена только параграфом о культурном наследии древнего Египта (с. 90–132). Памятники цивилизаций, существовавших до появления в Африке «белого человека» и не зависевших от его влияния, — на территории таких современных государств, как Бенин, Ботсвана, Буркина-Фасо, Габон, Гамбия, Гана, Конго, Зимбабве, Ливия, Мавритания, — никак не представлены и не упомянуты. Зато построенному в 1990 г. в Кот-д'Ивуаре собору св. Петра, примечательному, судя по тексту, главным образом своими размерами, место в учебнике нашлось (с. 241).

Памятникам исламской культуры на страницах учебника повезло немного больше — или, наоборот, меньше — это в зависимости от того, как поглядеть. Цивилизация ислама в учебнике упоминается три или четыре раза — в первый раз в контексте фразы «В издании ЮНЕСКО “История человечества” начало эпохи средневековья связано с возникновением ислама» (с. 189), во второй раз — в контексте рассказа о перестройке собора св. Софии после захвата Константинополя (с. 218), и в третий раз дважды — в контексте упоминания об уничтожении талибами Бамианских статуй Будды в Афганистане (с. 41, 345). Что это за статуи и как они там появились — читателю неизвестно, потому что о памятниках буддийской культуры учебник повествует довольно скупо.

Даже при перечислении и описании памятников культурного наследия в Испании авторы ни разу не упомянули об архитектуре Альгамбры и об арабской цивилизации в Испании. О том, что вклад мусульман в мировое культурное наследие не ограничивается превращением в мечеть собора св. Софии в Константинополе, можно узнать на полях первой главы из врезки, посвященной биографии Ибн Хальдуна, который упоминается как один из первых приверженцев цивилизационного подхода (с. 28). Один абзац в тексте параграфа и три-четыре фразы в составе других параграфов — это всё, что можно узнать в учебнике о вкладе исламского мира в копилку мировой цивилизации. На фоне двадцати страниц философских рассуждений о том, что цивилизации бывают разные, и в свете многократных авторских уведомлений о том, что «расовая дискриминация признана международным преступлением» (с. 10) реализация такого «цивилизационного подхода» в тексте и концепции учебника кажется прямо-таки некорректной.

Можно было бы объяснить такой дисбаланс в изложении материала обычной ограниченностью объема печатного издания и тем соображением, что лучше подробно рассказать о немногом, чем лаконично обо всем. Авторы учебника, однако, своей тенденциозности и не скрывают. Одно только описание Шпейерского собора (с. 203–204) занимает больше места, чем перечисление памятников Ирана, Афганистана, Сирии, Мали и других, входящих в Список объектов,

находящихся под угрозой (с. 345–346). «Все равны, но некоторые равнее прочих». «Нельзя не согласиться с мнением специалистов, историков, культурологов, что “христианство, бесспорно, является одним из самых величественных явлений в истории человечества” (sic! — А. Б.)» (с. 189) — мимоходом замечают авторы учебника, на всякий случай аккуратно указывая источник цитаты. Цитата почему-то приведена не из работы «специалиста», или «историка», или «культуролога» (судя по разбивке запятыми, это должны быть три разные категории носителей авторитетного знания), а из учебника «Культурология» авторства В. П. Большакова. Рецензирование еще одного учебника, впрочем, выходит за рамки данного текста.

Учебник получился, невзирая на заявленную в предисловии концепцию, «европоцентристский». Что поделать, на то должны быть некие объективные причины, не зависящие от авторов. Но хоть бы повествование о памятниках европейской и российской цивилизации оказалось безупречным!

Во втором параграфе четвертой главы фрагмент текста, посвященный архитектуре Византии и византийскому собору Св. Софии (с. 217–222), почему-то из общего массива текста о культуре Византии (с. 20–212) “переехал” на несколько страниц и оказался в составе текста, посвященного культуре допетровской Руси, «выбиваясь» из него и тематически, и хронологически.

Встречаются мелкие, но досадные ляпсусы — так, например, в параграфе, посвященном культуре средневековой Европы, авторы пишут: «Позже других возникли университеты в США и России. Первые университеты в США возникли только в начале XVII в.» (с. 192). Из продолжения цитируемого абзаца читатель узнает, что «первые университеты в США» появились за полтора столетия до возникновения государства с таким названием, а про появление университетов в России не найдет вообще ничего.

В структуре средневекового университета откуда-то родился «артистический факультет» — дословная цитата из учебника: «Младшим из факультетов был артистический (7 свободных искусств)» (с. 192). Это не очень корректная версия перевода «artes liberales» — «свободные искусства» — причем авторы учебника не раскрывают это понятие. В рамках «факультета свободных искусств» преподавался тривиум (грамматика, логика и риторика), потом квадравиум (арифметика, геометрия, астрономия и музыка) — т.е. это, строго говоря, не столько «факультет», сколько подготовительное отделение, дававшее базовые знания и навыки для обучения правоведению, медицине и богословию. В авторской же лапидарной формулировке современный читатель-студент рискует истолковать прочитанное неверно («артистический факультет» не артистов обучал!).

То и дело встречаются стилистические ошибки. С. 192: «Большое влияние на развитие науки в эпоху средневековья оказал перевод <...> работ по медицине и науке (sic! — А. Б.) с греческого и арабского языков». С. 211: «Под словом “икона” византийские мастера предполагали изображение святого»; далее: «Античные статуи украшали улицы Киева» (с. 212); «Им нужна была другая

ситуация для вдохновения, чем для “крайне левых” в 1920-х гг.» (с. 336). Советский историк и философ Л. Н. Гумилёв назван «российским» (с. 40), его соотечественник П. А. Сорокин в биографической врезке обозначен не как российский, а как американский социолог (хотя часть его исследований велась еще в России) (с. 39). Нередко в тексте встречаются опечатки — например, мемориал «купол Гэмбаку» (с. 306–307) в той же главе превращается в «купол Генбаку» (с. 338), лагерь смерти Освенцим (нем. Аушвиц-Биркенау) читается как «Аушвиц-Брикенау» (с. 338), «международно-правых» (с. 338), в названии энциклопедии пропущена буква («Абстакционизм: энциклопедия живописи» (с. 359)), в оглавлении гл. 5 пропущен раздел «Контрольные вопросы» (с. 4).

Авторы упорно на продолжении обеих страниц, посвященных описанию Шпейерского собора, используют немецкоязычную транскрипцию топонима «Шпайер» (с. 203–204) вместо устоявшейся традиции перевода «Шпейер», — хотя, например, Гейдельбергский университет в тексте все-таки остается «Гейдельбергским», а не «Хайдельбергским» (с. 192). То есть даже в рамках одного параграфа употребление иноязычных топонимов (а говоря точнее, согласование фрагментов текста, извлеченных из разных источников) не унифицировано.

Нашествие Золотой Орды на древнерусские княжества почему-то называется «набегами» — «набеги татарского хана Батяя уничтожили Киев и многие другие древнерусские города» (с. 214). Здесь авторы раздела явно озаботились стилистикой и решили, что в двух подряд фразах употреблять один и тот же термин «нашествие» было бы некрасиво. Вот только в качестве замены слову «нашествие» были выбраны «набеги», хотя эти два слова трудно счесть синонимами.

В четвертой главе фрагмент текста о реставрации в 2005–2008 гг. собора Василия Блаженного в Москве («Эти работы осуществлены при благотворительной поддержке Московской межбанковской валютной биржи (президент А. И. Потемкин) и Акционерного общества “Российские железные дороги” [Официальный сайт Покровского собора]» (с. 224)) выглядит так, как если бы его попросту скопировали со страницы официального сайта Покровского собора и без редактирования перенесли в соответствующий раздел учебника, либо упомянутые лица и компании выступили спонсорами не только реставрации собора, но и рецензируемого учебника. Фрагмент текста, посвященный описанию византийского собора св. Софии, также явно попал в учебник с соответствующей страницы официального сайта этого собора. Само по себе это не хорошо и не плохо, но при составлении учебника этот текст также имело бы смысл отредактировать, — жанр учебника требует иного подхода, нежели текст путеводителя, популярной экскурсии или церковной проповеди, для которой упоминание о чудесах как раз нормально (ср., например: «Последняя литургия в соборе Св. Софии началась вечером 28 мая 1453 г. и продолжалась всю ночь. Когда на следующий день в храм, выломав двери, ворвались янычары, священник с чашей в руках чудесным образом скрылся в столбе в северо-западном углу здания» (с. 220)).

Параграф 4.3 «Культура эпохи Возрождения» начинается с пространной справки об истории понятия «Возрождение» (с. 224–225), которая, судя по ее содержанию и оформлению (сохранен даже знак ударения в слове «Возрождение»), также без должного редактирования перенесена в текст учебника со страниц не упомянутой в ссылке сетевой энциклопедии.

Странно было бы ожидать от учебника, по определению транслирующего «обкатанные», проверенные и подтвержденные данные, полностью авторского и новаторского содержания; естественно, значительная часть его текста, особенно касающаяся описания памятников культуры, заимствуется из хрестоматий, каталогов и тому подобных справочных изданий. Собственно, еще и поэтому справочный аппарат учебников и учебных пособий не столь подробен, как в научной монографии. Но в данном издании заимствования, пусть и снабженные ссылками на источник публикации (хотя эти ссылки, цитаты и выдержки рассыпаны по тексту в количестве, превышающем разумное), даже не всегда отредактированы.

В тех случаях, когда авторы самостоятельно комментируют вставленные фрагменты текста, результаты этого авторского творчества заметны невооруженным глазом. Довольно гладкий текст обрывается, например, вот таким суждением: «Л. Н. Гумилёв выводит закономерность, из которой вытекает то, что естественный прогресс человечества сам может представлять угрозу для сохранения культурного наследия. И подтверждения тому можно найти в современном мире. Яркий пример — уничтожение талибами Бамианских статуй Будды в Афганистане (sic! — А. Б.)» (с. 41). Либо у авторов учебника какое-то свое, специфическое понимание категории «прогресс», либо специфическое же, авторское, представление о логике. С каких пор талибов, словом и делом восстанавливающих архаичные общественные отношения эпохи шариата, можно называть новой культурной общностью, а разрушение ими памятников — примером естественного прогресса человечества?

Подраздел 6.5 «Цифровое культурное наследие», несмотря на крайне невеликий его объем (с. 349–357), обещает быть довольно любопытным. Ожидания читателя, впрочем, здесь будут обмануты. Три из восьми страниц параграфа представляют собой обширные цитаты из Доклада генерального директора ЮНЕСКО К. Мацуура, пресс-релизов этой же организации и из Хартии о сохранении цифрового наследия. Причем, возможно, это и мелочь, — но в тексте параграфа учебника отсутствует даже определение — что такое цифровое культурное наследие. Всё ли это, что представлено в виде информации на жестких дисках компьютеров? Есть ли какие-то специфические, созданные и существующие в сети Интернет, культурные формы и какие? Какая ведется работа по оцифровке и сохранению в цифровой форме информации о памятниках материальной и нематериальной культуры докомпьютерной эпохи? Каким образом преобразуется в пространстве Интернет прежняя «бумажная» система публикации периодических изданий и книг, практика взаимодействия автора

с читателем? В каких цифровых проектах, объектах, базах данных, библиотеках и каталогах можно видеть образцы такой работы? Как представлено в сети Интернет культурное наследие России, стран Европы, Азии, Америки, Африки? Какие существуют способы сохранения информации в сети, с учетом хотя бы той же проблемы ссылок на исчезающие и изменяющиеся веб-публикации, аннулируемые сайты и блокируемые распоряжением Роскомнадзора серверы? Как решается проблема авторства и авторского права, проблема оригинальности текста в условиях, когда сколь угодно большой объем текста любой степени сложности может быть воспроизведен простым действием «Сору — Past»? Полстраницы, посвященные перечислению методов сохранения объектов цифрового наследия, — пожалуй, наиболее содержательная часть параграфа.

Впрочем, нельзя не отметить высокую политическую сознательность авторов учебника, поместивших в параграф 6.3 «Памятники всемирного наследия второй половины XX века» очень уместное и злободневное для тематики параграфа замечание: «В современной политической жизни актуализировались процессы реабилитации нацизма, героизации нацистских преступников и их пособников. Наряду с принижением роли победы советского народа во Второй мировой войне всё это приводит к девальвации исторического наследия» (с. 338). Будем надеяться на то, что читатели данного учебника такой девальвации не допустят.

Аннотации

Абеленцева О. А. Описания вотчины Успенского Тихвинского монастыря в Николаевском Шунгском погосте Обонежской пятины Новгородского уезда в первой четверти XVII в.

Вотчины Успенского Тихвинского монастыря в Нагорной половине Обонежской пятины Новгородского уезда были разорены в Смутное время. Монастырь пережил осаду и был пожалован новой вотчиной в Заонежье — Николаевским Шунгским погостом. В статье дан обзор писцовых материалов по Шунгскому погосту за первую четверть XVII в. Рассмотрены обстоятельства их составления, использование приправочных книг и особенности формуляров описаний. Дана предварительная оценка изменений основных показателей по итогам описаний: количества обрабатываемой и запустевшей пахотной земли, численности населения, величины податного оклада.

Ключевые слова: писцовые и дозорные книги, землевладение, Новгородский уезд, Заонежье, Успенский Тихвинский монастырь, вотчины.

Андреева Т. В., Жуковская Т. Н., Ильин П. В., Боленко К. Г. Всероссийская научная конференция «Александр I. Трагедия реформатора: люди в судьбах реформ, реформы в судьбах людей»

В статье дан подробный обзор научных докладов, состоявшихся в рамках всероссийской научной конференции «Александр I. Трагедия реформатора: люди в судьбах реформ, реформы в судьбах людей». Конференция состоялась 15–16 сентября 2015 г. в стенах Санкт-Петербургского института истории РАН и собрала более 70 ведущих исследователей, занимающихся эпохой императора

Александра I, российской внутренней и внешней политикой 1-й четверти XIX в. Прошедшая конференция — первый в истории современной России большой научный форум, посвященный всестороннему обсуждению преобразовательной политики императора Александра I. В публикуемой хронике дается основное содержание практически всех представленных докладов, а также раскрываются цели и задачи, актуальность, важность и значение прошедшего научного форума, подводятся его важнейшие итоги.

Ключевые слова: Александр I, реформы, конференция, история России, Санкт-Петербургский институт истории РАН.

Базанов П. Н. Русский эмигрант Н. И. Ульянов — сотрудник Института истории АН СССР

Комплексное исследование жизни и деятельности представителя второй эмиграции, профессора Николая Ивановича Ульянова. Н. И. Ульянов — известный историк русской эмиграции, последний ученик академика С. Ф. Платонова, теоретик философии истории, считается признанным специалистом в национальном вопросе и феномене сепаратизма в России. Он автор первой научной монографии «Происхождение украинского сепаратизма». Статья основана на ранее неизвестных документах из Центрального городского архива Санкт-Петербурга, отдела рукописей Российской национальной библиотеки, петербургского филиала Архива РАН, архив УФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области и др. Впервые подобно описывается период жизни Н. И. Ульянова, связанный с Академией наук СССР. Особое внимание обращено на учителей и коллег Н. И. Ульянова — сотрудников Академии наук и института истории университета. Выявлены редкие мемуарные материалы эмигранта о деятельности Академии наук в 1920–1930-х гг. Воспоминания проверены по вновь найденным документам. Особое значение имеют сведения о сотрудниках института (С. Ф. Платонов, С. Н. Валк, Б. Д. Греков, М. В. Левченко и др.). Также определен интерес представляет и информация из следственного дела Н. И. Ульянова, показания С. Г. Томсинского, Г. С. Зайделя и др.

Ключевые слова: Николай Иванович Ульянов, Санкт-Петербургский институт истории РАН, С. Ф. Платонов, история, вторая эмиграция.

Баринов И. И. Феномен «Ост» в политической философии национал-социализма

Статья рассматривает комплекс представлений о «Востоке» («Осте») как одном из важных элементов для самоидентификации немцев в политической философии национал-социализма. Важно отметить, что в указанном дискурсе

«Ост» включал в себя не только и не столько географические, сколько ментальные и антропологические характеристики, призванные разграничить «своих» и «чужих». Подобное наполнение понятия «Восток» в целом было характерно для германской консервативной традиции, однако во времена нацизма оно было развито до уровня стержневой мировоззренческой и онтологической категории. В рамках «Оста» слились воедино этноцентричный миф о «нехватке пространства» для развития «немецкого народа» и пространственный топос, призванный сплотить его и задать вектор для дальнейшего развития. В годы Второй мировой войны нацистская пропаганда активно использовала образ «Востока» как для объяснения репрессивных практик Третьего рейха в Восточной Европе, так и для оправдания их исполнителей.

Ключевые слова: Германия, «Ост», «остмарк», пограничье, Восточная Европа, философия пространства, национал-социализм.

Богомолов А. И. Рецензия на книгу: Всемирное культурное наследие: Учебник / Под ред. Н. М. Боголюбовой, В. И. Фокина; СПбГУ. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2015. 368 с.

Рецензия на учебник по культурологии, предназначенный для студентов бакалавриата, обучающихся по направлению «Международные отношения». Рассматриваются вопросы, связанные с теоретическим пониманием и практикой охраны всемирного культурного наследия.

Ключевые слова: культурология, учебник, бакалавриат, Санкт-Петербургский государственный университет.

Gierowska-Kałuża J. The case of Vilnius. The case of Klaipėda. Excerpts from Polish/Lithuanian relations.

В 1918–1923 гг. на ранее входивших в Великое княжество Литовское землях дважды был приведен в действие механизм, имеющий целью земельные приобретения для своих государств — Вильнюса (поляки) и Клайпеды (литовцы). Ю. Пилсудский в воззвании к жителям бывшего Великого княжества Литовского (22.04.1919) предложил вариант самоопределения жителей этнически и культурно неоднородных земель и их центра — Вильнюса, почти половину населения которого составляли поляки. Проект общей федерации не нашел поддержки ни у евреев, которые по численности сравнивались с поляками, ни у литовцев, ни у белорусов. Нарастала внутренняя польская оппозиция

в отношении федеративного решения будущего земель бывшей Речи Посполитой. Литовско-советский договор (12.07.1920) признавал литовские права на Вильнюс. Так называемый бунт генерала Желиговского был драматичной и неудачной попыткой Ю. Пилсудского вынудить литовцев изменить их мнение в деле самоопределения жителей земель бывшего Великого княжества Литовского и достижения согласия с поляками. Литва, не вникая в генезис и цели акции Желиговского, применила схожий механизм, чтобы приобрести евангелическую Клайпеду, город и порт, на протяжении большей части своей истории принадлежавший Пруссии. Инкорпорация Клайпедского края была осуществлена постепенно. Сказалась благоприятная международная конъюнктура и моральная поддержка РСФСР. Литовскую дипломатическую операцию, имеющую цель закрепиться в Клайпедке — в надежде на желанное согласие — поддержала также польская дипломатия. 19 февраля 1923 г. литовская армия официально вступила в Клайпедский край, а бывший командир повстанцев принял обязанности Высокого Комиссара. Одним из первых его шагов была высылка польской делегации.

Ключевые слова: Вильнюс, Клайпеда, Польша, Литва, Россия, Пилсудский, федерация.

Дмитриева З. В. Александр Ильич Копанев как археограф

Александр Ильич Копанев — известный археограф, трудами которого подготовлено к печати более 20 фундаментальных изданий. Его становление как публикатора исторических источников проходило в Ленинградском отделении Института истории Академии наук, где в конце 1940-х — 1950-х гг. выдающиеся историки-археографы Р. Б. Мюллер, В. Г. Гейман, Н. А. Казакова, Б. Д. Греков, С. Н. Валк, Л. В. Черепнин, И. И. Смирнов готовили к изданию древнейшие акты и законодательные памятники («Правда Русская», «Грамоты Великого Новгорода и Пскова», «Судебники XV–XVI веков»). Участие в этих коллективных работах сформировало историка Александра Ильича Копанева как археографа, подготовившего разные по видам и принципам издания исторические источники (акты, юридические памятники, материалы по истории крестьянства и писцового дела, нарративные памятники). Все публикации А. И. характеризуются тщательностью подготовки текста и комментариев. Многие годы он возглавлял Ленинградское отделение Археографической комиссии Академии наук.

Ключевые слова: Археографическая комиссия, историограф, законодательные акты, судебники, нарративные памятники.

Дмитриева З. В., Селин А. А. Конференция по изучению и изданию массовых источников XVI–XXI вв.

В статье читателю предложена краткая информация о конференции по изучению и изданию массовых источников XVI–XXI вв., проведенной в Санкт-Петербурге в начале июля 2015 г. В центре обсуждения были проблемы введения в научный оборот новых документальных материалов, новые методы изучения (просопография, геоинформационные системы) и определения репрезентативности и достоверности отдельных их видов.

Ключевые слова: массовая документация, писцовые книги, археография, статистические материалы, Россия, методы изучения исторической документации.

Измозик В. С. Фабрикация «покушения» на С. М. Кирова

Статья посвящена делу группы молодежи, арестованной в декабре 1931 г. по обвинению в создании «контрреволюционной организации “Независимый социальный союз”». Группу возглавлял агент ОГПУ, сообщивший также о террористических замыслах. В результате четверо юношей были дополнительно обвинены в «террористической деятельности», в том числе в подготовке покушения на С. М. Кирова. Хотя замысел не вышел за рамки разговоров, все четверо были расстреляны.

Ключевые слова: С. М. Киров, местоительство руководителей Ленинграда, охрана, организация «Независимый социальный союз», ее идеи, роль провокатора, личности обвиняемых, замысел покушения, приговор.

Кононов П. В. Монастырские слуги по приходо-расходным книгам Соловецкого монастыря XVI в.

В статье показана возможность использования материалов денежных приходо-расходных книг для изучения разных аспектов участия монастырских слуг в обеспечении существования одной из обителей Русского Севера с применением просопографического метода изучения массовых источников. В настоящей статье просопография применена для написания «деловых биографий» двух слуг Соловецкого монастыря: Логина Семенова Москвитина и Смирного Иванова, упоминаемых в приходо-расходных книгах денежных книг с 1571 по 1582 г. Сведения массовых источников дополнены актовым материалом Соловецкого монастыря XVI в. Указанные источники отразили многие аспекты деятельности слуг в монастыре. Они выступали в качестве тиунов в отдельных

волостях, собирали налоги и оброки, ездили в Москву для их внесения в государеву казну, посылались для приобретения товаров для монастыря, часто везли в Москву, Новгород и другие города значительные суммы денег, им доверялось вести переговоры с государевыми посланниками о выполнении обязательств перед государством, таким образом, можно говорить, что они были частью монастырской администрации.

Ключевые слова: приходо-расходные книги, Соловецкий монастырь, монастырские слуги, просопография, денежные вклады, монастырские люди.

Малашевская М. Н. Политика Японии на российском направлении во второй половине 1990-х гг.: инфраструктурные проекты Судзуки Мунэо (1995–2000 гг.)

Статья касается интересного и неоднозначно оцениваемого периода истории развития российско-японских отношений. В связи с этим необходимо обратить пристальное внимание на методы, к которым прибегала японская сторона в осуществлении своей политики в отношении России в 1990-х гг. Автор рассматривает такой аспект политики Японии на российском направлении, как реализация в 1995–2000 гг. инфраструктурных проектов на четырех оспариваемых Японией российских островах Курильского архипелага. Основным инициатором и идейным вдохновителем этих проектов стал скандально известный депутат нижней палаты парламента от Хоккайдо Судзуки Мунэо. Эти проекты впоследствии фигурировали в коррупционном деле, которое было возбуждено против него в 2002 г. Судзуки Мунэо, задействовав личные связи в парламенте и в правительстве Японии, смог добиться финансирования своих инициатив через правительственные фонды. Японская сторона рассматривала реализацию данных проектов в качестве механизма улучшения климата японо-российских связей на региональном уровне и возможности модернизации местной инфраструктуры в преддверии интеграции этих территорий в состав Японии. Такой вариант развития событий японское правительство считало вполне возможным, и он послужил основным мотивом для развертывания рассматриваемых проектов. Тем не менее, как показали последующие события, такой сценарий не получил продолжения.

Ключевые слова: российско-японские отношения 1990-х гг., Судзуки Мунэо, японские дизельные электростанции, Кунашир, Итуруп, Дом российско-японской дружбы.

Мещерская Е. Н. Возрождение. Академик И. Ю. Крачковский и христианский Восток

Статья написана в связи с выходом книги И. Ю. Крачковского «Труды по истории и филологии христианского Востока», которая была подготовлена и издана коллективом петербургских арабистов во главе с А. А. Долининой и С. А. Французовым. Книга дает представление о практически неизвестном ранее исследовательском направлении работы академика И. Ю. Крачковского (1883–1951) — изучении христианского Востока. В ней публикуются хранившиеся в архиве статьи, рецензии и заметки ученого, собраны и переиздаются его работы, вышедшие в прежние годы в малотиражных изданиях и сейчас недоступные широкому кругу читателей. Автор статьи обращает внимание на наиболее значимые публикации, в частности на исследовательские комментарии и переводы известных на других языках христианского мира апокрифических сочинений «Евангелие детства» и «История Иосифа плотника», которые впервые представлены здесь в переводе с языка оригинала. Автор статьи делает ряд дополнений, основанных на современном состоянии рассмотрения этих текстов, и намечает некоторые перспективы разработки темы «И. Ю. Крачковский и христианский Восток».

Ключевые слова: постбиблейская литература, апокрифы, арабо-христианская литература, эфиопская литература, рукописи, источник, трансформация текста, христианский Восток, научное наследие, архивные материалы.

Орав В. А. «Итоги финансовой деятельности... крайне неудовлетворительны»: Докладная записка о финансовом положении колхозов Ленинградской области (1949 г.)

История крестьянства в СССР принадлежит к числу тем, изученных относительно хорошо. Большинство исследователей сходится на том, что колхозная система являлась средством для неэквивалентного обмена и внеэкономического принуждения. Тем не менее, эта система работала с низкой степенью эффективности и изъятие продукции сельского хозяйства производилось не в том объеме, в котором это было желательно для государства. Публикуемый документ — докладная записка представителя Совета по делам колхозов по Ленинградской области В. Васильева председателю Совета по делам колхозов при Совете Министров СССР А. А. Андрееву. В ней нашли отражение разнообразные способы ухода от государственного обложения. В записке были затронуты такие проблемы, как итоги финансовой деятельности колхозов за 1948 г., составление и исполнение приходо-расходных смет, контрольно-ревизионная деятельность и т.д. Автор записки пришел к выводу, что состояние финансовой

деятельности в колхозах Ленинградской области было «крайне неудовлетворительным». Денежные доходы колхозов с течением времени уменьшались, приходо-расходные сметы не составлялись, хозяйство, несмотря на все усилия властей, было развито слабо. Характерно, что автор не сделал каких-либо предложений по действенной борьбе с выявленными нарушениями.

Ключевые слова: коллективное хозяйство, Ленинградская область, Совет по делам колхозов, А. А. Андреев, финансовая деятельность, приходо-расходная смета, растрата, дебиторская задолженность, ревизионная комиссия, общественное питание, заработок на стороне, покупка водки для скота.

Пеганов А. О. Пропаганда или тайная дипломатия? Идея заключения Венгрией сепаратного мира с Антантой в начале Первой мировой войны (осень 1914 — лето 1915 г.)

Данная статья впервые разрабатывает проблему венгерских сценариев заключения сепаратного мира, анализируя ее зарождение в первый год Великой войны. Статья указывает, что паритетный статус Венгерского королевства внутри Дуалистической монархии и существование сильных индпендистских тенденций в Будапеште сыграли роль предпосылок идеи сепаратного соглашения с Антантой. При этом пребывание российских войск на границах Венгрии осенью 1914 — весной 1915 г. послужило катализатором пацифистских настроений в Будапеште. Согласно мнению премьера И. Тисы, империя Габсбургов должна была надавить на Германию, чтобы быстрее совместно завершить войну с членами Антанты компромиссным путем. В отличие от Тисы, парламентская оппозиция (особенно из числа «партии независимости») предлагала отделить Венгрию от Австрии, после чего королевство могло заключить сепаратный мир. Главное условие соглашения с блоком Тройственного согласия как для Тисы, так и для оппозиции сводилось к сохранению территориальной целостности Венгрии. Вместе с тем двукратные предложения мажарских эмиссаров (в январе и мае 1915 г.) Антанте обсудить заключение сепаратного мира с Венгрией не были приняты. В итоге на фоне отказа Антанты гарантировать Будапешту неприкосновенность его провинций и военных успехов Центрального блока против России, Сербии и вступившей в войну 23 мая 1915 г. Италии, идея сепаратного мира между Венгрией и Антантой была отеснена летом 1915 г. на задний план.

Ключевые слова: Первая мировая война, сепаратный мир, Австро-Венгрия, Центральный блок, Антанта, Иштван Тиса, Михай Каройи, Трианонский мир, независимость, оппозиция, сепаратизм, международные отношения, цели войны.

Пермякова А. Н. Записка графа Петра Толстого о ссылке в Соловецкий монастырь

Данная статья сопровождается публикацией уникального для характеристики политических процессов XVIII в. источника личного происхождения — записки графа Петра Андреевича Толстого с распоряжениями по поводу ссылки его в Соловецкий монастырь. Оригинал документа хранится в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА). Текст писан скорописью, очень неразборчиво, почерк размашистый, некоторые буквы имеют нехарактерное написание. Есть основания предполагать, что П. А. Толстой писал «записку» собственноручно. Документ ранее не публиковался. Имеется только обширная цитата «записки» дореволюционным историком Н. П. Павловым-Сильванским. Документ не имеет даты. Основанием для датировки может служить содержание «записки». Документ написан не ранее 6 мая 1727 г. и датирован в соответствии с указом Екатерины I о ссылке графа Толстого в Соловецкий монастырь. «Записка» адресована племяннику графа, Борису Ивановичу Толстому. П. А. Толстой извещает родственника о постигшей его опале и просит оказать ему помощь в приготовлениях к отъезду в монастырь. Для знатного вельможи, сподвижника Петра Великого, члена совета верховников и главы Тайной канцелярии определенное указом место заключения станет могилой.

Ключевые слова: Россия, XVIII в., дворцовые перевороты, Петр I, Екатерина I, П. А. Толстой, И. П. Толстой, Б. И. Толстой, опала, ссылка, источники личного происхождения, Соловецкий монастырь.

Седов П. В. К истории ранней биографии «генералиссимуса» Алексея Семеновича Шеина

Статья посвящена первым тридцати годам жизни Алексея Семеновича Шеина (1652–1700), которого принято считать первым русским генералиссимусом. С привлечением новых архивных данных автор уточняет обстоятельства начала придворной службы и жизни А. С. Шеина. Служба в царской комнате сформировала из будущего генералиссимуса ловкого придворного, которому удалось удержаться в царском окружении при смене противоборствующих придворных группировок Милославских и Нарышкиных. По мнению автора, биография А. С. Шеина соединяет собой допетровскую Россию с эпохой Петра и тем самым служит аргументом в пользу неразрывной связи петровского поворота с предшествовавшим развитием страны.

Ключевые слова: генералиссимус А. С. Шеин, Россия второй половины XVII в., придворная история, Петр I.

Стрельников С. В. К вопросу о дублетности информации о вкладах в монастырской документации

В статье рассматривается проблема дублетности информации о вкладах в монастырской документации Тихвинского Большого Успенского монастыря. Установлено, что большинство записей о вкладах из вкладной книги 1653–1664 гг. были отражены в приходо-расходных книгах Тихвинского монастыря. Записи во вкладной и приходной книгах могли дублироваться, однако оба источника составлялись на основе столбцовых записей, являвшихся первичными источниками при составлении как вкладных книг, так и приходо-расходных. Автору удалось выявить одну из таких «столбовых книг», которая являлась первичным документом и служила черновиком при составлении вкладной и приходо-расходной книг.

Ключевые слова: история, вкладные книги, приходо-расходные книги, источниковедение, Средневековая Русь, Тихвинский монастырь.

Таммела М.-Л. Коммунисты в обмене заключенными между Эстонской Республикой и Советской Россией в 1921–1923 гг.

Обмен заключенными между Эстонской Республикой и РСФСР был регламентирован Тартуским мирным договором. В период между 1921 и 1923 гг. был произведен обмен 126 эстонских коммунистов и 130 эстонских граждан. В статье исследуются вопросы правовой подготовки обменов и мотивации обеих сторон, а также технические аспекты обмена. Следует учитывать, что оба государства старались поддерживать и развивать дипломатические отношения. Большинство переданных советской стороне лиц были членами Эстонской или Российской компартии и были осуждены по обвинению в шпионаже или нелегальной коммунистической деятельности в Эстонии в начале 1920-х гг. Подавляющее большинство являлись гражданами Эстонии, но для того чтобы быть включенными в списки тех, кто подлежал обмену, они должны были получить гражданство Советской России.

Ключевые слова: Эстония, РСФСР, коммунистическая партия, политзаключенные, шпионаж, обмен.

Федотов П. В. Русские сотрудники учебных заведений Императорского Православного Палестинского общества на Ближнем Востоке. Двенадцать писем (1892–1914 гг.) из архива А. А. Дмитриевского в ОР РНБ

В публикации представлены документы, освещающие деятельность Императорского Православного Палестинского общества (ИППО), осуществившего масштабные гуманитарные проекты на Ближнем Востоке в конце XIX — начале XX в. Организация создавалась для поддержки русских православных паломников в Палестине. Со временем основной деятельностью ИППО стало развитие системы учебных заведений в Палестине, Сирии и Ливане для православных арабов. Местные арабские учителя составляли значительную часть школьного персонала, однако руководство и надзор за школами осуществляли учителя и инспектора из России. Управление учебными заведениями стало для ИППО важной и сложной задачей. Для настоящей публикации были отобраны двенадцать писем 1892–1914 гг. из архива А. А. Дмитриевского в ОР РНБ, посвященных деятельности русских учителей Палестинского общества на Ближнем Востоке. В письмах затрагиваются различные вопросы, касающиеся функционирования учебных заведений ИППО на Ближнем Востоке: взаимоотношения учителей, кадровая политика, изучение русскими сотрудниками арабского языка, участие арабского персонала в управлении школами, прием сотрудников на работу в школы, описание проблем, с которыми сталкивались сотрудники школ. Данные материалы ранее не публиковались.

Ключевые слова: Императорское Православное Палестинское общество (ИППО), Ближний Восток, православие, христианство, образование, благотворительность.

Швейковская Е. Н. Александр Ильич Копанев (1915–1990): Служение истории

Статья посвящена памяти выдающегося российского историка и источниковеда, археографа, знатока рукописной и старопечатной книги А. И. Копанева (1915–1990). Его научные интересы простирались в сфере государственного законодательства XVI–XVII вв., социально-экономических и демографических процессов того же времени. Главный предмет исследований ученого составляли дискуссионные вопросы о социальной природе северной волости и сущности землевладения черносошных крестьян в XVI–XVII вв. Он твердо отстаивал точку зрения на черносошных крестьян как непривилегированных собственников принадлежавших им земель при номинальной власти государя. Анализ источников, включая впервые им публикуемые и вводимые в науку, обеспечили

проникновение в толщу повседневной деревенской и волостной жизни крестьян черносошного Севера XVI–XVII вв.

Ключевые слова: черносошные крестьяне, северная волость, крестьянские поземельные акты, книги: писцовые (сотные с них), оценные, веревные, разрубные, платежные.

Abstracts

Abelentseva O. A. The descriptions of land estate (*votchina*) of the Tikhvin Assumption monastery in Nikolaevskiy Shungskiy *pogost* of Obonezhskaya *pyatina* of Novgorod *uezd* in the first quarter of the 17th century

The land estates (*votchina*) of the Tikhvin Assumption Monastery in Nagornyi half (*polovina*) of Obonezhskaya *pyatina* of Novgorod *uezd* were destroyed over the Time of Troubles. The monastery endured the siege, and later it was granted a new land estate in Zaonezh'e — Nikolaevskiy Shungskiy *pogost*. The present article provides an overview of the documentary materials on the scribal descriptions (*pistsovoe opisanie*) conducted in Shungskiy *pogost* in first quarter of the 17th century. The scholar examines the circumstances of their composing, use of summary reference books (*pripravochnye knigi*), as well as peculiarities of forms (census-paper) developed for the descriptions. The article presents the reader with preliminary assessment of changes in major indicators according to the descriptions' results: amounts of arable cultivated lands and wastelands, number of population and size of direct taxes.

Key words: scribal (*pistsovye*) and patrol (*dozornye*) books, Novgorod *uyezd*, Zaonezh'e, Nikolaevskiy Shungskiy *pogost*, Tikhvin Assumption Monastery, land estates.

Andreeva T. V., Zhukovskaya T. N., Ilyin P. V., Bolenko K. G. Conference «Alexander I. The Tragedy of the Reformer: The people in the fate of the reforms, reforms in the fate of people»

The article is detailed review of scientific reports, held in the framework of all-Russian scientific conference «Alexander I. The tragedy of the reformer: the people in the fate of the reforms, reforms in the fate of the people». The conference took place on 15–16 September 2015 in the St Petersburg Institute of History of the Russian

Academy of Sciences and attracted over 70 leading researchers in the era of Emperor Alexander I, Russia's domestic and foreign policy of the 1st quarter of 19th century. The conference is the first in the history of modern Russia, a large scientific forum dedicated to a comprehensive discussion of the transformational policy of the Emperor Alexander I. Published in the chronicle given the basic content of almost all of the reports presented, and discloses the goals and objectives, the relevance, the importance and the value of past scientific forum, summarizes its major results.

Key words: Alexander I, reforms, conference, Russian history, St Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences.

Barinov I. I. The Phenomenon of «Ost» in the Nazi political philosophy

The article deals with the representations of «East» («Ost») as important elements of self-identification for the Germans in the political philosophy of National Socialism. It is necessary to underline that within this discourse the phenomenon of «Ost» includes not only and not so much geographical as mental and anthropological characteristics, intended to separate «the Alien». Such perception of the East was typical for the German conservative tradition overall. However, during the Nazi era it was developed to the ideological and ontological category. The ethnocentric myth of the «Volk ohne Raum» and the space topos created to consolidate the German people within one mainstream became two parts of the East concept. During the World War II Nazi propaganda actively used the issues connected with «Ost» to explain the repressive practices of the Third Reich in Eastern Europe as well as to justify its executors.

Key words: Germany, Ost, Ostmark, frontier, Eastern Europe, space philosophy.

Bazanov P. N. Russian emigrant N. I. Ulianov as an employee of the Institute of History of the Academy of Sciences of the USSR

The article represents comprehensive study of the life and activities of the representative of the second-wave émigré, Professor Nikolai Ivanovich Ulianov. N. I. Ulianov, a well-known historian of the Russian emigration, the last student of Academician S. F. Platonov, a theoretician of the philosophy of history, is a recognized expert on the national question and the phenomenon of separatism in Russia. He is the author of the first scientific monograph «The Origin of Ukrainian separatism». The article is based on previously unknown documents from the central city archives of St Petersburg, the department of manuscripts of the National Library of Russia, St Petersburg branch of the RAS archive; archive of the FSB in St Petersburg and the Leningrad region and others. For the first time the author sheds light on a period of N. I. Ulianov's life associated with the Academy of Sciences of

the USSR. Particular attention is paid to teachers and colleagues of N. I. Ulianov, employees of the Academy of Sciences and the Institute of History of the University. Rare memoir materials about the activities of the emigrant Academy of Sciences in 1920–1930's are identified. Memories have been verified by newly discovered documents. The scholar claims that data on the staff of the Institute (S. F. Platonov, S. N. Valk, B. D. Grekov, M. V. Levchenko and others) are of particular importance. The information from the investigation file of N. I. Ulianov, indications of S. G. Tom-sinskii, G. S. Seidel and others are also of specific interest.

Key words: Nikolai Ulianov, St Petersburg Institute of History of the RAS, S. F. Platonov, the history, the second-wave émigré.

Dmitrieva Z. V. Alexander Kopanev as archeographer

Alexander Ilyich Kopanev is a prominent archeographer, who applied much effort to revise and prepare for publication over 20 fundamental research books. His reputation as a publisher of historical sources was established at the Leningrad Branch of the Institute of History of the Academy of Sciences, where in the 1940s – 1950s such well-known historians and archeographers as R. B. Muller, V. G. Geiman, N. A. Kazakova, B. D. Grekov, S. N. Valk, L. V. Cherepnin, I. I. Smirnov were preparing ancient legal acts and manuscripts for publication (the law code *Pravda Russkaya*, Charters of Novgorod the Great and Pskov, *Sudebniki* of the 15th–16th centuries). In the course of this team work Alexander Ilyich Kopanev shaped his reputation as archeographer, who successfully prepared for publication materials from all kinds of historical sources based on different ideas and principles (including acts, juridical documents, materials on the history of peasantry and scribes' work, as well as narrative manuscripts). All Kopanev's publications are characterized by elaborately prepared texts and commentary. For many years he was in charge of Leningrad Branch of the Archaeography Committee of the Academy of Sciences.

Key words: Archaeography Committee, historiographer, acts of law, *Sudebniki*, narrative documents.

Dmitrieva Z. V., Selin A. A. Conference on Study and Publishing Big Data of 16–21th centuries

The article include current information on the Conference hold in July 2015 «Studying and publication of Record books and other big-data sources of 16–21th centuries». The most important issues were: new data publishing; new methods of historical big-data studies (prosopography and GIS). Studying representation and equality of some special types of sources

Key words: big data in history, record books, archaeography, statistic data, Russia, methods of historical documents study.

Fedotov P. V. Russian educational staff of the Imperial Orthodox Palestine Society in the Middle East. Twelve letters (1892–1914) from the archive of A. A. Dmitrievsky from the National Library of Russia (NLR)

The publication presents the documents showing the activities of the Imperial Orthodox Palestine Society (IOPS) – Russian charitable organization which carried out significant humanitarian projects in the Middle East in the late 19th – early 20th centuries. The organization was created primarily to support the Russian Orthodox pilgrims in Palestine. However, over time, the basic of IOPS activity became the development of education system in Palestine, Syria and Lebanon for the Orthodox Arabs. The staff of educational institutions of IOPS was in dozens of towns and villages of the Middle East. Local Arabic teachers made up most of the school staff, teachers, while school inspectors from Russia oversaw the schools. Managing educational institutions became a very important and challenging task for IOPS. Twelve letters dated 1892–1914 from the archive of A. A. Dmitrievsky kept in The Manuscripts Department of the NLR were selected for this publication. These letters are devoted to the work of Russian teachers in the Middle East. People who occupied positions at various levels of the Palestine society – Secretary of IOPS, chairman of the Department of Support of Orthodoxy in the Holy Land, school inspectors, teachers, in addition a job applicant are represented among the authors. The letters covered various issues of functioning of IOPS educational institutions in the Middle East: the relationship between teachers, personnel policy, studying by Russian staff the Arabic language, Arab participation in school management, enrolment of staff to schools, description of school staff problems. These materials have not been previously published.

Key words: Imperial Orthodox Palestine Society (IOPS), the Middle East, Orthodox Church, Christianity, education, charity.

Gierowska-Kałaaur J. The case of Vilnius. The case of Klaipėda. Excerpts from Polish/Lithuanian Relations

In the years 1918–1923, the territories of the former Grand Duchy of Lithuania saw how the same course of action was taken twice, first by Poles, then by Lithuanians, in order to claim the regions of, respectively, Vilnius and Klaipėda for themselves. In his Proclamation to the Inhabitants of the Former Grand Duchy of Lithuania (22 April 1919), J. Piłsudski suggested that ethnically, culturally and nationally heterogeneous population of this area and its capital, Vilnius – almost half of the population of which at the time were Poles, and which was home to numerous Polish cultural monuments – should undergo self-determination. The idea of federa-

tion failed to gain acclaim by both the Jewish population, whose number in Vilnius was comparable to that of Poles, and by Lithuanians and Belarusians. The federalist program for the lands of the former Polish-Lithuanian Commonwealth also faced increasing internal opposition in Poland. The Lithuanian-Russian treaty (12 July 1920) attributed Vilnius to Lithuania in exchange for a breach of neutrality during Soviet military operations against Poland. The so-called Żeligowski's Mutiny was a dramatic and unsuccessful attempt on the part of J. Piłsudski to force the Lithuanians to change their stance on self-determination of the inhabitants of the former Grand Duchy of Lithuania and seek consensus with the Poles. In spite of condemning Żeligowski's operation, the Lithuanians applied later the very same course of action with the aim of seizing the Evangelical-dominated Klaipėda, a city and port that belonged to Prussia for most of its history. The incorporation of the Klaipėda Region formed under the Treaty of Versailles was carried out gradually. The favorable political situation in Europe and moral support of the Soviets were not without significance. The Lithuanian diplomatic operation aimed at taking over Klaipėda was supported, in the hope of reaching the desired consensus, by the Polish diplomacy. On 19 February 1923, the Lithuanian army officially entered the Klaipėda Region. One of the first decisions made by the Lithuanian side was the expulsion of the Polish delegation.

Key words: Vilnius, Klaipėda, Poland, Lithuania, Russia, J. Piłsudski, Federation.

Ismosik V. S. Fabrication of «attempts» at S. M. Kirov

The article examines the case of the youth arrested in December 1931 on charges of creating a «counter-revolutionary organization Independent Social Union». An agent of the OGPU, reporting on terrorist plans, led the group. As a result, four young men were additionally charged with «terrorist activities», including plotting the assassination of S. M. Kirov. Although the plan has not gone beyond talking, all four of them were shot.

Key words: S. M. Kirov, the residence of the leaders of Leningrad, security, organization «Independent Social Union», its ideas, the role of provocateur, the personality of the accused, the thought of assassination, the verdict.

Kononov P. V. Monastery servants in account-books of the Solovetsky monastery of the 16th century

The article shows the possibility of application of materials from account-books in the study of various aspects of the monastery servants' contribution to maintenance of one of the cloisters of the Russian North with prosopographic method of mass sources study. In this article, prosopography is used to write «business biographies» of two servants of the Solovetsky Monastery: Login Semenov Moskvitin and

Smirni Ivanov referred to in the account-books from 1571 till 1582. Data sources are supplemented by material of formal notes of Solovetsky Monastery of the 16th century. These sources reflected many aspects of the activities of the servants in the monastery. They acted as tiuns in some parishes, collected taxes and dues, convoyed this money to Moscow to the sovereign's treasury, they were sent to purchase goods for the monastery, often brought to Moscow, Novgorod and other cities large sums of money. The author claims that they were entrusted to negotiate with the sovereign's envoys about the fulfillment of obligations to the state and comes to a conclusion that they were part of the monastery administration.

Key words: account-book, Solovetsky monastery, the monastery servants, prosopographic study, cash deposits, monastic servants.

Malashevskaya M. N. Japan policy towards Russia in the second part of 1990s: infrastructural projects of Suzuki Muneo (1995–2000)

The multivalued period of Russia-Japan relations in 1990s is reviewed in the article. The infrastructure projects on Kuril Islands in 1995–2000 were one of the most interesting and new aspects of Japanese government policymaking toward Russia and Russian Far Eastern territories. These projects were conducted under ideas and proposals of the well-known on corruption scandal Lower House deputy Suzuki Muneo who was elected from Hokkaido — the nearest to Russia point on the Japanese archipelago. He initiated several infrastructure projects for southern Kuril Islands (Kunashir, Iturup, Shikotan) in the period of 1995–2000. He is known as a member of the most powerful in that time fraction of the Liberal-Democratic Party. Thereupon he had a possibility to carry out these projects using his informal ties in the party and in the government. Structuring of the social objects such as medical centers and schools and building of diesel power stations on Kunashir, Iturup, Shikotan was financed by Japanese government foundations. The main goal of the Suzuki Muneo activity was not the altruism, but a practical aim to make the atmosphere of regional ties on human level friendlier and to provide the best infrastructural conditions on these territories. That was based on the strong conviction among some politicians of forthcoming integration of Russian territories into Japan. However, this scenario was not realized. Anyway, the fact of conducting of these projects became a new path of the Japanese policymaking toward Russia.

Key words: Russia-Japan relations in 1990's, Suzuki Muneo, Japanese diesel power stations on Kunashir, Iturup, Shikotan, Muneo-House, The house of Russia-Japan friendship.

Mescherskaya E. N. Renaissance. Academician I. J. Krachkovskij and the Christian Orient

The article was written after the book of I. J. Krachkovskij «Works on the history and philology of the Christian Orient» had appeared. It was prepared and published by St Petersburg Arabists headed by A. A. Dolinina and S. A. Frantsuzov. The book introduces the little-known research direction of Academician I. J. Krachkovskij (1883–1951) — the study of the Christian Orient. It includes articles, reviews and notes of the scholar stored in the archive, the compilers collected and reprinted his works previously published in small-circulation editions or written for the journals which are not available to a wider audience. The author of the article draws attention to the most significant publications, in particular, comments and translations of well-known apocryphal texts: «Infancy Gospel» and «History of Joseph the carpenter», which are first presented in this book in translation from the original language. The author supplements this book with new details based on the present state of consideration of these texts, and outlines some perspectives for the development of the theme «I. J. Krachkovskij and the Christian Orient».

Key words: postbiblical literature, apocrypha, arabo-christian literature, manuscripts, source, texts transformation, the Christian Orient, scientific heritage, archives.

Orav V. A. «Results of financial activity are... very unsatisfactory»: A memorandum about financial status of Leningrad region collective farms in 1949

The history of peasantry in the USSR is relatively good scrutinized subject. According to the opinion of the majority of scholars, the system of collective farms was a tool for unbalanced exchange and noneconomic coercion. However the Party and state institutions obliged to control the financial discipline did not do it properly. The published document is a memorandum of the Plenipotentiary of governmental Council for *kolkhoz's* affairs V. Vasiliev to the head of Council for *kolkhoz's* affairs Andrey Andreev. This record contains varied facts about state requisitions avoidance methods. The methods are both relatively well known and poorly known. Vasiliev characterized results of *kolkhozes'* financial activity in 1948, credit and debit estimates' composition and execution, audit activity and so on. The author of the record concluded that financial activity status of *kolkhozes* was «very unsatisfactory». *Kolkhoz's* money incomes decreased, credit and debit estimates were not composed, *kolkhoz's* economy was poorly developed despite power's efforts. Significantly, the author did not move proposals for effective fight with the revealed violations.

Key words: collective farm, Leningrad region, Council for *kolkhoz's* affairs at the USSR Government, A. A. Andreev, financial activity, credit and debit estimate, waste, bills receivable, inspection commission, public catering, earnings from the side, purchasing vodka for livestock.

**Peganov A. O. Propaganda or secret diplomacy?
The idea of signing by Hungary a separate peace treaty
with the Entente in the First World War
(autumn 1914 – summer 1915)**

The article deals with the problem of the Hungarian scenarios of the conclusion of a separate peace, by analyzing its emergence in the first year of the Great War. The parity status of the Hungarian Kingdom within the Dual monarchy and the existence of strong independency trends in Budapest played the role of prerequisites for the idea of a separate agreement with the Entente. Thus, the presence of Russian troops on the borders of Hungary in autumn 1914 – spring 1915 was the catalyst for the pacifist sentiment in Budapest. According to the opinion of the Prime Minister I. Tisza, the Empire of the Habsburgs had to put pressure on Germany, in order to quickly work together to end the war through compromise with the Entente. Unlike I. Tisza, the parliamentary opposition (particularly of the «independence party») proposed to separate Hungary from Austria, then, the Kingdom could sign a separate peace. The main condition of the agreement with the Triple Entente for both Tisza and the opposition was preservation of the territorial integrity of Hungary. However, two proposals Hungarian emissaries (in January and May 1915) moved to the Entente to discuss the conclusion of a separate peace with Hungary were not taken. In the end, against the background of the refusal of the Entente to Budapest to ensure the integrity of its provinces and military successes of the Central unit against Russia, Serbia and Italy, which entered the war on May 23, 1915, the idea of a separate peace between Hungary and the Entente receded into the background in the summer of 1915.

Key words: First World War, a separate peace, Austria-Hungary, the Central unit, Entente, Istvan Tisza, Mihály Károlyi, the Trianon peace, independence.

**Permiakova A. N. The note by count Peter Tolstoy
about his exile to the Solovetsky Monastery**

This article includes the publication of the personal source unique for the description of political processes of the 18th century, the note by count Peter Andreyevich Tolstoy with some orders concerning his exile to the Solovetsky Monastery induced under the decree of Catherine the First in May 1727. The original of the document is kept in the Russian State Archive of Ancient Documents. The text is hardly decipherable, written in old handwriting (*skoropis*). The handwriting is sprawling, some letters have indistinctive spelling. It is reasonable to suppose that P. A. Tolstoy wrote this «note» with his own hand. The document hasn't been published before. There is only an extensive quotation of the «note» by a prerevolutionary historian

N. P. Pavlov-Sylvansky. The document is not dated. The content of the «note» may serve as a ground for dating. Thus, the document was written not earlier than on May 6, 1727 and dated in accordance with Catherine's decree («ukase») on the exile of the count Tolstoy to the Solovetsky Monastery. The «note» is addressed to B. I. Tolstoy, the nephew of the count. In this «note» P. A. Tolstoy informs his relative about his disgrace and asks to lend him support in preparation for departure to the monastery. An outstanding nobleman, Peter the Great's supporter, a member of the Supreme Privy Council, the head of the Secret Chancellery will be doomed to perish miserably in exile.

Key words: the 18th century, Russia, palace coups, Peter I, Catherine I, P. A. Tolstoy, I. P. Tolstoy, B. I. Tolstoy, disgrace, exile, Solovetsky Monastery.

**Sedov P. V. To the history of early biography
of «generalissimo» Alexei Semenovich Shein**

The article deals with the first thirty years of biography of Aleksei Semenovich Shein (1652–1700), who is considered to be the first Russian generalissimo. The new pieces of evidence allowed the author to clarify the circumstances of the beginning of Shein's career and life at the court. The service in the tsar room formed from the future Generalissimo adroit courtier, who managed to stay in royal surroundings when warring factions of the court Miloslavskys and Naryshkins changed one another. According to the author, Shein's biography joins a pre-Petrine Russia with the era of Peter and, thus, is an argument in favor of the inseparable connection of Peter's turn with preceding development of the country.

Key words: generalissimo Alexander Shein, The Russian history in the second half of the 17th century, Court history, Peter the Great.

**Shvejkovskaja E. N. Alexandr Il'ich Kopanev (1915–1990):
the serving to history**

The article is devoted to the memory of outstanding Russian historian and historical sources' expert, archeographer, specialist in manuscripts and early printed books – A. I. Kopanev (1915–1990). His scientific interests extended over the state legislation of the 16th–17th centuries, social-economic and demographic processes of the same period. The debatable issues on social nature of northern volost', as well as nature of land ownership of peasants of big plow (chernososhnye krest'yane) in 16th–17th centuries appeared the main object of scientist's research. He expressed strongly the point of view that peasants of big plow had been unprivileged owners of lands belonged to them, along with nominal power of Sovereign over them. Analysis of sources of various types, including those which were published for the first

time and introduced to scientific circulation, provided him deep penetration into thickness of everyday life of peasants of big plow in northern village and volost' of the 16th–17th centuries.

Key words: peasants of big plow, northern volost', land ownership, peasants' land acts, books: scribal (*pistsovye*), extracts from them (*sotnye*), otsennye, verevnye, raz-rubnye, platezhnye.

Strelnikov S. V. On the issue of the duplicateness of donations records in the monastery documentation

The article considers the issue of duplicateness of the donations records in the monastery documentation kept in the *Bolshoi Uspensky* Friary (the Large Friary of Assumption) of Tikhvin. The research has proved that the majority of entries about donations in the monastery donation book (*vkładnaya kniga*) of 1653–1664 were reflected in the receipts and payment books of the Tikhvin Monastery. The entries in a donation book and in a receipts and payment book could be replicated, but both were based on the initial record kept in the form of scrolls, which served as a primary source for other documentation. The author has discovered one of such scrolls or «column books», which was a primary document and served as a draft for compiling donation books and receipts and payments books.

Key words: history, *vkładnye knigi* (monastery donation books), receipts and payments books, source studies, Medieval Russia, Tikhvin Monastery.

Tammela M.-L. Communists in prisoner exchanges between the Republic of Estonia and Soviet Russia in 1921–1923

The exchanging of prisoners between the Republic of Estonia and the Russian SFSR was regulated by Tartu Peace Treaty; six extra prisoner exchanges took place between the two countries in 1921–1923 with 126 Estonian communists sent to Russia and 130 Estonian citizens arriving to the Estonian Republic. The current article aims to put these six exchanges into a broader context, focusing firstly on wide range of questions related to the prisoner exchanges, their legal background, and the motivation of both sides as well as technical aspects of the exchanges. Sources show that the motivation and interest for these exchanges came from Soviet Russia in the hope of enabling individuals who were imprisoned in Estonia for their underground communist activity or participation in Soviet intelligence network to become free. Estonian authorities, on the other hand, were cautious; and documents show their worry about the possible future activity of the people once convicted of the actions against the state. Situation was strained by the fact that at the same time the two countries tried to maintain and develop good diplomatic relations.

Second aspect discussed in the article is the biographical side of the subject, focusing on the background of Estonian communists in exchanges. Majority of them were members of the Estonian or Russian communist party and were on trial and convicted on charges of espionage or illegal communist activity in large proceedings in Estonia during early 1920s. The vast majority of the exchanged were Estonian citizens, but in order to make their way to exchange lists they had to obtain the citizenship of Soviet Russia.

Key words: Estonia, Russia, Estonian communists, prisoner exchanges.

Сведения об авторах

Абеленцева Ольга Алексеевна, к. и. н., старший научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН.

E-mail: oaabelen@mail.ru

Андреева Татьяна Васильевна, д. и. н., ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН.

E-mail: ta-a.andreeva2014@mail.ru

Базанов Петр Николаевич, д. и. н., профессор Санкт-Петербургского государственного института культуры.

E-mail: bazanovpn@mail.ru

Баринов Игорь Игоревич, к. и. н., старший научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений Российской академии наук.

E-mail: barinovnoble@gmail.com

Богомоллов Алексей Иванович, к. и. н., научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук.

E-mail: iohannes@yandex.ru

Боленко Константин Григорьевич, к. и. н., научный сотрудник, заведующий сектором редких книг, рукописей и фотофондов Государственного музея-усадьбы «Архангельское» (Московская область).

E-mail: kbolenko2005@yandex.ru

Геровска-Каллаур Йоанна, д. и. н., Институт истории Польской академии наук (Варшава).

E-mail: j.gierowska-kallaur@uw.edu.pl

Дмитриева Зоя Васильевна, д. и. н., ведущий научный сотрудник Отдела древней истории России Санкт-Петербургского института истории РАН.

E-mail: zvdmitr@rambler.ru

Жуковская Татьяна Николаевна, к. и. н., доцент Института истории Санкт-Петербургского государственного университета.

E-mail: tzhukovskaya@yandex.ru

Измолик Владлен Семнович, д. и. н., профессор кафедры истории и регионоведения Санкт-Петербургского государственного университета телекоммуникаций им. проф. М.А. Бонч-Бруевича.

E-mail: izmozik@mail.ru

Ильин Павел Владимирович, к. и. н., научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН.

E-mail: pavil@pi9402.spb.edu

Кононов Павел Владимирович, аспирант Отдела древней истории России Санкт-Петербургского института истории РАН, преподаватель колледжа ГУМРФ им. С.О. Макарова.

E-mail: pavkon1979@bk.ru

Малашевская Мария Николаевна, ассистент кафедры теории общественного развития стран Азии и Африки Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

E-mail: m.malashhevskaya@spbu.ru, malashhevskaya@gmail.com

Массов Александр Яковлевич, д. и. н., профессор, заведующий кафедрой истории и культурологии Санкт-Петербургского государственного морского технического университета; профессор магистерской программы «Исследования Тихоокеанского региона» факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета.

E-mail: amassov@gmail.com

Мещерская Елена Никитична, д. и. н., профессор кафедры библеистики, Санкт-Петербургский государственный университет.

E-mail: syriac@inbox.ru

Орав Владимир Алексеевич, аспирант, Институт истории Санкт-Петербургского государственного университета.

E-mail: v.orav@yandex.ru

Пеганов Александр Олегович, аспирант Белорусского государственного университета и Университета Тулузы.

E-mail: piahanau@gmail.com

Пермякова Алена Николаевна, аспирантка Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук.

E-mail: apermiakova@eu.spb.ru

Седов Павел Владимирович, д. и. н., заведующий отделом древней истории России Санкт-Петербургского института истории РАН.

E-mail: sedovpv@rambler.ru

Селин Адриан Александрович, д. и. н., профессор Департамента истории НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург; директор Центра исторических исследований НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург.

E-mail: aselin@hse.ru

Стрельников Сергей Витальевич, к. и. н., доцент Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

E-mail: sstrelnikov@mail.ru

Таммела Мари-Леен, магистр истории, аспирант, Тартуский университет.

E-mail: marileen.tammela@gmail.com

Федотов Петр Викторович, заведующий отделом «Фотонегамультимедиа» Государственного музея истории религии.

E-mail: fedotovpetr@mail.ru

Швейковская Елена Николаевна, д. и. н., старший научный сотрудник Института славяноведения РАН, председатель Научного совета по проблемам аграрной истории Восточной Европы при Отделении историко-филологических наук РАН.

E-mail: inslav@inslav.ru

Contacts of authors

Abelenzeva Olga Alekseevna, Ph. D., senior researcher, St Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences.

E-mail: oaabelen@mail.ru

Andreeva Tatiana Vasilievna, Dr. of Sciences (History), major scientist, St Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences.

E-mail: ta-a.andreeva2014@mail.ru

Barinov Igor Igorevich, Ph. D., Senior research fellow, Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Science.

E-mail: barinovnoble@gmail.com

Bazanov Petr Nicolaevic, Dr. of Sciences (History), St Petersburg State Institute of Culture, Professor, Doctor of Historical Sciences.

E-mail: bazanovpn@mail.ru

Bogomolov Alexey Ivanovitch, Ph. D., researcher, St Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences.

E-mail: tegularius.80@mail.ru

Bolenko Konstantin Grigorievich, Ph. D., researcher, Head of Department of rare books, manuscripts and foto collection of State Museum-Estate «Arkhangelskoye» (Moscow region).

E-mail: kbolenko2005@yandex.ru

Dmitrieva Zoya Vasil'evna, Dr. of Sciences (History), leading scientist, Division of Medieval Russian history of the St Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences.

E-mail: zvdmitr@rambler.ru

Fedotov Petr Viktorovich, Head of the department «Fotonegamultimedia», State Museum of the History of Religion.

E-mail: fedotovpetr@mail.ru

Gierowska-Kallauro Joanna, Ph. D., Institute of History, Polish Academy of Sciences, Warsaw.

E-mail: j.gierowska-kallaur@uw.edu.pl

Ismozik Vladlen Semjonovich, Dr. of Sciences (History), Professor of the Department of history and area studies, St. Petersburg State University of telecommunications named after Professor M. A. Bonch-Bruevich.

E-mail: izmozik@mail.ru

Ilyin Pavel Vladimirovich, Ph. D, researcher of the St Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences.

E-mail: pavil@pi9402.spb.edu

Kononov Pavel Vladimirovich, postgraduate student, Division of Medieval Russian History of the St Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences, college teacher GUMRF named after S.O. Makarov.

E-mail: pavkon1979@bk.ru

Malashevskaya Maria Nikolaevna, assistant lecturer, St Petersburg State University, Faculty of Asian and African Studies, Department of Theory of Social Development of Asian and African Countries.

E-mail: m.malashevskaya@spbu.ru, malashevskaya@gmail.com

Massov Alexander Jakovlevitch, Dr. of Historical Sciences, Professor of History, Head, Department of History and Cultural Studies, St Petersburg State Marine Technical University; Professor of the Master's program «Pacific Studies» at the School of International Relations, St Petersburg State University.

E-mail: amassov@gmail.com

Mescherskaya Elena Nikitichna, Dr. of Sciences (History), Professor, St Petersburg State University.

E-mail: syriac@inbox.ru

Permiakova Alena Nicolaevna, postgraduate student of the St Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences.

E-mail: apermiakova@eu.spb.ru

Piahanau Aliaksandr, MA, postgraduate student of the Belarusian state University and the University of Toulouse.

E-mail: piahanau@gmail.com

Orav Vladimir Alekseevich, postgraduate student, St Petersburg State University.

E-mail: v.orav@yandex.ru

Sedov Pavel Vladimirovich, Head of Medieval Russian history Division of the St Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences.

E-mail: sedovpv@rambler.ru

Selin Adrian Aleksandrovich, Dr of History, Department of History, professor; Center for Historical Research, director, National Research University – Higher School of Economics.

E-mail: aselin@hse.ru

Shvejkovskaja Elena Nikolaevna, Dr. of Sciences, senior researcher, Institute of Slavic studies of the Russian academy of Sciences, Chairman of Scientific Council on problems of agrarian history of Eastern Europe at the Department of historical-philological Sciences of the Russian Academy of Sciences.

E-mail: inslav@inслав.ru

Strelnikov Sergey Vitalievich, Ph. D., Associate Professor, St Petersburg State University of Economics.

E-mail: sstrelnikov@mail.ru

Tammela Mari-Leen, MA in history, PhD student at the University of Tartu.

E-mail: marileen.tammela@gmail.com

Zhukovskaya Tatiana Nikolaevna, Ph.D., associate professor, Institute of History of St Petersburg State University.

E-mail: tzhukovskaya@yandex.ru

Требования к публикации статей и материалов

• Принимаются к рассмотрению оригинальные, ранее не публиковавшиеся тексты на русском и английском языках, объемом не более 1 а. л. (для аспирантов — не более 0,5 а. л.). Объем публикуемых документов и рецензий не должен превышать 0,5 а. л. Тексты представляются в электронном и распечатанном виде (шрифт текста Times New Roman, 14 кеглем, сноски — 10 кеглем).

• Обязательным является указание фамилии, имени и отчества (на русском и английском языках), места работы или учебы в аспирантуре/докторантуре, учебного звания и степени, адреса электронной почты и номера контактного телефона.

• Текст должен быть снабжен аннотацией на русском и английском языках (не менее 200–300 слов), перечнем ключевых слов (10–15), указанием индекса УДК (универсальной десятичной классификации), который приводится над фамилией автора слева.

• Сноски к тексту — постраничные, нумерация сквозная по всему тексту. Текст не должен быть форматирован, нельзя использовать автоматические переносы слов. В конце текста должен быть представлен транслитерированный (в латинице) список использованной литературы.

• Иллюстрации принимаются только черно-белые, в форматах tif и jpg, с разрешением не менее 300 dpi.

• Ответственность за точность цитат, приводимых фактов, имен собственных, географических названий лежит на авторах материалов, так же как и за то, что в них отсутствует упоминание сведений, не подлежащих открытой публикации.

• Статьи, поступившие в редакцию, регистрируются. Решение о публикации / отказе в публикации / направлении рукописи на доработку принимается ответственным редактором и сообщается автору в срок до 60 дней.

• Все поступившие в редакцию материалы подлежат предварительной оценке редакционной коллегией или ответственным редактором на предмет соответствия установленным формальным требованиям, а также на предмет отсутствия в рукописи неправомерного заимствования текста, иллюстраций, таблиц и пр.

• Все материалы, не отклоненные в результате предварительной проверки, подлежат обязательному независимому научному рецензированию без указания фамилии автора. Научное рецензирование может осуществляться любыми специалистами, в том числе и членами редакционной коллегии.

• До публикации материалов рецензенты и члены редакционной коллегии не вправе использовать рецензируемые материалы или ссылаться на них.

• Авторы должны подписать с редакцией журнала лицензионный договор на право использования научного произведения в «Петербургском историческом журнале».